ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Т. I—БЫЛИНЫ

РУССКАЯ УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ТОМЪ I

БЫЛИНЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

СЪ ВВОДНЫМИ СТАТЬЯМИ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

М. СПЕРАНСКАГО

МОСКВА

ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1916

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1916.

ОБЩІЙ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Кругъ литературно-художественныхъ произведеній, который помѣщается на нижеслѣдующихъ страницахъ, обычно принято называть „устно-народной литературой“, „устной словесностью“, „народной литературой“, „народной словесностью“, даже просто „словесностью“. Во всѣхъ этихъ названіяхъ отразились наши историко-литературные взгляды 30-хъ и слѣдующихъ годовъ прошедшаго столѣтія, результаты тѣхъ изслѣдованій и обобщеній, которыя отмѣтили собой одну изъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи нашего самосознанія, нашей культуры: страница эта— развитіе особыхъ интересовъ къ изученію идеи народности и выраженію ея въ литературѣ и въ жизни. Однимъ изъ результатовъ этого идейнаго движенія и явилось представленіе о литературѣ устно-народной, словесности народной и т. п., какъ объ отдѣльной области народнаго (въ широкомъ смыслѣ слова), національнаго творчества. Называя эту область творчества народной, первые ея изслѣдователи въ 30-хъ—40-хъ гг. этимъ подчеркивали ея значеніе и ея характеръ, какъ наиболѣе полнаго и чистаго выраженія русской народности въ смыслѣ совокупности индивидуальныхъ свойствъ, типичныхъ для духовнаго облика русскаго человѣка, русскаго народа во всемъ его объемѣ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ и даже въ давно прошедшемъ. Если бы изслѣдователи народности остановились на такомъ общемъ взглядѣ на интересовавшую ихъ область человѣческаго творчества, то современное имъ о ней представленіе въ разъясненіи

не нуждалось бы: взглядъ этотъ можетъ въ значительной своей долѣ счесться правильнымъ и при современномъ намъ состояніи науки. Но на дѣлѣ мы видимъ иное: этотъ взглядъ тѣсно связанъ съ цѣлымъ рядомъ предпосылокъ, которыя въ свою очередь вытекали изъ характерныхъ особенностей міросозерцанія 30—40-хъ гг. Взгляды эти не исчезли и въ послѣдующее время не только въ наукѣ, но и въ общественномъ обиходѣ; а между тѣмъ они нуждаются не только въ разъясненіи, но и въ исправленіи. Поэтому, если мы желаемъ правильно отнестись къ этой области творчества, мы по необходимости должны обратиться къ этимъ предпосылкамъ и частнымъ выводамъ, чтобы правильно оцѣнить и общій, какъ его понимали люди и 30—40-хъ гг. Такъ, мы должны прежде всего уяснить себѣ, что̀ должно входить въ самое понятіе объ устно-народномъ творчествѣ: изслѣдователи-народники (въ значительной степени воспитанные на романтикѣ, примыкавшіе у насъ чаще къ такъ наз. славянофильскому теченію), исходя изъ апріорныхъ и общихъ теоретическихъ ученій о народности (въ большинствѣ случаевъ заимствованныхъ съ запада), пошли въ своихъ взглядахъ на устно-народную словесность гораздо дальше, нежели допускало и состояніе извѣстнаго въ то время русскаго матеріала и историческая критика, именно: съ одной стороны, видя совершенно отчетливо (какъ и всѣ) различіе въ культурѣ высшихъ, образованныхъ классовъ (интеллигенціи) общества и низшихъ (простонародья: „народа“), они различіе это объяснили силой вліянія западно-европейской культуры на высшіе классы и слабостью или даже отсутствіемъ этого вліянія въ классахъ низшихъ; съ другой стороны, европейской культурѣ (въ значительной степени для насъ французской, памятной еще изъ XVIII в.) они приписывали космополитическій, противоположный индивидуальному отдѣльной народности характеръ, а въ ея усвоеніи (особенно интенсивномъ у насъ съ начала XVIII в. и продолжающемся до ихъ времени) видѣли со стороны интеллигенціи пренебреженіе и даже (памятуя отношеніе къ „своему“ въ XVIII в. у русскихъ) отказъ отъ своей народности и основ-

ныхъ ея свойствъ во имя западной, космополитической культуры; иначе сказать: исходя изъ яснаго отличія европейской культуры интеллигентныхъ классовъ отъ малокультурности низшихъ, изслѣдователи-народники дошли до противоположенія европейской культуры и русской, той, которую они находили у „народа“, простонародья, въ его словесности и бытѣ; поэтому-то въ этихъ послѣднихъ они искали и, казалось, находили главный источникъ для уясненія идеи народности, въ частности русской, при чемъ, естественно, симпатіи ихъ должны были быть на сторонѣ этой „народной“ культуры; если культура передовыхъ слоевъ общества была въ ихъ глазахъ чужой, лишь взятой—и то сравнительно недавно—съ запада, не народной, не оригинальной, то та, которая противоположна ей, будетъ, заключали они, и народна, и самобытна и древня, какъ учили о томъ и теоріи народности. Это противоположеніе, признаніе идейнаго преимущества культуры классовъ, якобы менѣе подвергшихся (или даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вовсе избѣгшихъ) вліянію чужой и чуждой (собственно западной) культуры, построенное такимъ апріористическимъ путемъ, и послужило отправной точкой для дальнѣйшей разработки идеи народности въ русской жизни и дальнѣйшаго освѣщенія „народной“ словесности, какъ главнаго источника для ознакомленія съ этой идеей. Опираясь, т.-о., на романтическія научно-поэтическія построенія западныхъ же (главн. обр. нѣмецкихъ) изслѣдователей народности и присоединяя сюда и начавшійся интересъ къ исторіи своего прошлаго, разсматриваемаго подъ угломъ зрѣнія на самобытность, какъ основу идеи народности, наши „народники“ и въ литературѣ искали выраженія, подтвержденія своихъ теоретическихъ построеній, не замѣчая неправильности, допущенной при первомъ же шагѣ, и все болѣе и болѣе уклоняясь отъ правильнаго, объективнаго отношенія къ самой идеѣ народности: увлекаемые искреннимъ чувствомъ любви къ своей народности, они старались защитить ее отъ скептическихъ взглядовъ „западниковъ“ и „космополитовъ“.

По мѣрѣ ознакомленія со старинной русской письменной ли-

тературой, которое шло одновременно съ собираніемъ матеріаловъ по „народной“ словесности (путемъ записей пѣсенъ, сказокъ, дѣлавшихся цѣлой группой любителей, главнымъ образомъ съ П. В. Кирѣевскимъ во главѣ, начиная съ 30-хъ гг.), привлекалась и эта старинная литература въ качествѣ элемента сравненія при изслѣдованіи народности въ русской литературѣ въ ея прошломъ и настоящемъ: это параллельное изученіе, открывшее прежде всего несамостоятельный характеръ нашей письменности, восходящей въ своемъ содержаніи, правда, не къ западно-европейскому, столь несимпатичному для народниковъ-славянофиловъ источнику, а къ византійско-восточному, способствовало дальнѣйшему еще болѣе категоричному утвержденію за „народной“ словесностью чуть не исключительныхъ правъ на роль истинной выразительницы чистой самобытной народности не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ и весьма отдаленномъ: такъ мало, казалось, имѣетъ общаго „народная“ словесность, ея полныя поэзіи сказки, пѣсни, волшебное, фантастическое содержаніе, лирическое настроеніе съ строгой исключительно христіанско-церковной литературой X-го и слѣдующихъ вѣковъ, цѣликомъ или заимствованной изъ Византіи или ей подражавшей (такъ думали тогда о нашей древней письменности, еще недостаточно извѣстной и еще менѣе освѣщенной научно); а приложеніе къ даннымъ устно-народной словесности сравнительнаго метода языкознанія съ его необычайными открытіями въ области древнѣйшей, доисторической исторіи языка и языковъ, вело къ представленію о народной словесности, какъ памятникѣ, до нашихъ дней сохранившемъ въ свѣжести отзвуки доисторическихъ воззрѣній чистой народности, еще не подвергшейся какому-либо воздѣйствію со стороны, а потому самобытной и глубоко древней по происхожденію. Это сопоставленіе устно-народной словесности со старинной письменностью невольно для сторонниковъ и поборниковъ народности было не въ пользу письменной, хотя и старой, христіанской, русской же литературы: въ ней не находили выраженія нашей народности (которая должна быть самобытна,

не могла жить заимствованіями); она была слишкомъ молода сравнительно съ устно-народной, уходящей своими корнями въ сѣдую индо-европейскую старину. Отсюда новая антитеза: устная словесность, самобытная, народная—и книжная, письменная, не самобытная, заимствованная и не народная. Такимъ путемъ получился терминъ: „народная“ (или устно-народная) словесность; иначе: это—та русская словесность, которая самобытна, древня, древнѣе письменной, которая сохранилась въ устахъ народа, т.-е. въ той части русскаго народа, которую мы зовемъ „простонародьемъ“, отличая эту часть русскаго общества отъ другой—интеллигентной, образованной на европейскій ладъ или унаслѣдовавшей греко-византійскую культуру въ прошломъ и теперь смѣнившей ее на обще-западно-европейскую. Такое представленіе объ устно-народной словесности, такая оцѣнка ея значенія для исторіи нашей народности возможна была только до тѣхъ поръ, пока научное ея изученіе не было свободно отъ увлеченія, отъ чуждой наукѣ предвзятости, стремленія доказать самобытность содержанія этой литературы; такое представленіе нужно было для самосознанія и самоудовлетворенія искренняго, но все же настроеннаго не объективно, любителя своей народности. Но уже между самими горячими изслѣдователями народности, при ихъ крайнемъ усердіи и желаніи видѣть вездѣ, во всемъ, что̀ связано съ „народомъ“, съ его бытомъ и литературой, глубокую древность, самобытность, мы встрѣчаемъ также людей, подготовлявшихъ для науки болѣе ей соотвѣтствующій путь объективнаго изслѣдованія народно-устной литературы, отнюдь при томъ не исключающій любви къ народности, не требующій отказа отъ признанія ея научной и художественной цѣнности. Тотъ же Ѳ. И. Буслаевъ, которому такъ много обязаны поклонники идеи народности, въ 50-хъ гг. взялъ подъ свое покровительство нашу старинную письменность, указавъ, что и въ ней слѣдуетъ искать выраженія народности, несмотря на ея „несамобытный“ характеръ, что „устная“ и „письменная“ словесность находились и находятся въ общеніи между собою, какъ части одной общей русской словесности, взятой во всемъ ея объемѣ, хотя въ

различныхъ своихъ частяхъ дающей различный матеріалъ для сужденія о русской народности. Онъ же указалъ на необходимость изъ уваженія къ самой народности объективнаго изученія матеріала, представляемаго литературой, какъ устной, такъ и письменной; это изученіе должно покоиться на выводахъ изъ данныхъ, вытекающихъ изъ самого матеріала, а не можетъ ставить себѣ цѣлью анализъ матеріала для подтвержденія апріорнаго положенія.

Выдвинувшаяся какъ разъ въ это же время, въ 50-хъ гг. прошлаго столѣтія, историко-сравнительная школа, исходящая изъ идеи историческаго взаимообщенія народностей и культуръ, въ частности съ теоріей заимствованія сюжетовъ, теоріей странствующихъ повѣстей, будучи перенесена съ запада и на русскую почву, въ значительной степени способствовала уясненію того, что̀ представляетъ собой доступная теперь нашему изученію такъ наз. народная словесность: она въ томъ видѣ, какъ мы ее застали въ устахъ народныхъ (лучше сказать: простонародныхъ) массъ, есть результатъ длительнаго историческаго развитія элементовъ разнообразныхъ по характеру, по своему прошлому, по своему происхожденію; она отразила на себѣ въ видѣ переживаній цѣлый рядъ эпохъ и различныхъ историческихъ условій, пережитыхъ данной народностью. Поэтому говорить о большей или меньшей древности устной словесности в о о б щ е, въ ея цѣломъ, сравнительно съ письменной, теперь уже нельзя: приходится изучать и устанавливать историческія вѣхи каждаго произведенія устной словесности или группы ихъ, какъ это мы дѣлаемъ и въ области письменной литературы; въ отношеніи своего развитія и устная словесность въ значительной степени подчинена тѣмъ же общимъ законамъ литературнаго творчества, что̀ и всѣ другія отрасли литературы, хотя она и имѣетъ своеобразныя, ей по преимуществу присущія отличія, которыя объусловливаются особенностями ея жизни въ прошломъ. Только въ силу этого послѣдняго обстоятельства мы и имѣемъ право говорить объ устной словесности, какъ объ отдѣльной, своеобразной области творчества.

Самой крупной характерной чертой, отличающей устную сло-

весность отъ остальной, надо счесть именно то, что она устная; это значитъ, что главнымъ средствомъ выраженія, сохраненія и развитія ея является живое слово, живая рѣчь, въ отличіе отъ письма, служащаго для тѣхъ же цѣлей остальной литературѣ; устное произведеніе сказывается, поется, письменное — пишется, читается; поэтому средствомъ сохраненія устнаго произведенія является главнымъ образомъ память, а не внѣшній способъ— письмо, какъ для остальной литературы. Изъ этихъ особенностей устной литературы въ значительной степени получаютъ свое объясненіе и ея содержаніе, ограниченное предѣлами памяти, и ея форма, наиболѣе приспособленная къ храненію произведенія памятью, именно, премущественно ритмическая, иногда музыкально-ритмическая, стихотворная, и ея поэтика въ общемъ, въ частности тѣ средства, которыми достигается, при поэтичности содержанія, художественность и формы. Изъ этого же условія — „устности“ поэзіи—вытекаютъ и другія особенности подобныхъ произведеній: ихъ большая, сравнительно съ письменной литературой, измѣнчивость въ отношеніи къ самому тексту (выработка варіантовъ), профессіонализмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ носителей этой поэзіи, тѣсная связь съ бытомъ въ другихъ, наконецъ, самое существованіе этой поэзіи въ однихъ или исчезновеніе ея въ другихъ мѣстностяхъ. Наконецъ, въ связи съ этой „устностью“, какъ не только формальной чертой этой литературы, но и чертой историческо-культурной, стоитъ и „народность“ въ этой устной поэзіи.

II.

Болѣе внимательное ознакомленіе съ формальными особенностями и содержаніемъ устной поэзіи, именно, въ связи съ ея характерной чертой — „устностью“ — въ значительной степени должно приблизить насъ къ наиболѣе правильному освѣщенію и самой исторіи устной словесности, насколько она до сихъ поръ служила предметомъ изученія историковъ литературы. При этомъ далеко не безполезнымъ для такой цѣли представляется ознако-

мленіе, хотя бы въ главнѣйшихъ моментахъ, съ исторіей самого изученія устной русской словесности: результаты, добытые въ различное время прежде, служили отправной точкой для послѣдующаго времени, или подвергаясь углубленію и расширенію, или становясь предметомъ спора и отрицанія, и т. о. открывая новыя точки зрѣнія, новыя перспективы. Быстрая смѣна направленій въ изученіи памятниковъ устной словесности тѣмъ болѣе интересна, что она, касаясь косвенно одного изъ крупнѣйшихъ вопросовъ нашей культурной жизни и общественной мысли XIX в.— народности—, не только укажетъ мѣсто изученій устной литературы въ ряду другихъ областей современнаго умственнаго движенія русскаго общества, но до извѣстной степени отмѣтитъ собой и смѣну самихъ этихъ теченій мысли въ самомъ русскомъ обществѣ, не говоря уже о томъ, что эта исторія изученія устной словесности чрезвычайно характерна и для самой исторіи русской литературы вообще.

Серьезный интересъ къ устной „народной“ словесности, къ ея изученію можно считать прочно намѣтившимся только съ конца 20-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Былъ къ ней интересъ, правда, и до этого времени—со второй половины XVIII ст.; но интересъ этотъ далекъ былъ отъ научнаго: послѣ пренебрежительнаго къ себѣ отношенія, какъ къ ничтожной по содержанію, не художественной по формѣ и „подлой“ (въ смыслѣ простонародной) по происхожденію, не оправдывающей своего права на существованіе правилами аристократической французско-классической словесности, во второй половинѣ XVIII в. устная поэзія наравнѣ со старинной письменной XVII в. начинаетъ пользоваться уже снисходительнымъ вниманіемъ, но лишь въ качествѣ матеріала, болѣе близкаго обыденному читателю даже изъ интеллигентныхъ, матеріала, годнаго для освѣженія наскучившаго, черезчуръ уже чуждаго содержанія переводной и подражательной псевдоклассической литературы; но этотъ матеріалъ устной словесности такъ и остается только матеріаломъ, не получая самостоятельной цѣнности и значенія въ глазахъ литературнаго человѣка XVIII в.:

И. Ѳ. Богдановичъ, перерабатывая Лафонтеновскую обработку Апулеевой повѣсти въ свою извѣстную „Душеньку“ и оставляя въ неприкосновенности содержаніе оригинала, сажаетъ на Олимпъ греческихъ миѳическихъ боговъ и Бабу-Ягу и Змѣя Горыныча изъ устной сказки, совершенно не видя въ этомъ неловкости: и то и другое — для него миѳологія, миѳологія вообще, а не той или иной народности; онъ же, собирая русскія народныя пословицы, понимаетъ ихъ, какъ изреченія, сентенціи, которыя въ качествѣ мудрыхъ мыслей, изложенныхъ въ стихотворномъ дистихѣ или тристихѣ (напр., Солона), давала ему та же французская классическая литература: и онъ, удаливъ изъ нихъ „грубость“ въ содержаніи и неискусство въ формѣ, даетъ ихъ въ стихахъ съ риѳмой. Въ 70-хъ гг. того же столѣтія Чулковъ, уже нѣсколько болѣе проникшійся интересомъ къ русскому, какъ къ таковому, отчасти движеніемъ къ старинѣ, прошлому, печатаетъ подлинныя народныя пѣсни, но въ то же время создаетъ свои сборники сказокъ, въ родѣ „Пересмѣшника, или сказокъ словенскихъ“: подражая въ общемъ западно-европейскому любовно-рыцарскому роману приключеній, романамъ Аріоста, французскимъ галантнымъ передѣлывателямъ въ „хорошемъ тонѣ“ сказокъ (въ родѣ Перро, m-me Aulnoy и др.), „волшебнымъ“ сказкамъ и т. д., черпаетъ для своихъ разсказовъ довольно обильно матеріалъ изъ устной сказки или былины, немилосердно передѣлывая ихъ примѣнительно къ тому же содержанію волшебной и рыцарской повѣсти. Но здѣсь уже видны зачатки того воззрѣнія на устную словесность, какъ не только простонародную, но и народную въ томъ смыслѣ, какъ это понимали въ XIX в. русскіе романтики-народники. Такое же пониманіе уже яснѣе сквозитъ въ изданіяхъ Н. И. Новикова, именно: въ его „Пѣсенникѣ“ (въ общемъ, однако, представляющемъ передѣлку, отчасти перепечатку „Пѣсенника“ Чулкова), еще болѣе въ его „Россійской вивліоѳикѣ“. Это показало, что въ 80-хъ гг. XVIII ст. интересъ къ своей народности въ передовомъ обществѣ—уже налицо. Дѣло проясненія вкусовъ въ этомъ направленіи довершили патріотическія движенія,

достигнія своего высшаго напряженія въ эпоху Отечественной войны, а затѣмъ романтизмъ, принесшій намъ и новый интересъ къ народности и самое ученіе о народности. Въ 1806 году выходитъ въ печати первый сборникъ подлинныхъ пѣсенъ Кирши Данилова (рукописная запись былинъ, вѣроятно, западно-сибирскихъ, сдѣланная въ концѣ 60-хъ гг. XVIII в.): это была, правда, лишь выборка того, что̀ могло быть интересно среднему читателю, при томъ то, что̀ не шло въ разрѣзъ съ его вкусами, воспитанными на французско-классической условной эстетикѣ. А въ 1818 году появляется изданіе пѣсенъ того же Кирши, сдѣланное по указанію гр. Н. П. Румянцова К. Ѳ. Калайдовичемъ; это было первое изданіе, устанавливающее новую, на этотъ разъ уже научную, историческую точку зрѣнія на произведенія устной словесности. Приблизительно въ то же время начинаются и первыя попытки собиранія и записыванія произведеній народно-устной словесности съ научной цѣлью: таково было небольшое изданіе (1819 г.) малорусскихъ пѣсенъ, сдѣланное кн. Н. А. Цертелевымъ, за которымъ слѣдуютъ другія, касающіяся также преимущественно малорусской устной словесности (каково, напр., М. А. Максимовича, 1827 г.). Энергичное собираніе народно-устнаго матеріала великорусскаго начинается немного позднѣе—въ началѣ 30-хъ годовъ: это—преимущественно народная пѣсня, собираемая очень усердно П. В. Кирѣевскимъ и его кружкомъ (Даль, Шевыревъ, Погодинъ, Снегиревъ, П. Якушкинъ, кн. Костровъ, Кузьминцевъ, братья Языковы, Пушкинъ и др.). Но опубликованіе собираемаго матеріала идетъ съ чрезвычайными затрудненіями: суровый Николаевскій режимъ съ его „офиціальной" народностью и многоэтажными цензурами видитъ для себя опасность въ подлинной народности и выраженіи ея въ устной словесности. Тѣмъ не менѣе въ 30-хъ гг. начинается и научная разработка памятниковъ устной словесности: начало было положено перенесеніемъ къ намъ новыхъ научныхъ методовъ изученія словесности, выработанныхъ главнымъ образомъ романтической школой ученыхъ въ Германіи съ бр. Гриммами во главѣ; у насъ главнымъ пред-

ставителемъ этого направленія изученія народности въ ея отраженіи въ устной словесности былъ Ѳ. И. Буслаевъ, горячій поклонникъ идеи народности и въ то же время крупный представитель сравнительнаго изученія быта и поэзіи. Онъ и въ особенности его младшіе современники старались привить у насъ такъ называемое „миѳологическое“ толкованіе памятниковъ устной словесности, находя въ нихъ выраженіе древнихъ общеиндоевропейскихъ религіозныхъ вѣрованій людей первобытной культуры, возводя т. о. первоначальныя основы нашей народной поэзіи къ доисторической древности, а въ дошедшей до насъ устнымъ путемъ поэзіи отыскивая лишь затемненную, но путемъ сравнительнаго анализа безъ большого труда вскрываемую „миѳологію природы“, видя въ герояхъ современной народной сказки и былины образы древнихъ боговъ — силы природы, а въ разсказахъ о нихъ — миѳы, изображающіе отношеніе этихъ силъ природы между собой и къ человѣку. Получалась красивая, поэтичная картина жизни первобытнаго человѣка, стройная, какъ будто полная, самобытная и исторически якобы правдивая. Эта картина казалась вполнѣ соотвѣтствующей уровню той массы, которая сберегла для насъ это наслѣдіе самобытности и народности, такъ бережно, такъ устойчиво защищая его (правда, безсознательно), отъ иноземныхъ чуждыхъ вліяній и искаженій. Ясно, что созданіе такого представленія о народной словесности поддерживалось той идеализаціей современнаго и прошлаго быта темной безправной массы низшихъ и среднихъ классовъ русскаго общества, которой увлекались тогдашніе „народолюбцы“; это въ свою очередь поддерживало то приподнятое настроеніе, которое ярко сказывается даже въ стилѣ писаній у изслѣдователей-народниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ романтиковъ-идеалистовъ. Съ другой стороны, эта миѳологическая школа уже a priori должна была допустить цѣлый рядъ также апріорныхъ положеній: необычайную устойчивость древнѣйшей традиціи и сравнительно слабое воспріятіе позднѣйшей традиціи въ духовной организаціи народной массы, исключительную устойчивость быта и соединенныхъ съ нимъ воззрѣній, безсозна-

тельное сохраненіе самобытности и такое же безсознательное противодѣйствіе стороннимъ вліяніямъ, исключительную простоту первобытнаго строя жизни и т. д., словомъ: цѣлый рядъ условностей, вытекавшихъ изъ принятаго на вѣру положенія, преобладаніе дедукціи надъ индукціей. Это-то и сгубило эту теорію: она, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе оправдывалась въ своихъ построеніяхъ вновь открываемымъ и вводимымъ въ изученіе матеріаломъ, требующимъ (и дѣйствительно подвергавшимся) историко-культурнаго анализа, не укладывавшимся въ рамки, выработанныя миѳологами, несмотря на широту (болѣе идейную, нежели фактическую) этихъ рамокъ.

Такъ было въ западной наукѣ, давшей намъ миѳологическую школу, такъ вышло и у насъ.

Результатомъ дѣятельности романтиковъ-народниковъ былъ во всякомъ случаѣ значительно повысившійся интересъ къ изученію „народной“ жизни, „народнаго“ міросозерцанія, „народной“ поэзіи въ особенности. Не создавъ прочныхъ, долговѣчныхъ взглядовъ на эту поэзію въ историческомъ отношеніи, дѣятели этой эпохи, движимые прежде всего искренней любовью къ этой поэзіи, оставили слѣдующему поколѣнію ученыхъ крупное наслѣдіе въ видѣ огромнаго запаса матеріала, собиравшагося ими, лично и черезъ другихъ, непосредственно изъ устъ носителей и хранителей этой поэзіи. Помимо трудовъ упомянутыхъ собирателей 20-хъ и 30-хъ гг., мы, благодаря изслѣдователямъ-романтикамъ, владѣемъ цѣлымъ рядомъ собраній, изданныхъ въ значительной степени къ концу 60-хъ гг. прошлаго вѣка и, чѣмъ позднѣе, все выше и выше поднимающихся въ смыслѣ научной цѣнности матеріала; таковы: „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ“, изданныя Обществомъ Любителей Россійской Словесности подъ ред. П. Безсонова, „Калѣки перехожіе“, собранные тѣмъ же Кирѣевскимъ и изданные тѣмъ же Обществомъ, „Русскія сказки“ А. Н. Аѳанасьева, собраніе былинъ П. Н. Рыбникова, огромное подобное же собраніе А. Ѳ. Гильфердинга, мастерски выполненное, и мн. др. Усовершенствовались въ трудахъ старой школы и методы изученія

такого своеобразнаго матеріала, какъ устно-поэтическій: труды одного изъ послѣднихъ изслѣдователей этой школы—О. Ѳ. Миллера—даютъ уже образцовый методъ пользованія т. н. варіантами записей устныхъ произведеній.

На западѣ на смѣну сравнительно-миѳологической школы нарождалась школа историческая, сперва въ видѣ теоріи широкаго вліянія древняго востока (Бенфей, Либрехтъ — на западѣ, Стасовъ—у насъ), затѣмъ—теоріи историческаго общенія литературъ. Она тотчасъ нашла сторонниковъ и у насъ: тотъ же Ѳ. И. Буслаевъ былъ однимъ изъ первыхъ ея представителей въ Россіи, а его ученикъ А. Н. Веселовскій сталъ наиболѣе выдающимся и въ европейской наукѣ представителемъ историко-сравнительнаго метода, вводилъ матеріалъ русской устной словесности въ обиходъ исторіи міровой литературы. А. Н. Веселовскому мы и обязаны главнымъ образомъ установленіемъ правильнаго взгляда на исторію русской устной словесности: его изслѣдованія указали на всю сложность композиціи устнаго произведенія, дошедшаго до насъ въ передачѣ современнаго его носителя, въ значительной степени намѣтили разнообразіе источниковъ этой словесности, начиная съ древняго устнаго же преданія, не поддающагося опредѣленію по времени своего возникновенія, памятниковъ книжной словесности, оказывавшей могучее вліяніе на устное произведеніе, разъ были налицо подходящія условія, и кончая устными вліяніями другихъ устныхъ же словесностей, съ которыми русская въ историческое время приходила въ соприкосновеніе; имъ же намѣчены случаи взаимовліянія между отдѣльными произведеніями самой устной русской словесности. Его современниками (А. Н. Пыпинымъ, Н. С. Тихонравовымъ и др.) и учениками (Батюшковымъ, Аничковымъ, Ждановымъ и мн. другими) въ томъ же направленіи историческаго взаимовліянія, обмѣна отдѣльными элементами словесностей между собою разрабатываются отдѣльные вопросы исторіи словесности, исторіи отдѣльныхъ памятниковъ устной словесности; такимъ образомъ рѣшеніе вопросовъ о происхожденіи и особенностяхъ словесности въ духѣ старой школы миѳологовъ становится все менѣе и

менѣе возможнымъ. Тотъ же А. Н. Веселовскій, установившій и по отношенію къ устной словесности взглядъ на нее, какъ на матеріалъ для уясненія законовъ психологіи творчества вообще, сдѣлалъ уже попытку (впрочемъ, не законченную за отсутствіемъ достаточно подготовленнаго матеріала) созданія поэтики современнаго устнаго творчества, при чемъ онъ, вмѣстѣ съ западно-европейскими изслѣдователями психологіи устнаго творчества, указалъ на важность историческаго изученія формальныхъ особенностей устно-народныхъ поэтическихъ произведеній и положилъ начало такому изученію (напр., въ своихъ работахъ объ эпитетахъ). На этой основѣ широкаго историко-сравнительнаго изслѣдованія матеріала развивается современное изученіе устнаго творчества и его выраженія—устно-народнаго произведенія.

Но изслѣдованіями А. Н. Веселовскаго и его школы не исчерпываются всѣ вопросы, касающіеся исторіи устно-словеснаго произведенія: труды его и его учениковъ и послѣдователей, стремясь въ конечной своей цѣли выяснять общіе законы творчества въ области устной словесности, вводили ее въ общій круговоротъ міровой поэзіи, отмѣчали главнымъ образомъ исторію взаимообщенія продуктовъ литературнаго творчества, оставляя т. о. вопросы объ устной поэзіи, какъ выраженіи историческихъ условій данной народности, до нѣкоторой степени на второмъ планѣ: эти послѣдніе затрогивались ими лишь въ интересахъ вопросовъ общихъ. Между тѣмъ историческія переживанія данной народности часто являются исходнымъ пунктомъ для появленія того или иного устнаго (и не только устнаго) произведенія, и всегда находятъ себѣ въ немъ отраженіе, вліяютъ на существовавшее уже ранѣе или возникшее въ другой исторической обстановкѣ произведеніе. Эта-то сторона жизни памятника устной словесности, какъ таковаго, не лишая значенія и цѣнности и точку зрѣнія А. Н. Веселовскаго на жизнь памятника въ его мотивахъ и сюжетахъ, является всеже существенной для пониманія его исторіи, его жизни, вмѣстѣ съ общими законами психологіи творчества устно-народнаго, воскрешая м. б. даже болѣе реально жизнь дан-

наго произведенія, даннаго памятника, какъ факта въ жизни опредѣленной народности.

Поэтому-то, рядомъ съ широкими историко-сравнительными проблемами въ области изученія устной словесности, въ частности русской, замѣчается въ наукѣ также стремленіе къ выясненію судьбы устно-народнаго произведенія данной народности именно въ связи съ культурной исторіей этой народности, ея бытомъ, ея историческими переживаніями. Эта точка зрѣнія, слѣдуетъ повторить, не исключаетъ собою взгляда на словесность, какъ матеріалъ для установленія законовъ психологіи творчества, для исторіи культурнаго взаимообщенія въ міровой литературѣ: она лишь стремится сконцентрировать интересъ изслѣдователя на одной, дѣйствительно важной, сторонѣ жизни устно-народной поэзіи, указывая въ памятникѣ главнымъ образомъ на то, что̀ можетъ получить свое объясненіе именно въ связи съ историческими переживаніями данной народности.

Это направленіе, тщательно изслѣдуя матеріалъ культурной исторіи данной народности, пользуясь данными исторической этнологіи, получаетъ особенное развитіе въ настоящее время. Представителями его у насъ являются: М. Е. Халанскій, Н. П. Дашкевичъ и др., среди нихъ особенно В. Ѳ. Миллеръ. Изученіе историческихъ и бытовыхъ отложеній въ памятникахъ устной словесности является т. о. еще однимъ шагомъ впередъ къ выясненію сложнаго состава произведенія, дошедшаго до насъ путемъ устной традиціи и представляющаго результаты чрезвычайно подчасъ длительнаго и сложнаго историческаго процесса.

Кромѣ указанныхъ крупныхъ направленій въ изученіи исторіи русской словесности, можно отмѣтить и иныя, въ значительной степени представляющія отзвуки соотвѣтствующихъ теченій въ западно-европейской наукѣ. Достаточно для примѣра остановиться на одномъ, правда, еще не достаточно опредѣлившемся направленіи: это—направленіе, носящее названіе антропологическаго, иначе — теоріи самозарожденія, допускающей появленіе отдѣльныхъ сход-

ныхъ мотивовъ въ устной словесности (главн. обр. въ сказкѣ) у ряда народностей независимо отъ общности ихъ происхожденія (отправной пунктъ миѳологической школы), а также независимо отъ культурнаго историческаго взаимообщенія ихъ (основа теоріи заимствованія и историческаго взаимовліянія): общность, одинаковость мотивовъ въ словесности отдѣльныхъ народностей можетъ являться результатомъ одинаковости основъ психическаго строенія человѣка вездѣ на земномъ шарѣ и одинаковости, слѣдовательно, основъ первобытной культуры, отраженіемъ фактовъ которой и являются отдѣльные, б. ч. простѣйшіе, мотивы, повторяющіеся въ словесности различныхъ народностей. Сторонники антропологической теоріи (главн. обр. Вундтъ, Тайлоръ, А. Лангъ, Гэдозъ и др.) находятъ возможнымъ прилагать ее преимущественно къ объясненію происхожденія т. н. миѳовъ: реальный фактъ древнѣйшей первобытной культуры становится мотивомъ словеснымъ и, переставая съ теченіемъ времени соотвѣтствовать дѣйствительности, становится поэтическимъ, матеріаломъ для фантазіи и творчества поэтическаго, иначе: основой миѳа. Если эта теорія, хотя бы и въ ограниченномъ примѣненіи, даетъ объясненіе повторяемости у различныхъ народностей одного и того же мотива, то она безсильна пока объяснить повторяемость сюжетовъ (т.-е. комбинаціи мотивовъ), наблюдаемую у ряда народностей.

Это направленіе большого распространенія въ приложеніи къ русской устной словесности не получило (ею въ отдѣльныхъ случаяхъ пользовались: Созоновичъ, Драгомановъ, Сумцовъ, Ждановъ); болѣе другихъ положеній этой теоріи получилъ у насъ признаніе важный для антропологовъ законъ переживанія старины, какъ дающій нѣкоторое объясненіе наличности въ одномъ и томъ же произведеніи устной словесности разнородныхъ, разновременныхъ, иногда очень древнихъ и рядомъ совсѣмъ новыхъ элементовъ; главными представителями этого теченія являются у насъ въ своихъ трудахъ: отчасти В. Ѳ. Миллеръ, Воеводскій, Перетцъ и др.

III.

Въ числѣ самыхъ важныхъ вопросовъ, поднятыхъ изслѣдователями устной словесности, какъ мы могли замѣтить изъ сказаннаго выше, стоитъ вопросъ объ ея исторіи вообще и прежде всего, естественно, о древности, давнишности этой словесности, въ связи съ вопросомъ о самомъ ея происхожденіи, какъ одного изъ видовъ творчества русскаго племени: старшая школа изслѣдователей, какъ мы знаемъ, рѣшала вопросъ этотъ въ смыслѣ глубокой, доисторической давности по происхожденію устной поэзіи и, исходя изъ допускаемой ими необычайной устойчивости традиціи и памяти у хранителей и носителей ея, склонна была во многихъ чертахъ формъ и содержанія извѣстной намъ теперь устной поэзіи видѣть черты этой древнѣйшей поэзіи сохранившимися въ значительной чистотѣ и свѣжести; послѣдующая же школа—школа культурнаго общенія народностей въ историческое время—склонялась скорѣе въ сторону болѣе поздняго происхожденія (и конечно, уже историческаго) этой словесности. Современная намъ историческая, культурно-бытовая по направленію, школа изслѣдователей уклоняется — и вполнѣ естественно — отъ категоричнаго рѣшенія этого вопроса въ общемъ его видѣ, не считая себя еще достаточно подготовленной къ этому, такъ какъ еще далекъ отъ своего рѣшенія цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, касающихся многихъ существенныхъ, однако, сторонъ въ жизни устной словесности въ ея даже сравнительно недавнемъ прошломъ: не забывая конечной цѣли изученія, современные изслѣдователи разработкой этихъ частныхъ вопросовъ и подготовляютъ насъ къ знакомству съ нашей устной словесностью въ ея историческомъ прошломъ въ общемъ. Сдѣланное до сихъ поръ въ этомъ направленіи уже теперь позволяетъ намъ дѣлать и нѣкоторыя обобщенія, хотя лишь въ видѣ осторожныхъ и болѣе или менѣе вѣроятныхъ и научно обоснованныхъ предположеній, отвѣчая, напр., на вопросы такого рода: была ли у насъ устная словесность уже въ старѣйшую, намъ доступную, историческую эпоху (т.-е. въ IX—X

вѣкахъ)? Если была у насъ такая словесность, то какова она была по своимъ формамъ, по своему содержанію, по своимъ отношеніямъ къ народному быту и міросозерцанію? Въ какомъ отношеніи стояла эта устная словесность къ зародившейся почти одновременно съ началомъ нашей исторической жизни литературѣ письменной? Что представляла эта предполагаемая нами старая устная словесность въ отношеніи къ той, съ которой мы недавно познакомились изъ устъ ея носителей? На всѣ эти и другіе подобные вопросы мы можемъ найти теперь отвѣты въ исторіи устной нашей словесности, поскольку исторія эта стала намъ извѣстна.

На основаніи сравнительно-историческаго изученія нашего быта, данныхъ сравнительной этнологіи мы имѣемъ право a priori предполагать и у насъ существованіе словесности, притомъ устной, уже въ эпоху, предшествовавшую появленію письменности и новаго христіанскаго міросозерцанія, такъ какъ русское племя къ этому времени уже стояло на той ступени развитія, которая не только допускала, но и дѣлала необходимой наличность словесности, какъ выраженія міросозерцанія и довольно уже сложнаго быта племени. Но содержанія, тѣмъ болѣе формъ этой словесности возстановить мы уже почти не въ состояніи: у насъ для этого слишкомъ мало надежныхъ фактическихъ данныхъ; самое большее, что̀ мы можемъ предполагать въ этомъ отношеніи, это—только то, что отдѣльныя детали современной намъ устной словесности могутъ восходить ко времени, предшествовавшему началу нашей письменности; такъ можно думать потому, что особенности эти оказываются совпадающими съ подобными же у другихъ близкородственныхъ намъ народовъ, даже иногда довольно отдаленныхъ, напр., съ славянскими (у другихъ славянъ), греческими. Свѣдѣнія же наши объ устной словесности за слѣдующій древній періодъ, уже историческій, также чрезвычайно скудны и настолько отрывочны и случайны, что и за эту эпоху о состояніи, содержаніи и формахъ устной словесности мы можемъ сказать сравнительно немногое. Письменныя свидѣтельства нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ въ этомъ отношеніи сводятся лишь къ немногимъ

темнымъ и скуднымъ по содержанію намекамъ, или къ еще болѣе рѣдкимъ и случайнымъ слѣдамъ устной словесности въ этихъ памятникахъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ матеріалъ (намеки въ духовно-церковной литературѣ, отзвуки въ лѣтописяхъ, рѣдчайшіе поэтическіе памятники, вродѣ „Слова о полку Игоревѣ", и др.), освѣщенный критически, притомъ сравнительно съ дошедшей до насъ словесностью устной, всеже дастъ уже нѣкоторое право съ вѣроятностью предполагать, что при началѣ нашей исторической жизни устная словесность должна быть признана налицо, притомъ уже въ довольно развитомъ видѣ, что она по своимъ формамъ, общему характеру, отчасти и содержанію до нѣкоторой степени должна была быть сходна съ той, которая знакома намъ теперь по записямъ нашего времени. Такъ, на основаніи главнымъ образомъ „Слова о полку Игоревѣ", мы можемъ предполагать, что уже въ XII в. для этой устной поэзіи существовала стихотворная форма, родственная той, какую мы видимъ теперь въ нашей устной словесности, въ частности въ былевой, что въ ней уже можно было различать отдѣльные обособившіеся ея виды, аналогичные извѣстнымъ теперь и намъ, каковы: пѣсни былевыя съ характеромъ историческимъ, лиро-эпическія причитанія (ср. Плачъ Ярославны въ С. о. п. И.), пословицы и поговорки, м. б., заговоры. Есть основанія предполагать для того же, и б. м., даже болѣе ранняго времени, существованіе поэзіи обрядовой (напр., пѣсенъ свадебныхъ, засвидѣтельствованныхъ Поученіемъ Мономаха, памятниками кононическо-бытового характера), наличность сказки (Поученіе о богатомъ и Лазарѣ, дошедшее въ спискѣ XII в.). Обобщая осторожно подобныя наблюденія, возможно допустить т. о., что большинство видовъ, извѣстныхъ намъ изъ дошедшей до насъ устной поэзіи, было не чуждо этой поэзіи и въ старѣйшую пору нашей письменной литературы; что же касается содержанія этой поэзіи, то дальше предположенія, что и оно было въ общемъ аналогично содержанію теперь намъ извѣстной, идти мы не рѣшаемся, допуская однако, что и древняя устная словесность

русская (какъ и всякая иная) отражала на себѣ переживаемое самимъ русскимъ племенемъ въ его бытѣ и исторіи.

Такое скромное представленіе о содержаніи нашей устной поэзіи стараго времени объясняется прежде всего тѣмъ, что письменность наша вплоть почти до второй половины XVII столѣтія не сохранила намъ ни одного текста этой поэзіи въ его подлинномъ тогдашнемъ видѣ, съ тогдашнимъ его содержаніемъ. Причина же этого послѣдняго обстоятельства заключается въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какія пришлось стать этой устной поэзіи къ нарождающемуся новому міросозерцанію и новой культурѣ въ IX—X вѣкахъ съ появленіемъ у насъ христіанства и письменности; и отношенія эти оставались въ общемъ въ силѣ вплоть до конца XVII вѣка, а въ послѣдствіяхъ своихъ продолжались даже въ слѣдующемъ столѣтіи и, осложненныя новыми литературными вкусами этого столѣтія, дожили почти до времени нарожденія болѣе глубокаго интереса къ народности. Въ основѣ своей это было типичное средневѣковое, въ частности византійское, отношеніе христіанскаго міросозерцанія, съуженнаго въ значительной степени до церковнаго, схоластическаго, къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя не укладываются въ одностороннія узкія рамки этого созерцанія это — отношеніе къ области народной поэзіи, связанной съ міросозерцаніемъ и бытомъ, такъ мало имѣющими общаго съ условными нормами, даваемыми церковностью нашего средневѣковья: оно было безусловно отрицательнымъ со стороны руководителей нашей книжной литературы, долженствующей быть прежде всего проводникомъ христіанской идеи (хотя бы въ пониманіи ея русскимъ книжникомъ) въ жизни: все, что̀ не покрывалось „божественнымъ", не оправдывалось той главной цѣлью— спасенія душевнаго,—ради которой существовала и сама книжная литература въ глазахъ стараго грамотника, все это было для средневѣковаго грамотѣя непріемлемо, подлежало упраздненію, какъ „еллинство", „поганство" (язычество), „мірское", противоположное духовному, христіанскому, тому, что единственно должно быть цѣнно для христіанина не только по имени,

но и по дѣламъ. Поэтому, ясно, въ письменности, руководимой такъ настроенными людьми, устной словесности мѣста не могло быть (развѣ лишь въ видѣ полемики противъ нея или безсознательной обмолвки писателя, не чуждаго въ самой жизни интересовъ, помимо духовно-церковныхъ, вышедшаго изъ народной среды); поэтому, если мы и слышимъ кое-что о народно-устной словесности до половины XVII в. и о связанныхъ съ нею иногда обрядахъ и обычаяхъ, то слышимъ лишь укоризны людямъ, ею интересующимся, запрещенія и угрозы тѣмъ, кто не оставляетъ „поганскихъ“ нравовъ и „бѣсовскихъ“ пѣсенъ (ср. Стоглавъ XVI в., грамоту Верхотурскому воеводѣ при царѣ Алексѣѣ). Конечно, эта борьба, временами даже преслѣдованіе устной словесности и ея носителей, не могла прекратить ея существованія, разъ она служила удовлетворенію эстетическихъ и иныхъ потребностей массъ, о поднятіи культурнаго уровня коихъ старая Русь такъ мало заботилась. Единственнымъ результатомъ такого отношенія къ устной словесности со стороны наиболѣе культурной части древняго общества — духовенства и правительственныхъ классовъ — было только то, что въ центрахъ государственной и церковной власти словесность эта сходитъ съ поверхности общественной жизни, уходя съ видимаго ея горизонта, отливая изъ этихъ верховъ въ низы общества и изъ центровъ на окраины и въ мѣста, куда труднѣе и рѣже проникалъ взоръ и воздѣйствіе рачителей благочестія; но и этотъ успѣхъ не былъ великъ, и старая устная словесность продолжаетъ жить почти прежней жизнью въ медленно мѣняющемся быту не только низшихъ слоевъ русскаго общества.

Существенная перемѣна въ положеніи устной словесности начала совершаться лишь только тогда, когда само общество стало испытывать замѣтныя перемѣны въ своемъ средневѣковомъ міросозерцаніи, въ своихъ литературныхъ вкусахъ; это же произошло съ укрѣпленіемъ западныхъ началъ культуры въ русской жизни во второй половинѣ XVII в., когда ригоризмъ церковно-византійскаго режима сталъ сходить на-нѣтъ въ наиболѣе развитой части русскаго общества, уже ставшаго усваивать западные вкусы и въ

литературѣ; устная словесность уже не привлекаетъ къ себѣ суроваго вниманія со стороны охранителей древняго благочестія, а въ самой книжной литературѣ начинаютъ замѣтно сквозить элементы „мірскіе“, уже не возбуждая ужаса богобоязненнаго читателя, видящаго теперь въ книгѣ не только орудіе для спасенія души, но и средство для эстетическаго наслажденія и развлеченія. Одновременно съ этимъ мы начинаемъ замѣчать присутствіе памятниковъ и устной словесности въ старинной письменности, правда, въ незначительномъ количествѣ и какъ бы случайно: видимо, что ея содержаніе представлялось до нѣкоторой степени аналогичнымъ тѣмъ западнаго образца произведеніямъ, которыя теперь начинаютъ входить въ обиходъ читателя; къ этому времени восходятъ старѣйшіе тексты былинъ и сказокъ, намъ извѣстные, сборники пословицъ, тетрадки съ духовными стихами и т. д.

Опускаясь все ниже вмѣстѣ съ остальной старинной литературой съ верховъ русскаго общества, все болѣе и болѣе отходящаго отъ средневѣковыхъ и національно-бытовыхъ старыхъ устоевъ, и устная словесность опускается все глубже въ средніе и низшіе классы русскаго общества, медленнѣе передовыхъ усваивающіе новости европейской культуры и ея эстетическіе вкусы, и здѣсь доживаетъ до зарожденія интереса къ народности въ средѣ этихъ передовыхъ классовъ, т.-е. до конца XVIII в. и начала слѣдующаго. Въ низшихъ классахъ, какъ наиболѣе консервативныхъ, несущихъ въ себѣ долѣе благопріятныя условія для ея сохраненія въ видѣ переживанія старины, живетъ она, постепенно примѣняясь къ измѣненіямъ быта, и до сихъ поръ.

Наблюденія же надъ современнымъ намъ состояніемъ устной словесности приводятъ насъ къ слѣдующему. Если взять ее во всемъ ея цѣломъ, поскольку она стала доступна теперь изслѣдователю, то можно счесть ее общераспространенной среди всего русскаго племени, ограничивъ, однако, это распространеніе кругомъ низшихъ и отчасти среднихъ классовъ населенія, при чемъ кругъ этотъ еще придется значительно съузить, исключивши изъ него въ значительной долѣ грамотную часть этихъ классовъ, какъ жи-

вущую уже болѣе интересами идущей сверху печатной литературы, которая, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе оказываетъ свое вліяніе на словесные вкусы населенія: могучая сила просвѣщенія даже хотя бы въ видѣ простой грамотности, мѣняя эти вкусы, заставляетъ забывать старую словесность, ослабляетъ силу старой традиціи, державшейся за неимѣніемъ иного средства памятью и профессіональнымъ сохраненіемъ произведенія (въ отдѣльныхъ случаяхъ). Если же обратить вниманіе на отдѣльные виды произведеній устной словесности, то мы, на основаніи сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій, получимъ иную картину распространенія: наибольшимъ распространеніемъ будетъ пользоваться, напр., поэзія лирическая, затѣмъ сказка и бытовая и обрядовая пѣсня; гораздо ограниченнѣе будутъ распространены пѣсни былевыя и историческія, а духовные стихи опять будутъ болѣе популярны, причемъ въ однихъ мѣстахъ встрѣтимъ преимущественно стихи одного характера, въ другихъ иного. Это разнообразіе въ степени распространенности отдѣльныхъ произведеній или ихъ видовъ и неравномѣрность распредѣленія ихъ по мѣстностямъ имѣетъ свои причины въ томъ, что судьба произведеній устной словесности и въ прошломъ, иногда начиная съ момента ихъ зарожденія, какъ оказывается, была далеко не одинакова [1]). Однако, при всемъ разнообразіи въ характерѣ, въ прошломъ, различныхъ произведеній устной словесности, при различной степени сохранности этихъ произведеній въ устахъ ихъ носителей, представленіе наше о народно-устной словесности обобщается однимъ наблюденіемъ: та словесность, которая является насъ теперь интересующей, есть словесность п р о ш л а г о въ сознаніи самихъ носителей; она сама давно уже не развивается, а въ большинствѣ случаевъ уже идетъ на убыль, забывается, такъ какъ перестаетъ—гдѣ болѣе, гдѣ менѣе—удовлетворять запросамъ массъ, до сихъ поръ ею интересовавшихся. Причину этого мы видѣли: она—въ измѣненіи куль-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ рѣчь въ отдѣльныхъ вступительныхъ статьяхъ при изданіи каждаго отдѣльнаго вида устной поэзіи.

туры, ея уровня и характера, въ перестройкахъ народной жизни. Для историка устной словесности, естественно, возникаетъ вопросъ: давно ли прекратилось въ области устнаго творчества движеніе впередъ? На этотъ вопросъ дать точный общій отвѣтъ мы не въ состояніи; наиболѣе правильнымъ былъ бы, естественно, тотъ, что для разныхъ видовъ и при различныхъ мѣстныхъ условіяхъ конецъ развитія наступилъ въ различное время; но всеже едва ли мы ошибемся, предположивъ, что уже съ половины XVII в., когда въ жизни русскаго общества не только высшаго, но и средняго и даже низшаго начали замѣчаться измѣненія старыхъ основъ, и устная поэзія стала гдѣ клониться къ упадку, гдѣ стала замирать въ своемъ развитіи, имѣя силы лишь для самосохраненія; во всякомъ случаѣ, тѣсно связанная со старымъ бытомъ, она при его измѣненіяхъ теряла прежнюю жизненность, но въ отдѣльныхъ случаяхъ еще имѣла ея настолько, чтобы дожить до нашихъ дней въ такомъ обиліи и сохранности: еще въ XVIII в. мы можемъ наблюдать рѣдкія попытки приложить старѣющіяся формы къ новому содержанію, какъ это мы видимъ даже въ области архаичной былины.

IV.

Сдѣланный выше общій обзоръ исторіи изученія русской устной словесности, а также судебъ этой словесности въ прошломъ, несмотря на свою краткость, можетъ, кажется, дать удовлетворительное представленіе о томъ, какой интересъ можетъ представлять ознакомленіе съ главными видами устнаго нашего творчества: оно есть одна изъ важныхъ страницъ въ исторіи поэтическаго творчества русскаго племени, одинъ изъ крупныхъ источниковъ для будущей науки психологіи творчества вообще. Попытки подойти къ матеріалу устной словесности въ его цѣломъ съ этой именно стороны мы видѣли въ общихъ чертахъ. Но и въ отдѣльныхъ вопросахъ наука уже достигла сравнительно крупныхъ результатовъ, подойдя болѣе или менѣе близко къ сравни-

тельно отчетливому представленію объ отдѣльныхъ видахъ этого устно-народнаго творчества, обративъ свое вниманіе на исторію отдѣльныхъ произведеній и видовъ этого творчества, а также на исторію и характерныя особенности этого творчества со стороны его формъ въ русской литературѣ.

Въ виду того, что крупнѣйшіе виды устнаго творчества въ ихъ историческомъ развитіи составляютъ самое содержаніе настоящаго изданія, а также въ виду того, что къ каждой группѣ и отдѣльнымъ произведеніямъ даются согласно плану отдѣльныя вводныя статьи, мы въ настоящемъ общемъ введеніи можемъ ограничиться напоминаніемъ лишь основныхъ положеній относительно этого творчества, поскольку они могутъ счесться болѣе или менѣе установившимися по наблюденіямъ и изслѣдованіямъ произведеній устной словесности.

Хранимая теперь въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ средѣ низшихъ въ культурномъ отношеніи слоевъ русскаго племени словесность устная представляетъ большое разнообразіе какъ по своимъ формамъ и характеру, такъ и по содержанію и по отношенію къ ней среди ея носителей и слушателей. Если бы мы пожелали распредѣлить произведенія устной словесности примѣнительно къ тѣмъ рубрикамъ, на которыя мы привыкли дѣлить произведенія книжной литературы и намъ современной (т.-е. на эпическую, лирическую и драматическую), то намъ пришлось бы убѣдиться въ полной почти непригодности такого дѣленія примѣнительно къ устной: если это искусственное дѣленіе съ трудомъ прилагается къ нашей литературѣ, воспитанной на теоретическихъ въ значительной степени навыкахъ, то по отношенію къ устной, сложившейся внѣ этихъ навыковъ и жившей при иныхъ своеобразныхъ условіяхъ, остающихся и до сихъ поръ существенными для самаго ея сохраненія, такое дѣленіе еще менѣе будетъ пригодно: элементы эпическій, лирическій и драматическій въ ней еще менѣе раздѣлимы другъ отъ друга, находясь, какъ и въ древнѣйшей человѣческой поэзіи, въ состояніи „синкретизма“ (по терминологіи исторической поэтики); поэтому, допуская такое вошедшее въ привычку дѣленіе, мы пользуемся имъ преимущественно ради

удобствъ внѣшняго порядка (напримѣръ, при изданіи), но не находимъ его вполнѣ подходящимъ по существу самого содержанія устнаго творчества.

Болѣе правильными слѣдуетъ признать другіе опыты классификаціи устно-народныхъ произведеній: по примѣненію устныхъ произведеній въ народной жизни и по ихъ формамъ. Съ точки зрѣнія перваго принципа, ихъ можно дѣлить на двѣ группы: 1) на произведенія, прикрѣпленныя къ обрядамъ, иначе—„обрядовую" словесность, и 2) произведенія, существующія независимо, самостоятельно. Первыя, т.-е. обрядовыя, по содержанію и по характеру своему болѣе или менѣе тѣсно связаны съ тѣмъ или инымъ обычаемъ народной жизни, сопровождаемымъ обрядомъ или своего рода системой обрядовъ: таковы, напр., пѣсни свадебныя, иллюстрирующія самый свадебный обрядъ и отчасти имъ иллюстрируемыя, заговоры, нераздѣльно связанные съ тѣми символическими дѣйствіями, которыя вмѣстѣ со словами заговора должны привести къ той цѣли, ради которой исполняется заговоръ, или пѣсни весеннія, вмѣстѣ съ играми и обрядами указывающія на смыслъ тѣхъ явленій природы, который отмѣчаетъ собою весь циклъ весеннихъ игръ, и т. п. Но и это дѣленіе не можетъ считаться безусловно точнымъ: часто мы наблюдаемъ, что пѣсня „обрядовая" въ однихъ случаяхъ или въ однихъ мѣстностяхъ оказывается отдѣленной отъ обряда въ другихъ случаяхъ и мѣстностяхъ, и наоборотъ: пѣсня (напр., былина), существующая самостоятельно, входитъ иногда въ обрядъ. Все же это дѣленіе въ общемъ можетъ быть проведено болѣе послѣдовательно, и случаи исключенія въ большинствѣ могутъ быть нами объяснены исторіей самой пѣсни или обряда. На основаніи указаннаго принципа распредѣленная устная словесность внутри каждой группы можетъ быть въ свою очередь разбита на болѣе мелкія группы уже по характеру содержанія или по тѣмъ обрядамъ, къ которымъ тѣ или иныя произведенія имѣютъ отношеніе. Такъ, въ группѣ „обрядовыхъ" мы отличаемъ: пѣсни свадебныя, похоронныя (причитанія, плачи, заплачки), родинныя, веснянки, купаль-

скія, колядскія и др., выдѣляемъ заговоры (любовные, отъ болѣзней, отъ оружія и т. п.); въ группѣ необрядовыхъ произведеній: пѣсни богатырскія (былины-старины), историческія, религіозныя (духовные стихи, псальмы, легенды), сказки (фантастическія, бытовыя, о животныхъ), побывальщины, народную сатиру, пѣсни лирическія, пословицы, загадки и т. д. [1]).

Тѣми же отношеніями къ народному быту въ широкомъ смыслѣ слова объясняются и другія особенности жизни самихъ произведеній устной словесности: ихъ роль и назначеніе въ жизни ихъ носителей и хранителей, способы ихъ сохраненія и воспроизведенія. Въ связи, именно, съ бытовыми условіями одни изъ нихъ служатъ неотъемлемой частью обряда, служа его объясненіемъ или дополненіемъ къ нему, почему тѣ или иныя изъ нихъ пріурочены къ опредѣленному обряду, а иногда и времени: свадебныя пѣсни исполняются только при свадьбѣ, какъ обрядѣ, пѣсни колядскія только на Рождествѣ, заговоръ—только тогда, когда необходимо произвести извѣстное врачеваніе или воздѣйствіе и т. д. Другія же произведенія, не стоящія въ такой тѣсной связи съ бытомъ (но и не оторванныя отъ него совершенно), имѣютъ своимъ назначеніемъ удовлетворять главнымъ образомъ такимъ потребностямъ въ жизни, которыя не подчинены строго обрядовой или утилитарной цѣли, каковы эстетическія потребности, религіозное настроеніе, выраженіе личнаго настроенія, общественныя стремленія, потребность художественно-фантастическаго вымысла, развлеченія и т. п.; таковы: былины, духовные стихи, пѣсня любовная, пѣсня или сказка сатирическая, сказка волшебная и дѣтская, пѣсня во время работы или отдыха и т. д.

Что касается исполнителей и носителей устной литературы, то въ этомъ отношеніи между намѣченными нами крупными группами можно наблюдать также нѣкоторую, хотя и не рѣзкую, разницу: тогда какъ произведенія „обрядовыя“ въ значительной сте-

---

[1]) Подробнѣе о каждомъ видѣ этихъ произведеній—во вступительныхъ статьяхъ къ соотвѣтствующимъ текстамъ и группамъ ихъ.

сни исполняются группой людей, принимающихъ участіе въ самомъ обрядѣ, общеизвѣстномъ, а потому не выдвигаютъ особыхъ спеціальныхъ носителей (если не считать лицъ, являющихся руководителями въ исполненіи самого обряда, а потому и лучше другихъ знающихъ и пѣсни, пріуроченныя къ тому или иному его моменту, какъ, напр., сваха, дружко, плакальщица),—за исключеніемъ развѣ заговора, какъ соединеннаго съ своего рода профессіональной тайной,—произведенія не-обрядовыя, какъ прежде всего назначенныя для удовлетворенія потребностей болѣе, такъ сказать, идеальнаго характера, въ своемъ исполненіи требуютъ болѣе тонкой отдѣлки, оказываются и болѣе связанными съ личной талантливостью и способностями исполнителя; поэтому мы часто услышимъ оцѣнку не только самого произведенія, но и его исполненія, исполнителя, какъ мастера своего дѣла; поэтому же въ этой группѣ чаще мы замѣтимъ и своего рода спеціализацію въ отдѣльныхъ видахъ произведеній и даже профессіонализмъ: такъ, мы знаемъ выдающихся пѣвицъ по части лирическихъ или сатирическихъ пѣсенъ, большихъ мастеровъ-пѣвцовъ былинъ („сказителей“, „пѣтарей“), искусныхъ сказочниковъ и сказочницъ. И это тѣмъ понятнѣе, что подобныя произведенія, сложныя часто по содержанію и по формамъ, притомъ сопровождаемыя иногда и аккомпаниментомъ на музыкальномъ инструментѣ (въ прежнее время, напр., былина, донынѣ духовный стихъ, малорусская дума), требуютъ несомнѣнно такихъ способностей и навыковъ, которыми обладаетъ не всякій цѣнитель устно-народной поэзіи [1]). Что касается профессіонализма въ культивировкѣ произведеній устной словесности, то болѣе тщательное изслѣдованіе, какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и отдѣльныхъ ихъ видовъ приводитъ къ установленію важнаго значенія его для пониманія исторіи и всей устной словесности. Суть этихъ наблюденій—въ томъ, что, если въ настоящее время исполненіе устныхъ произве-

---

[1]) Подробности объ исполнителяхъ тѣхъ или иныхъ видовъ произведеній ниже—въ спеціальныхъ вступительныхъ статейкахъ.

деній является въ значительной степени дѣломъ „любительскимъ", и только небольшой кругъ ихъ находится въ рукахъ спеціалистовъ-профессіоналовъ, то въ болѣе отдаленное время участіе людей, сдѣлавшихъ изъ созданія и исполненія устныхъ произведеній своего рода спеціальность и даже промыселъ, было гораздо значительнѣе, и кругъ захватываемыхъ ими произведеній былъ шире, нежели теперь: еще XVIII в. зналъ, напр., спеціалистовъ по исполненію былинъ (скомороховъ), исполняемыхъ теперь любителями изъ крестьянъ, а духовный стихъ и до сихъ поръ исполняется преимущественно такъ наз. „слѣпцами", „старцами", „каликами". А эти спеціалисты, быть можетъ, и профессіоналы, по своему культурному уровню и развитію стояли въ иныхъ отношеніяхъ къ литературѣ и міросозерцанію болѣе образованныхъ классовъ, нежели та крестьянская масса, среди которой приходится теперь жить устной словесности; кромѣ того, назначая свои произведенія не только для низшихъ слоевъ населенія, но и для среднихъ и высшихъ (такихъ, напр., пѣвцовъ историческихъ пѣсенъ мы знаемъ въ XVI вѣкѣ при дворѣ Іоанна Грознаго, а сказочники и пѣвцы духовныхъ стиховъ были обычными гостями и въ царскомъ дворцѣ, и въ боярскихъ хоромахъ), спеціалисты эти такъ или иначе должны были приспособлять свои произведенія ко вкусамъ своихъ болѣе развитыхъ слушателей и сами должны были усваивать отдѣльные элементы міросозерцанія и литературы своихъ слушателей; такое же—и, пожалуй, еще болѣе сильное—вліяніе оказывала на слагателей и исполнителей церковь съ ея важной въ глазахъ старыхъ людей литературой и богослуженіемъ, особенно въ средѣ спеціалистовъ, именно, носителей духовной поэзіи, къ тому же въ соціально-бытовомъ отношеніи стоящихъ ближе другихъ къ церковно-литературнымъ кругамъ, каковы старинные калики, главные носители и хранители популярной духовной устной литературы въ видѣ религіозной легенды, преданія, церковной пѣсни и м. б. духовнаго стиха.

Все это, взятое вмѣстѣ, открывало широкій путь для вліянія литературы болѣе культурныхъ классовъ, въ частности книжной,

на словесность устную или при созданіи ея отдѣльныхъ произведеній, или въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи и вообще въ дальнѣйшей ихъ жизни. Эти наблюденія надъ условіями жизни устнаго произведенія, въ частности надъ ихъ носителями, нашли себѣ блестящее подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ чисто-литературной стороны устныхъ произведеній, открывши въ содержаніи ихъ обильные слѣды вліяній книжной литературы, объяснивши многое и въ ихъ композиціи, и отчасти со стороны формы [1]).

V.

По формамъ своимъ произведенія устной словесности, подобно нашей современной литературѣ, представляютъ двѣ основныхъ группы: 1) стихотворную и 2) не-стихотворную (прозаическую). Но роль и характеръ той и другой формы въ устной словесности значительно разнятся отъ того, что̀ мы соединяемъ съ ними въ современной нашей литературѣ.

Что касается стихотворной формы нашей устной поэзіи, то для нея слѣдуетъ признать прежде всего за общее правило, что форма эта—пѣсенная, т.-е. такая, которая не отдѣлима отъ пѣнія: устно-народное стихотвореніе только поется (въ одиночку или хоромъ), а не читается или сказывается; въ отдѣльныхъ случаяхъ это пѣніе принимаетъ характеръ пѣвучаго речитатива. Поэтому для правильнаго представленія о стихотворномъ устномъ произведеніи необходимо знакомство не только съ его „словесной“ формой, но и съ музыкальной, иначе—съ пѣсеннымъ мотивомъ его: имъ до извѣстной степени обусловливается и самая его „словесная“ форма. Въ силу этого безусловно правильной должна быть сочтена только такая запись стихотворнаго устнаго произведенія, которая сопровождается и соотвѣтствующимъ мотивомъ его. Къ сожалѣнію, большинство записей устно-народныхъ

[1]) Эти отношенія къ книжной литературѣ и другимъ источникамъ отмѣчаются въ упомянутыхъ вступительныхъ статьяхъ при соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

стихотворныхъ произведеній, сдѣланныхъ въ прежнее время, а также дѣлаемыя весьма часто и теперь, не даютъ музыкальной стороны произведенія, отчасти потому, что дѣлались они еще въ то время, когда указанное требованіе не считалось неизбѣжнымъ, отчасти потому, что собиратели преслѣдовали при записи цѣль закрѣпленія содержанія (а не формы также), а форму (стихъ) считали построенной на тѣхъ же основахъ, что и форма современнаго литературнаго стиха, т.-е. на музыкальности самой рѣчи, словъ въ ихъ сочетаніяхъ, и лишь отличной по структурѣ (т. н. „бѣлый" стихъ, не риѳмованный, у нашихъ поэтовъ); главное же затрудненіе при записи пѣсеннаго устно-народнаго произведенія заключается въ томъ, что она требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ и чуткаго по слуху записывателя, и въ то же время образованнаго музыканта; эта трудность увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что своеобразная, имѣющая свою исторію и свои законы народная музыка плохо укладывается въ условную систему пятилинейной ноты нашей обычной музыки: современная пятилинейная нота передаетъ мотивъ и характеръ устно-народной пѣсни лишь съ относительной точностью. Эта тѣсная связь между мотивомъ и текстомъ пѣсни сознавалась и первыми собирателями памятниковъ устной поэзіи: такъ, въ старѣйшей записи былинъ, сдѣланной еще любителемъ, въ сборникѣ Кирши Данилова (приблизительно въ 60-хъ гг. XVIII ст.) самому тексту пѣсни предшествуютъ двѣ-три музыкальныя строки, содержащія ея мотивъ; а старинные (еще второй половины XVII в.) сборники духовныхъ стиховъ („канты", „псальмы", среди которыхъ, кстати сказать, встрѣчаемъ нерѣдко и „свѣтскую" народную пѣсню) весьма часто содержатъ также указанія на мотивъ въ видѣ нѣсколькихъ строкъ нотъ въ началѣ пѣсни. И даже старинные печатные „Пѣсенники" второй половины XVIII-го и начала XIX-го вѣка часто, приводя пѣсню, даютъ указаніе также на ея мотивъ, говоря, что де данная пѣсня поется на голосъ такой-то (извѣстной любителямъ) пѣсни. Новѣйшія научныя записи текста пѣсни въ большинствѣ случаевъ уже снабжаются записью и ея

мотива (иногда механической, поэтому довольно точной, при помощи фонографа).

Собранный до сихъ поръ матеріалъ еще не даетъ достаточно опредѣленнаго представленія о музыкально-словесной формѣ народно-устнаго стихотворенія во всемъ его разнообразіи, о законахъ этой формы, тѣмъ болѣе, что такая разработка народной ритмики является еще дѣломъ новымъ въ русской наукѣ: немногія работы въ этомъ направленіи (каковы: устарѣвшая работа Головастова, новыя—Ѳ. Е. Корша, А. Маслова, Моск. Муз. Ком.) далеки еще до окончательнаго разрѣшенія вопроса. Тѣмъ не менѣе, хотя бы и въ самыхъ грубыхъ очертаніяхъ, мы имѣемъ уже возможность говорить о музыкально-словесной формѣ устнаго стихотворенія. Такъ, сообразно различнымъ по характеру и содержанію видамъ устной стихотворной поэзіи, мы можемъ различать нѣсколько мотивовъ для каждаго изъ нихъ: можемъ говорить о мотивахъ былинныхъ, мотивахъ причитаній, духовнаго стиха, обрядовой пѣсни и т. д. Въ каждой группѣ въ свою очередь можемъ намѣчать разновидности; напр., былинныхъ напѣвовъ знаемъ нѣсколько въ устахъ одного и того же пѣвца, въ одной и той же мѣстности; съ другой стороны, одна и та же по содержанію пѣсня исполняется въ различныхъ мѣстахъ на разные мотивы, а иногда одну и ту же пѣсню одинъ и тотъ же пѣвецъ или пѣвица умѣетъ пропѣть на разные „голоса". Все это показываетъ, что устно-народная музыка въ примѣненіи къ пѣснѣ обладаетъ значительнымъ богатствомъ. И самое исполненіе музыкально-словеснаго произведенія не одинаково вездѣ: одни виды ихъ исполняются только съ аккомпаниментомъ опредѣленнаго музыкальнаго инструмента, другіе всегда безъ него; повидимому, въ настоящее время происходитъ давно начавшійся процессъ измѣненія условій жизни пѣсни въ смыслѣ все большей и большей утраты аккомпанимента: большинство устныхъ пѣсенъ теперь имъ не сопровождается: нѣкоторыя изъ нихъ, напр., обрядовыя, повидимому, давно уже, а м. б. и никогда, не сопровождались имъ; но зато другія, видимо, его утратили:

таковы пѣсни эпическія (былины, историческія пѣсни, духовный стихъ), лирическія, которыя еще не такъ давно (м. б. еще въ XVIII ст., когда исчезли профессіоналы-пѣвцы) сопровождались игрой на гусляхъ, на кобзѣ, волынкѣ; м. б., слѣдъ этой старой манеры въ видѣ переживанія слѣдуетъ видѣть въ употребленіи теперь балалайки, гармоники, скрипки и т. п. при исполненіи нѣкоторыхъ лирическихъ (преимущ. „игровыхъ", „плясовыхъ", „уличныхъ") пѣсенъ. Такого же рода указанія даетъ и духовный стихъ: на сѣверѣ и въ средней Россіи онъ поется уже безъ аккомпанимента, тогда какъ на западѣ и югѣ его поютъ подъ „лиру", или бандуру; малорусская дума и до сихъ поръ поется всегда подъ бандуру, торбанъ или (рѣже) лиру. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ прибавить и то, что старинныя извѣстія (правда, скудныя) о народно-устной пѣснѣ говорятъ почти всегда о ней вмѣстѣ съ исполнителями ея музыкантами (гудцы); то же отчасти подтверждаютъ и немногія старыя изображенія (миніатюры) исполнителей пѣсни: пѣвцы рисуются съ инструментомъ (гудокъ, сопѣль, домра, гусли).

Что касается взаимоотношенія между строеніемъ устно-народнаго стиха и мотивомъ пѣсни, то пока мы можемъ говорить лишь объ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, еще не сведенныхъ въ общую систему. Не говоря уже объ отсутствіи въ народномъ стихѣ (сравнительно съ нашимъ литературнымъ) такъ называемой риѳмы, мы должны признать, что въ основѣ этого стиха лежитъ чередованіе удареній ритмическо-музыкальныхъ (а не грамматическо-логическихъ), при чемъ главныя эти ритмическія ударенія совпадаютъ съ главнымъ логическимъ въ стихѣ; его дополняютъ второстепенныя, менѣе сильныя по высотѣ тона. Не признавая въ общемъ риѳмы въ концѣ стиха, какъ одного изъ средствъ музыкальности рѣчи, пѣсня какъ бы взамѣнъ ея пользуется внутри стиха созвучіями словъ, допуская ихъ иногда и въ концѣ стиха; подъ вліяніемъ книжной риѳмованной поэзіи, повидимому, риѳма постепенно получаетъ права гражданства и въ устной пѣснѣ, какъ это, напр., довольно ясно можно прослѣдить на

позднемъ устномъ духовномъ стихѣ (т. н. кантахъ, псальмахъ), стоящемъ въ зависимости отъ силлабической вирши русскаго юга XVI — XVII ст., а также современной намъ „частушкѣ“. Эти же созвучія (скорѣе — созвучія конца словъ) знаетъ устная словесность независимо отъ книжной, какъ это мы видимъ въ ритмической по формѣ, но прозаической по строенію пословицѣ, поговоркѣ, загадкѣ и т. п. Что же касается риѳмы, то, какъ одно изъ средствъ художественной музыкальности, она въ устной поэзіи распредѣляется неравномѣрно въ различныхъ видахъ этой поэзіи: въ былинахъ, духовныхъ стихахъ старшей формаціи, въ архаичной обрядовой пѣснѣ она будетъ рѣже, большею частью случайна (какъ „созвучіе“, пришедшееся на конецъ стихотворной строки), нежели въ пѣснѣ необрядовой, позднемъ духовномъ стихѣ. Это неравномѣрное распредѣленіе количества риѳмъ надо объяснять, повидимому, вліяніями книжной поэзіи и относить къ болѣе позднему времени, нежели время возникновенія самыхъ устныхъ произведеній. Но риѳма, если ее понимать нѣсколько шире, въ смыслѣ подбора созвучій въ интересахъ музыкальности рѣчи, въ своеобразномъ употребленіи не чужда, вѣроятно, и старымъ формамъ устной поэзіи не только стихотворной, но и прозаической; подобно старинной „аллитераціи“ нѣмецкой устной поэзіи, и русская примѣняетъ охотно это созвучіе внутри стиха (не исключительно на концѣ его), внутри фразы (въ прозѣ). Къ числу такихъ можно отнести довольно многочисленные случаи употребленія постоянныхъ эпитетовъ (см. ниже), каковы, напр., дѣвица-красавица, боярыня-сударыня, коза-дереза, ушистый-пушистый (соболь, шапка), нунечку-тенеречку, куделя-недѣля, горюши-уши, дочки - ножки, времечко - окошечко, сивая - красивая (бородушка) и т. п. Во всякомъ случаѣ, остается въ силѣ наблюденіе, что риѳма, въ собственномъ значеніи термина, органически не связана съ народнымъ стихомъ, она не есть въ немъ что-либо постоянное, послѣдовательно проводимое. Самая риѳма, встрѣчаемая въ народномъ стихѣ, очень проста, несложна (это преимущественно риѳма глагольная прошедшаго или настоящаго времени).

Прозаическая форма устно-народнаго произведенія, естественно, близкая къ обыденной живой рѣчи, имѣетъ, однако, свои особенности сравнительно съ нею не только въ стилистическомъ отношеніи (о чемъ ниже): въ наиболѣе разработанныхъ по формѣ видахъ прозаической рѣчи устной поэзіи (каковы: сказка, заговоръ) есть черты, сближающія ее съ стихотворной: простая разговорная рѣчь часто перемежается и здѣсь съ рѣчью ритмической, близкой къ стихотворной (что̀ для поэтовъ, напр., Пушкина, и послужило поводомъ давать стихотворныя переложенія народныхъ сказокъ), придающей сказкѣ нѣсколько пѣвучій характеръ; это и сказывается иногда въ самой передачѣ сказки: она у нѣкоторыхъ сказателей разсказывается нараспѣвъ, скандируется.

Но самое существенное и въ то же время наиболѣе характерное для устной поэзіи сравнительно съ поэзіей книжной, старой и новой, поскольку рѣчь идетъ о формѣ, это—ея стиль, поэтика въ узкомъ смыслѣ слова, въ частности—тѣ т. н. „изобразительныя“ средства, которыми достигается поэтичность и музыкальность стиля, въ связи съ особенностями построенія самого произведенія и изложенія сюжета. Эта „поэтика“, рѣшительно отличая устныя произведенія отъ книжныхъ, поэтическія отъ прозаическихъ, восходитъ въ своихъ основахъ, повидимому, къ отдаленной древности: въ общемъ тѣ же пріемы поэтической рѣчи наблюдаются не только въ родственныхъ славянскихъ устно-народныхъ произведеніяхъ, но и въ тѣхъ словесностяхъ, памятники коихъ сохранились отъ древняго времени, напр., въ греческой античной; поэтому эту „поэтику“ современной намъ устной словесности русской слѣдуетъ признать въ извѣстной ея долѣ традиціонной, усвоенной создателями дошедшей до насъ устной поэзіи отъ болѣе ранняго періода этой поэзіи, намъ уже недоступнаго. Не задаваясь цѣлью представить здѣсь полную поэтику устной поэзіи, слѣдуетъ однако остановиться на наиболѣе крупныхъ и характерныхъ ея явленіяхъ: этого будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы ясно представить себѣ, чѣмъ отличается

устно-народное произведеніе отъ т. н. книжнаго, безличное (теперь) отъ индивидуально-личнаго. Такихъ основныхъ чертъ можно намѣтить четыре: а) медлительность рѣчи въ устной поэзіи, б) повтореніе мыслей, ряда ихъ, образовъ, отдѣльныхъ словъ и оборотовъ, в) употребленіе такъ наз. „постоянныхъ" эпитетовъ и г) употребленіе цѣлаго ряда разнообразныхъ по цѣлямъ и формѣ сравненій, служащихъ не для украшенія только, но и для наглядности изображенія. Прежде, чѣмъ ближе характеризовать намѣченныя категоріи изобразительныхъ средствъ, слѣдуетъ напомнить, что они присущи какъ стихотворной, такъ и прозаической формѣ устныхъ произведеній, лишь въ различной степени: въ большей— первой, въ меньшей—второй; объясняется это естественно—разницею самаго характера различныхъ произведеній устнаго творчества, а отчасти и ихъ исторіей, даже условіями самого сохраненія, какъ это увидимъ ниже. Тѣмъ не менѣе можно говорить объ общей для нихъ поэтикѣ въ отличіе отъ нашей книжной и письменой поэзіи, по крайней мѣрѣ, въ упомянутыхъ наиболѣе характерныхъ чертахъ ея.

I. Подъ терминомъ *медлительности* мы разумѣемъ такое изложеніе, когда оно задерживаетъ разсказъ и вниманіе слушателя на отдѣльныхъ, часто второстепенныхъ деталяхъ, заставляя этимъ слушателя внимательно слѣдить за медленнымъ развитіемъ дѣйствія или картины и этимъ удлиняя время эстетическихъ воспріятій и въ то же время подчеркивая цѣльность изображенія. Такую „медлительность" можно видѣть, напр., въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, записанной для П. В. Кирѣевскаго въ Симбирской губ.:

Выѣзжалъ Илья на высокъ бугоръ,
На высокъ бугоръ на раскатистый.
Разставлялъ шатеръ—полы бѣлыя;
Разставя шатеръ, сталъ огонь сѣчи;
Высѣча огонь, сталъ раскладывать;
Разложа огонь, сталъ кашу варить;
Сваря кашу, расхлебывать;
Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать.

Или пѣсня (записанная въ Москвѣ, тѣмъ же Кирѣевскимъ), въ которой дѣвица отравляетъ молодца-любовника:

Я пойду-ли красна дѣвица
Въ чисто поле погулять,
Злое коренье набирать.
Я, набравши злое коренье,
Бѣло-на-бѣло вымою.
Я, вымывши коренье,
Сухо-на-сухо высушу.
Я, высушивши злое коренье,
Мелко-на-мелко смелю.
Я, смелевши злое коренье,
Сладкаго меду наварю.
Наваривши сладкаго меду,
Дружка въ гости позову.
Я, позвавши дружка въ гости,
На кроватку посажу.
Посадивши на кроватку,
Стаканъ меду поднесу.
Поднесевши стаканъ меду,
Любезнаго спрошу:
„Ты скажи, скажи, любезной,
Что на сердцѣ у тебя?"

II. *Повтореніе* вызывается чаще всего тѣмъ, что то или иное представленіе не можетъ сразу исчезнуть въ сознаніи разсказчика или пѣвца; этимъ пріемомъ достигается также плавность, текучесть разсказа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякое повтореніе, оно облегчаетъ и слушателю возможность неторопливо слѣдить за разсказомъ, запомнить лучше художественный образъ.

Русская поэзія особенно, повидимому, любитъ этотъ пріемъ, достигая въ этомъ отношеніи большого разнообразія формъ: это или простое повтореніе одного и того же слова или созвучныхъ, одинаковыхъ по смыслу: чуднымъ, чуднымъ чудно; дивнымъ, дивнымъ дивно; прямоѣзжая дороженька, прямоѣзжая; горе горькое, горе-горькое, моя руса коса; загоралися, загоралися дубовы дрова и т. п.; или же (особенно часто) повтореніе предлога, каковы: во славномъ городѣ во Кіевѣ; кто бы намъ сказалъ про старое, про старое, про бывалое, про того ли Илью про Му-

ромца? или (также часто) повтореніе одного и того же слова или оборота въ двухъ смежныхъ стихахъ, конечнаго слова предшествующаго въ началѣ слѣдующаго:

Того ли то соболя заморскаго,
Заморскаго соболя ушистаго,
Ушистаго соболя, пушистаго.

Иногда дается повтореніе черезъ отрицаніе противоположнаго: прямой дорожкой, не окольноей; (показалось) за велику досаду, не за малую; холостъ—не женатъ.

Сюда же слѣдуетъ отнести постановку рядомъ выраженій синонимическихъ: безъ бою, безъ драки, кровопролитья; со горя—со кручинушки; имѣніе—богачество; горе—печаль; въ тѣ порывремени и т. д.; иногда это два слова: одно туземное, свое—другое заимствованное или мѣстное: таланъ—участь, баса—краса, красенъ—купавъ и т. д.; или одно понятіе родовое, другое видовое: щука — рыба, птица — синица, ковыль—трава. Въ болѣе развитомъ видѣ простое повтореніе даетъ повтореніе цѣлыхъ мѣстъ, эпизодовъ разсказа, особенно эффектныхъ или понравившихся; таковы, напр., эпизоды въ былинѣ о боѣ Добрыни и Дуная (см. стр. 77 и сл.), Добрынѣ и Алешѣ (см. стр. 55 и сл.), наказъ Добрыни женѣ и послѣдствія этого; какъ на особенно яркій примѣръ повторенія, можно указать на эпизодъ борьбы Потыка со змѣей подземельной (см. стр. 303 и сл.). Наконецъ, сюда же, понятно, надо отнести сочетаніе двухъ словъ различныхъ грамматическихъ категорій, связанныхъ по корню: мостъ мостить, золотомъ золотить, зиму зимовать, полонъ полонить, кличъ кликать, слыхомъ не слыхать и видомъ не видать, дождь дожжитъ и т. п.

III. *Эпитеты постоянные.* „Эпитетъ—одностороннее опредѣленіе слова, либо подновляющее его нарицательное значеніе, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета“ (А. Веселовскій); этимъ свойствомъ эпитетъ отличается отъ простого „опредѣленія“ (въ смыслѣ синтактическаго термина). Извѣстно, что эпитетъ, какъ тако-

вой, не есть исключительное достояніе поэтической рѣчи; но здѣсь онъ примѣняется чаще и по характеру рельефнѣе, чѣмъ въ прозаической рѣчи, соотвѣтственно особому ея тону въ поэзіи, стремящейся прежде всего къ изобразительности, образности, колоритности. Но исключительную особенность рѣчи устно-поэтической составляетъ эпитетъ постоянный; онъ вызывается главнымъ образомъ привычной ассоціацией идей и представленій: упоминаніе одного понятія всякій разъ вызываетъ потребность привычнаго его опредѣленія, отвѣчающаго признаку, представляющемуся существеннымъ или характеризующему это понятіе (въ поэзіи—образъ) по отношенію къ практической цѣли и идеальному совершенству: при мысли о саблѣ возникаетъ всякій разъ мысль объ ея остротѣ: сабля вострая; при воспоминаніи о теремѣ—мысль объ его архитектурной красотѣ: теремъ златоверхій; при мысли о богатырѣ—о его силѣ: сильный, могучій богатырь; поэтому же гусь, волкъ—сѣрый, матушка—родимая и т. д. Это постоянство связи представленія о предметѣ съ его признакомъ и даетъ въ результатѣ постоянный эпитетъ, который такъ срастается со словомъ, что перестаетъ зависѣть отъ положенія слова, къ которому онъ приросъ, въ каждомъ данномъ случаѣ; отсюда-то на первый взглядъ странное сочетаніе слова съ постояннымъ эпитетомъ, которое встрѣчается въ поэзіи: если въ устахъ Владиміра его врагъ царь Калинъ является съ эпитетомъ „собака“, какъ царь невѣрный, язычникъ, то и этотъ Калинъ-царь можетъ говорить о себѣ: „я, собака, Калинъ-царь“. Называя татаръ „погаными“ всякій разъ, когда о нихъ идетъ рѣчь, пѣвецъ былины можетъ и ихъ царя заставить обратиться къ своимъ соратникамъ, давая имъ порученіе, со словами: „ай же ты, татарище поганое“, и т. п. Въ большинствѣ же случаевъ эпитетъ постоянный, конечно, не будетъ стоять въ такомъ противорѣчіи съ положеніемъ характеризуемаго имъ понятія, лишь способствуя болѣе живому, яркому представленію образа.

Отмѣченная привычка къ ассоціированію опредѣленнаго признака или признаковъ съ тѣмъ или другимъ понятіемъ и образомъ ведетъ къ

представленію о традиціонности и ограниченности произвола въ употребленіи эпитетовъ со стороны исполнителя, создателя; поэтому можно говорить объ эпитетахъ, общихъ всѣмъ видамъ устной поэзіи (напр., матушка родимая, красна дѣвица, сине море, чисто поле, сыра земля), можно говорить и о такихъ, которые излюблены особенно тѣмъ или инымъ видомъ этихъ произведеній (что̀ стоитъ, конечно, въ связи съ общимъ характеромъ отдѣльнаго произведенія; напр., эпитеты воинскаго характера (могучій, мурзамецкое копье и т. п.) рѣдко встрѣчаются въ лирической или бытовой пѣснѣ); во всякомъ случаѣ строгаго соотвѣтствія между характеромъ произведенія и подборомъ эпитетовъ мы не найдемъ, разница будетъ преимущественно количественная. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы опредѣленный всегда эпитетъ соединялся съ однимъ опредѣленнымъ словомъ или, обратно, опредѣленный образъ характеризовался всегда только опредѣленнымъ эпитетомъ: „бѣлокаменнымъ" можетъ быть и теремъ, и стѣна, и Москва, „сырымъ"—и дубъ, и земля и т. д., а также: теремъ можетъ быть и „бѣлокаменнымъ" и „златоверхимъ", солнце—и „яснымъ" и „краснымъ", стрѣла—и „каленой" и „кленовой". Эта нѣкоторая свобода къ примѣненіи эпитета ведетъ къ употребленію нѣсколькихъ заразъ къ одному образу: бѣлъ, горючъ (камень), удалый, добрый (молодецъ), сыръ, кряковистый дубъ и т. п.

IV. *Сравненіе*. Подъ этимъ названіемъ имѣется въ виду не только и не столько простое уподобленіе, какъ средство поясненія, употребительное и въ обычной, прозаической рѣчи, сколько правильно и выдержанное и построенное, а иногда очень развитое и сложное сопоставленіе двухъ образовъ; такое именно сравненіе слѣдуетъ признать характернымъ изобразительнымъ средствомъ устной поэзіи; оно является однимъ изъ часто употребительныхъ средствъ для создателя или исполнителя устнаго произведенія, чтобы задержать вниманіе, усилить эстетическое впечатлѣніе нужнаго образа, сцены, эпизода. Не избѣгая простыхъ уподобленій (ясны очи, какъ у сокола; черны брови, какъ у соболя; конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ), народная поэзія охотно разраба-

тываетъ именно эти сложныя сравненія, подчиняя ихъ часто опредѣленной формѣ; такъ, сравненіе:

Въ чистомъ полѣ при долинѣ выростало древо,
Выростало древо—березушка бѣла;
Что на этой на березѣ сидѣлъ сизъ голубочекъ:
Онъ не сизенькій голубочекъ—удалой молодчикъ;
Передъ молодцомъ дѣвченка стоитъ, слезно плачетъ,

представляетъ опредѣленную уже схему: сообщаются нѣкоторыя данныя о какомъ-либо предметѣ или явленіи, и во второй части сравненія указывается, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ указаннымъ предметомъ или явленіемъ, а съ другимъ (третья часть); т.-е., первой частью сравненія положительно, второй — отрицательно и характеризуется этотъ другой предметъ или явленіе.

Этотъ типъ сравненія, однако, не принадлежитъ къ числу распространенныхъ въ русской поэзіи; но зато двухчленное сравненіе (представляющее упрощеніе трехчленнаго путемъ опущенія первой части, „положительной") представляется особенно излюбленнымъ въ ней: это т. о. сравненіе черезъ отрицаніе, каковы, напр.:

Не громъ гремитъ,
Не стукъ стучитъ:
Говоритъ Ильюшка своему батюшкѣ.

Или:

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ предъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица.

Иногда (впрочемъ, рѣже) это сравненіе отливается въ форму вопросительно-отрицательную въ первой части, оставаясь двухчленнымъ (т.-е. опуская отрицательный отвѣтъ), напр.:

Ай, не волна ли такъ на морѣ расходилася?
Ай, не сине море всколыбалося?
Ай, взволновался да вѣдь Калинъ царь.

Или:

Не лѣса то ли приклоняются?
Не вода ли проливается

У батюшкина у широкаго двора,
У матушкиной у новой горенки?
Не гуси ли заговорили?
Заговорили добры люди,
Сватушки пріѣзжіе,
А мои то ли разлучники!

Всѣ перечисленные виды изобразительныхъ средствъ устной поэзіи (я коснулся лишь наиболѣе характерныхъ и распространенныхъ изъ нихъ) далеко не равномѣрно примѣняются въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, равно какъ и различно въ одномъ и томъ же произведеніи у различныхъ исполнителей. Причины этого разнообразія, въ первомъ случаѣ, слѣдуетъ искать, повидимому, какъ въ характерѣ отдѣльныхъ видовъ произведеній, такъ и въ ихъ исторіи: произведенія, имѣющія прозаическую форму, напр., сказка, заговоръ, уже въ силу своей формы, менѣе требовательной, пользуются изобразительными средствами менѣе обильно, перенося центръ интереса на самое содержаніе (хотя и не игнорируя совершенно формы), тогда какъ пѣсня, какъ болѣе связанная требованіями художественности формы, естественно склонна поддерживать эту художественность и въ смыслѣ стиля, достигая этого именно сочетаніемъ стихотворной формы съ извѣстнымъ подборомъ изобразительныхъ средствъ. Но и внутри группы стихотворныхъ произведеній, повидимому, наблюдается различной степени стремленіе къ пользованію этими художественными средствами изобразительнаго характера. Это слѣдуетъ, быть можетъ, объяснять въ связи съ воззрѣніемъ на художественную цѣнность различныхъ видовъ творчества въ глазахъ самихъ слагателей и исполнителей, также, быть можетъ, и слушателей, т.-е. литературными вкусами того или иного времени. Такъ, если мы возьмемъ, для примѣра, богатырскую былину и ея дальнѣйшую ступень развитія—т. н. „историческую пѣсню“, то замѣтимъ, что былина будетъ въ смыслѣ пользованія изобразительными средствами богаче этой пѣсни; параллельно съ этимъ мы замѣтимъ, что самое отношеніе къ содержанію въ нихъ будетъ различно; поэтичность въ исторической пѣснѣ окрашена

болѣе внимательнымъ отношеніемъ къ историческому факту, тогда какъ въ былинѣ самая поэтичность образовъ, независимо отъ ихъ исторической фактичности, выдвигается на первый планъ: время сложенія былины, ея характеръ указываютъ на иные литературные вкусы, нежели исторической пѣсни, можетъ быть, стоящіе въ зависимости также и отъ той среды, гдѣ былъ спросъ на былину или на историческую пѣсню.

Конечно, здѣсь играетъ роль и индивидуальность слагателя и сказителя: его памятливость и художественное чутье, талантъ [1]). Эта роль слагателя и (въ настоящее время) сказителя или исполнителя въ особенности получаетъ свое объясненіе главнымъ образомъ изъ того характера, который въ общей композиціи произведенія имѣютъ интересующія насъ изобразительныя средства: они или прямо представляютъ т. н. „общія мѣста", или очень близко подходятъ къ нимъ по употребленію; поэтому, слагатель или исполнитель устнаго произведенія, держа запасъ ихъ въ своей памяти, и пользуется ими для изображенія тѣхъ или иныхъ мотивовъ или сюжетовъ, при чемъ выбираетъ изъ этого готоваго запаса то, чтó ему представляется наиболѣе подходящимъ съ его точки зрѣнія, и одинъ беретъ одно, другой иное „общее мѣсто" или изобразительное средство для выраженія одного и того же образа; отсюда — варіанты, которые мы видимъ въ одной и той же пѣснѣ въ записяхъ ея отъ различныхъ пѣвцовъ; эта разница, не касаясь существенно самаго сюжета, значительно иногда измѣняетъ детали въ обрисовкѣ его: такъ, излагая, напр., разсказъ о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ, одинъ текстъ заставляетъ Илью сшибать съ церквей и про-

---

[1]) Такъ, обладающій хорошей памятью, отчетливо помнящій содержаніе пьесы, обладающій художественнымъ чутьемъ пѣвецъ увѣренно, съ мѣрой и стройно пользуется изобразительными средствами; плохой пѣвецъ, лучше всего помнящій общія, часто повторяющіяся мѣста, воспроизводя пѣсню, детали содержанія коей уже вывѣтрились въ его памяти, злоупотребляетъ изобразительными средствами, нагромождая ихъ, въ ущербъ цѣльности впечатлѣнія отъ пѣсни, другъ на друга, какъ бы возмѣщая недочеты содержанія внѣшнимъ раздуваніемъ объема пѣсни.

пивать кресты золотые, другой—заставляетъ продѣлывать то же съ маковками золочеными княжескаго терема, очевидно, находя неудобнымъ приписывать почтенному богатырю Ильѣ такой святотатственный поступокъ; въ другихъ случаяхъ мы замѣтимъ аналогичныя явленія: понравившійся эпизодъ исполнитель разрабатываетъ особенно детально, внося не только повторенія, но и давая подъ рядъ нѣсколько различнымъ образомъ скомпанованныхъ картинъ одного и того же эпизода; а матеріалъ для этихъ композицій и даетъ ему запасъ традиціонныхъ изобразительныхъ средствъ, имѣющійся въ его памяти. Т. о. мы самый процессъ исполненія (не говоря уже о процессѣ самаго сложенія произведенія) можемъ представлять себѣ до извѣстной степени не какъ простое воспроизведеніе разъ установленнаго текста, а какъ постоянно измѣняющееся въ частностяхъ и въ формальномъ отношеніи изложеніе традиціоннаго содержанія; а это и является возможнымъ именно въ виду устной передачи произведенія и общаго характера изобразительныхъ средствъ, указаннаго выше: они даютъ исполнителю нѣкоторый просторъ въ примѣненіи его личныхъ качествъ и дѣлаютъ даже необходимымъ его болѣе активное участіе въ этомъ воспроизведеніи: въ такомъ случаѣ, разумѣется, искусство въ пользованіи изобразительными средствами, чувство художественности, мѣры въ значительной степени опредѣляютъ и художественную цѣнность самаго воспроизведенія, а степень памятливости—степень сохранности стариннаго произведенія въ передачѣ его современнымъ намъ исполнителемъ.

При такомъ взглядѣ на изобразительныя средства, помимо ихъ художественнаго значенія, мы получаемъ довольно прочное средство для изученія самой литературной исторіи устно-народнаго произведенія: уяснивши формальныя особенности его, мы можемъ правильнѣе подойти къ его сюжету съ исторической точки зрѣнія, къ возстановленію произведенія въ его наиболѣе близкомъ къ первоначальному видѣ.

БЫЛИНЫ

БЫЛИНЫ.

Былины—ста́рины [1])—принадлежатъ, несомнѣнно, къ наиболѣе художественному изъ всѣхъ видовъ устной словесности, но зато и къ наиболѣе сложнымъ по своей композиціи среди произведеній этой словесности. Ихъ художественная, а отчасти и историческая цѣнность была причиной того, что и въ наукѣ на нихъ обращено было вниманіе ранѣе, нежели на другіе виды устнаго творчества, и вниманіе это было болѣе пристальнымъ: на изученіи старинъ основывались главнымъ образомъ первые изслѣдователи исторіи русской народности, на нихъ преимущественно строились ихъ красивыя теоріи „безыскусственнаго", „общенароднаго", уходящаго въ глубину доисторическаго времени „коллективнаго" творчества съ его миѳологіей природы и т. д.; эти же былины оказались отправнымъ пунктомъ и для представителей скептическихъ воззрѣній на идеалистическо-патріотическія построенія въ области русской народно-устной поэзіи; наконецъ, на изученіи тѣхъ же былинъ въ значительной степени выросла современная намъ школа историко-бытового изслѣдова-

---

[1]) Ставшее у насъ обычнымъ названіе эпическихъ пѣсенъ „былинами" пущено было въ ходъ въ 30—40-хъ гг. прошлаго вѣка извѣстнымъ любителемъ народной поэзіи и народности И. П. Сахаровымъ; оно осталось неизвѣстнымъ у самихъ носителей устной поэзіи, называющихъ наши былины „старинами", „старинками", при чемъ они распространяютъ это названіе и на другіе виды устнаго творчества, очевидно, подчеркивая этимъ названіемъ давность ихъ происхожденія, отличіе отъ современной поэзіи.

нія устной литературы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что наша былина оказывается и наиболѣе разработаннымъ и наиболѣе тщательно разыскиваемымъ среди всѣхъ извѣстныхъ намъ видовъ устнаго творчества, что въ этой области исторіи литературы болѣе, чѣмъ въ другихъ, мы встрѣтимся съ разнообразіемъ мнѣній, часто основныхъ, притомъ порой доходящихъ до полнаго противорѣчія другъ другу: достаточно напомнить, напр., что, тогда какъ одни изслѣдователи видѣли въ былинахъ лучшее доказательство самобытности и глубочайшей древности русской народной поэзіи, другіе въ нихъ же находили доказательства несамобытности, заимствованія самыхъ основъ русскаго эпоса, его поздняго происхожденія; одни приводили былины въ доказательство правъ великорусскаго племени на роль прямого наслѣдника древнерусскаго (М. П. Погодинъ), другіе совершенно отказывали былинѣ въ этомъ значеніи (малорусскіе ученые) и т. д. Эта тѣсная связь изученій въ области былины съ крупными и общими вопросами не только исторіи всей литературы, но и всего нашего прошлаго, и привела къ обширной научной литературѣ, сгруппировавшейся около нея, и дала, дѣйствительно, возможность выяснить многое и въ исторіи самой былины, если и не дала еще разрѣшенія всѣмъ связаннымъ съ этой исторіей вопросамъ, заставляя въ цѣломъ рядѣ случаевъ ограничиваться болѣе или менѣе обоснованной гипотезой.

Не излагая въ подробностяхъ, здѣсь излишнихъ, всего хода изученія исторіи былины, всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ мнѣній, которыя высказывались о ней по тому или иному поводу, ограничимся лишь тѣми наблюденіями надъ этой исторіей, которыя покажутъ, къ какимъ результатамъ по отношенію къ былинѣ пришелъ длинный рядъ изслѣдователей ея за время чуть не столѣтняго изученія и собиранія былины.

Прежде всего—о самомъ былинномъ матеріалѣ: начиная съ изданныхъ въ 1818 году К. Ѳ. Калайдовичемъ „Древнероссійскихъ стихотвореній“ [1]), шло съ небольшими перерывами энергичное

[1]) Переиздавались не разъ и позднѣе: въ 1878, 1901 гг.

собиранiе былинъ, какъ въ видѣ старинныхъ случайныхъ записей ихъ, попадавшихъ изрѣдка въ старинныя рукописи XVII и XVIII вв., такъ—и притомъ главнымъ образомъ—прямо изъ устъ современныхъ „сказителей" и „сказительницъ"; въ результатѣ теперь мы обладаемъ громаднымъ количествомъ былинныхъ текстовъ, представляющихъ отдѣльные былинные сюжеты въ значительномъ, а иногда и весьма значительномъ числѣ записей каждый; чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ записи эти сдѣланы точнѣе, тѣмъ болѣе онѣ снабжены цѣннымъ для пониманiя этого вида творчества матерiаломъ наблюденiй, каковы, напр., крупнѣйшiе сборники былинъ: А. Ѳ. Гильфердинга (1873), П. Н. Рыбникова (1861—67), П. В. Кирѣевскаго (1860—74), П. В. Шейна (1877), П. С. Ефименка (1878), Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера (1894), А. В. Маркова (1901), А. Д. Григорьева (1904—10), Н. Е. Ончукова (1904) и др. [1]).

Этотъ богатый матерiалъ, взятый въ цѣломъ, даетъ уже нѣкоторую возможность обобщенiй. Такъ, теперь можно уже довольно увѣренно сказать, во-первыхъ, что былинное творчество, несомнѣнно, есть творчество прошлаго, оно уже закончилось: былины давно перестали созидаться вновь; послѣднiя попытки въ этомъ направленiи, рѣдкiя и мало уже удачныя, могутъ быть отнесены къ началу XVIII вѣка (старинка о Бутманѣ королевичѣ) или къ концу этого столѣтiя (Исцѣленiе Ильи); не будетъ также большимъ рискомъ предположить, что самое послѣднее время активной жизни былины падаетъ на эпоху не позднѣе XVI—XVII вѣковъ, имѣвшихъ, какъ увидимъ, въ исторiи всей вообще народной поэзiи рѣшающее значенiе. Во-вторыхъ, тотъ же матерiалъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что, до настоящаго времени собранный, онъ почти полностью исчерпываетъ содержанiе былинной поэзiи: она исчерпывается приблизительно 35—40 отдѣльными сюжетами, при чемъ, однако, число различныхъ комбинацiй этихъ сюже-

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ (въ частности Гильфердинга и Рыбникова) есть и въ повторныхъ изданiяхъ.

товъ будетъ, разумѣется, гораздо больше этой цифры; съ другой стороны, можно съ значительной увѣренностью полагать, что надежды найти еще неизвѣстные до сихъ поръ по записямъ сюжеты у насъ почти нѣтъ: самое большее, на что мы можемъ разсчитывать, это—встрѣтить новыя для насъ—и притомъ едва ли многочисленныя—комбинаціи уже извѣстныхъ сюжетовъ или мотивовъ, какъ въ этомъ можно было убѣдиться хотя бы по сборнику „Бѣломорскихъ былинъ“ А. В. Маркова и въ частности на примѣрѣ „новонайденной“ старины о Камскомъ побоищѣ. Въ-третьихъ, точная регистрація былиннаго матеріала въ географическомъ отношеніи убѣждаетъ насъ прежде всего въ томъ, что былина въ настоящее время существуетъ только у одного великорусскаго племени, хотя у насъ есть довольно вѣскія данныя предполагать, что она въ прежнее, м. б., довольно раннее, (до XIV—XV вв.) время и вплоть до XVI вѣка была извѣстна и въ предѣлахъ малорусскаго и отчасти и бѣлорусскаго племенъ [1]). И въ предѣлахъ самого великорусскаго племени былина не представляетъ явленія общераспространеннаго въ настоящее время: районъ ея извѣстности ограниченъ преимущественно окраинами этого племени, гдѣ русское населеніе въ значительной степени явилось результатомъ колонизаціи, шедшей изъ старыхъ центровъ: такъ, былина въ особенно большомъ количествѣ встрѣчается на нашемъ европейскомъ сѣверѣ (Олонецкій, Архангельскій, Бѣломорскій края), въ западной Сибири, затѣмъ въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ и Предкавказьѣ, поскольку эти послѣднія заселены великоруссами; какъ большая рѣдкость, встрѣчена она въ центрѣ великорусскаго племени (Московскій районъ), въ Новгородской губерніи, т.-е.: былина извѣстна теперь, какъ разъ,

[1]) Исчезнувшая у малоруссовъ, она оставила по себѣ слѣдъ въ другихъ видахъ творчества, каковы: сказки, пѣсни-колядки, мѣстныя историческія преданія. Въ Бѣлоруссіи въ XVI в., по свидѣтельству мѣстнаго (минскаго) обывателя Филона Кмиты Чернобыльскаго, еще помнили про Илью Муромца и Соловья разбойника (хотя и путали послѣдняго съ Соловьемъ Будимировичемъ).

именно въ мѣстностяхъ, получившихъ въ разное время свое русское населеніе либо изъ стараго Новгорода, либо изъ старой Москвы. Такое географическое распредѣленіе былиннаго матеріала, разсматриваемое, съ одной стороны, въ связи съ исторіей передвиженій и распространенія самого русскаго племени, въ связи съ географическимъ распредѣленіемъ отдѣльныхъ былинныхъ сюжетовъ—съ другой, позволяетъ предположительно въ такомъ видѣ рисовать себѣ исторію былины въ прошломъ: занесенная въ центръ великорусскаго племени и созидавшаяся здѣсь (въ Московскомъ районѣ, какимъ мы представляемъ его себѣ въ XIV—XVI вѣкахъ), отчасти въ сѣверной его окраинѣ (въ Новгородской области), былина въ распространеніи своемъ двигалась по путямъ колонизаціи русскаго племени, захватывая т. о. нашъ сѣверъ, позднѣе Поволжье, западную Сибирь, еще позднѣе Предкавказье; въ этихъ мѣстахъ въ большей или меньшей сохранности застали ее и мы, когда стали непосредственно съ нею знакомиться.

Въ самихъ же культурныхъ центрахъ русской жизни былина давно уже стала пропадать; причины этого послѣдняго обстоятельства отчасти намъ извѣстны: это были измѣненія въ жизни общества условій, необходимыхъ, какъ сейчасъ увидимъ, для сохраненія и развитія этого рода творчества. Внимательное, притомъ освѣщаемое исторически, ознакомленіе съ условіями теперешняго состоянія былинной традиціи вскрыло передъ нами въ значительной степени и условія жизни былины въ прошломъ: если мы видимъ, что былина теперь можетъ сохраняться лишь при наличности тѣхъ условій быта, которыя въ настоящее время представляютъ переживанія прежняго, и пропадаетъ, разъ изъ быта исчезаютъ подъ вліяніемъ прогресса эти переживанія, то мы можемъ отвѣтить на вопросъ: благодаря чему и кому старинная былина могла дожить, если и не развиваясь, до нашихъ дней? Почему она въ наше время быстро идетъ на убыль? Изъ условій быта, особенно способствовавшихъ сохраненію былины, наблюдатели указываютъ, какъ на болѣе важныя, на слѣдующія: общую архаичность и патріархальность быта, слабо подвер-

гающіяся постороннимъ вліяніямъ, идущимъ изъ среды болѣе высокой по развитію и иной по характеру культуры; сравнительно слабо развитую общественную жизнь; отсутствіе грамотности, быстро мѣняющей литературные вкусы и ослабляющей привычку развивать и поддерживать память въ степени, необходимой для сохраненія такого превышающаго обыкновенные ея размѣры словеснаго матеріала, какими представляются—и вполнѣ справедливо—былины, произведенія въ общемъ весьма сложныя и по формѣ и по содержанію; затѣмъ — характеръ занятій, дающихъ возможность удѣлять время пѣснѣ во время самой работы [1]); наконецъ, сама природа края, поддерживающая и воспитывающая въ человѣкѣ независимость характера, привычку прежде всего полагаться на себя, на свои силы въ борьбѣ съ суровыми условіями жизни, а также отсутствіе дѣйствовавшаго разлагающимъ образомъ на характеръ человѣка крѣпостного права, откуда—любовь къ свободѣ, уваженіе къ личности и т. д. Всѣ эти условія, имѣвшія мѣсто когда-то и въ центрахъ великорусской жизни, до весьма недавняго времени были налицо на нашемъ сѣверѣ, въ западной Сибири съ ихъ энергичнымъ населеніемъ, отчасти въ Поволжьѣ съ его казацкимъ бытомъ и „вольницей“. Т. о. съ распространеніемъ нивеллирующей культуры новаго европейскаго типа, постепенно и, чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе и безслѣднѣе стирающей старинныя особенности быта, измѣняющей и литературные вкусы, постепенно пропадаетъ и былина, которая теперь сохраняется лишь въ глуши, куда еще не проникли въ достаточной мѣрѣ начала иной культуры.

Но наличности однихъ указанныхъ благопріятныхъ условій не достаточно еще для объясненія того, какъ столь сложныя по составу и формѣ произведенія, каковы былины, могли сохраниться въ теченіе вѣковъ, передаваемыя по памяти изъ поколѣнія въ поколѣніе устнымъ путемъ: и самый бытъ, какъ бы ни былъ онъ консер-

---

[1]) Каково, напр., плетеніе и починка сѣтей во время рыбной ловли, когда приходится сидѣть на мѣстѣ, а работа носитъ характеръ механическій, или невольное бездѣлье въ ожиданіи звѣря на охотѣ и т. п.

вативенъ, не могъ съ XVI-го по крайней мѣрѣ вѣка оставаться неизмѣннымъ, и самая память человѣческая въ обычномъ ея примѣненіи не достигаетъ такой устойчивости. Съ другой стороны, присматриваясь къ современному намъ состоянію былинной традиціи, мы видимъ, что теперь нѣтъ исполнителей былины по профессіи, нѣтъ сколько-нибудь организованнаго обученія былинамъ, усвоеніе которыхъ однимъ „сказителемъ“ отъ другого—дѣло чисто-случайное [1]); а мы видѣли, что исполненіе ея требуетъ, кромѣ памяти, особыхъ способностей (въ томъ числѣ и музыкальныхъ) и выработки особаго навыка, не исключаемаго и талантливостью. Такого рода условія исполненія и сохраненія былины, а также скудные историческіе намеки въ литературѣ приводятъ къ мысли, что и для нашей былины, какъ и у другихъ народовъ, имѣющихъ въ своемъ прошломъ подобныя эпическія пѣсни, у насъ должны были быть особые профессіональные создатели и носители, культивировавшіе этотъ видъ творчества и передававшіе его, какъ ремесло, въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ такихъ же профессіональныхъ мастеровъ-пѣвцовъ; иначе сказать: въ теперешнихъ сказителяхъ былинъ мы должны видѣть преемниковъ профессіональныхъ пѣвцовъ, теперь сошедшихъ уже со сцены и передавшихъ свое исскусство любителямъ изъ крестьянъ. И дѣйствительно, какъ историческіе намеки, такъ и отдѣльныя черты содержанія и самой композиціи дошедшей до насъ былины подтверждаютъ такое предположеніе и позволяютъ намѣтить даже ту среду, которая, между прочимъ, могла давать создателей и носителей былины въ прошломъ.

Ознакомленіе съ технической стороной былины, разъясняя одну изъ ея особенностей въ прошломъ, въ то же время дастъ

---

[1]) Пѣвцами былинъ въ настоящее время являются крестьяне, казаки, среди нихъ—люди, м. б., выдающіеся дарованіями, способностями, но не выдѣляющіеся по своему быту и занятіямъ изъ своей среды. Былины одинаково поются и мужчинами и женщинами; поютъ ихъ и домовитые крестьяне, и промышленники, и нищіе калики, и старые и сравнительно молодые.

намъ знакомство съ нею, какъ произведеніемъ художественно-литературнымъ. Въ отличіе отъ прежняго взгляда на былину, какъ на продуктъ какого-то „безыскуственнаго“, „коллективнаго“, „безсознательнаго“ творчества, современные изслѣдователи ея видятъ въ ней произведеніе, построенное весьма искусно на основахъ прочно сложившейся, своеобразной (правда, такой же, какъ и сама былина, не писанной) традиціонной поэтики, не допускаютъ поэтому мысли о безсознательности или „безличности“ и „безъискусственности“ въ ея созданіи. Если взять лучшіе по стройности формы и выдержанности содержанія былинные тексты по хорошимъ записямъ, то на основаніи ихъ мы можемъ отмѣтить главнѣйшіе пріемы былиннаго творчества. Въ такой былинѣ мы различимъ, болѣе или менѣе ясно, слѣдующія отдѣльныя части: 1) запѣвъ, представляющій какъ бы прелюдію, увертюру, къ основному содержанію пѣсни; онъ содержитъ или простое указаніе на предметъ слѣдующей далѣе пѣсни, или на мѣстность и мѣсто, гдѣ будетъ происходить дѣйствіе, или картину природы, долженствующую дать впечатлѣніе, близкое къ тому, которое создаетъ тотъ или иной эпизодъ въ самой пѣснѣ, или предварительную характеристику героя былины, или же, наконецъ, нѣсколько стиховъ, прямого отношенія къ содержанію пѣсни не имѣющихъ, но указывающихъ скорѣе на самого исполнителя былины, его желанія и т. п.; особенно же часто въ видѣ запѣва встрѣчаемъ указаніе на обстановку, въ которой начинается дѣйствіе былины. Вотъ нѣсколько такихъ запѣвовъ:

Да доселева Резанюшка слободой слыла,
Еще ныньче Резань словетъ городомъ [1]).

Или:

А какъ падала погодушка да со синя моря,
А со синя моря съ Корсунскаго
А со дождями-то, съ туманами.

---

[1]) Дѣйствіе былины (бой Ильи съ Добрыней) происходитъ, дѣйствительно, въ Рязани и около нея.

Или:

Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи молонья сверкать:
Подымается силушка зловѣрная.

Или:

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Или:

Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ-подъ бѣлаго Латыря каменя,
Тутъ повышла—повыбѣжала,
Выбѣгала—вылетала матка Волга рѣка.
. . . .
Да все это, братцы, не сказочка,
А все это, братцы, прибауточка.
Теперь-то Добрынюшкѣ зачинъ пошелъ [1]).

Или же:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы выпилъ, да и намъ бы поднесъ!
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте.

Или, наконецъ:

У ласкова у князя у Владимира
Было пированье, почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскiихъ могучiихъ богатырей,
И на всю поленицу [2]) удалую.

2) Изложенiе самого содержанiя былины. 3) Разсказъ былины заканчивается часто особымъ „исходомъ", содержащимъ въ себѣ по характеру и смыслу приблизительно то же, что̀ запѣвъ:

---

[1]) Былина разсказываетъ о Добрынѣ и змѣѣ.

[2]) То же, что „богатыри"—отъ слова: поле (ѣздить въ поле для подвиговъ, „поляковать", по выраженiю былинъ).

Синему морю да на тишину,
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Или:

А тутъ Соловью ему славу поютъ,
А й славу поютъ ему вѣкъ по вѣку.

Или:

А тутъ той старинкѣ и славу поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старинка и кончилась.

Или:

Тѣмъ старина и кончилася.

Или (въ духѣ сказочнаго исхода):

А началъ тутъ онъ жить да быть,
А жить-то быть да семью водить,
А семью водить да дѣтей плодить,
А сталъ онъ тутъ по здоровому,
А сталъ-то онъ да по хорошему.

Или:

А Дунай, Дунай, да болѣ вѣкъ не знай!

Если къ только что сказанному о строеніи былины присоединить то, что̀ намъ уже извѣстно объ изобразительныхъ средствахъ, какъ объ одной изъ существенныхъ чертъ былинной поэтики, то станетъ ясно, что былина имѣла свою опредѣленную искусную технику, безъ знанія и умѣнія пользоваться которой не могла обойтись она при своемъ сложеніи и исполненіи; а это ведетъ, естественно, къ предположенію, что былина должна была имѣть своихъ мастеровъ, т.-е. профессіональныхъ исполнителей и творцовъ, изучавшихъ и поддерживавшихъ эту традиціонную технику. И въ самой былинѣ, даже въ томъ ея видѣ, въ какомъ мы ее теперь застаемъ, сохранились кое-гдѣ намеки на опредѣленную группу такихъ исполнителей или, быть можетъ, слагателей, оставившихъ свой слѣдъ въ ней, исполняемой теперь крестьяниномъ-любителемъ: нѣкоторые запѣвы и исходы былинъ, особенно носящіе характеръ прибаутки, не связанной съ содержаніемъ самой пѣсни, выдаютъ свое происхожденіе (а вмѣстѣ и самой былины по ея прежнему исполненію или созданію) изъ круга профессіональныхъ, народныхъ увеселителей—скомороховъ; ограничусь

одной такой прибауткой въ дополненіе къ приведеннымъ выше, какъ довольно характерной:

Ай чистыя поля ко Опскову,
А широки раздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскія,
А церковно-то строенье въ каменной Москвѣ,
Колокольней-отъ звонъ да въ Новѣгородѣ,
Ай тертые калачики Валдайскіе,
Ай щапливы щеголихи въ Ярославлѣ городѣ,
Дешевы поцѣлуи въ Бѣлозерской сторонѣ,
А и сладки напитки во Питерѣ,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щелье-каменье ко сиверику,
А широки подолы Пудожаночки,
Ай дублены сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ,
Толстобрюхія бабенки Лемшезерочки,
Ай пучеглазыя бабенки Пошозерочки,
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай!

И въ самомъ содержаніи или, лучше сказать, въ общемъ колоритѣ иныхъ былинъ можно подозрѣвать, что онѣ, если и не создались непремѣнно въ средѣ скомороховъ, то во всякомъ случаѣ прошли когда-то черезъ эту среду, въ которой разгулъ, шутка, не всегда скромная, были дѣломъ настолько обычнымъ, что вызывали строгое осужденіе и крутыя мѣры со стороны московскаго правительства въ былое время; такова, напр., былина о Василіи пьяницѣ, возведшая пропоицу въ спасители Кіева и такъ детально, „съ знаніемъ дѣла“ описывающая кабацкія сцены. И скудныя въ общемъ наши историческія свидѣтельства о былинахъ въ старое время подтверждаютъ предположеніе, сдѣланное на основаніи самыхъ текстовъ былинъ, т.-е. о томъ, что исполнителями былинъ въ числѣ другихъ профессіоналовъ были, дѣйствительно, и скоморохи: одно изъ такихъ свидѣтельствъ оставилъ намъ, напр., извѣстный русскій историкъ первой половины XVIII в. В. Н. Татищевъ: онъ въ своей „Исторіи россійской“ вспоминаетъ, говоря о Владимирѣ Святомъ, что въ дѣтствѣ своемъ (стало быть, въ концѣ XVII-го или въ началѣ XVIII-го вѣка) пѣсни о Владимирѣ и его богатыряхъ

(т.-е. былины) онъ слыхалъ именно отъ скомороховъ. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что древне-русское общество имѣло съ давняго времени въ скоморохахъ своихъ носителей всякаго художества, предназначавшагося для развлеченія и эстетическаго удовольствія не только низшихъ классовъ, давало заработокъ имъ, пользуясь ихъ искусствомъ пѣнія, музыки, разсказа и пляски, (ср. упоминанія въ древней письменной литературѣ о гудцахъ, игрецахъ, плясцахъ, бахаряхъ и т. п., идущія чуть не съ XII—XIII вѣковъ). Были ли скоморохи единственными профессіональными слагателями и носителями былины, или же былина культивировалась также и другими лицами, у насъ прямыхъ указаній не имѣется; но есть всеже нѣкоторое основаніе думать, что и помимо скомороховъ былина могла имѣть своихъ поэтовъ и сказителей; такъ заставляетъ думать тѣсная связь былины съ княжескимъ и городскимъ бытомъ древней Руси по ея содержанію, а отчасти и по характеру (въ частности былины „боевой“ и былины-„новеллы“): весьма возможно, что она слагалась и исполнялась также въ средѣ княжеской дружины, городскихъ сословій, что̀ будетъ согласно и съ лѣтописными извѣстіями о существованіи „княжихъ“ пѣвцовъ и съ представленіемъ о такихъ поэтахъ-пѣвцахъ, какимъ былъ, напр., авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ или его вдохновитель, „вѣщій“ Боянъ.

Исходя изъ такого представленія о былинѣ, какъ о произведеніи, создающемся сознательно подготовленными къ ея сочиненію и исполненію людьми, которые уже въ силу сложности и искусства техники самой былины не могли не обладать нѣкоторымъ развитіемъ и образованіемъ литературнымъ, хотя бы въ видѣ знакомства съ небольшимъ кругомъ популярныхъ произведеній ея, изслѣдователи подходятъ и еще ближе къ уясненію исторіи былины, опредѣляя ея общій характеръ и ея отношенія къ другимъ произведеніямъ старинной литературы, устанавливаютъ ея источники, отчасти намѣчая и исторію внѣшней ея формы.

Что касается общаго характера былины, то представители современной исторической школы, тѣсно связывая содержаніе ея съ

исторіей русскаго племени и съ его бытомъ, въ отличіе отъ старшей школы „миѳологовъ"-народниковъ, видятъ въ былинахъ прежде всего основу историческую, т.-е.: отправнымъ моментомъ при созданіи былины является дѣйствительный фактъ въ жизни русскаго общества, будемъ ли подъ этимъ фактомъ подразумѣвать опредѣленное событіе изъ русской исторіи, или пережитое настроеніе, или же сюжетъ, хотя бы и заимствованный, но усвоенный сознаніемъ общества — безразлично; въ связи съ такъ понимаемой исторической основой былины уясняются и остальныя черты въ исторіи ея: былина, отразившая въ поэтической обработкѣ историческій фактъ и бытовую сторону эпохи своего сложенія (т.-е. также фактъ), въ теченіе своей жизни продолжаетъ нести на себѣ послѣдствія этой связи, измѣняя отдѣльныя детали, получая наслоенія, идущія изъ того же быта и переживаній общества въ послѣдующее время; поэтому-то, если мы желаемъ вскрыть первоначальную основу былины, выяснить ея первоначальное содержаніе, мы должны, изучая ея варіанты, какъ отраженія послѣдовательныхъ въ ней измѣненій, не порывая вмѣстѣ съ тѣмъ связи съ исторіей быта, постепенно снять съ нея эти позднѣйшія наслоенія, возстановить, т. о., измѣнившіяся детали, и тогда получимъ возможность судить о томъ историческомъ фактѣ, который легъ въ основу былины, судить о томъ, какъ авторъ ея обработалъ этотъ фактъ въ поэтическое произведеніе, иначе: можемъ выяснить процессъ самого созданія той или иной былины. Такой „ретроспективный" путь историческаго изученія былины, принятый теперь изслѣдователями, приводитъ къ опредѣленію источниковъ былины и дальнѣйшихъ ея измѣненій, отношеній ея къ другимъ произведеніямъ нашего творчества, даетъ въ результатѣ полное освѣщеніе исторіи изучаемой былины.

Но путь этотъ далеко еще не пройденъ наукой по отношенію къ былинѣ въ ея цѣломъ. До сихъ поръ можно считать установленными съ большей или меньшей точностью лишь отдѣльные моменты въ этой исторіи. Къ числу ихъ надо отнести прежде всего указанное опредѣленіе основы былины, какъ исторической:

если не всегда намъ удается, по состоянію нашихъ историческихъ и историко-литературныхъ познаній, точно указать фактъ, легшій въ основу той или другой былины, то все же это обстоятельство не можетъ поколебать увѣренности въ наличности такого факта, хотя бы намъ и неизвѣстнаго пока. Именно, эта цѣль — связать содержаніе изучаемой былины съ фактомъ, или точно засвидѣтельствованнымъ нашими письменными памятниками, или закрѣпленнымъ устнымъ преданіемъ, или же нами предполагаемымъ на основаніи указаній изъ другихъ областей нашего прошлаго,—эта главная цѣль и составляетъ первую задачу того научнаго комментарія къ былинѣ, который мы даемъ ей, желая ввести въ дальнѣйшее ея изученіе, какъ продукта литературно-устнаго творчества прежняго, иногда довольно отдаленнаго времени. Слѣдующій шагъ, сдѣланный наукой въ выясненіи исторіи былины, это — опредѣленіе времени и мѣстностей тѣхъ фактовъ, которые вошли въ составъ былины, а черезъ это приблизительное опредѣленіе мѣста и времени созданія той или иной былины. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ въ наукѣ мы встрѣчаемъ много колебаній, объясняющихся недостаточной устойчивостью матеріала, представляемаго въ значительной степени устнымъ же преданіемъ историческаго характера, недостаточно еще изученной съ исторической точки зрѣнія поэтикой былиннаго творчества и т. д. Не рискуя, однако, сдѣлать большую неосторожность, можно предполагать, что въ основѣ былинъ лежатъ преданія о фактахъ и довольно древняго времени, и сравнительно поздняго: есть преданія о событіяхъ и кіевскаго времени, и времени татарщины, и времени московскаго, т.-е., начиная съ X-го и XI-го вѣковъ и кончая XVI-мъ и XVII-мъ. По мѣсту своего распространенія и, какъ говорятъ, „бытованія“, преданія эти принадлежатъ и югу Россіи: старой Кіевщинѣ, Черниговщинѣ, и юго-западу: Галичу, Волыни, Подоліи, и средней Россіи: Ростову, Владиміру, Суздалю, Рязани, Москвѣ съ ихъ областями, и сѣверной: Новгородской области. Допуская связь былины съ такими мѣстными преданіями, можно предполагать, что и сама былина зарождалась большею частію въ тѣхъ же мѣстахъ. Если та-

кое предположеніе пріемлемо, возможно представить себѣ и дальнѣйшую судьбу былины: мѣстная первоначально, она съ движеніемъ населенія распространялась, перекочевывала въ другія мѣста, здѣсь, сталкиваясь съ подобными же мѣстными пѣснями, измѣнялась, получала наслоенія, осложнялась и т. д. Слѣды этого первоначально мѣстнаго характера отдѣльныхъ былинъ сохранились въ отдѣльныхъ изъ нихъ до сихъ поръ: таково, напр., значительное количество былинъ не боевого характера, до сихъ поръ носящихъ на себѣ черты своего новгородскаго происхожденія; Алеша Поповичъ былинъ о Калкскомъ побоищѣ, о Тугаринѣ долженъ быть сочтенъ первоначально мѣстнымъ ростовскимъ богатыремъ, лишь позднѣе включеннымъ въ такъ называемый кіевскій циклъ и т. п. Рядомъ съ этимъ процессомъ передвиженія, „странствованія“ былиннаго эпоса наблюдаются въ немъ и другіе, доведшіе его до того вида, въ которомъ его застаемъ мы; къ такимъ процессамъ слѣдуетъ отнести извѣстнаго рода стремленіе къ циклизаціи (наблюдаемое, и еще въ большей степени, также и въ другихъ эпосахъ), выразившееся въ объединеніи около имени одного героя сказаній пѣсенъ, первоначально говорившихъ о другихъ богатыряхъ, въ своего рода поглощеніи становящимся популярнымъ героемъ менѣе популярныхъ: процессъ этотъ совершался въ исторіи былинъ, повидимому, медленно: такъ, можно думать, что центральный богатырь боевого эпоса—Илья—занялъ это мѣсто въ немъ едва ли ранѣе XVI—XVII вѣка, и то не успѣвъ цѣликомъ поглотить болѣе слабыхъ богатырей: есть былины, гдѣ Илья не играетъ либо никакой роли, либо второстепенную, каковы упомянутыя пѣсни объ Алешѣ, пѣсни о Добрынѣ и др.

Въ связи съ професcіональнымъ исполненіемъ былины пѣвцами, совмѣщавшими въ своихъ репертуарахъ (какъ и современные сказители) цѣлый рядъ пѣсенъ, и не только былевыхъ, а также въ виду упомянутаго передвиженія былинъ, приходившихъ естественно въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, получаетъ объясненіе и самое стремленіе къ циклизаціи, а также наблюдаемое въ современныхъ текстахъ взаимовліяніе между отдѣльными былинны-

ми сюжетами и самими былинами: пѣвцы (личное вліяніе коихъ при передачѣ былины нами уже отмѣчалось) сообразно своимъ вкусамъ, степени памятливости легко переносили и переносятъ отдѣльныя детали изъ одной былины въ другую, чаще всего наталкиваемые на такой переносъ упомянутыми „общими“ мѣстами; а по ассоціаціи за ними перенося также цѣлые эпизоды и изъ содержанія сосѣдней былины въ исполняемую, пользуются иногда тѣмъ же методомъ даже для созданія какъ бы новой былины, состоящей на дѣлѣ часто изъ новой только комбинаціи уже извѣстныхъ ранѣе отдѣльныхъ мотивовъ или сюжетовъ: такова, напр., „новая“ былина о Камскомъ побоищѣ. На почвѣ того же взаимодѣйствія между отдѣльными былинами и стремленія къ циклизаціи получаютъ, разумѣется, свое объясненіе и такъ называемыя „сводныя“ былины: во всякомъ случаѣ, это—явленіе въ исторіи былины сравнительно позднее и, конечно, не первичное.

То же историческое, объективное, изученіе былины въ связи съ общимъ ходомъ исторіи нашей древней письменной и остальной устно-народной литературы установило приблизительно и тотъ кругъ источниковъ, по крайней мѣрѣ, тѣ группы ихъ, откуда былина чаще всего черпала свое содержаніе: помимо историческаго факта (въ томъ смыслѣ, какъ это указано было), былина широко пользуется устнымъ преданіемъ, захватывая вмѣстѣ съ нимъ и другіе элементы устнаго творчества, своего русскаго и международнаго, поскольку послѣднее имѣло мѣсто на русской почвѣ, часто даже отправляясь отъ подобнаго сюжета, напр., въ былинѣ о Добрынѣ и Алешѣ или былинѣ о томъ, какъ князь Романъ жену терялъ; широко пользуется былина и т. н. книжной литературой, беря оттуда не только отдѣльные мотивы для тѣхъ или иныхъ деталей своего изложенія, но даже иногда и самую основу: такого рода отзвуки книжной литературы находимъ, напр., въ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ, дающей точки соприкосновенія съ книжными сказаніями о Соломонѣ и повѣстью о Басаргѣ, а былина о Васильѣ Окуловичѣ, былина о сорока каликахъ представляютъ въ основѣ прямо переработку въ былевую пѣсню, одна—

тѣхъ же сказаній о Соломонѣ, другая—библейскихъ сюжетовъ о прекрасномъ Іосифѣ. Такого рода отношенія устной былины къ литературѣ письменной становятся вполнѣ понятными, если принять во вниманіе культурный уровень профессіоналовъ, слагателей и носителей былины въ прошломъ (о чемъ была рѣчь выше), а также среду слушателей былины, ко вкусамъ и уровню коихъ, вполнѣ понятно, приспособлялся профессіоналъ, соблюдая интересы своего ремесла.

Наконецъ, имѣя въ виду устанавливаемую изслѣдователями тѣсную связь былины (какъ и всѣхъ другихъ произведеній устной словесности) съ бытомъ, исходя изъ данныхъ прошлаго этого быта, отложившихся на былинѣ въ дошедшихъ до насъ ея текстахъ, мы получаемъ возможность подойти къ ней и еще ближе, какъ къ бытовому памятнику опредѣленной болѣе или менѣе приблизительно эпохи русской жизни и литературы. Тутъ получаетъ извѣстное значеніе указанное выше представленіе о былинѣ, какъ о такомъ видѣ творчества, который, восходя своимъ началомъ къ довольно, быть можетъ, древнему времени, въ XVII-мъ вѣкѣ, а еще болѣе вѣроятно, уже въ XVI-мъ закончилъ свое развитіе, постепенно уступая свое мѣсто слѣдующей стадіи жизни эпической поэзіи [1]).

Такое представленіе о XVI-мъ вѣкѣ, какъ о вѣкѣ критическомъ для жизни былины, получаетъ свое основаніе изъ установленнаго уже прочно въ исторической наукѣ взгляда на этотъ вѣкъ, какъ на эпоху рѣшительную по своему значенію для всей русской жизни, эпоху окончательной выработки, завершенія идейнаго развитія, государственнаго и народнаго, на русскомъ сѣверовостокѣ, послѣ чего Русь Московская начинаетъ новый періодъ своей жизни, переходя постепенно къ измѣненію основъ этой жизни примѣнительно къ условіямъ уже иной культуры, западноевропейской. Этотъ переломъ намѣчается съ того же времени и въ другихъ областяхъ русской жизни, въ частности и въ лите-

---

[1]) Имѣемъ въ виду т. н. историческую пѣсню.

ратурѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ отчетливѣе: не могъ онъ не коснуться и былины, столь тѣсно связанной съ народной русской бытовой исторіей. И XVI-ый вѣкъ, столь богатый движеніемъ во всѣхъ областяхъ современной жизни, оказалъ и на былину вліяніе весьма рѣшительное: бытовая сторона этого времени густымъ слоемъ налегла на прежнюю основу ея; вотъ почему, присматриваясь къ бытовой сторонѣ былинъ, разсказывающихъ о событіяхъ иного или иныхъ временъ, мы находимъ въ обрисовкѣ этихъ фактовъ многочисленныя черты преимущественно этого, рѣже предыдущихъ, рѣдко слѣдующихъ, вѣка; эти отслоенія XVI-го вѣка часто настолько густы, что изъ-подъ нихъ съ трудомъ можно разсмотрѣть старшую основу былины, и то путемъ детальнаго и глубокаго анализа цѣлаго ряда деталей въ отдѣльныхъ варіантахъ или группахъ ихъ. Сравнивая же отслоенія на былинѣ этой богатой и событіями, и идейнымъ движеніемъ эпохи съ подобными же, идущими изъ болѣе поздняго времени, мы приходимъ къ любопытному наблюденію: XVII-ый вѣкъ еще оказалъ замѣтное вліяніе на былину, давши въ ней рядъ измѣненій (напр., въ видѣ казачества Ильи) старшихъ чертъ, немного новыхъ мотивовъ (какова, напр., Маринка, вошедшая въ отдѣльныя былины въ замѣну старшаго персонажа), но по степени напряженія это вліяніе не можетъ быть поставлено въ уровень съ отслоеніями предыдущаго столѣтія; а вліяніе послѣдующихъ временъ того же XVII-го вѣка (эпохи послѣ Смуты) и XVIII-го уже прямо ничтожно и настолько мимолетно, что эти отслоенія замѣчаются въ немногихъ, притомъ б. ч. худшихъ, варіантахъ и безъ труда снимаются (напр., терминологія XVIII-го вѣка, вродѣ словарныхъ новообразованій Петровскаго и послѣдующаго времени: улица перспективная, публикація о свадьбѣ, амбары мугазенные, калоши на князѣ Владимірѣ и т. п.). Т. о. весь кругъ бытовыхъ представленій, общественныхъ отношеній, въ большинствѣ былинъ не выходитъ въ общемъ за предѣлы XVI-го вѣка или, общѣе, стараго міросозерцанія времени Московскаго царства.

Это обстоятельство стоитъ въ согласіи съ исторіей самой бы-

лины, насколько мы съ нею знакомы: именно къ этому времени съ измѣненіемъ вкусовъ въ центрахъ тогдашней жизни и вслѣдствіе отмѣченнаго выше отрицательнаго отношенія къ устной поэзіи и въ частности къ ея носителямъ московскаго правительства и той части общества, которая къ нему примыкала, поэзія эта, а въ томъ числѣ и былина, оттѣсняются изъ центровъ на окраины, гдѣ, естественно, какъ вліянія новыхъ теченій, такъ и воздѣйствія изъ правительственныхъ круговъ сказывались слабѣе, гдѣ и долгое время спустя жили еще идеями и привычками, которыя отходили уже или вовсе отошли въ область преданія въ культурныхъ центрахъ; а одновременно съ этимъ начинается и то „опусканіе“ внизъ, въ народныя, малокультурныя массы самой удаляющейся съ верховъ пѣсни, которое привело былину въ ту среду, гдѣ ее застаемъ мы. Въ результатѣ былина какъ бы замирала въ своемъ содержаніи и обликѣ на эпохѣ XVI-го вѣка, слабѣе уже реагируя на событія и переживанія слѣдующаго столѣтія и совсѣмъ слабо на жизнь дальнѣйшихъ вѣковъ: она уступала свое мѣсто тому виду былевой поэзіи, который развивался какъ разъ съ XVI-го в. и за ея счетъ—исторической пѣснѣ, и сохранялась лишь тамъ, гдѣ бытовыя условія сохраняли черты, еще близкія къ характеру эпохи этого вѣка.

Такое представленіе о судьбахъ былины, какъ закончившей свое развитіе и застывшей на бытовой обстановкѣ XVI-го преимущественно вѣка въ своихъ воззрѣніяхъ, опредѣляетъ собой и ея историческую цѣнность, а также позволяетъ нѣсколько ближе подойти съ исторической точки зрѣнія и къ ея формѣ: и эта форма (понимая подъ нею не только стихотворную, но и всю ея техническую структуру) ведетъ насъ къ той же эпохѣ: современный намъ внѣшній обликъ былины сформировался, повидимому, въ то же время; такъ думать позволяютъ намъ и старинные тексты, дошедшіе до насъ въ записяхъ, близкихъ по времени къ XVI-му вѣку,—записи XVII-го вѣка: онѣ даютъ ту же форму, что записи нашего времени; это подтверждается и т. н. исторической пѣсней, этой „наслѣдницей“ былины: она, извѣстная намъ

уже съ двадцатыхъ годовъ XVII в. (пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса), представляетъ со стороны формы полное совпаденіе съ былиной.

Такимъ образомъ небольшой экскурсъ въ область исторіи былиннаго творчества подтверждаетъ ту основную мысль въ исторіи нашей литературы, что и былина, будучи въ цѣломъ своеобразнымъ высокохудожественнымъ продуктомъ стариннаго творчества, въ развитіи своемъ и въ процессѣ созданія своего идетъ въ общемъ руслѣ тѣснаго взаимообщенія между словесностью письменной и устной, равно какъ и въ уровень съ исторіей быта, являясь т. о. цѣннымъ матеріаломъ для психологіи художественнаго творчества русскаго народа.

Обычныя научныя изданія былинныхъ записей нашего времени представляютъ сборники, гдѣ пѣсни расположены по пѣвцамъ, отъ которыхъ производилась запись, при чемъ собиратель стремится по возможности исчерпать былинный репертуаръ своего пѣвца, дать о немъ и его пѣсняхъ возможно полныя свѣдѣнія, представляющія цѣнный матеріалъ для изслѣдователя исторіи самихъ пѣсенъ. Изслѣдователи удобства ради дѣлятъ былинный матеріалъ въ настоящее время главнымъ образомъ по содержанію: на былины „боевыя“ (военнаго характера) и „былины-новеллы“, или предпочитаютъ дѣленіе по героямъ—богатырямъ, или по мѣстностямъ, откуда идутъ тѣ сюжеты, которые лежатъ въ основѣ былинъ, присоединяя сюда соображенія хронологическаго свойства, или же комбинируютъ эти принципы сообразно съ цѣлями своей работы.

Имѣя въ виду цѣль настоящаго изданія—познакомить съ наиболѣе характерными и важнѣйшими произведеніями русской устной поэзіи при научномъ ихъ освѣщеніи,—по отношенію къ былинамъ принятъ такой планъ ихъ изданія: а) былины группируются по тѣмъ мѣстностямъ, къ которымъ возможно относить самыя основы тѣхъ или иныхъ изъ нихъ на основаніи научныхъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи; мѣстности эти расположены,

начиная съ южной Руси, по направленію къ сѣверу или, точнѣе, сѣверо-западу: въ настоящій томъ вошла былина южная по сюжетамъ и юго-западная. б) Внутри этихъ „географическихъ" группъ собраны былины о соотвѣтствующихъ отдѣльныхъ богатыряхъ, причемъ подъ этими именами объединены по возможности всѣ главные сюжеты, гдѣ фигурируютъ эти богатыри, даже если тотъ или иной сюжетъ не можетъ быть съ увѣренностью прикрѣпленъ къ данной мѣстности. в) Къ образованной т. о. группѣ съ именемъ богатыря во главѣ дается краткій вводный очеркъ, объясняющій литературную исторію этой группы былинъ, насколько это можно считать выясненнымъ при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній въ наукѣ. г) Въ концѣ настоящаго тома даются указанія касательно особенностей былинной рѣчи, небольшой словарикъ собственныхъ именъ, старинныхъ и мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ издаваемыхъ текстахъ (отдѣльныя выраженія былинъ объяснены и въ самыхъ текстахъ), на основаніи существующихъ спеціальныхъ мѣстныхъ словарей (Куликовскаго, Даля, Подвысоцкаго и др.): все это должно облегчить знакомство съ былиной при ея столь отличномъ отъ нашего обычнаго литературнаго стилѣ. Наконецъ, д) тамъ же даны объяснительныя замѣчанія къ иллюстраціямъ, приложеннымъ къ текстамъ печатаемыхъ былинъ.

ДОБРЫНЯ

Добрыня Никитичъ — одно изъ популярнѣйшихъ именъ русской эпической пѣсни: въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ развѣ только Ильѣ Муромцу; Добрыня встрѣчается или упоминается, помимо пѣсенъ, ему посвященныхъ, и въ пѣсняхъ о другихъ богатыряхъ (Ильѣ, Дунаѣ и др.).

Въ большинствѣ пѣсенъ о немъ образъ Добрыни довольно устойчивъ въ своихъ главныхъ чертахъ: это—богатырь знатнаго происхожденія, выдающійся своимъ образованіемъ—„вѣжествомъ", способностями „дипломата" (отправляетъ посольства), помимо личной храбрости и силы; онъ пользуется, видимо, уваженіемъ окружающихъ, можетъ быть, занимаетъ видное положеніе при дворѣ, въ дружинѣ князя Владимира. Эта устойчивость типа Добрыни заставляетъ предполагать уже въ древнее относительно время существованіе отдѣльныхъ о немъ пѣсенъ или даже цѣлаго цикла ихъ. Той же популярностью личности Добрыни слѣдуетъ объяснять и то, что съ именемъ Добрыни стали позднѣе соединяться и такія пѣсни, которыя первоначально сложены были не о немъ: онъ прикрылъ собою имена другихъ героевъ, поэтому, теперь въ значительномъ числѣ случаевъ уже забытыхъ пѣсенъ.

Въ связи съ такимъ выдающимся положеніемъ Добрыни въ эпическихъ пѣсняхъ объясняется и разнообразіе по характеру дошедшихъ до насъ пѣсенъ о немъ: среди нихъ есть и пѣсни боевыя (собственно „богатырскія"), есть и пѣсни-новеллы; также разнообразны эти пѣсни и по времени своего сложенія (насколько можно судить на основаніи тщательнаго анализа содержанія былинъ и ихъ варіантовъ): однѣ изъ нихъ приходится относить еще ко времени Кіевской Руси, другія же уже Московской, третьи даже ко времени чуть-ли не XVII—XVIII в. Такъ же разнообразны и источники этихъ пѣсенъ: въ основѣ однихъ лежитъ старое преданіе, давно засвидѣтельствованное лѣтописью, для другихъ темой послужилъ полукнижный, полународный сюжетъ, а иногда и странствующій

международный сказочный, вмѣстѣ съ другими подобными же забредшій на Русь и здѣсь приспособившійся къ мѣстнымъ условіямъ, а затѣмъ обработанный въ эпическую пѣсню.

Обращаясь въ видѣ устной пѣсни долгое время въ разнообразныхъ по своему характеру и положенію слояхъ русскаго общества (начиная съ дружинной среды, профессіональныхъ пѣвцовъ, въ родѣ скомороховъ, и кончая крестьянами) и сравнительно недавно (съ XVIII в. и главнымъ образомъ со второй половины XIX-го и до нашихъ дней) закрѣпленныя письмомъ и печатью, пѣсни о Добрынѣ испытали на себѣ вліяніе времени и среды, что отразилось въ рядѣ варіантовъ, представляемыхъ нынѣ записями этихъ пѣсенъ, въ видѣ наслоеній различнаго времени, различныхъ чертъ, осложнившихъ собой старую пѣсню. Все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ считать пѣсни о Добрынѣ (какъ и вообще всѣ наши эпическія пѣсни) результатомъ длинной и подчасъ весьма сложной исторической ихъ жизни, дѣлаетъ анализъ этихъ пѣсенъ настолько труднымъ, что представленія наши о происхожденіи и исторіи каждой отдѣльной пѣсни въ значительной степени приходится считать лишь болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Въ этомъ случаѣ и пѣсни о Добрынѣ не составляютъ исключенія среди памятниковъ нашей устной словесности вообще.

Оставляя въ сторонѣ тѣ пѣсни, гдѣ Добрыня играетъ лишь роль второстепенную или лишь упоминается, среди пѣсенъ эпическихъ мы намѣчаемъ восемь, которыя говорятъ собственно о Добрынѣ, это: 1) о борьбѣ Добрыни со змѣемъ („Добрыня-змѣеборецъ“), 2) о добываніи Добрынею невѣсты для Владимира („Д.-сватъ“), 3) о превращеніи Добрыни въ тура („Д. и Марина“), 4) о посольствѣ Добрыни съ данью къ Батыю („Д. и Василій Казимировъ“), 5) о Добрынѣ на свадьбѣ своей жены („Д. и Алеша“), 6) о женитьбѣ Добрыни („Д. и Настасья“), 7) о боѣ Добрыни съ Ильей и 8) о боѣ Добрыни съ Дунаемъ.

Первыя двѣ пѣсни по своей основѣ, по мнѣнію изслѣдователей, должны быть признаны старѣйшими во всемъ кругѣ пѣсенъ о Добрынѣ и по характеру своему относятся къ боевымъ. Главнымъ

образомъ на анализѣ этихъ пѣсенъ создается наше представленіе о былинномъ Добрынѣ, о времени созданія первыхъ о немъ пѣсенъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе имя Добрыни: оно должно быть признано историческимъ; да и самый образъ богатыря можетъ быть поставленъ въ связь съ Добрыней, отмѣченнымъ давно письменными памятниками. Имя Добрыни извѣстно намъ изъ стараго лѣтописнаго свода (конца XI-го, начала XII-го в.), гдѣ онъ, вмѣстѣ съ воеводой Путятой, является виднымъ дружинникомъ князя Владимира, крестившаго землю Русскую: онъ—дядя князя. Былина, считая его также родственникомъ Владимира, называетъ его племянникомъ князя; это различіе въ родственныхъ отношеніяхъ Владимира и Добрыни не мѣшаетъ видѣть въ „историческомъ“ и „былинномъ“ Добрынѣ одно и то же лицо: старшинство Владимира по положенію внѣшнимъ образомъ въ эпическомъ образѣ выразилось въ старшинствѣ его и по возрасту, а стало быть, и родственныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что и типъ богатыря вообще предполагаетъ молодой, цвѣтущій возрастъ. Подобно „историческому“, и „былинный“ Добрыня—лицо съ виднымъ положеніемъ при дворѣ Владимира даже среди богатырей: онъ не только „названый“ братъ Ильи, этого старѣйшины богатырской дружины, но и такой членъ этой дружины, на котораго возлагаются и которымъ выполняются важныя, отвѣтственныя порученія князя; то же, какъ увидимъ, выполняетъ и „историческій“ Добрыня. „Вѣжество“, благородное происхожденіе „былиннаго“ Добрыни вполнѣ соотвѣтствуютъ и „историческому“: высокое положеніе этого послѣдняго дѣлаетъ это сопоставленіе возможнымъ. Такимъ образомъ, имя богатыря и образъ его могутъ уже сами-по-себѣ быть сочтены историческими (поскольку, разумѣется, и самъ лѣтописный Добрыня можетъ быть сочтенъ историческимъ).

Иначе нѣсколько приходится смотрѣть на обычное въ былинахъ (лѣтопись этого не знаетъ) отчество Добрыни—Никитичъ (вар.—Никитиничъ, Никитинецъ). Наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ этого отчества слѣдуетъ признать то, что въ немъ мы имѣемъ сравнительно позднее, но тоже историческое, отло-

женіе на старой пѣснѣ: едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что оно появилось здѣсь подъ вліяніемъ имени историческаго лица XVI в., оставившаго замѣтный слѣдъ также въ эпической поэзіи времени Грознаго,—имени либо Романа Никитича, или Никиты Романова: не даромъ и иные варіанты былинъ о Добрынѣ считаютъ его сыномъ ростовца (князя или торговаго гостя) Никиты Романова.

Указанная связь былиннаго Добрыни съ лѣтописнымъ находитъ себѣ подтвержденіе не только въ сходствѣ именъ и отчасти облика обоихъ, но и въ лѣтописныхъ же преданіяхъ о Добрынѣ, что значительно освѣщаетъ и основу былинъ въ ихъ содержаніи.

1. Таково древнее преданіе, занесенное въ такъ называемую Якимовскую лѣтопись (сохраненную въ Исторіи В. Н. Татищева и приписываемую Іоакиму, первому новгородскому епископу, нач. XI в.),—преданіе о томъ, какъ дядя Владимира Добрыня и его же тысяцкій Путята водворяли христіанство въ Новгородѣ. Вотъ эта легенда въ немногихъ словахъ. Новгородцы, слыша, что Добрыня и Путята приближаются къ Новгороду, собираютъ вѣче и рѣшаютъ, наущаемые своимъ главнымъ жрецомъ Богомиломъ, не пускать ихъ въ городъ, для чего разбираютъ мостъ, соединяющій городъ съ торговой частью, устанавливаютъ у моста „пороки“ (камнеметательные снаряды). Добрыня, придя къ Новгороду, долженъ остаться на торговой сторонѣ, гдѣ ему съ духовенствомъ и удается привести въ христіанство нѣсколько сотъ людей. Въ это время новгородцы разоряютъ домъ Добрыни (очевидно, онъ живетъ постоянно въ Новгородѣ), убиваютъ его жену, родственниковъ, разграбляютъ его имущество. Между тѣмъ Путята выше города переправляется на городскую сторону на лодкахъ съ дружиной въ 500 человѣкъ, захватываетъ новгородскаго тысяцкаго; но 5000 новгородцевъ нападаютъ на него, и ему грозитъ гибель. Извѣщенный объ этомъ Добрыня въ свою очередь переходитъ на городскую сторону съ войскомъ, поджигаетъ на берегу дома новгородцевъ и т. о. отвлекаетъ ихъ вниманіе отъ Путяты. Они вмѣстѣ одолѣваютъ новгородцевъ, принуждаютъ ихъ ко креще-

нію. Отсюда, прибавляетъ лѣтописная легенда, ведется пословица: „Путята крести мечомъ, Добрыня—огнемъ“.

Это преданіе ставится въ связь съ былиной о Добрынѣ-змѣеборцѣ: въ немъ можно найти аналогію и къ абрису самого Добрыни и въ содержаніи преданія: Добрыня и въ преданіи, только что приведенномъ, сохраняетъ тѣ же основныя черты, что и въ былинѣ: родственникъ князя, видный по положенію княжескій дружинникъ; кромѣ того, онъ исполняетъ своего рода „дипломатическое“ порученіе князя: не даромъ же лѣтописное преданіе сообщаетъ о томъ, что новгородцы противятся увѣщаніямъ и „лагоднымъ“ (пріятнымъ) словамъ Добрыни. Самый же мотивъ легенды о Добрынѣ—борьба христіанина Добрыни съ язычниками въ Новгородѣ и побѣда его надъ ними—оказывается вполнѣ совпадающимъ съ мотивомъ былины о змѣеборствѣ: какъ въ народной словесности русской (напр., Георгій, Ѳеодоръ Тиронъ), такъ и иноземной, равно какъ и въ иконографіи, змѣеборство символизируетъ собою борьбу христіанства съ язычествомъ—зміемъ. Такимъ образомъ, и былина о борьбѣ Добрыни со змѣемъ можетъ быть по смыслу поэтическимъ изображеніемъ эпизода борьбы на Руси христіанства съ язычествомъ, т.-е. представлять воспоминаніе о томъ же, что говоритъ легенда Якимовской лѣтописи. И въ обмолвкахъ, затерявшихся случайно изъ старой легенды въ сравнительно позднихъ текстахъ былины, до насъ дошедшихъ, есть слѣды связи ея, именно, съ разсказомъ и эпохой крещенія Руси; сюда относятся, напр.: былинный змій въ варіантахъ былины называется не только „поганымъ“ (первоначальное значеніе слова: языческій), но и прямо „врагомъ народу христіанскаго“; на то же намекаетъ и мотивъ купанья и борьба у воды: змѣй нападаетъ на Добрыню во время купанья, борьба идетъ на берегу рѣки Пучая, которая и сама есть не что иное, какъ искаженное названіе извѣстной Почайны, гдѣ происходило крещеніе кіевлянъ; на ту же связь самого купанья съ крещеніемъ можетъ намекать и еще одна деталь былины: дѣвушка-портомойница (по варіантамъ—матушка) совѣтуетъ Добрынѣ не купаться нагимъ тѣломъ, а въ сорочкѣ (какъ, и по лѣтописи,

былъ приказъ войти въ воду въ сорочкахъ новокрещаемымъ); нарушеніе этого „крестильнаго“ обычая и вызвало нападеніе змія; а это опять сближаетъ Пучай съ Іорданомъ, специфической рѣкой крещенія въ христіанской легендѣ, и съ обычаемъ паломниковъ именно въ одеждѣ погружаться въ ней (иначе — грѣхъ). Наконецъ, можетъ быть, затемненнымъ отзвукомъ стараго мотива, извѣстнаго по лѣтописной легендѣ о Путятѣ, является въ былинѣ то, что Добрыня выручаетъ племянницу Владимира Забаву (Запаву) изъ плѣна: можетъ быть, не даромъ она получила отчество Путятичны.

Такимъ образомъ, если приведенныя сопоставленія допустимы (а противъ этого возраженій нѣтъ), мы въ правѣ предположить, что въ основѣ былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ лежитъ поэтическая обработка историческаго преданія объ одномъ изъ эпизодовъ водворенія христіанства на Руси, можетъ быть, въ Новгородѣ, съ довольно обычнымъ пріуроченіемъ мѣста дѣйствія къ югу Россіи, какъ къ мѣсту сложенія былины. Въ болѣе древнемъ видѣ этотъ эпизодъ, можетъ быть, сохраненъ Якимовской лѣтописью. Все это заставляетъ предполагать возникновеніе и самой былины (первоначальной пѣсни) въ эпоху Кіевской Руси, хотя обработка ея, намъ извѣстная, можетъ быть и болѣе поздней.

2. Еще тѣснѣе, повидимому, съ исторіей Кіевской Руси времени Владимира Св. связано преданіе, легшее въ основу былины о Добрынѣ-сватѣ: связь былины съ лѣтописнымъ преданіемъ (на что̀ намекаетъ и выраженіе лѣтописи: „яко же сказаша свѣдующіи“) о женитьбѣ Владимира на Рогнѣдѣ, занесеннымъ въ старый лѣтописный сводъ подъ 1128 годомъ. Эта лѣтописная легенда такова: Владимиръ, еще язычникъ, будучи княземъ Новгородскимъ, посылаетъ дядю своего Добрыню къ Полоцкому князю Рогволоду просить за себя дочь Рогволодову Рогнѣду. Дочь гордаго варяга, самостоятельнаго князя, гордо отказываетъ послу: „не хочу розути робичича“ (т.-е. стать женой сына рабыни: Владимиръ, вѣдь, сынъ Святослава и Ольгиной ключницы Малуши). За оскорбленнаго Владимира мститъ Добрыня: идетъ съ ратью на Рогволо-

да, осаждаетъ и завоевываетъ Полоцкъ, беретъ въ плѣнъ и самого Рогволода и Рогнѣду, приводитъ ихъ къ Владимиру; Рогволодъ убитъ по приказанію князя, а Рогнѣда насильно дѣлается женой Владимира, получивши имя Горнславы. Совпаденіе обоихъ разсказовъ, лѣтописнаго и былиннаго, очевидно: та же роль Добрыни (она въ былинѣ раздѣлена между Добрыней и Дунаемъ — явленіе позднѣйшее, основанное на смѣшеніи Добрыни и Дуная, что̀ мы знаемъ и въ другихъ случаяхъ), тотъ же гордый отказъ западнаго князя („литовскаго“, по былинѣ; Полоцкъ—тоже западная окраина, позднѣе включенная въ историческую Литву); отдѣльные варіанты сохранили даже самый отвѣтъ—указаніе на неблагородное, невидное происхожденіе Владимира:

„Да какъ вашъ-отъ князь невеликъ собою“,

или:

„А князь-отъ Володимиръ да бывъ холопище“.

Всѣ части фабулы лѣтописнаго разсказа (кромѣ убіенія Рогволода) налицо и въ былинѣ. Это и даетъ право смотрѣть на былину о Добрынѣ-сватѣ такъ же, какъ на предыдущую: относить ея основу къ древнему времени и къ русской почвѣ. Что же касается состоянія дошедшихъ до насъ текстовъ былины, то въ нихъ ясно видно позднѣйшее соединеніе первоначальной пѣсни съ другой—о женитьбѣ Дуная на Настасьѣ, сестрѣ Рогнѣды-Апраксы; можетъ быть, эта спайка и повела къ „расщепленію“ роли Добрыни въ пѣснѣ о немъ между нимъ и Дунаемъ, который въ иныхъ варіантахъ замѣняетъ Добрыню и въ первой пѣснѣ.

3. Третья пѣсня—о Добрынѣ и Маринѣ—повидимому, иного происхожденія и иного времени, нежели первыя двѣ: въ ея основѣ лежитъ, по мнѣнію изслѣдователей, международный бродячій сюжетъ о женѣ-обольстительницѣ, притомъ въ обработкѣ, близкой къ талмудической легендѣ о Давидѣ и Вирсавіи, въ свою очередь представляющей варіантъ къ извѣстному библейскому сказанію о Давидѣ и женѣ Уріи: при общемъ сходствѣ съ библейской легенда талмудическая даетъ еще образъ птицы-сатаны, убивъ ко-

торую, Давидъ видитъ Вирсавію моющеюся, соблазняется ею, какъ и въ нашей былинѣ богатырь: Добрыня стрѣляетъ въ голубя на теремѣ Марины (а голубь этотъ на дѣлѣ—любовникъ Марины Тугаринъ Зміевичъ—также символъ злой силы); ища свою стрѣлу, входитъ въ теремъ, застаетъ моющуюся Марину. Эта аналогія деталей, притомъ въ сходномъ сочетаніи ихъ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ приведенное выше предположеніе о связи былиннаго сюжета съ ходячей легендой. Имя Марины-колдовницы объясняется изъ имени исторической Марины, жены перваго самозванца: она какъ разъ въ образѣ волшебницы, чаровницы, способной къ оборотничеству, закрѣплена нашей исторической пѣсней и поэтическимъ преданіемъ. Любовникъ Марины — Зміевичъ — опять сближаетъ героя пѣсни съ змѣеборцами, въ частности съ популярнымъ змѣеборцемъ Добрыней. Эти обстоятельства позволяютъ объяснять происхожденіе былины о Добрынѣ и Маринѣ приблизительно такъ: ходячая легенда о женѣ-соблазнительницѣ, близкая по составу къ талмудической, осложненная образомъ соблазнительницы - чаровницы, обработана въ пѣсню, при чемъ женскій образъ сложился подъ вліяніемъ сказаній (можетъ быть, пѣсенныхъ) о Маринѣ, а вошедшій сюда же мотивъ змѣеборства привелъ къ тому, что въ пѣсню притянуто было имя Добрыни, первоначально отсутствовавшее въ пѣснѣ. Въ такомъ случаѣ возможно установленіе, хотя также приблизительное, и хронологіи пѣсни: она въ знакомомъ намъ видѣ будетъ не старше нач. XVII в., когда возникаютъ сказанія и пѣсни о Маринѣ Мнишекъ въ образѣ красавицы-колдуньи и соблазнительницы.

4. Былина о Добрынѣ и Василіи Казимировѣ построена по одному типу съ былиной о Добрынѣ-сватѣ; по своему складу, характеристикѣ обстановки дѣйствія выдаетъ, однако, свое не особенно древнее происхожденіе: положеніе Владимира, посылающаго богатырей отвезти дань Батыю, поведеніе хана и пословъ переносятъ насъ къ XV — XVI в., когда взаимныя отношенія Руси и татаръ замѣтно уже измѣнились въ пользу первой: теперь татары изъ грозныхъ властителей, взимателей дани превращаются уже,

если и не вполнѣ, въ данниковъ Москвы, лишаются дани, изъ стороны нападающей превращаются въ обороняющуюся: а такова, вѣдь, сущность содержанія и былины о Добрынѣ и Василіи Казимировѣ. На то же, сравнительно позднее, время политическаго преобладанія Москвы указываетъ и попавшее въ былину имя и образъ Василія Казимирова, новгородскаго воеводы, игравшаго довольно видную роль въ эпоху борьбы Новгорода съ Москвой въ 70-хъ и нач. 80-хъ годовъ XV вѣка. Въ силу этихъ соображеній и самую былину возможно счесть поэтическимъ отраженіемъ, отзвукомъ историческаго событія времени Ивана III — прекращенія уплаты дани татарамъ; а по мѣсту, занимаемому въ ней новгородскимъ воеводой Василіемъ Казимировымъ, по симпатіи къ нему можно заключать о сложеніи былины гдѣ-либо въ Новгородской области, новгородцемъ.

5. Опять новый типъ по основѣ представляетъ, надо полагать, былина-новелла о Добрынѣ и Алешѣ: это — обработка въ видѣ пѣсни широко распространеннаго сказочнаго мотива о мужѣ на свадьбѣ своей жены: появленіе здѣсь Добрыни, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять такъ же, какъ въ пѣснѣ о Добрынѣ и Маринѣ, или, скорѣе, какъ въ пѣснѣ о Добрынѣ и рѣкѣ Смородинѣ (собственно въ безымянной пѣснѣ о добромъ молодцѣ), т.-е. популярностью имени и образа Добрыни; имя же Алеши, какъ знакомаго по былинамъ „бабьяго прелестника“, богатыря не силы, а изворотливости, не высоко ставившаго честность, склоннаго къ обману, на тѣхъ же основаніяхъ подошло къ роли охотника до чужихъ женъ сказочнаго мотива. Отсутствіе какихъ-либо историческихъ реминисценцій, типичныхъ бытовыхъ чертъ въ изложеніи былины, по ея неопредѣленности, сближаетъ ее со сказкой не только по сюжету, и такимъ образомъ лишаетъ возможности ближе подойти къ хронологическому опредѣленію самаго генезиса былины.

6. Также не ясно до сихъ поръ и происхожденіе былины о Добрынѣ и Настасьѣ. Основной ея мотивъ — женитьба богатыря на великаншѣ — сближается нѣкоторыми изслѣдователями съ кав-

казскими легендами о томъ же; въ такомъ случаѣ допускается, кромѣ того, вліяніе, перенесеніе кавказской легенды въ качествѣ сюжета былины на Русь. Предположеніе это до сихъ поръ кажется мало обоснованнымъ; единственной опорой его приходится считать мало еще въ свою очередь обоснованныя сношенія Руси съ кавказскими племенами. Если бы это удалось доказать, мотиву былины пришлось бы приписать исключительную древность среди другихъ сюжетовъ. Къ тому же нельзя не отмѣтить, что производимыя сопоставленія русской былины и кавказскихъ преданій о богатыряхъ большого сходства между ними не обнаруживаютъ.

7. Новый же по характеру типъ былины представляетъ пѣсня о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ. Уже самымъ содержаніемъ— бой между собой двухъ русскихъ богатырей, притомъ „названыхъ братьевъ",—она представляется не обычной, показывающей притупленіе живого чувства къ эпическому настроенію, духу былины. А самый ея составъ, пестрый, плохо спаивающій отдѣльные моменты, источники ея выдаютъ позднее ея происхожденіе и несамостоятельность: въ общемъ это не что иное, какъ довольно поверхностная переработка примѣнительно къ Добрынѣ популярнаго былиннаго же сюжета о боѣ Ильи съ сыномъ, при чемъ слагателю извѣстна была и былина о Добрынѣ-змѣеборцѣ, а также отрывочныя свѣдѣнія о содержаніи другихъ былинъ.

8. Также мало самостоятельна и былина о боѣ Добрыни съ Дунаемъ: искажая старый, основной типъ Добрыни, она, подобно предыдущей, заставляетъ бороться двухъ богатырей, изображая этотъ бой въ тѣхъ же схематическихъ чертахъ, что и предыдущая, и заканчивая разсказъ своеобразнымъ судебнымъ слѣдствіемъ надъ провинившимся богатыремъ. Обстановка этого послѣдняго эпизода — поздняя, московская. Сама же былина вся соткана изъ общихъ типическихъ мѣстъ, ходячихъ образовъ-оборотовъ старшихъ былинъ. Все это заставляетъ предполагать сравнительно недавнее ея происхожденіе.

Всѣ пересмотрѣнныя пѣсни о Добрынѣ въ настоящее время или въ недавнее прошлое записаны въ сѣверномъ краѣ, отчасти въ Си-

бири; одинъ лишь варіантъ (о Добрынѣ и Василіи Казимировѣ) идетъ изъ Нижегородской губерніи. Изъ этого обстоятельства было бы, однако, рискованно заключать о сѣверномъ происхожденіи всѣхъ пѣсенъ о Добрынѣ. Особенности содержанія нѣкоторыхъ былинъ о Добрынѣ, восходящія къ первоначальной пѣснѣ или къ ея раннимъ перепѣвамъ, даютъ возможность предположить, что пѣсни о Добрынѣ не только слагались въ различныхъ, притомъ не всегда сѣверныхъ, областяхъ русской территоріи, но и, независимо отъ происхожденія, въ прежнее время пользовались большимъ распространеніемъ. Такъ, есть всѣ основанія предполагать, что обѣ старшія былины о Добрынѣ сложились на югѣ Россіи (Пучай-рѣка, связь Добрыни съ Кіевомъ); былина о Добрынѣ и Василіи, какъ мы видѣли, вѣроятно, новгородскаго происхожденія, былины о Добрынѣ и Ильѣ и Добрынѣ и Дунаѣ, кажется, происхожденія изъ средней Россіи. Преданія же о Добрынѣ (а слѣдовательно, возможно, и пѣсни о немъ) извѣстны намъ и изъ Рязанской земли: рязанцемъ считаетъ Добрыню Тверская лѣтопись (называя его, впрочемъ, Тимоней-Златымъ поясомъ); рязанцемъ же считаетъ Добрыню-Златой поясъ и Никоновская лѣтопись, сходясь въ этомъ случаѣ съ нѣкоторыми варіантами былинъ о немъ, выводящими его прямо изъ Рязани и считающими его сыномъ Никиты Романовича, рязанца.

Въ результатѣ этого обзора пѣсенъ о Добрынѣ можно, повидимому, притти къ такому выводу о нихъ: современныя пѣсни о Добрынѣ представляютъ частью весьма древнія пѣсни, основанныя на историческомъ по характеру преданіи, но дошли до насъ съ цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ наслоеній и измѣненій; другія пѣсни представляютъ пріуроченіе къ личности и образу Добрыни сюжетовъ и темъ разнообразнаго происхожденія, разнаго времени.

1. ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
„Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
„Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышевъ,
„Не выручай же по́лону тамъ русскаго,
„Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣкѣ:
„Тая рѣка свирѣпая,
„Свирѣпая рѣка сама сердитая:
„Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
„Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
„Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
„Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью".
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ не слушалъ да родители тутъ матушки,
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной,
Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
То́пталъ тутъ онъ малыихъ змѣенышковъ,
Выручалъ тутъ полону да русскаго.
Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣкѣ,
Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
— Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
— Родная Никитичу наказывала:
— „Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,

— „Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышевъ,
— „Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ:
— „Тая рѣка свирѣпая,
— „Свирѣпая рѣка да е сердитая:
— „Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
— „Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
— „Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
— „Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью“.
— Эта матушка Пучай-рѣка,
— Какъ ложинушка [1] дожде́вая.—
Не поспѣлъ тутъ же́ Добрыня словца молвити,—
Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
Изъ-за другоей же струйки искра сыплется,
Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
Выходитъ тутъ змѣя было проклятая,
О двѣнадцати змѣя было о хоботахъ:
„Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Захочу я нынь [2] Добрынюшку цѣло́ сожру,
„Захочу Добрыню въ хобота возьму,
„Захочу Добрынюшку въ полонъ снесу“.
Испроговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же ты змѣя было проклятая!
— Ты поспѣла бы Добрынюшку да за́хватить,
— Въ ту пору Добрынюшкой похвастати,
— А нуньчу [3] Добрыня не въ твоихъ рукахъ.—
Ны́рнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
Вынырнулъ Добрынюшка на дру́гоемъ,—
Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
Нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.

[1] Лужица.
[2] Ныньче.
[3] Ныньче.

Самъ же тутъ Добрыня пріужа́хнется,
Самъ Добрыня испро́говоритъ:
— Видно нонечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
Лежитъ тутъ колпакъ да земли греческой,
А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
Отшибъ змѣѣ двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
Выхватилъ ножище да кинжалище,
Хоче онъ змѣю было поро́спластать.
Змѣя ему да тутъ взмолилася:
„Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Быдь-ка [1] ты, Добрынюшка, да бо́льшій братъ,
„Я тебѣ да сестра меньшая.
„Сдѣлаемъ мы же заповѣдь великую:
„Тебѣ-ка-ва не ѣздить нынь на гору сорочинскую,
„Не топтать же здѣ-ка маленькихъ змѣенышковъ,
„Не выру́чать по́лону да русскаго;
„А я тебѣ сестра да буду меньшая, —
„Мнѣ-ка не летать да на святую Русь,
„А не брать же больше по́лону да русскаго,
„Не носить же мнѣ народу христіанскаго“.
Отслабилъ онъ колѣнъ да богатырскіихъ.
Змѣя была да тутъ лукавая, —
Сподъ колѣнъ да тутъ змѣя свернулася,
Улетѣла тутъ змѣя да во кувыль траву.
И мо́лодый Добрыня сынъ Никитиничъ
Пошелъ же онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Къ своей тутъ къ родители ко матушкѣ,
Къ честной вдовѣ Офимьѣ Олександровной.
И самъ Добрыня порасхвастался:

[1] Т.-е. будь-ка.

— Какъ нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
— Какъ нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
— Не на комъ поѣхать нынь Добрынѣ во чисто поле!—
Испроговоритъ Владимиръ стольне-кіевской:
„Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
„Почестный пиръ идетъ у насъ на веселѣ,
„А мнѣ-ка-ва Владимиру не весело.
„Одна у меня любимая племянничка,
„И мо́лода Забава дочь Потятична [1];
„Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
„Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
„Ходила нунь Забава дочь Потятична
„Она съ мамками да съ нянькамп
„Въ зеленомъ саду гулятиться.
„Подпада́ла тутъ змѣя было проклятая
„Къ той матушкѣ да ко сырой землѣ,
„Ухватила тутъ Забаву дочь Потятичну
„Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
„Во свои было во хобота змѣиные,
„Унесла она въ пещерушку змѣиную“.
Сидятъ же тутъ два русскіихъ могучіихъ богатыря:
Сидитъ же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
Во дру́гіихъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
Испроговоритъ Владимиръ стольне-кіевской:
„Вы русскіе могучіе богатыри,
„Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
„Можь [2] ли ты достать у насъ Забаву дочь Потятичну
„Изъ той было пещеры изъ змѣиноя?“
Испроговорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владимиръ стольне-кіевской!
— Я слыхалъ было на семъ свѣтѣ,
— Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитича:

---

[1] Г.-е. Путятична.
[2] Т.-е. можешь.

— Добрынюшка змѣѣ было крестовый братъ.
— Отдастъ же тутъ змѣя проклятая
— Мо́лоду Добрынюшкѣ Никитичу
— Безъ бою́, безъ драки кроволитія
— Тую же нунь Забаву дочь Потятичну.—
Испроговорилъ Владимиръ стольне-кіевской:
„Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
„Да изъ той было пещерушки змѣиноя.
„Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
„Прикажу тебѣ, Добрыня, голову́ рубить“.
Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ же очи ясныи
А во тотъ ли во кирпиченъ мостъ.
Ничего ему Добрыня не отвѣтствуетъ,
Ставаетъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Отдаетъ ему великое почтеніе
Ему нунь за весело пированіе
И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
И къ честной вдовѣ Офимьѣ Олександровной.
Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
Сама же тутъ Добрынѣ испроговоритъ:
„Что же ты, рожоное, не весело?
„Буйну голову, рожоное, повѣсило?
„Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Али ѣствы-ты были не по уму?
„Али питьица-ты были не по разуму?
„Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
„Али пьяница ли тамъ тебя пріо́бозвалъ?
„Али чарою тебя да тамъ пріо́бнесли?“
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
А честной вдовѣ Офимьѣ Олександровной:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!

— Ѣствы-ты же были мнѣ-ка пó уму,
— А и питьица-ты были мнѣ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріóбнесли,
— А дуракъ-тотъ надо мною не смѣялся же,
— А и пьяница меня да не пріóбозвалъ;
— А накинулъ на насъ службу да великую
— Солнышко Владимиръ стольне-кіевской:
— А достать было Забаву дочь Потятичну
— А изъ той было пещеры изъ змѣиноя;
— А нунь нѣту у Добрыни кóня добраго,
— А нунь нѣту у Добрыни кóпья востраго,
— Не съ чѣмъ мнѣ поѣхати на гору сорочинскую
— Къ той было змѣѣ нынь ко проклятоя.
Говорила тутъ родитель éму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
„А рожоное мое ты нынь же дитятко,
„Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
„Богу ты молись да спать ложись,
„Буде утро мудро мудренѣе буде вечера,
„День у насъ же буде тамъ прибыточенъ.
„Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
„Ты бери коня съ конюшенки стоялыя;
„Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,
„А стоитъ буркó пятнадцать лѣтъ,
„По колѣнъ въ наземъ[1] же ноги призарóщены,
„Дверь по поясу въ наземъ зарóщена“.
Приходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А ко той ли ко конюшенкѣ стоялыя,
Повыдернулъ же дверь онъ вонъ йзъ назму,
Конь же ноги йзъ назму да вонъ выдéргиватъ.
А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ,
Беретъ Добрынюшка добрá коня

[1] Навозъ.

На ту же на узду да на тесмяную,
Выводитъ изъ конюшенки стоялыя,
Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ пітьями медвяныма.
Ложился тутъ Добрыня на велúкъ одéръ [1].
Ставае онъ по утрушку ранехонько,
Умывается онъ да и бѣлехонько,
Снаряжается хорошохонько,
А сѣдлае своего да онъ добрá коня,
Кладывáе онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
И садился тутъ Добрыня на добра коня.
Провожаетъ тутъ родитель его матушка
А честна вдова Офимья Олександровна,
На поѣздѣ ему плеточку нунь подала,
Подала тутъ плетку шамахинскую
А семи шелковъ да было разныихъ,
А Добрынюшкѣ она было наказыватъ:
„Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Вотъ тебѣ да плетка шамахинская:
„Съѣдешь ты на гору сорочинскую,
„Станешь тóптать маленькихъ зміенышевъ,
„Выручать тутъ полону да русскаго;
„Да не станетъ твой же бурушко поскакивать,
„А зміенышевъ отъ ногъ да прочь отряхивать,—
„Ты хлыщи бурка да ты промéжъ ноги,
„Ты промéжъ ногú да промéжъ заднія,
„Самъ бурку да приговаривай:
„„Бурушка, ты нунь поскакивай,
„„А зміенышевъ отъ ногъ да прочь отряхивай!““
Тутъ простилася да воротилася.

[1] Кровать.

Видли[1] тутъ Добрынюшку да сядучи,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ, не воротами,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную
Онъ на тую гору сорочинскую;
Сталъ топтать да маленькихъ змiенышевъ,
Выручать да полону нунь русскаго.
Подточили тутъ змiе́ныши бурку да щеточки[2],
А не сталъ же его бурушко поскакивать.
На конѣ же тутъ Добрыня прiужа́хнется:
Нунечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнилъ онъ наказъ да было матушкинъ,
Сунулъ онъ же руку во глубокъ карманъ,
Выдернулъ же плетку шамахинскую
А семи шелковъ да шамахинскiихъ,
Сталъ хлестать бурка да онъ проме́жъ уши,
Проме́жъ уши́ да онъ проме́жъ ноги,
А проме́жъ ноги́ да промежъ заднiя,
Самъ бурку да приговариватъ:
— Ахъ ты бурушко, да нунь поскакивай,
— А змiенышевъ отъ ногъ да прочь отряхивай! —
Сталъ же его бурушко поскакивать
А змiенышевъ отъ ногъ да прочь отряхивать,
Притопталъ же всѣхъ онъ маленькихъ змiенышковъ,
Выручалъ онъ полону да русскаго.
И выходитъ тутъ змѣя было проклятая
Да изъ той было пещеры изъ змѣиноя
И сама же тутъ Добрынѣ испрого́воритъ:
„Ахъ ты душенька Добрынюшка Никитиничъ!
„Ты порушилъ свою заповѣдь великую,

---

[1] Т.-с. видѣли.

[2] Часть ноги надъ копытнымъ сгибомъ, а волоса пучкомъ на этомъ мѣстѣ (Даль).

„Ты пріѣхалъ нунь на гору сорочинскую
„А топтать же мо́ихъ маленькихъ зміенышевъ“.
Говоритъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты змѣя проклятая!
— Я ли нунь порушилъ свою заповѣдь,
— Али ты, змѣя проклятая, порушила?
— Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
— Унесла у насъ Забаву дочь Потятичну?
— Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Потятичну
— Безъ бо́ю, безъ драки кроволитія.—
Не отдавала она безъ бо́ю, безъ драки кроволитія,
Заводила она бой дра́ку великую
Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіе.
Бился тутъ Добрыня со змѣе́й тро́й сутки,
А не може онъ побить змѣи проклятоя.
Наконецъ, хотѣлъ Добрынюшка отъѣхати,—
Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласитъ:
„Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Бился со змѣей ты да тро́й сутки,
„А побейся-ко съ змѣей да еще три́ часу“.
Тутъ побился онъ Добрыня еще три часу,
А побилъ змѣю да онъ проклятую.
Попустила кровь свою змѣиную,
Отъ востока кровь она да внизъ до запада,
А не при́жре матушка да тутъ сыра земля
Этой крови да змѣиноя.
И стоитъ же тутъ Добрыня во крови тро́й сутки,
На конѣ сидитъ Добрыня—пріужа́хнется,
Хочетъ тутъ Добрыня прочь отъѣхати,—
Зъ-за небесей Добрынѣ снова гласъ гласитъ:
„Ай ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Бей-ко ты копьемъ да бурзамецкіимъ [1]

[1] Т.-е. мурзамецкое—восточное, татарское (Даль).

„Да во ту же матушку сыру землю,
„Самъ къ землѣ да приговаривай“.
Сталъ же бить да во сыру землю,
Самъ къ землѣ да приговаривать:
— Розступись-ко ты же, матушка сыра земля!
— На четыре на всѣ стороны,
— Ты прижри-ко эту кровь да всю змѣиную!—
Разступилась было матушка сыра земля
На всѣ на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь въ себя змѣиную.
Опускается Добрынюшка съ добра коня
И пошолъ же по пещерамъ по змѣинымъ,
Изъ тыи же изъ пещеры изъ змѣиноя
Сталъ же выводить да полону онъ русскаго:
Много вывелъ онъ князей князевичевъ,
Много королей да королевичевъ,
Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
Много нунь дѣвицъ да и князевичныхъ
А изъ той было пещеры изъ змѣиноя,
А не може онъ найти Забавы дочь Потятичной;
Много онъ прошолъ пещеръ змѣиныихъ
И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
Въ той послѣднеи пещерѣ во змѣинои.
А выводитъ онъ Забаву дочь Потятичну
А изъ той было пещерушки змѣиноя,
Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ,
Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
И дѣви́цамъ королевичнымъ
И дѣвицамъ онъ да нунь князевичнымъ:
— Кто откуль да вы унéсены,
— Всякъ ступайте въ свою сторону
— А сбирайтесь всѣ да по своимъ мѣстамъ,

— И не троне васъ змѣя болѣ́ проклятая.
— А убита е змѣя да та проклятая,
— А пропущена да кровь она змѣиная
— Отъ востока кровь да внизъ до запада.
— Не унесетъ нунь бо́лѣ полону да русскаго
— И народу христіанскаго.
— А убита е змѣя да у Добрынюшки,
— И прикончена да жизнь нуньчу змѣиная.—
А садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
А садилъ же онъ Забаву на право́ стегно
А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту́ полю.
И спроговоритъ Забава дочь Потятична:
„За твою было великую за вы́слугу
„Назвала тебя бы нунь батюшкомъ,—
„И назвать тебя, Добрыня, нуньче не́ можно!
„За твою было велику за выслугу
„Я бы назвала нунь братцемъ да родимыимъ,—
„А назвать тебя, Добрыня, нуньчу не́ можно!
„За твою великую за выслугу
„Я бы назвала нунь другомъ да любимыимъ,
„Въ насъ же вы, Добрынюшка, не влю́битесь!“
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Молодой Забавѣ дочь Потятичной:
— Ахъ ты мо́лода Забава дочь Потятична!
— Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
— Я есть роду христіанскаго [1]
— Насъ нельзя назвать же другомъ да любимыимъ.
А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
Онъ наѣхалъ во чистомъ полѣ да и́скопыть,
Ископыть да лошадиную,
А какъ стульями земля да проворочена.
Тутъ поѣхалъ нунь Добрыня сынъ Никитиничъ

[1] Т.-е. крестьянскаго (?).

Той же ископытью лошадиною,
Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
— Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
— Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
— Везъ же я Забаву да во честности,
— Да отъ насъ прими Олешенька во честности,
— Не стыди-тко ей да личка бѣлаго,
— Ты присты́дишь ей да личко бѣлое,
— Мнѣ-ка-ва она да тутъ пожалится,
— Я те завтра тутъ, Олешка, голову́ срублю!
— А свези-ко ты къ Владиміру во честности,
— Къ солнышку ко князю стольне-кіевску.—

2. ДОБРЫНЯ - СВАТЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ на князей, на бо́яровъ,
На могучіихъ на бога́тырей,
На всѣхъ купцовъ на торговыихъ,
На всѣхъ мужиковъ деревенскіихъ.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испрого́ворилъ Владимиръ стольно-кіевской:
„Ай вы всѣ князи, бо́яра,
„Всѣ могучіе бога́тыри,
„Всѣ купцы торговые,
„Всѣ мужики деревенскіе!
„Всѣ на пиру поженены,
„Одинъ я князь не женатъ есть.
„Знаете ль вы про меня княжну супротивную,
„Чтобы ростомъ была высокая,
„Станомъ она становитая,
„И на лицо она красовитая,
„Походка у ней часта́ и рѣчь баска [1],
„Было-бъ мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,

[1] Баскій — красивый, привѣтливый.

„Дума думати, долгіе вѣка коро́тати,
„И всѣмъ вамъ князьямъ, всѣмъ бо́ярамъ,
„Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ,
„Всѣмъ купцамъ торговымъ,
„Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
„И всему красному городу Кіеву
„Было кому поклонитися?"
На пиру всѣ позамолкнули,
И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
Одинъ удалый добрый мо́лодецъ,
Изъ-по имени Дунаюшка Ивановичъ,
Выходилъ за столика дубоваго,
Очень онъ пьянъ—не шатается,
Говоритъ рѣчи—не смѣшается,
Низки поклоны поклоняется:
— Князь Владимиръ стольно-кіевской!
Я знаю про то вѣдаю
Про тебя княгину супротивную:
Во той во земли въ храбро́й Литвы
У того королевскаго величества,
Есть двѣ дочери великія,
Обѣ дочери на выда́ваньи:
Бо́льшая дочь Настасья королевична,
Тая дочь все полякуетъ [1];
А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
Тая есть Апракса королевична:
Она ростомъ высокая,
Становъ она становитая,
И лицомъ она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска:
Будетъ тебѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
Дума думати, долгіе вѣка коро́тати,

[1] Ѣздитъ по полямъ, воюетъ, совершаетъ военные подвиги.

— И всѣмъ князьямъ и всѣмъ бо́ярамъ,
— Всѣмъ могучімъ богатырямъ,
— Всѣмъ купцамъ торговымъ,
— Всѣмъ мужикамъ деревенскімъ,
— И всему красному Кіеву
— Будетъ кому покланятися.—
Этыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
„Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
„Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
„Возьми казны десять тысячей,
„И поѣзжай во тую землю въ хоробру́ Литву
„И добрымъ словомъ посватайся:
„Буде въ честь не даютъ, такъ ты сило́й возьми,
„А столько привези Апраксу королевичну“.
Прого́воритъ Дунаюшко Ивановичъ:
— Солнышко ты Владиміръ стольно-кіевской!
— Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
— Не надо казны деся́ть тысячей,
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича.—
Испрого́воритъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
„Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
„Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи“.
Скоро Добрынюшка понакнулся [1],
И скоро они выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садились на добры́хъ коней;
Видли [2] добрыхъ молодцевъ сядучись,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись;
Быдто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали,

---

[1] Поторопился.
[2] Видѣли.

И скоро будутъ въ той землѣ въ хоробро́й Литвѣ,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскій,
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добры́хъ коней.
Прого́воритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
„Стой же ты у коней, коней паси,
„А поглядывай на рынду [1] королевскую,
„На палату княженецкую:
„Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
„А каково бы время, такъ пріѣхалъ бы“.
А приходитъ къ королевскому величеству;
Знаетъ онъ порядню королевскую:
Не надо креститься, молитвиться,
Бьетъ челомъ, поклоняется:
„Здравствуй, батюшка король хоробро́й Литвы!“
А оглянется король хоробро́й Литвы:
— Прежняя ты слуга, слуга вѣрная!
— Жилъ ты у меня три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ,
— Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
— За твои услуги молодецкія
— Посажу тебя за большій столъ,
— За большій столъ, въ большо́ мѣсто;
— Ѣшь, молодецъ, досыта
— И пей, молодецъ, до́люби.—
И посадилъ его за большій столъ, въ большо́ мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай себя,

[1] Рында — стража, тѣлохранители.

— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?
— Насъ ли посмотрѣть, али себя показать,
— А у насъ ли пожить и еще послужить?—
„Батюшка король хоробро́й Литвы!
„А поѣхалъ я за добры́мъ дѣломъ,
„Засвататься на твоей дочери на Апраксiи".
Этыя рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не за свое дѣло взялся—за бездѣльице:
— Ме́ньшую дочь ты просватывашь,
— А бо́льшую дочь чѣмъ за́садилъ?
— Ай же вы татаровья могучiе!
— Возьмите Дуная за бѣлы руки,
— А сведите Дуная во глубокъ погребъ,
— Заприте рѣшетками желѣзныма,
— Задвиньте досками дубовыма,
— Засыпьте песками рудожелтыма;
— Пусть-ка Дунай во Литвѣ погоститъ,
— Во Литвѣ погоститъ, въ погребу посидитъ:
— А можетъ Дунай догадается.—
Выставалъ Дунай на рѣзвы́ ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о дубовый столъ:
Столы дубовые роскряталися [1],
Питья на столахъ проливалися,
Вся посуда разсыпалася.
Всѣ татаровья испужалися,
Скоро прибѣжали слуги вѣрные
Съ того двора съ королевскаго:
„Ай же батюшка король хоробро́й Литвы!
„Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

---

[1] Разсыпались, развалились.

„На дворѣ дѣтина не зна́й-собой [1],
„Во лѣвой рукѣ два повода добры́хъ коней,
„А во правой рукѣ дубина сарацинская;
„Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
„Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
„На всѣ стороны дубиною размахиваетъ,
„И убилъ татаръ до единого,
„Не оставитъ татаръ на се́мена“.
Тутъ король догадается,
Прого́воритъ король хоробро́й Литвы:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь татаръ хоть на се́мена!
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владимира.—
Скоро они садились на добры́хъ коней,
Скоро поѣхали съ того двора королевскаго
Съ молодой Апраксой королевичной.
И во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночь темная;
Раздернули палатку полотняную,
И тутъ добры мо́лодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добры́хъ коней,
А въ головы востры копья,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры мо́лодцы не видѣли,
Хоть не видѣли они, столько слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто́ поле.
Вставали поу́тру ранешенько

[1] Неизвѣстный, какой-то.

И восходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
Камешки съ дорожки вывертывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Апраксой королевичной ко городу ко Кіеву.
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По этой по лошадиной по и́скопыти
За тѣмъ татариномъ въ погону въ слѣдъ,
Гдѣ было татарина та́къ доѣзжать,
Гдѣ было татарина копье́мъ жарыка́ть [1],
Такъ съ татариномъ промолвился:
„Стой ты, татаринъ, во чисто́мъ полѣ,
„Рыкни, татаринъ, по-звѣриному,
„Свисни, татаринъ, по-змѣиному!“
Рыкнулъ татаринъ по-звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по-змѣиному:
Темные лѣса распа́дались,
Въ чисто́мъ полѣ камешки раскатывались,
Травонька въ чисто́мъ полѣ повянула,
Цвѣточки на землю повысыпались,
Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы́ ноги
И сшибъ татарина съ добра коня:
„Скажи ты, татаринъ, не утай собой:
„Чьего ты, татаринъ, роду, чьего племени?“
Говорилъ татаринъ таковы слова:
— Ай же Дунай сынъ Ивановичъ!
— Какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины, ни дѣдины [2],

---

[1] Достать, ударить, т.-е. на разстояніи копья.
[2] Иначе: отчина, т.-е. происхожденіе.

— А пласталъ бы твои груди бѣлыя.—
Садился Дунаюшка на бѣлы́ груди,
Какъ раскинулъ плащи татарскіе,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
А видитъ по пе́рькамъ [1], что женскій полъ.
У него сердечушко ужа́хнулось,
А рука въ плечѣ застоялася:
— Что же ты, Дунаюшка, не о́позналъ?
— А мы въ о́дной дороженькѣ не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушкѣ не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три года:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ.—
„Ай же ты Настасья королевична!
„Поѣдемъ мы скоро ко городу ко Кіеву,
„И примемъ мы чудны́ кресты—золоты вѣнцы“.
Пріѣхали ко городу ко Кіеву
Къ той ко церкви соборныя;
Ме́ньша сестрица вѣнчается,
Бо́льша сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошо́лъ ровно по три дни;
На пиру Дунаюшка расхвастался:
„Во всемъ городѣ во Кіевѣ
„Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
„Самъ себя женилъ, а дру́га подари́лъ“.
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Ай же ты Дунай Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты, Дунаюшка, расхвастался?
— А и не долго въ городѣ по́была,
— А много въ городѣ при́знала:

[1] Т.-е. персямъ (собств. соскамъ).

— Нѣтъ такого молодца на щепленьице [1],
— На щепленьице—Добрыни Никитича,
— А нѣтъ на смѣлось Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичной:
— А стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попада́ла стрѣлкой въ ножечной острей,
— Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
— Обѣ половинки равны́ пришли,
— На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ равны.—
И тутъ Дунаюшкѣ ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты Настасья королевична!
„Поѣдемъ, Настасьюшка, въ чисто́ поле,
„Стрѣлять стрѣлочки каленыя“.
И выѣхали въ чисто́ поле:
И стрѣляла она стрѣлочку каленую,
И попада́ла стрѣлочкой въ ножево́й острей,
Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки:
Обѣ половиночки равны́ пришли,
На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ равны.
И стрѣ́лилъ Дунаюшка Ивановичъ:
Такъ разъ стрѣ́лилъ, перѐстрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣ́лилъ, не до́стрѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ разсердился Дунаюшка Ивановичъ,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди.
Тутъ Настасья ему взмолилася:
— Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
— Лучше ты мнѣ-ка-ва при́грози трі́ грозы,
— А не стрѣляй стрѣлочки каленыя;
— Первую грозу мнѣ-ка пригрози:

[1] Т.-е. изящная походка и манеры.

— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячу смолу
— И бей меня по нагу тѣлу;
— А другую грозу мнѣ-ка пригрози:
— Возьми меня за волосы за женскіе,
— Привяжи ко стремени сѣдельному,
— И гоняй коня по чисту́ полю;
— А третью грозу мнѣ-ка при́грози:
— Веди меня во улицу крестовую [1]
— И копай по перькамъ во сыру землю,
— И бей меня клиньями дубовыма,
— И засыпь песками рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми;
— А держи меня ровно три мѣсяца,
— А дай мнѣ-ка че́рево повы́носити,
— Дай мнѣ младенца поотро́дити,
— Свои хоть сѣ́мена на свѣтъ спустить:
— У меня во чревѣ младенецъ есть—
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
— По локо́ть ручки-то въ золотѣ,
— По косицамъ [2] частыя звѣздочки,
— А въ теми́ [3] печетъ красно солнышко!—
На эти онъ рѣчи не взираючись,
И спущаетъ стрѣлочку каленую,
Во Настасьины бѣлы́ груди;
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ онъ ей груди́ бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью;
У нея во черевѣ младенецъ есть—
Такого младенца во градѣ нѣтъ:

---

[1] Т.-е. перекрестокъ.
[2] Т.-е. вискамъ.
[3] Т.-е. темени.

3.

4.

По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
По локо́ть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ печетъ красное солнышко.
Тутъ самъ онъ на свои руки посе́гнулся.
Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай-рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья-рѣка.

3. ДОБРЫНЯ И МАРИНА.

По три́ годы Добрынюшка стольничалъ,
По три́ годы Добрыня приворотничалъ,
По три́ годы Добрынюшка чашничалъ.
На десятое-то лѣто сталъ конемъ владать,
Сталъ конемъ владать Добрынюшка по городу гулять.
И матушка Добрынюшкѣ наказывала,
Государыня Добрыни наговаривала:
„Ужъ ты младые Добрынюшка Микитинъ сынъ!
„Не ѣзди-тко, Добрынюшка, по городу гулять,
„Да не ѣзди-тко, Микитинъ сынъ, по Кіеву гулять,
„Ты не ѣзди-ко во улицы Игнатьевски,
„Да въ тѣ ли переулочки Маринкины.
„Да и та к.... Мариночка Игнатьевска,
„Да и сама к.... Мариночка отравщичка,
„Она много отравила князей бояръ,
„А поболѣ отравила удалыхъ молодцевъ.
„Отравила она девять богатырей,
„Отравитъ тебя Добрыню во десятые“.
Да и матушки Добрынюшка не слушае,
А поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять,
Да поѣхалъ ли Микитинъ сынъ по Кіеву,
Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
А во тѣ ли переулочки Маринкины.
А у той к.... Мариночки Игнатьевской

Хорошо ли терема́ да изукрашены.
Онъ увидѣлъ на Маринкиномъ теремѣ,
А сидятъ туто голубъ со голубкою,
Да носокъ къ носку сидя ликуются[1]
А прави́льныма крылами обнимаются.
Разгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
А натя́галъ ли Добрынюшка свой тугой лукъ,
И да наклада́лъ ли Добрыня калену стрѣлу,
Да стрѣлялъ онъ тутъ во голуба съ голубкою.
Не попалъ тутъ онъ во голуба съ голубкою,
А попалъ онъ ко Маринки во высокъ терёмъ,
Да во то ли то въ окошечко косящато.
А разбилъ у ней околенку стекольчату,
А сломилъ у ней прицѣленку[2] серебряну,
А убилъ онъ у Маринки дружка милаго,
А и младаго Тугарина Змѣевича.
И та к.... Мариночка Игнатьевска
А металася въ окошечко по поясу,
Говоритъ к.... Маринка таково слово:
— А й ты младые Добрынюшка Микитьевичъ!
— Ты на что стрѣлялъ во голуба съ голубкою,
— Не попалъ ты во голуба съ голубкою,
— А попалъ ко мнѣ ты во высокъ теремъ,
— Да разбилъ у м'ня околенку стекольчату,
— А сломалъ у м'ня прицѣленку серебряну,
— А убилъ ты у меня да дружка милаго,
— Младаго Тугарина Змѣевича!
— Обирай-ка ты поди да тѣло мертвое.—
Сходилъ туто́ Добрыня съ добра коня,
Становилъ тутъ онъ коня да ко точе́ному столбу,
Ко тому ли то кольцу да золоченому.
Заходилъ-то Добрыня во высокъ теремъ:

---

[1] Милуются.
[2] Раму; иначе: прича́ленка (Даль).

А й та к.... Мариночка Игнатьевска,
А металася Мариночка за за́вѣсу,
А манила ли Добрынюшку за завѣсу;
Просидѣлъ туто Добрыня день до вечера,
А не другъ-то другу слова не прого́ворили.
Да пошолъ-то Добрынюшка изъ терема,
Да и та к.... Мариночка Игнатьевска
Да и брала-то два ножика булатніе,
А подрѣ́зала Добрынины слѣдочики,
Ко слѣдамъ к.... Маринка пригова́ривала:
„Какъ я рѣжу-то Добрынины слѣдочики,
„Такъ бы рѣзала Добрынино сердечушко,
„А по мнѣ ли по Мариночкѣ Игнатьевской“.
Затопляла скоро печку муравленку,
Да метала-то Добрынины слѣдочики,
Ко слѣдамъ к.... Маринка пригова́ривала:
„Какъ горя [1] этѣ́ Добрынины слѣдочики,
„Такъ горѣло бы Добрынино сердечушко“.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце
А по той ли по Мариночкѣ Игнатьевской.
По утру вставае онъ ранешенько,
Да и проситъ онъ прощенія у матушки:
— Ты свѣтъ государынь моя матушка!
— А и дай-ко мнѣ прощеньице женитися
— А на той ли на Мариночкѣ Игнатьевской.—
Говорила ли Добрыни родна матушка:
„Ужъ ты младые Добрынюшка Микитинъ сынъ!
„Хоть у князя ты женись, хоть у боярина,
„Хоть у мужика женись ты у крестьянина,
„Вездѣ дамъ тебѣ прощеніе женитися,
„А не дамъ тебѣ прощеньица женитися
„А на той к.... Мариночкѣ Игнатьевской“.
Да и матушки Добрынюшка не слушае,

[1] Т.-е. горятъ.

А садился ли Добрыня на добра коня,
Да поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять.
Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
Да во тѣ ли переулки во Маринкины,
Сходилъ туто́ Добрыня со добра коня,
Становилъ онъ тутъ коня да ко точеному столбу,
Ко тому ли то кольцу да золоченому,
Заходилъ ли то Добрыня во высокъ теремъ.
А й та к.... Мариночка Игнатьевска
Она брала ли Добрыню за бѣлы руки,
Говорила ли Добрынѣ таково слово:
— Ужъ ты младые́ Добрынюшка Микитинъ сынъ!
— Теперь какъ я захочу, такъ тобо́й поворочу́.
— Обернуть тебя туромъ да златорогіемъ,
— Отъ златорогаго тура поворотъ-отъ есть;
— Обернуть тебя какъ жабой подколоднею,
— А отъ жабы подколодней повороту нѣтъ.—
А й тутъ к.... Мариночка сдобри́лася,
Обернула-то туромъ да злоторогіемъ
Да спустила-то тура да во чисто поле.
А провѣдала Добрынюшкина матушка,
Пріѣзжала ко Мариночкѣ Игнатьевской,
Говорила ли Маринкѣ таково слово:
„Ужъ ты ай Мариночка Игнатьевска!
„А ты много отравила князей бояръ,
„А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ,
„Отравила ты девять богатырей,
„Отравила ты Добрыню во десятые.
„Оберни-тко ты Добрыню добрымъ молодцомъ,
„Я тя за Добрынюшку заму́жъ возьму.
„Не обернешь ты какъ Добрыни добрымъ молодцомъ,
„Оберну тебя сорочкой [1] вѣ́щицею“.

---

[1] Сорокою.

Да и тутъ к.... Маринка перепалася [1],
Обвернула-то Добрыню добрымъ молодцомъ.
А и та ли та Добрынюшкина матушка,
Обвернула-то Мариночку сорочкою, 123
Да и той ли то сорочкой вѣщицею,
Да спустила-то сорочку въ чисто поле.
Съ-подъ гуме́ньица сорочекъ всѣхъ повы́гонила,
Изъ чиста поля сорочекъ всѣхъ повы́тащила.

[1] Перепугалась.

4. ДОБРЫНЯ И ВАСИЛІЙ КАЗИМИРОВЪ.

У ласкова князя Владимира
У солнышка у Сеславыча
Было столованье почетный пиръ
На многихъ князей, бояровъ
И на всю поленицу [1] на удалую,
И на всю дружину на храбрую.
Онъ всѣхъ поитъ и всѣхъ чествуетъ,
Онъ всѣмъ князь покланяется.
И въ полупиру бояре напивалися,
И въ полукушаньяхъ наѣдалися.
Князь по гридницѣ похаживатъ
Бѣлыми руками помахиватъ,
И могучими плечами поворачиватъ,
И самъ говоритъ таковы слова:
„Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
„Ой ты вся поленица удалая
„И вся моя дружина храбрая!
„Кто бы послужилъ мнѣ князю вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою неизмѣнною?
„Кто бы съѣздилъ въ землю дальную,
„Въ землю дальную Поленецкую [2]

---

[1] Богатыри.
[2] Половецкую.

„Къ царю Батуру ко Батвѣсову?
„Кто бы свезъ ему дани-пошлины
„За тѣ за годы за прошлые
„И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ?
„Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ чиста серебра?
„Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга?
„Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ красна золота?
„Кто бы свезъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ?
„Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей?
„Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ [1]?
„Кто бы свелъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ?"
Тутъ большой за меньшаго хоронится,
Ни отъ большаго ни отъ меньшаго отвѣта нѣтъ;
Изъ того только изъ мѣста изъ средняго
И со той скамеечки бѣлодубовой
Выступалъ удалой добрый молодецъ
На свои на ноженьки на рѣзвыя,
На тѣ ли на сапожки зеленъ сафьянъ,
На тѣ ли каблучки на серебряны,
На тѣ ли гвоздички золочены,
По имени Василій сынъ Казимерской.
Отошедши Василій поклоняется,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Ой ты гой еси, нашъ батюшко Владимиръ князь!
„Послужу я тебѣ вѣрой-правдою,
„Позаочи-въ-очи не измѣною;
„Я де съѣзжу въ землю дальную,
„Въ дальную землю Поленецкую
„Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову;
„Я свезу твои дани-пошлины
„За тѣ годы, годы прошлые,
„За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ.

---

[1] Охотничьихъ собакъ (борзыхъ).

„Я свезу твое золото и серебро,
„Я свезу твой скатный жемчугъ,
„Свезу сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
„Свезу сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
„Свезу сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
„Я сведу сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
Тутъ Василій закручинился
И повѣсилъ свою буйну голову
И потупилъ Василій очи ясныя
Во батюшко во кирпицатъ полъ.
Надѣвалъ онъ черну шляпу, вонъ пошелъ
Изъ того изъ терема высокаго.
Выходитъ онъ на улицу на широку,
Идетъ по улицѣ по широкой;
Навстрѣчу ему удалой добрый молодецъ,
По имени Добрыня Никитичъ младъ.
Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодецъ,
„По имени Василій сынъ Казимерской!
„Что ты идешь съ пиру невеселой?
„Не дошло тебѣ отъ князя мѣсто доброе?
„Не дошла ли тебѣ чара зелена вина?
„Или кто тебя, Василій, избезчествовалъ?
„Или ты захвастался куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгатъ Добрынюшка во второй разъ,
Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодецъ,
„Ты по имени Василій сынъ Казимерской!
„Что идешь ты съ пиру невеселой,
„И невеселъ идешь ты, нерадошенъ?
„Не дошло ль тѣ, Василій, мѣсто доброе?
„Не дошла ль отъ князя чара зелена вина?
„Али ты захвастался, Василій, куда ѣхати?“

И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгатъ Добрынюшка въ третій де разъ,
Пухову шляпу сниматъ, низко кланяется:
„Здравствуешь, удалый добрый молодецъ,
По имени Василій сынъ Казимерской!
Что идешь съ пиру невеселой,
Невеселъ ты идешь съ пиру, нерадошенъ?
Не дошло ль тебѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла ль тебѣ чара зелена вина?
Али кто тебя, Василій, избезчествовалъ?
Али ты захвастался куда ѣхати?
Я не выдамъ тебя у дѣла ратнаго,
И у того часу скоро-смертнаго!“
И тутъ Василій возрадуется,
Схваталъ Добрыню онъ въ беремячко,
Прижиматъ Добрынюшку къ сердечушку
И самъ говоритъ таковы слова:
— Гой еси, удалой добрый молодецъ,
— По имени Добрыня Никитичъ младъ!
— Ты, Добрыня, будь большой мнѣ братъ,
— А я Василій буду ме́ньшой братъ:
— Я у ласкова князя Владимира
— На бесѣдѣ на почестныя,
— На почестныя, на большомъ пиру
— Я захвастался отъ князя съѣздити
— Во ту во землю во дальную
— Ко царю Батуру ко Батвѣсову,
— Свезти ему дани-выходы
— За тѣ годы за двѣнадцать лѣтъ:
— Свезти туда злато, серебро,
— Свезти туда скатный жемчугъ,
— Свезти сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
— Свезти сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
— Свезти сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,

— Свести сорокъ сивыхъ жеребцовъ.—
И проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Не возьмемъ везти отъ князя отъ Владимира,
„Не возьмемъ отъ него дани-пошлины:
„Мы попросимъ отъ собаки Батура Батвѣсова,
„Мы попросимъ отъ него дани-пошлины“.
И тутъ молодцы побратались,
Воротились назадъ ко князю Владимиру,
Идутъ они въ палаты бѣлокаменны;
Крестъ кладутъ по-писаному,
Поклонъ ведутъ по-ученому,
Покланяются на всѣ стороны:
„Здравствуешь, Владимиръ князь,
„И со душечкой со княгинею!“
Князьямъ, боярамъ въ особицу.
И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
— Добро пожаловать, удалы добры молодцы,
— Ты Василій сынъ Казимерской,
— Со Добрынюшкой со Никитичемъ!
— За одинъ бы столъ хлѣбъ-соль кушати!—
Наливаетъ князь чары зелена вина,
Не малы́ чары—въ полтора ведра,
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
Принимаютъ молодцы единой рукой,
Выпиваютъ чары единымъ духомъ;
И садятся на скамеечки дубовыя,
Сами говорятъ таковы слова:
— Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
— Не желаемъ мы везти отъ тебя дани-пошлины;
— Мы желаемъ взять отъ Батура отъ Батвѣева,
— Привезти отъ него дани-пошлины
— Ласкову князю Владимиру.
— И садись ты, ласковый Владимиръ князь,
— Садись ты за дубовый столъ,

— И пиши ты ярлыки скорописчаты:
— „Дай ты мнѣ, собака, дани-пошлины
— „За тѣ за годы за прошлые,
— „И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ,
— „И дай ты намъ злата серебра,
— „И дай ты намъ скатна жемчуга,
— „И дай ты намъ ясныхъ соколовъ,
— „И дай ты намъ черныхъ соболей,
— „И дай ты намъ черныхъ выжлыковъ,
— „И дай ты намъ сивыхъ жеребцовъ“. —
Подаетъ ласковый Владиміръ князь
Удалымъ молодцамъ ярлыки скорописчаты;
И беретъ Василій Казимерской
И кладетъ ярлыки во карманчики;
И встаютъ молодцы на рѣзвы ноги,
Сами говорятъ таковы слова:
„Благослови насъ, ласковый Владиміръ князь,
„Намъ съѣздить въ землю Поленецкую“.
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревѣли молодцы по-звѣриному.
Какъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
Два коня бѣгутъ, да два могучіе
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней за шелковъ повóдъ
И вставали въ стременушки гольяшныя [1]
И садились въ сѣдельшки черкасскія.
Только отъ князя и видѣли,
Какъ удалы молодцы садилися,
Не видали, куда уѣхали:
Первый скокъ нашли за три версты,
Другой скокъ нашли за двѣнадцать верстъ,

[1] Чешуйчатый, отъ названія рыбы — гольянъ (Подвысоцкій). М. б. вмѣсто: вальящатыя (рѣзныя)?

Третій скокъ не могли найти.
Подбѣгаютъ они въ землю дальную,
Въ землю дальную, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрыхъ коней;
Ни къ чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не опрашивали они у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивали они у дверей придверниковъ,
Отворяли они двери на пяту [1],
Заходили въ палату бѣлокаменну;
Богу молодцы не молятся,
Собакѣ Батуру не кланяются,
Сами говорятъ таковы слова:
„Здравствуешь, собака, царь Батуръ!
„Привезли мы тебѣ дани-пошлины
„Отъ ласкова князя Владимира“.
И вынима́тъ Василій Казимерской,
Вынима́тъ ярлыки скорописчаты
Изъ того карману шелковаго
И кладетъ на дубовый столъ:
„Получай, собака, дани-пошлины
„Отъ ласкова князя Владимира“.
Распечатывалъ собака Батуръ Батвѣсовъ,
Распечатывалъ ярлыки скорописчаты,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Гой еси, Василій сынъ Казимерской,
— Отсель тебѣ не уѣхати!—
Отвѣчатъ Василій сынъ Казимерской:
„Я надѣюсь на Мати Чудную, Пресвятую Богородицу,

[1] Т.-е. настежь.

„Надѣюсь на родимаго на брателка,
„На того ли братца на названаго
„На Добрыню ли на Никитича“.
Говоритъ собака Батуръ таковы слова:
— Поиграемъ-те-ко, добры молодцы, костью-картами!—
Проговоритъ Василій сынъ Казимерской:
„Таковой игры я у тѣ не зналъ здѣсь,
„И таковыхъ людей изъ Кіева не бралъ я“.
И сталъ Батуръ играть костью-картами
Со младымъ Добрынею Никитичемъ:
Первый разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ Добрыня Никитичъ младъ.
И второй разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
И въ третій разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
Тутъ собакѣ за бѣду стало,
Говоритъ Батуръ собака таковы слова:
„Что отсель тебѣ, Василій, не уѣхати!“
Проговоритъ Василій сынъ Казимерской:
— Я надѣюся на Мати Пресвятую Богородицу
— Да надѣюсь на родимаго на брателка,
— На того на братца названаго,
— На того Добрыню Никитича!—
Говоритъ собака таковы слова:
„Ой ты гой еси, Василій сынъ Казимерской,
„Станемъ мы стрѣлять за три версты,
„За три версты пятисотныя,
„Въ тотъ сырой дубъ кряковистый,
„Попадать въ колечко золоченое“.
И проговоритъ Василій сынъ Казимерской:
— Я такой стрѣльбы у тебя не зналъ
— И таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева.—
Выходилъ собака на красно крыльцо,

Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси вы, слуги мои вѣрные!
„Несите-ка мнѣ тугой лукъ
„И несите калену стрѣлу!“
Его тугой лукъ несутъ десять татариновъ,
Калену стрѣлу несутъ шесть татариновъ.
Беретъ собака свой тугой лукъ
И беретъ калену стрѣлу;
Натягиваетъ собака свой тугой лукъ,
И кладетъ стрѣлу на тетивочку;
И стрѣляетъ онъ за три версты,
За три версты пятисотныя.
Первый разъ стрѣлилъ—не до́стрѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ—пере́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—не могъ попасть.
И подаетъ свой тугой лукъ Добрынюшкѣ,
Добрынюшкѣ Никитичу,
И подаетъ калену стрѣлу.
Сталъ натягивать Добрыня тугой лукъ,
И заревѣлъ тугой лукъ, какъ лютые звѣри,
И переламывалъ Добрыня тугой лукъ надвое,
И бросилъ онъ тугой лукъ о сыру землю,
Направлялъ онъ калену стрѣлу впередъ жаломъ,
И бросалъ онъ стрѣлу за три версты,
За три версты пятисотныя,
И попадалъ въ сырой дубъ кряковистый,
Въ то колечко золо́чено:
Разлетался сырой дубъ на драночки.
И тутъ собакѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Говоритъ собака таковы слова:
„Ой ты гой еси, Василій, сынъ Казимерской,
„Что отсель тебѣ не уѣхати!“
Проговоритъ Василій сынъ Казимерской:

— Я надѣюсь на Пречистую Богородицу
— Да надѣюсь на родимаго на брателка,
— Да на того братца званаго,
— На того Добрыню Никитича".
Проговоритъ собака царь Батуръ:
„Да нельзя ли съ вами, молодцы, побороться?"
Проговоритъ Василій, сынъ Казимерской:
— Такой борьбы, собака, не знавывалъ,
— Таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева.—
И тутъ собакѣ за бѣду стало:
Онъ кричалъ, зычалъ собака зычнымъ голосомъ,
Набѣжало татаръ и силы смѣтъ нѣтъ.
И выходилъ Добрыня на улицу на широку
И сталъ онъ по улицѣ похаживати.
Схватились за Добрыню три татарина:
Онъ перваго татарина взялъ разорвалъ,
Другого татарина взялъ растопталъ,
А третьяго татарина взялъ за ноги;
Сталъ онъ по силѣ похаживать,
Зачалъ бѣлыми руками помахивать,
Зачалъ татаръ поколачивать:
Въ одну сторону идетъ—дѣлатъ улицу,
Вбокъ повернетъ—переулочекъ.
Стоялъ Василій на красномъ крыльцѣ,
Не попало Василью палицы боевыя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурзамецкаго [1],
Попала ему ось бѣлодубова,
Ось бѣлодубова семи саженъ.
Сохваталъ онъ ось бѣлодубовую,
Зачалъ онъ по силѣ похаживать
И зачалъ татаръ поколачивать.

[1] Восточнаго, татарскаго.

Тутъ собака испужается,
По подлавкѣ поваляется;
Выбѣгалъ собака на красно крыльцо,
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, удалы добры молодцы!
„Вы оставьте мнѣ хоть на приплодъ татаръ,
„Вы оставьте мнѣ татаръ хоть на плéмена!“
Тутъ его голосу молодцы не слушаютъ.
Зычитъ, кричитъ собака зычнымъ голосомъ:
„Я отдамъ ласкову князю Владиміру,
„Отдамъ ему дани-пошлины
„За тѣ за годы за прошлые,
„За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ:
„Отдамъ сорокъ телѣгъ красна золота,
„Отдамъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга,
„Отдамъ сорокъ телѣгъ чиста серебра,
„Отдамъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
„Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
„Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
„Отдамъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
Тутъ его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идутъ они ко высоку нову терему.
Выдаетъ имъ собака дани-пошлины,
Насыпаетъ телѣжки златокованныя,
Отправляетъ въ стольной Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владиміру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тутъ садились добры молодцы на добрыхъ коней,
Ставали въ стременышки гольяшныя
И садились въ сѣдельшки черкасскія.
И поѣхали молодцы въ свою сторону,
Ко ласкову князю Владиміру.
Ѣдутъ ко высоку нову терему,

Становятся на улицу на широку;
Выходятъ во палату бѣлокаменну,
Крестъ кладутъ по-писаному,
Поклонъ ведутъ по-ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!“
— Добро жаловать, удалы добры молодцы!—
Онъ садитъ ихъ на скамейки на дубовыя,
Наливаетъ чары зелена-вина,
Не малыя чары—въ полтора ведра,
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
Принимаютъ добры молодцы единой рукой,
Выпиваютъ добры молодцы единымъ духомъ.
На рѣзвы ноги стаютъ, низко кланяются:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь,
„Привезли мы тебѣ дани-пошлины
„Отъ собаки Батура Батвѣсова“.
Кланяется имъ ласковый Владимиръ князь,
Кланяется до сырой земли:
— Спасибо вамъ, удалы добры молодцы,
— Послужили вы мнѣ вѣрой-правдою,
— Вѣрой-правдою неизмѣнною!—

5. ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говаривалъ,
А Никитиничъ-тотъ рóдненькой наказывалъ:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго спорóдила!
— Спородúла бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавчикомъ,
— А спустила бы во черное-то море во Турéцкое:
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
— Я отнынѣ бы Добрыня вѣкъ да пó вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нунь Добрыня безповинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отцей, матерей,
— Не спускалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушокъ!—
Отвѣчала тутъ родитель ему матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
„Я бы рада тя спорóдити
„А таланомъ-участью да въ Илью Муромца,
„Силою во Святогора нунь богáтыря,
„Красотою было въ Осипа Прекраснаго,
„Славою было въ Вольгý Всеславьева,
„А й богачествомъ въ купца Садка богатаго,
„А й богатаго купца да новгородскаго,
„А смѣлостью въ Олешу во Поповича,
„А походкою щапливою [1]

[1] Щегольской, изящной.

„Во того было Чурилушку Пленко́вича,
„Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
„Тыи ста́тьи есть, да дру́гихъ Богъ не далъ,
„Дру́гихъ Богъ тебѣ не далъ да не пожаловалъ“.
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ - тотъ шолъ
А сѣдлаетъ тутъ Добрынюшка добра коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
Да на потнички онъ кла́де войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
А подтягиватъ двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ
А тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.
А у той ли у правыя у стре́мены
Провожала е́го тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыя у стре́мены
Провожала-то его да люби́ма́ семья,
Молода́ Настасья да Микулична.
А тутъ честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ простилася да воротилася
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыя у стремены
И́де молода Настасья дочь Никулична;
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
„Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Ты скажи-тко нунь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
„А когда же ждать тя нуньчу со чиста́ поля,
„А когда тя сожидаться въ сво́ю сторону?“
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты мо́лода Настасья дочь Никулична!
— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,

— Стала у Никитича вывѣдывать,
— Я тѣ стану нунь высказывать:
— Жди-тко ты Добрынюшку во трѝ годы;
— Я по три годы не буду, жди по дру́го три,
— А какъ про́йде тому времени да шесть годовъ,
— Я не буду тутъ Добрыня изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи да хоть заму́жъ поди,
— По́ди за́ князя, хоть за боярина,
— Хоть за русскаго могучаго бога́тыря,
— Только не ходи за брата за названаго,
— За того было Олешеньку Поповича.—
Тутъ простилася да воротилася
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день, будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава ростётъ,
Годъ тотъ за годо́мъ, да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло-то тому времечки да три годы,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по дру́го три.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растётъ,
Годъ тотъ за годо́мъ, да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло-то тому времени да шесть годовъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Онъ привозитъ было вѣсточку нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ полѣ,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
А честна́ вдова Офимья Олександровна
Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ голоскомъ поваживать:
„А лежитъ въ чистомъ полѣ Добрынюшка убитыи!“

Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
„Поди за́ князя, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго бога́тыря“.
А побольше тутъ зовутъ-то за Олешеньку,
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она не за́ княза, не за боярина,
Не за русскаго могучаго бога́тыря,
Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
„Справила я заповѣдь-то мужнюю,
„Справлю свою заповѣдь-то женскую“.
Стала ждать Добрынюшку по друго́ шесть.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава ростётъ,
Годъ-то за годомъ, да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Пріѣзжаетъ тутъ Олешка да во другой разъ,
Тую вѣсточку привозитъ да нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня въ чисто́мъ полѣ,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать,
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
„Поди хоть за князя, хоть за боярина,
„Хоть за русскаго могучаго бога́тыря“.
А побольше стали звать да за Олешеньку,
За того было Олешеньку Поповича.
Не пошла она не за князя, не за боярина,
Не за русскаго могучаго бога́тыря,
А пошла заму́жъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Что ли свадебка была у нихъ во третій день,

А севодня-то итти да ко Божье́й церквы.
Ѣздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
Конь-то тутъ Добрынинъ подтыкается
А къ сырой земли да приклоняется:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть! [1]
— Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
— Надъ собой ли ты невзгодушку-ту вѣдаешь,
— Надъ собой ли вѣдаешь, аль на́до мной,
— Надо мной Добрынюшкой Никитичемъ?—
Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласитъ:
„Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
„А твоя-та любима́ семья да заму́жъ пошла
„А за смѣлаго за Олешку за Поповича,
„Свадебка у нихъ было по третій день,
„А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу“.
Разсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Какъ приправилъ ко́ня добраго
Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
Не дорожками поѣхалъ не воротами,
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широкі́ раздолья промежъ ногъ пущалъ.
А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
А пріѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Черезъ ту стѣну́ наѣхалъ городовую,
Черезъ тую башню наугольную,
А къ тому было подворьицу вдовиному,
А къ честной вдовы Офимьи Олександровной,
Со чиста́ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гонцомъ,
А не спрашивалъ у две́рей онъ придверничковъ,
У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
Всѣхъ же прочь взаше́й да и отталкиватъ,

---

[1] Ѣда.

А бѣжитъ тутъ во полаты бѣлокаменны.
Всѣ придверничкп да приворотнички
Вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
„А честна́ вдова Офимья Олександровна!
„Этотъ-то удалый добрый молодецъ
„Со чиста́ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гонцомъ,
„Ко подворьицу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
„Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
„У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
„Всѣхъ же насъ тутъ зва́шей прочь отталкивалъ!“
А честна вдова Офимья Олександровна
Она взя́ла по палатамъ-то похаживать,
Своимъ женскіимъ тутъ го́лоскомъ поваживать:
„А прошло то времени двѣнадцать лѣтъ,
„Закатилось у меня да красно солнышко,
„Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
„А уѣхалъ тутъ Добрыня да́лече дале́че во чисто́ поле,
„А лежитъ же тутъ Добрыня во чисто́мъ полѣ,
„А плеча его да испрострѣляны,
„Голова его да испроломана,
„Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ!
„А какъ нунечку было теперечку
„Закатается да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!“
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ,
А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я-то нунь поѣхалъ да ко Кіеву;
— А не слу́читъ ли ти Богъ же быть во Кіевѣ,
— А велѣлъ спросить про мо́лоду Настасью про Микуличну,
— Про Добрынину да любиму́ семью.—
Испрого́воритъ честна вдова Офимья Олександровна:
„А какъ нунечу Добрынина да любима́ семья,

„А какъ нунечу Настасья да заму́жъ пошла
„За того за смѣлаго Олешу за Поповича:
„Свадебка у нихъ было по третій день,
„А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу“.
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
— „Слу́читъ Богъ же быть тебѣ во Кіевѣ
— У того было подворьица вдовинаго“,
— А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскія [1]
— Въ новой горенкѣ да тутъ на стопочкѣ [2],
— А въ глубокіихъ своихъ во погребахъ
— Взять дубинку сорока пудовъ,
— А на свадебки меня бы не обидѣли,
— Да велѣлъ же взять гуселышка яровчаты,
— Да во томъ же во глубокоемъ во погребѣ.—
А честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ скорешенько бѣжала въ нову горенку,
Притащила ему платья скоморовскія,
Отмыкала она погреба глубокія,
Подавала тутъ гуселышка яровчаты;
Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
А пошелъ же скоморошиной на свадебку.
А приходитъ скоморошиной на свадебку,
А й къ тому двору да княженецкому,
А не спрашиватъ у две́рей да придверничковъ,
У воротъ не спрашиватъ да приворотничковъ,
Онъ всѣхъ вза́шей прочь отталкивалъ.
Всѣ придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
„Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
„Этотъ-то удалый добрый молодецъ

---

[1] Т.-е. скоморошьи.

[2] Деревянный гвоздь въ стѣнѣ для платья (Даль).

„Со чистá поля онъ давень [1] ѣхалъ да скоры́мъ гонцомъ
„Къ тому было подворью ко вдовиному,
„Тамъ не спрашивалъ у двéрей да придверничковъ,
„У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ
„Онъ всѣхъ взáшей прочь отталкивалъ;
„Нунь идетъ на княженецкій дворъ,
„Нунь идетъ да скоморошиной,
„А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
„У воротъ насъ приворотничковъ,
„Взáшей прочь насъ всѣхъ отталкиватъ“.
Говоритъ ему Владимиръ стольне-кіевской:
„Ай же ты удáла скоморошина!
„Ты зачѣмъ же ѣхалъ давень ко подворьицу,
„А къ тому подворьицу вдовиному,
„Тамъ не спрашивалъ ты у дверей придверничковъ
„У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
„Взáшей прочь ты всѣхъ отталкивалъ?
„Нунь идешь на княженецкій дворъ
„И не спрашивашь ты у дверей придверничковъ,
„У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
„Взáшей прочь ты всѣхъ отталкивашь?“
Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не примется,
Говоритъ же тутъ удáла скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владимиръ стольне-кіевской!
— Гдѣ то наше мѣсто скоморовское?—
Отвѣчае князь Владимиръ стольне-кіевской:
„Ваше мѣсто скоморовское
„Что ль на печкѣ да на зáпечкѣ“.
Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрезговалъ
А скочилъ на печку на муравлену,
Заиграетъ тутъ въ гусельшка яровчаты.

[1] Давеча.

А на той было на печкѣ на муравленой,
А играеть-то Добрынюшка во Кіевѣ
А на вы́игрышъ[1] береть да во Царѣ-градѣ,
А отъ стараго да всѣхъ до малаго
А повыигралъ поименно.
Всѣ же за столомъ да призадумались,
Всѣ же тутъ игры да призаслушались,
Всѣ же за столомъ да испрого́ворятъ:
„А не быть же нунь удалой скоморошинѣ,
„Быть же нунь дородну добру молодцу,
„Свято-русскому могучему бога́тырю!“
Говорилъ же тутъ Владимиръ стольне-кіевской:
„Ай же ты удала скоморошина
„А дородный добрый молодецъ!
„Опускайся-ко изъ печки да изъ за́печка,
„Дамъ тебѣ три мѣста, три любимыихъ:
„Одно мѣсто нунь возлѣ́ меня,
„Друго мѣсто супротивъ меня,
„Третье мѣсто—куда самъ захошь“.
Говоритъ же тутъ удала скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владимиръ стольне-кіевской!
— Дайко мнѣ-ка мѣсто на скамеечкѣ
— Супротивъ было княгинюшки моло́дыя,
— Молодой Настасьи да Никуличной.—
Говоритъ ему Владимиръ стольне-кіевской:
„Ай же ты удала скоморошина!
„Дано ти три мѣста три любимыихъ:
„Куды знаешь, ты туды садись,
„Что ты здумаешь, такъ то́ дѣлай,
„Что захочешь, такъ ты то́ твори!“
— А позволь-ко мнѣ, Владимиръ стольне-кіевской,
— Налить чару зелена́ вина.—

[1] Мотивъ.

Наливае было чару зелена вина,
А опуститъ въ чару свой злаче́нъ перстень,
А подноситъ онъ Настасьѣ да Никуличной,
Той княгинюшкѣ моло́дыи:
— Ахъ ты мо́лода Настасья дочь Никулична!
— Ужъ ты хошь добра, такъ нуньчу пьешь до дна,
— А не хошь добра, такъ ты не пьешь до дна.—
Мо́лода Настасья дочь Никулична
Взя́ла она чару едино́й рукой,
Выпила ту чару едины́мъ духомъ,
Тутъ увидѣла въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Да которымъ съ Добрыней обручалася.
Сама же о́на князю поклонилася:
„Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
„А не тотъ мой мужъ, который нунь возлѣ́ меня,
„Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
„Тутъ пріѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,
„Онъ напомнилъ тутъ Добрыня отца, матушку,
„Отыскалъ Добрыня молоду жену“.
Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за ду́бовыхъ,
Пала тутъ Добрынѣ во рѣзвы́ ноги:
„Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
„А во той вины прости меня во глупости,
„Что не по твойму́ наказу я нунь сдѣлала,
„А пошла заму́жъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
„А во той вины прости меня во глупости!“
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я тутъ разуму да женскому:
— У ней волосъ дологъ, у́мъ коротокъ,
— А я дивую нунь же солнышку Владиміру
— Со своей было княгинею:
— Онъ же солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Онъ же былъ да сватомъ ли,
— А княгинюшка да свахою,

— Отъ живаго мужа женушку замýжъ берутъ, просватаютъ? —
Тутъ солнышко Владимиръ стольне-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ [1]
Со своей было княгинею.
Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
Зъ-за тыихъ столовъ да бѣлодýбовыхъ,
Палъ же тутъ Добрынѣ во рѣзвы́ ноги:
„Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
„Что я пóсидѣлъ возлѣ́ твоей княгинюшки молóдыя,
„Мóлодой Настасьи дочь Никуличной!“
— Ай же братецъ ты названый,
— Ай Олешенька Левонтьевичъ!
— А во той-то ви́нѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ,
— А во дрýгой винѣ, братецъ, тебя нé прощу:
— А зачѣмъ же пріѣзжалъ ты изъ чистá поля,
— Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
— Что лежитъ побитъ Добрыня во чистомъ полѣ,
— А плеча его да испрострѣляны,
— Голова его да испроломана,
— Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ?
— Ты слезилъ же нунь родитель мою матушку
— А честнý вдову Офимью Олександровну.
— Тяжелешенько тутъ óна по мнѣ плакала,
— А слезила тутъ она да очи ясныи,
— А скорбила тутъ она да личко бѣлое,
— Тяжелешенько онà да по мнѣ плакала!—
Какъ ухватитъ онъ Алешку за желты кудри,
Взялъ же онъ Алешеньку охаживать,
А не слышно было въ бухканьѣ да охканья!
Хоть и всякой-то на свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удавается,

[1] Т.-е. полъ.

А не дай Богъ да женитьбы да Олешкиной!
Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
Только тутъ Алешка да съ женой сыпалъ.
Синему морю да на ти́шину,
Всѣмъ добрымъ же людямъ на послу́шанье.

6. ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ [1].

Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
Съ тымъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
Самъ поѣхалъископытью лошадиною.
Наѣзжае онъ богáтыря въ чистóмъ полѣ.
А сидитъ богатырь на добрóмъ конѣ,
А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскiихъ.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Е же не богатырь на добрóмъ конѣ,
— Есть же поляница [2], знать, удалая,
— А кака́ ни тутъ дѣвица либо женщина! —
И поѣхалъ тутъ Добрыня на богáтыря,
Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
А сидитъ же поляница, не сворóхнется
А назадъ тутъ поляница не оглянется.
На конѣ сидитъ Добрыня—прiужáхнется,
Отъѣзжае прочь Добрыня отъ богáтыря
А отъ той же поляницы отъ удалыя:
— Видно, смѣлостью Добрынюшкѣ по-старому,
— Видно, сила у Добрыни не по-прежнему!—
А стоитъ же во чистомъ полѣ да сырой дубъ
Да въ обнёмъ [3] же онъ стоитъ да человѣческiй.

[1] См. выше: „Добрыня и змѣй“ (стр. 26), послѣднiе стихи.
[2] Богатырша.
[3] Обнемъ—обхватъ.

Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сы́рой дубъ
А попробовать да силы богатырскія.
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сы́рой дубъ,
Онъ расшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ [1],
На конѣ сидитъ Добрыня, пріужа́хнется:
— Видно, сила у Добрынюшки по-старому,
— Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему!—
Разъѣзжается Добрыня сынъ Никитиничъ
На своемъ же тутъ Добрыня на добромъ конѣ
А на ту же поляницу на удалую,
Че́сне [2] поляницу въ буйну голову.
На конѣ сидитъ же поляница, не сворохнется
И назадъ же поляница не оглянется.
На конѣ сидитъ Добрыня, самъ ужа́хнется:
— Смѣлость у Добрынюшки по-прежнему,
— Видно, сила у Добрыни не по-старому!
— Со змѣею же Добрыня нынь повыбился!—
Отъѣзжае прочь отъ поляницы отъ удалыя,
А стоитъ тутъ во чистомъ полѣ да сы́рой дубъ,
Онъ стоитъ да въ два обнема человѣческихъ.
Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сы́рой дубъ,
А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На конѣ сидитъ Добрыня, пріужа́хнется:
— Видно, сила у Добрынюшки по-старому,
— Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему!—
Разгорѣлся тутъ Добрыня на добрѣ конѣ
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
А на ту же поляницу на удалую,
Да ударитъ поляницу въ буйну голову,
На конѣ сидитъ же поляница, сворохнулася
И назадъ же поляница оглянулася,

---

[1] Дрань, дранки.
[2] Чесануть—ударить.

Говоритъ же поляница да удалая:
„Думала же, русскіе комарики покусываютъ,
„Ажно [1] русскіе богатыри пощелкиваютъ!"
Ухватила тутъ Добрыню за желты кудри,
Сдернула Добрынюшку съ коня долой
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
А повезъ же ейный было добрый конь,
А повезъ же онъ да по чисту полю;
Испровѣщится же ейный добрый конь:
— Ай же поляница ты уда́лая,
— Молода́ Настасья дочь Никулична!
— Не могу везти да двухъ богатырей:
— Силою бога́тырь супротивъ тебя,
— Смѣлостью бога́тырь да вдвоемъ тебя.—
Молода Настасья дочь Никулична
Здымала тутъ бога́тыря съ мѣшка да вонъ же съ кожанца,
Сама къ богатырю да испрого́воритъ:
„Старыи бога́тырь да матерыи—
„Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
„Ежели бога́тырь да моло́дыи,
„Ежели бога́тырь намъ прилюбится,
„Назову я се́бѣ другомъ да любимыимъ;
„Ежели богатырь не прилюбится,
„На долонь [2] кладу, другой прижму
„И въ овсяный блинъ да его сдѣлаю".
Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
„Здравствуй, душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!"
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты поляница да удалая!
— Что же ты меня да нуньчу знаешь ли?

---

[1] Между тѣмъ, а на дѣлѣ (Даль).
[2] Ладонь.

— Я тебя да нунь не знаю ли.—
„А бывала я во городѣ во Кіевѣ,
„Я видала тя Добрынюшку Никитича,
„А тебѣ же меня нуньчу негдѣ знать.
„Я того же короля дочь ляховицкаго,
„Молода Настасья дочь Никулична,
„А поѣхала въ чисто поле поляковать [1]
„А искать же я себѣ-ка супротивничка.
„Во́зьмешь ли, Добрыня, во замужество,
„Я спущу тебя, Добрынюшка, во живности.
„Сдѣлай со мной заповѣдь великую,
„А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,—
„На долонь кладу, другой сверху́ прижму,
„Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ".
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой, Настасья, по злату вѣнцу.—
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.
Нунь поѣхали ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владимиру.
Пріѣзжають тутъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушкѣ
А къ честной вдовѣ Офимьѣ Олександровной,
А стрѣтаетъ тутъ родитель е́го матушка
А честна́ вдова Офимья Олександровна,
И сама же у Добрынюшки да спрашиватъ:
„Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?"
— Ай честна вдова Офимья Олександровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!

[1] Воевать.

6.

— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никуличну,
— А принять же съ ей, съ Настасьей, по злату вѣнцу.—
Отправлялись же ко ласковому князю ко Владимиру
Да во гридни шли они да во столовыя.
Крестъ то клалъ да по-писáному,
Бьетъ челомъ Добрыня покланяется
Да на всѣ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинюшкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владимиръ стольне-кіевской!—
„Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?“
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владимиръ стольне-кіевской!
— Я привезъ же нынь себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату вѣнцу.—
Сдѣлали объ ихъ же публикацію (!),
Привели же ю да въ вѣрушку крещеную.
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же онъ съ Настасьей вѣкъ корóтати.

7. БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМЪ.

Да доселева Резанюшка слободой слыла,
Еще нынѣче Резань словетъ городомъ.
Еще былъ-жилъ Микитушка Романовичъ,
Живучи́сь-то Романовичъ состарился,
Да состарился Романовичъ, преставился.
Оставалась у Микитушки велика́ семья,
Да вели́ка-то семья его—молода жена,
Да еще-то оставалося чадо милое,
Еще маленько чадышко любимое,
Да любимо е́го чадышко одинокое
Еще на́-имя Добрынюшка Микитичъ младъ.
Еще сталъ-то Добрынюшка пяти-шти[1] лѣтъ,
Еще сталъ-то на улочку похаживать,
Еще съ малыма робятками поигрывать:
Да котораго хватитъ за праву́ руку,
Оторветъ онъ у того да пра́ву ручушку;
Да котораго хватитъ да за лѣву́ ножку,
Оторветъ онъ у того да лѣву ножечку.
Изучился Добрынюшка боротися,
Да горараздъ-то Добрыня со круто́й метать[2].
Да прошла же про его-то слава великая,

---

[1] Шести.
[2] Пріемъ борьбы.

Да вели́ка ета славушка, немалая,
Да не ма́ла та славушка по всей землѣ,
Да по всей-то землѣ, по всей укра́инкѣ [1],
Да дошла эта славушка до Мурома
Да до сильна коза́ка-та Ильи Муромца:
Еще нѣтъ-то такого борца по всей землѣ,
Да по всей-то землѣ, по всей укра́инѣ.
Да немного тутъ бога́тырь разговаривалъ,
Да бѣжалъ-то Илеюшка на конюшей дворъ,
Онъ бралъ-то себѣ да коня добраго;
Еще видѣли богатыря сряжаючи,
Да не видѣли поѣздочки богатырскія,—
Только видѣли, въ чистомъ полѣ курева́ стоитъ,
Курева-та стоитъ, да только дымъ вали́тъ.
Еще ѣде́тъ Илеюшка не дорожкою,
Да ко городу прiѣзжаетъ да не воротами,
Еще скачетъ черезъ стѣнушку городовую,
Черезъ ту же то башню наугольную.
Онъ увидѣлъ во городѣ ребятушекъ:
„Ужъ вы гой еси, ребятушка мале́шеньки!
„Вы скажите-ко, ребятушка, которой Добрынюшки широкой домъ,
Да широкой-отъ домъ, да онъ высокъ тере́мъ?“
Отвѣчаютъ ребятушка мале́шеньки:
— Не высокой-отъ домъ, да не широкой дворъ.—
Услыхала-то Добрынина ро́дна матушка,
Отпираетъ окошечка немножечко,
Да сама-то говорила потихошеньку:
„Ужъ ты здравствуй, дородной доброй молодецъ,
„Ужъ ты на́-имя Илеюшка, ты Илья Муромецъ!
„Ужъ ты милости ко мнѣ хлѣба ѣсть,
„Ко мнѣ хлѣба ты ѣсть, да вина съ медомъ пить!“

---

[1] Страна, область.

Отвѣчатъ-то Иле́юшка, Илья Муромецъ:
— Еще какъ меня знаешь, именемъ зовешь,
— Именемъ меня зовешь ты изъ отечества? —
„Еще знать-то яснаго сокола по по́лету,
„Еще знать-то уда́лаго молодца по по́ѣзду“.
Говоритъ-то Иле́юшка таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Омельфа Тимоѳевична!
— У тя въ домѣ ли твое-то чадо милое,
— Еще мило твое чадышко одинокое,
— Еще на́-имя Добрынюшка Микитичъ младъ? —
„Не случилося у меня въ домѣ чада милаго,
„Еще милого чадышка, любимго:
„Да уѣхалъ у меня чадышко во чисто́ поле,
„Да на ти же на тихи ве́шны заводи
„Да стрѣлять-то гусей да бѣлыхъ ле́бедей,
„Еще тѣхъ же пернастыхъ сѣрыхъ уточекъ“.
— Ужъ ты врешь ты, Омельфа, миня оманивашь [1],
— Ужъ ты сущей-то правды мнѣ не сказывашь! —
„Охти те-мнѣ-чько тошне́шенько порато [2] же!
„Ужъ ты гой еси, Иле́юшка, Илья Муромецъ!
„Ты наѣдешь моего да чада милаго,
„Ты наѣдешь ты его да во чисто́мъ полѣ, —
„Не моги его убить, моги помиловать,
„Ты моги-тко-се его помиловать
„Не разори-тко-се вдовинаго подворьица“.
Тутъ немного бога́тырь разговаривалъ,
Да поѣхалъ Иле́юшка во чисто́ поле,
Онъ увидѣлъ-то, въ чисто́мъ полѣ курева́ стоитъ,
Курева-та стоитъ, да только дымъ валитъ:
Тамъ ѣздитъ Добрыня по чисту́ полю,
По чисту-ту полю ѣздитъ, похваляется:

[1] Обманываешь.
[2] Очень.

„Еще нѣту-ту мнѣ-ка поединщичка!“
Услыхалъ то Илеюшка, Илья Муромецъ;
Еще тутъ-то Илеюшкѣ не пондравилось.
Они съѣхались, богáтыри, во чистóмъ полѣ
Да ударились, богáтыри, пальцами-то [1];
Еще другъ дружки богáтыри не ранили.
Да во второй-отъ разъ они да съѣхались,
Да ударились они сабельками-ти вострыма;
Еще другъ другá богáтыри не ранили:
Пощербались у богáтырей востры сабельки.
Еще съѣхались богáтыри въ третéй наконъ [2],
Да скакали богáтыри черезъ кóничковъ,
Да схватились богатыри боротися;
По колѣнямъ-то въ землю-ту втопталися.
Да по Божьей-то все было по милости,
По Добрыниной-то было все по участи:
Да сдала у Илéюшки лѣва ножечка,
Да сдала у Илéюшки права ручушка;
Еще палъ-то Илеюшка на сыру землю,
А Добрынюшка палъ да на бѣлы́ груди.
Говорилъ-то Добрыня таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, дородной доброй молодецъ!
„Ужъ ты кóего города, коéй земли?
„Ты какого отца да какой матери?“
Отвѣчатъ ему да Илья Муромецъ:
— Я сидѣлъ бы у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ у тебя бы да роду-племени,
— Я споролъ бы у тебя да груди бѣлыя,
— Досмотрѣлъ бы у тебя да ретивó серцó.—
Говорилъ-то Добрынюшка во второй наконъ:
„Ужъ ты кóего города, коéй земли?

---

[1] Палицами.
[2] Разъ.

„Ты какого отца да какой матери?“
Отвѣчать-то Илеюшка, Илья Муромецъ:
— Я сидѣлъ бы у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы у тебя да роду-племени,
— Я споролъ бы у тебя да груди бѣлыя,
— Досмотрѣлъ бы у тебя да ретиво́ серцо́.—
Говорилъ-то Добрыня во третéй наконъ:
„Ужъ ты ко́его города, коéй земли?
„Ты какого отца да какой матери?“
Отвѣчать-то Илеюшка, Илья Муромецъ:
— Я того же города-та Мурома,
— Еще сильны коза́ка да Илья Муромецъ.—
Да скакалъ-то Добрыня со бѣлы́хъ грудей,
Да берётъ-то Добрыня да за бѣлы́ руки,
Еще падатъ Добрыня во рѣзвы́ ноги:
„Ты прости меня, Илеюшка, въ таковой вины!
„Кабы зналъ-то еще, вѣдалъ, Илеюшка,
„Не сидѣлъ бы у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ“.
Тутъ побра́тались братаны да покрестовались [1]:
„Ужъ ты будь-ко мнѣ-ка, Илеюшка, да вторы́й отецъ“.
Тутъ поѣхали братанушки въ красенъ Кіевъ градъ
Да ко славному Владимиру ко кіевску.
Пріѣзжаютъ къ Владимиру на широкой дворъ;
Да стрѣчатъ-то Владимиръ стольно-кіевской:
„Ужъ ты здраствуй, Илеюшка, Илья Муромецъ!
„Ужъ ты здраствуй, дородный доброй молодецъ!
„Я тебя-то, доброй молодецъ, не знай, какъ зовутъ“.
Говоритъ-то Илеюшка, Илья Муромецъ:
— Еще на́-имя—Добрынюшка Микитичъ младъ.—

[1] Обмѣнялись крестами.

8. БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ДУНАЕМЪ.

А-й какъ ѣздилъ Добрынюшка по всей землѣ,
А-й какъ ѣздилъ Добрынюшка по всей Руси,
А-й какъ ѣздилъ Добрынюшка по всѣмъ землямъ,
Какъ гулялъ-то Добрынюшка по чужимъ странамъ.
А-й какъ искалъ какъ Добрынюшка супротивничка,
Супротивничка искалъ, къ себѣ наѣздничка;
А онъ не могъ же найти себѣ супротивника,
Супротивника найти себѣ наѣздника.
Онъ выѣхалъ на полѣ на чистое
Да на то же раздольице на широкое;
А онъ смотрѣлъ гдѣ [1], глядѣлъ въ подзорну трубочку
А-й да онъ на всѣ же на четыре кругомъ стороны:
Во первой-то сторонѣ да горы лютыя,
Во второй-то сторонѣ да лѣсы темные,
Во третей-то сторонѣ да сине морюшко,
Во четвертой сторонѣ да чисто полюшко.
Онъ смотрѣлъ и глядѣлъ да вдоль онъ по полю,
По тому по роздольицу по широкому;
Онъ завидѣлъ, какъ на полѣ шатеръ стоитъ,
А шатеръ-то стоитъ да бѣлъ полотняной,
А поѣхалъ Добрынюшка ко бѣлу шатру.
Пріѣзжаетъ Добрынюшка ко бѣлу шатру;

---

[1] Всюду.

А на шатрѣ, видитъ, подписомъ подписано
А-й со виликима угрозами подрѣзано:
„А еще кто къ шатру пріѣдетъ, дакъ[1] живому не быть,
„А живому-то не быть, прочь не уѣхати“.
И сомутились у Добрынюшки очи ясныя,
А расходились у Добрынюшки ручки бѣлыя.
А соскакивалъ Добрынюшка со добра коня,
Заходилъ де Добрыня въ тонкой бѣлъ шатеръ.
А-й во шатрѣ стоитъ кроваточка тисовая,
На кроваточкѣ лежитъ перинушка пуховая,
На station перинѣ одѣялышко чернаго соболя,
А подъ кроваткой стоитъ бочка да съ зеленымъ виномъ,
А-й да на бочкѣ-то чарочка серебряна,
Не велика, не мала—полтора ведра.
Тутъ и бралъ тутъ Добрыня чару въ бѣлы руки,
Какъ отвертывалъ краны бочки съ зеленымъ виномъ,
А-й какъ нацыживалъ чару да зелена вина,
Не велику и не малу, да полтора ведра;
А еще бралъ-то Добрынюшка единой рукой,
Выпивалъ-то Добрынюшка къ едину духу.
А какъ отвертывалъ краны Добрынюшка Никитичъ младъ
А отвёртывалъ кранъ да во второй наконъ,
Какъ нацыживалъ чару да зелена вина,
Не велику и не малу, да полтора ведра;
А какъ бралъ-то Добрынюшка единой рукой,
Выпивалъ-то Добрыня да къ едину духу.
Да отвертывалъ краны Добрыня да во третей наконъ,
Онъ нацыживалъ чарочку зелена вина,
Не велику и не малу, полтора ведра;
Еще бралъ-то Добрынюшка единой рукой,
Выпивалъ-то Добрыня къ едину духу.
„А ужъ я перву чару выпилъ для весельица,

[1] Такъ.

„А втору чару выпилъ для похмельица,
„Еще третью я выпилъ для безумьица“.
А сомутились у Добрынюшки очи ясныя,
Расходились у Добрынюшки ручки бѣлыя,
Загорѣло у Добрынюшки ретиво сердце,
Закипѣла вотъ у Добрынюшки горяча кровь:
Какъ змахнулъ [1] то Добрынюшка рук’ми́ бѣлыми,
А-й какъ разорвалъ Добрынюшка тонкой бѣлъ шатеръ,
Ростопталъ онъ, вѣдь, бочку съ зеленымъ виномъ,
А ростопталъ онъ какъ чарочку серебряну,
Не велику и не малу, да полтора ведра,
Еще самъ повалился да на кроватку спать.
Ужъ спитъ онъ, лежитъ да трои суточки;
На четвертыя суточки Дунай ѣдетъ.
Подъѣзжаетъ Дунаюшко ко бѣлу шатру;
Какъ не видитъ Дунаюшко бѣла шатра,
Только видитъ Дунаюшко добра коня.
Сомутились у Дунаюшка очи ясныя,
Расходились у Дунаюшка руки бѣлыя,
А загорѣло у Дуная да ретиво сердце,
Да закипѣла у Дунаюшка горяча кровь.
Да соскакивалъ Дунаюшко со добра коня;
Онъ хочетъ-то сѣкчи да буйную голову,—
Во локтю его рука да остоялася.
А да и тутъ-то Дунаюшко прираздумался:
„Еще что же соннаго мнѣ бить будто мертваго:
„Да не честь моя хвала да молодецкая,
„А не выслуга будетъ да богатырская;
„Побужу я удалого добраго молодца.
„Ужъ ты стань-востань, невѣжа, да ты немилой другъ!“
А ото сну ли доброй молодецъ пробужается,
Со великаго похмелья да просыпается.

[1] Т.-е. взмахнулъ.

Говоритъ-то Дунаюшко таково слово:
„Ужъ ты ой еси, Добрынюшка Никитичъ младъ!
„Ты начто у м'ня ро́зорвалъ да тонкой бѣлъ шатеръ?
„А ты начто ро́стопталъ бочку съ зеленымъ виномъ?
„Ты начто ростопталъ то, вѣдь, чарочку серебряну,
„А не велику, не малу, да полтора ведра,
„А и ко́я чара стоитъ да во пятьсотъ рублей?“
А говоритъ тутъ Добрынюшка таково слово:
— Ужъ ты ой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Начто было страстями подписывать,
— Со великима угрозами подрѣзывать?
— Еще этихъ страстей дакъ намъ боятися,—
— Намъ не надобно по полю поляковать.—
Еще тутъ-же Дунаюшку за бѣду стало,
За великую досаду да показалося.
Еще тутъ-то молодцы они приразспорили,
Приразспорили молодчики, прираздорили;
А да скочили они да на добрыхъ коней.
И какъ не двѣ горы да сокаталося,
Да не два-ли сокола да солеталося,—
А два русскихъ могучихъ богатыря съѣзжалися;
Во-первыхъ они съѣхались вострыма копьями;
И по насадочкамъ копьица поломалися,
А отъ рукъ руковяточки загорѣлися,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Во-вторыхъ они съѣхались вострыма саблями;
По насадочкамъ сабельки изломалися,
Да отъ рукъ руковяточки загорѣлися.
Да натягивали луки да все дубовые
Да и тѣ же тетивочки шолковыя,
Да накладывали они да калены стрѣлы;
Они спускали, вѣдь, стрѣлочки въ другъ друга;
А улетѣли какъ стрѣлочки ноньче по поднебесью.
Почему онѣ летѣли по поднебесью?

Кабы русской съ бусурманиномъ-то бы и ссорились,
Да попали они бы да другъ въ дружку;
А какъ русской-отъ русскимъ, Богъ даетъ помощи.
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
А тянулись на тягахъ на желѣзныихъ,
Да и тяги желѣзны да изломалися,
Они тѣмъ боемъ другъ дружку не ранили.
И скочили они да со добрыхъ коней;
Да плотнымъ они боемъ да рукопашечкой
Они бьются-дерутся ноньче трое суточки,
По колѣнамъ они въ землю да утопалися.
Да и въ эту ту пору да и во то время
Еще ѣздилъ старой казакъ по чисту полю
Онъ со тѣмъ же съ Олешенькой Поповичемъ;
Да соскакивалъ старой-отъ да со добра коня,
Да припадывалъ старой-отъ да ко сырой землѣ
И говорилъ тутъ Олешенькѣ Поповичу:
„Ушъ ты ой еси, брателко крестовое!
„Еще есть у насъ битва да на чистомъ полѣ.
„Поѣзжай-ко, Олешенька, попровѣдай-ко;
„Если русской съ бусурманиномъ, то дай помощи;
„Если русской-отъ съ русскимъ, дакъ разговаривай“.
Тутъ поѣхалъ Олешка на битву да на великую.
Пріѣзжаетъ Олешенька къ битвы великое;
Еще тутъ же Олешенька пріочувствовалъ,
А еще видитъ де два русскіе богатыря:
Во-первыхъ де Добрынюшка Никитичъ младъ,
А во-вторыхъ Дунай да сынъ Ивановичъ.
Еще сталъ то Олешенька ихъ да разговаривать;
Разговору молодцы да не внимаютъ же.
Да подходитъ Олешенька къ добрымъ молодцамъ
Да и хочетъ разнять ихъ, добрыхъ молодцевъ.
Да и пнулъ его Добрынюшка Никитичъ младъ,
Да и пнулъ-то его да какъ правой ногой,—

А улетѣлъ-то Олешенька за сорокъ сажонъ,
Да лежитъ-то Олешенька на чистомъ полѣ,
Да стоитъ его конь у добрыхъ молодцевъ.
А тутъ-то молодцы да все-таки борются,
Да и тутъ молодцы-ти да все стараются.
Еще тутъ-то Олешенька очувствовалъ,
Подкрѣпилъ свою силу-отъ богатырскіи,
Да приходитъ Олешенька онъ къ добру коню,
Да заскакивалъ Олешенька на добра коня,
Да и слова-та Олешенька не молвилъ же,
Поскакалъ же къ старому да Ильѣ Муромцу;
Пріѣзжалъ же къ старому да Ильѣ Муромцу,
Говоритъ же Олешенька таково слово:
„А ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!
„Да дерутся Добрынюшка съ Дунаюшкомъ
„А-й да гóвори моей да не внимаютъ же“.
Да скочилъ же старой-отъ да на добра коня,
Онъ поѣхалъ на битву да на великую.
Пріѣзжаетъ старой на битву на великую.
Они слышатъ-то топотъ да лошадиное,
Они слышатъ и крикъ-отъ богатырское:
Еще тутъ-то молодцы они пріужахнулись,
Еще тутъ молодцы да разступилися,
Отступились они драться-воеватися.
Тутъ пріѣхалъ старой казакъ на битву на великую.
Тутъ стрѣчаютъ удалы да добры молодцы,
Да которому успѣть да къ старому бѣжать:
Да Добрынюшка бѣжитъ да подпинается,
А Дунаюшко бѣжитъ да подтыкается.
Прибѣжалъ-то Добрынюшка Никитичъ младъ
На покорность къ старому да Ильѣ Муромцу,
Да и близко Добрынюшка подвигается
Да и низко старому да покланяется:
„Ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!

„Ужъ ѣздилъ, вѣдь, я ноньче по всей землѣ,
„Ужъ ѣздилъ-то я ноньче по всей Руси,
„А не могъ же найти себѣ супротивника,
„Супротивника найти себѣ наѣздника;
„Ужъ я выѣхалъ на поле на чистое,
„Да на то же раздолье да на широкое;
„А да смотрѣлъ я, глядѣлъ въ подзорну трубочку
„Я на всѣ же на четыре да кругомъ стороны:
„Во первой сторонѣ да горы лютыя,
„Во второй сторонѣ да лѣсы темные,
„Во третей сторонѣ да синее морюшко,
„Во четвертой сторонѣ да чистое полюшко;
„Я смотрѣлъ-то, глядѣлъ да вдоль я по полю,
„По тому я роздольицу широкому,
„Какъ завидѣлъ-то, на полѣ шатеръ стоитъ;
„А поѣхалъ, вѣдь, я да ко бѣлу шатру,
„А пріѣхалъ, вѣдь, я да ко бѣлу шатру;
„На шатрѣ было подписомъ подписано,
„А со великима угрозами подрѣзано:
„— Еще кто къ шатру пріѣдетъ, да живому не быть,
„— Живому ему не быть, прочь не уѣхати.—
„Еще тѣхъ же страстей, вѣдь, намъ боятися,
„Намъ не надобно по полю ѣздить-поляковать
„Да по чистому полюшку казаковать;
„Еще тутъ-то, вѣдь, мнѣ-ка да не пондравилось;
„Заходилъ же, вѣдь, я да въ тонкой бѣлъ шатеръ:
„Во шатрѣ стоитъ кроваточка тисовая,
„На кроваточкѣ лежала периночка пуховая,
„На перинѣ одѣялышко чернаго соболя,
„Подъ кроваткой стоитъ бочка да съ зеленымъ виномъ,
„А на бочкѣ стоитъ чарочка серебрена,
„Не велика, не мала, да полтора ведра;
„А на чарочкѣ страстями было подписано,
„Со великима угрозами подрѣзано:

„— Еще кто же эту чарочку приметъ единой рукой,
„— Еще кто чару выпьетъ да къ едину духу,
„— Да тому человѣку да живому не быть,
„— Живому-то не быть, прочь не уѣхати.—
„Еще это, вѣдь, мнѣ-ка да не пондравилось;
„Наливалъ, вѣдь, я чарочку зелена вина
„Не велику, не малу, да полтора ведра,
„Выпивалъ же я чару да къ едину духу;
„Наливалъ же я чарочку во второй наконъ,
„Выпивалъ же я чару да къ едину духу;
„Наливалъ, вѣдь, я чару да во третéй наконъ,
„Выпивалъ, вѣдь, я чару да къ едину духу;
„Сомутились у меня да очи ясныя,
„Расходились у меня да ручки бѣлыя:
„Я разóрвалъ у его да тонкой бѣлъ шатеръ,
„Растóпталъ, вѣдь, я бочку да съ зеленымъ виномъ,
„Растóпталъ, вѣдь, я чарочку серебряну,
„Еще все рáзметалъ я по чисту полю“.
Еще тутъ же старой-отъ да воспроговорилъ:
—Какъ поэтому, Добрынюшка, ты не правъ будешь.—
Да подходитъ Дунай да сынъ Ивановичъ;
Еще близко Дунаюшко подвигается,
Да и низко Дунаюшко поклоняется:
„Ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!
„Какъ стоялъ у меня шатеръ дакъ на чистомъ полѣ;
„На шатрѣ-то у мня было подписано,
„Со великима угрозами подрѣзано:
„— Еще кто къ шатру пріѣдетъ, да живому не быть,
„— Живому-то не быть и прочь не уѣхати.—
„Во шатрѣ стояла кроваточка у меня тисовая,
„На кроваточкѣ лежала перина пуховая,
„Подъ кроваткой стояла бочка да съ зеленымъ виномъ,
„А на бочкѣ у м’ня чарочка была серебряна,
„Не велика а не мала, да полтора ведра;

„Еще та же чара стоитъ во пятьсотъ рублей.
„Изъ которой ноньче чары да съ пріѣзду пью;
„А на чарочкѣ страстями было подписано,
„Со великима угрозами подрѣзано".
Еще туть-то старой-отъ да воспроговорилъ:
—Дакъ поэтому, Дунаюшко, ты не правъ будешь.—
Ужъ сѣли всѣ они да на добрыхъ коней;
Собралась ихъ дружинушка хоробрая,
Да четыре молодца какъ четыре ясныхъ сокола;
Да поѣхали они да въ стольній Кіевъ градъ
Да къ тому же ко князю да ко Владиміру;
Пріѣзжаютъ ко гриднѣ ко княженецкое,
Пріѣзжаютъ-то прямо да ко красну крыльцу.
Еще въ ету, вѣдь, пору да и въ то время
А какъ Владиміръ-отъ князь да сѣлъ на княжей столъ.
Какъ гридьни всѣ княжески растворилися,
А и всѣ свѣтлыя свѣтлицы запустили ихъ.
Да выходитъ Владиміръ князь на красно крыльцо,
Ужъ низко старому да поклоняется:
„Ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!
„Да почто же тебя въ домѣ да не случилося,
„Не Добрынюшки у меня да не Никитича,
„Не Дунаюшка у меня сына Ивановича,
„Не Олешеньки у меня не Поповича?"
— Ужъ ты ой еси, Владиміръ, князь стольне-кіевской!
— Ужъ ѣздилъ я съ Олешенькой по чисту полю,
— Я нашелъ же, вѣдь, битву да на чистомъ полѣ:
— Какъ Добрынюшка съ Дунаюшкомъ дерутся же.
— Разсуди у ихъ да все розвѣдай-ко,
— Еще сѣдь-ко-ся [1], князь, да ты на русской столъ,
— Ты придумай-ко думу да намъ, вѣдь, крѣпкую,
— Еще дай-ко-ся намъ да слово тайное,

[1] Сядь.

— Слово тайное дай да не объявное;
— Я привезъ какъ удалыхъ ихъ добрыхъ молодцевъ:
— Во-первыхъ де Добрынюшку Микитича,
— Во-вторыхъ де Дунаюшка Ивановича,
— Во-третихъ де Олешеньку Поповича".
Говоритъ князь Владимиръ да таково слово:
„Ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!
„Заходи-ко-ся, вѣдь, къ намъ во гридню княженецкую,
„Разсужу, вѣдь, я васъ и приразвѣдаю;
„А какъ по Господу судить, да нать[1] живому быть,
„Какъ по кривдѣ судить, да быть убитому;
„А еще всѣ поживемъ мы на бѣломъ свѣтѣ".
Тутъ заходятъ молодцы-ти да въ свѣтлу гридницу,
Тутъ подходитъ Добрынюшка ко Владимиру.
И говоритъ тутъ солнышко Владимиръ князь:
„Ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!
„Ужъ ты гдѣ ты ихъ нашелъ да гдѣ ихъ выкопалъ?"
А-й говоритъ тутъ старой-отъ да таково слово:
„Ужъ ты солнышко Владимиръ князь стольно-кіевской!
„Ужъ я ѣздилъ-то ноньче по полю поляковать
„А по чистому полюшку казаковать,
„Да и съ тѣмъ же Олешенькой Поповичемъ;
„Да нашолъ же, вѣдь, я во полѣ битву великую.
„Посылалъ я Олешеньку Поповича
„Какъ на ту же на битву на великую;
„Я сказалъ же ему да наказалъ ему:
„— Если русской съ невѣрнымъ, да то дай помощи;
„— Если русской-отъ съ русскимъ, да разговаривай.—
„Какъ поѣхалъ Олеша на битву на великую.
„Пріѣзжаетъ Олешка на битву на великую;
„Да и бьются два молодца все русскіе.
„Да и сталъ онъ, вѣдь, ихъ да разговаривать:

[1] Т.-е. надоть, надо.

„ — Ужъ ты ой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
„ — Ужъ ты ой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
„ — Вы объ чемъ деретесь да чего дѣлите? —
„Въ теменяхъ-то [1] молодцы, ему отвѣту нѣтъ“.
Говоритъ тутъ Олешенька Поповичъ младъ:
„Да соскакивалъ я, Олешенька, со добра коня,
„И хотѣлъ я разнять ихъ, удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
„Подходилъ я къ удалымъ имъ, добрымъ молодцамъ,
„Да хотѣлъ захватить ихъ бѣлой ручкой правою;
„Не успѣлъ захватить я ручкой правою,
„Какъ топнулъ [2] меня Добрынюшка Микитичъ младъ
„Да топнулъ-то меня да все правой ногой:
„Улетѣлъ-то, вѣдь, я да во чисто поле
„Какъ въ далечемъ далéче да за сорокъ сажонъ;
„Еще тутъ же, вѣдь, я пріочувствовалъ,
„Подкрѣпилъ свои силушки молодецкія,
„Молодецкія силушки богатырскія;
„Тутъ прихожу, вѣдь, я да ко добру коню,
„Да скочилъ, вѣдь, нонь я да на добра коня
„Да поѣхалъ къ старому да къ Ильѣ Муромцу;
„Пріѣзжаю къ старому Ильѣ Муромцу,
„Говорю я старому да таково слово:
„ — Ужъ ты ой еси, старой казакъ Илья Муромецъ!
„ — Еще бьются-дерутся да тамъ Дунаюшко,
„ — Тамъ Дунаюшко дерется да все съ Добрынюшкой. —
„Да ето старому да не понравилось;
„Да скочилъ тогда старой, вѣдь, на добра коня,
„А полетѣлъ онъ на битву да на великую;
„Какъ пріѣхалъ тамъ на битву на великую.
„Какъ ѣдетъ старой да по чисту полю,
„Какъ учули, вѣдь, потопъ ребята лошадиное,

[1] Темнота т.-е. въ умопомраченіи.
[2] Пнулъ, см. выше стихъ 153.

„Какъ услышали крикъ да богатырское,
„Еще всѣ они ребятушка ноньче разступилися,
„Перестали они биться и дратися;
„А-й на покорность идетъ Добрынюшка Микитичъ младъ
„А къ тому же къ старому да Ильѣ Муромцу,
„Еще низко Добрыня да поклоняется“.
А на ето-то Добрынюшка догадливъ былъ:
„Ужъ ты ой еси, Олешенька Поповичъ младъ!
„Ты позволь-ко-се молчать, мнѣ-ка слово сказать“.
Ой еще близко Добрынюшка подвигается,
Еще низко Добрыня да поклоняется:
„Ужъ ты солнышко Владимиръ, князь стольне-кіевской!
„Ты позволь, князь Владимиръ, да мнѣ слово сказать;
„Не позволь, князь Владимиръ, да за слово казнить,
„За слово меня не бить, скоро не вѣсити“.
— А-й говори-тко, Добрыня, да что тебѣ надобно.—
„Ужъ ты солнышко Владимиръ, князь стольне-кіевской!
„Ужъ какъ ѣздилъ, вѣдь, нонѣ да я по всей землѣ,
„Я по всей-то землѣ да я по всей Руси,
„А я не могъ же найти себѣ супротивника,
„Супротивника найти себѣ наѣздника;
„Какъ я выѣхалъ на поле на чистое,
„Да на то же раздольице широкое,
„Да увидѣлъ я, на полѣ шатеръ стоитъ;
„А смотрѣлъ я, глядѣлъ въ подзорну трубочку
„Да на всѣ же на четыре да кругомъ стороны:
„И во первой-то сторонѣ да горы лютыя,
„Во второй-то сторонѣ да лѣсы темные,
„И во третей-то сторонѣ синее морюшко,
„По четвертой сторонѣ да чисто полюшко;
„Я смотрѣлъ же, глядѣлъ да вдоль я по полю,
„По тому я раздольицу широкому,
„А я увидѣлъ-то, на полѣ шатеръ стоитъ;
„Пріѣзжаю, вѣдь, я да ко бѣлу шатру,

„На шатрѣ было подписомъ подписано,
„Со великима угрозами подрѣзано:
„— Еще кто къ шатру прiѣдетъ, да живому не быть,
„— Ой живому не быть, прочь не уѣхати.—
„Я зашелъ же къ ему да въ тонкой бѣлъ шатеръ;
„Во шатрѣ стоитъ кроваточка тисовая,
„На кроваточкѣ лежитъ перинушка пуховая,
„На перинѣ одѣялышко чернаго соболя,
„Подъ кроваткой стоитъ бочка да съ зеленымъ виномъ,
„Да на бочкѣ стоитъ чарочка серебряна,
„Не велика, не мала, да полтора ведра;
„А на чарочкѣ страстями было подписано,
„Со великима угрозами подрѣзано:
„— Еще кто же эту чарочку приметъ единой рукой,
„— Еще кто эту чарочку выпьетъ къ едину духу,
„— Да тому человѣку да живому не быть,
„— Живому-то не быть, прочь не уѣхати.—
„Еще это, вѣдь, мнѣ-ка да не пондравилось;
„Наливалъ, вѣдь, я чару да зелена вина,
„Не велику, не малу, да полтора ведра,
„Выпивалъ ету чару я къ едину духу;
„Наливалъ, вѣдь, я чару да во второй наконъ,
„Выпивалъ эту чару да къ едину духу;
„Наливалъ я, вѣдь, чару да во третей наконъ,
„Выпивалъ эту чару да къ едину духу.
„Сомутились у меня да очи ясныя,
„Расходились у меня да ручки бѣлыя;
„А ро́зорвалъ у его да тонкой бѣлъ шатеръ,
„Ростопталъ я, вѣдь, бочку да съ зеленымъ виномъ,
„Ростопталъ я, вѣдь, чарочку серебряну,
„Не велику, не малу, да полтора ведра“.
Говоритъ князь Владимиръ да таково слово:
„Какъ поэтому, Добрынюшка, ты не правъ будешь“.
Какъ и близко Дунаюшко подвигается,

Еще низко Дунай да поклоняется,
Говорить-то Дунаюшко таково слово:
„Ужъ ты, солнышко Владимиръ, князь стольне-кіевской!
„Ты позволь, князь Владимиръ, да мнѣ слово сказать;
„За слово меня не бить, скоро не вѣсити“.
Говоритъ князь Владимиръ да таково слово:
„Говори-тко, Дунаюшко, что тѣ гдѣ надобно“.
— Какъ стоялъ у меня на полѣ тонкой бѣлъ шатеръ;
— На шатрѣ у меня страстями было подписано,
— Со великима угрозами подрѣзано:
— „Еще кто къ шатру пріѣдетъ, дакъ живому не быть,
— „Живому де не быть и прочь не уѣхати“.
—Во шатрѣ-то стояла кроваточка тисовая,
— На кроваточкѣ лежала перинушка пуховая,
— На перинѣ одѣялышко чернаго соболя,
— Подъ кроваткой стоитъ бочка да съ зеленымъ виномъ,
— А на бочкѣ-то чарочка была серебряна,
— Не велика, не мала, да полтора ведра,
— Изъ которой я чарочки я съ пріѣзду пилъ;
— Не велика и не мала, да полтора ведра,
— А котора она стоила во пятьсотъ рублей;
— А на чарочкѣ страстями подписано,
— Со великима угрозами подрѣзано.—
Говоритъ князь Владимиръ да таково слово:
„Да поэтому, Дунаюшко, ты не правъ будешь“.
Говоритъ тутъ Владимиръ князь таково слово:
„Ужъ вы, слуги, вы слуги да мои вѣрныя,
„Мои вѣрныя слуги да неизмѣнныя!
„Вы возьмите Дуная да за бѣлы руки,
„Поведите Дуная да во чисто поле,
„Вы копайте Дунаюшку глубокъ погребъ;
„Вы возьмите-тко двери да всѣ желѣзныя,
„Вы возьмите-тко замки да всѣ три крѣпкіе,
„Вы замкните Дуная да крѣпко-накрѣпко“.

Еще тутъ его слуги да не ослушались;
Они брали и Дуная за бѣлы руки,
Повели же Дуная да во чисто поле
А копали Дунаюшку глубокъ погребъ,
Затворили-то двери да трои всѣ желѣзныя
Да замкнули замками да крѣпко-накрѣпко,
Еще сами тому да приговаривали:
„Не бывать тутъ Дунаю да на бѣломъ свѣтѣ,
„Не видать тутъ Дунаю да свѣту бѣлаго“.
Тутъ пошли всѣ ко князю да ко Владимиру,
Да приходятъ ко князю да ко Владимиру,
Говорятъ-то, вѣдь, слуги да таково слово:
„Ужъ ты солнышко Владимиръ да стольне-кіевской!
„Еще службу твою да всю исполнили:
„Какъ свели же Дунаюшка въ чисто поле,
„А какъ копали Дунаюшку глубокъ погребъ,
„Да копали Дунаюшка въ глубокъ погребъ,
„Какъ затворили мы двери да трои всѣ желѣзныя,
„Какъ замкнули замки да все три крѣпкіе“.

7.

АЛЕША

Помимо тѣхъ пѣсенъ, гдѣ Алеша Поповичъ выступаетъ вмѣстѣ съ другими богатырями, не занимая главнаго мѣста (каковы, напр., о Добрынѣ, Дунаѣ, Ильѣ Муромцѣ), или лишь упоминается въ числѣ ихъ, извѣстны только двѣ былины, посвященныя собственно Алешѣ Поповичу: одна изъ нихъ боевая — о борьбѣ его съ Тугариномъ, другая — новелла о немъ и Аленушкѣ, сестрѣ братьевъ Петровичей (иначе: Бродовичей, Збродовичей, Гордовичей или Данилы Васильевича); первая — довольно популярна среди пѣвцовъ Сѣвера, извѣстна уже съ XVII в. въ старинной записи, вторая встрѣчается много рѣже, и то почти исключительно въ Архангельской губерніи.

1. Былина объ Алешѣ и Тугаринѣ, подобно стариннымъ пѣснямъ о Добрынѣ, также предполагаетъ въ основѣ своей поэтическое изображеніе историческаго событія (которое, впрочемъ, опредѣлить ближе до сихъ поръ не удается), а само имя Алеши въ формѣ Александра Поповича, „храбра" (богатыря) Ростовской земли (черезъ форму Алеша: она — уменьшительное имя къ Александру (Алекса) или, теперь, къ Алексѣю), отмѣчено и преданіями, занесенными подъ разными годами XII и XIII в. въ лѣтописные сборники. Такъ, Никоновская лѣтопись (вообще богатая отзвуками былевого пѣсеннаго характера) считаетъ Александра Поповича современникомъ св. Владимира: когда въ 1000 году, сообщаетъ лѣтопись, Володарь привелъ половцевъ на Кіевъ, Александръ Поповичъ, сдѣлавши ночью вылазку изъ города, разбилъ и прогналъ половцевъ, а Володаря и его брата убилъ. Но эта лѣтописная замѣтка (восходящая, ясно, къ какой-либо устной пѣснѣ) отнесла событіе, судя по имени Володаря, на сто лѣтъ слишкомъ назадъ: Володарь въ 1110 году, при Владимирѣ же, но не Святомъ, а Мономахѣ, навелъ половцевъ на Кіевъ. Такимъ образомъ и Александра Поповича преданія слѣдуетъ относить къ началу XII в. Въ той же лѣтописи подъ 1001 годомъ въ разсказѣ (опять-

таки восходящемъ къ какой-то пѣснѣ) объ извѣстномъ Янѣ Усмошевцѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, упоминается въ числѣ соратниковъ этого Яна Александръ Поповичъ. Точно такъ же въ Тверской лѣтописи (также обильной устнымъ преданіемъ) занесено ростовское преданіе объ Александрѣ Поповичѣ, но отнесено уже къ XIII в.: Александръ, „глаголемый Поповичъ", со слугой своимъ Торопомъ (ср. Торопа, иногда Екима, былинъ объ Алешѣ) принимаетъ дѣятельное участіе въ междоусобной борьбѣ ростовскихъ князей Юрія и Константина, послѣ чего они оба уходятъ на службу въ Кіевъ къ Мстиславу Храброму и въ 1224 году погибаютъ въ битвѣ на Калкѣ вмѣстѣ съ другими семьюдесятью „храбрами" (ср. былину о гибели русскихъ богатырей). Эти указанія лѣтописныхъ сборниковъ даютъ возможность предполагать, что уже въ XII и XIII вв. существовали преданія и даже, можетъ быть, пѣсни объ Александрѣ Поповичѣ, мѣстномъ ростовскомъ богатырѣ; преданія эти, сперва, по всей вѣроятности, мѣстныя, потомъ, какъ это было съ былинами и въ другихъ случаяхъ, подтянулись къ эпическому центру—къ г. Кіеву и князю Владимиру (что было тѣмъ легче, если преданія эти связывались съ Владимиромъ же, хотя и Мономахомъ). Такія же указанія на XII вѣкъ, какъ время событій, легшихъ въ основу былиннаго преданія, даетъ и имя былиннаго врага Алеши—Тугарина, восходящее къ историческому половецкому Тугорхану (конца XI в.), имѣвшему родственныя, то дружескія, то враждебныя, отношенія къ кіевскому князю Святославу. Историческое преданіе объ этихъ отношеніяхъ и было, повидимому, тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго строилась былина объ Алешѣ.

Въ этой пѣснѣ, возникшей, вѣроятно, вскорѣ послѣ событія, а затѣмъ и въ ея перепѣвахъ—дошедшихъ до насъ былинахъ—типъ Алеши—положительный, отличный отъ обычнаго въ другихъ былинахъ, знающихъ Алешу (напр., о Добрынѣ, о заставѣ богатырской): въ немъ не видно еще „бабьяго пересмѣшника", человѣка вороватаго, хотя въ зачаткахъ мы видимъ уже характерную и для обычнаго типа черту—хитрость: онъ убиваетъ Тугарина, притво-

рившись, по однимъ варіантамъ, тугимъ на ухо, а по другимъ, обманомъ заставивши его обернуться. Повидимому, эта черта должна быть признана старой въ характеристикѣ богатыря; вѣроятно также, что она и послужила отправной точкой въ переработкѣ старшаго типа Алеши въ позднѣйшій, обрисовывающій его чертами несимпатичными, представляющими, можетъ быть, отраженіе практическаго отношенія пѣвцовъ и слагателей былинъ къ „поповичу", попову сыну: они изображаютъ его съ недостатками, отмѣчаемыми въ духовной средѣ въ цѣломъ рядѣ сказокъ, народныхъ анекдотовъ и сатирическихъ пѣсенъ.

Въ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ слѣдуетъ отмѣтить также нѣкоторыя точки соприкосновенія съ былинами объ Ильѣ и Идолищѣ: Идолище рисуется въ томъ же образѣ, что и Тугаринъ, а по варіантамъ Алеша передъ борьбой съ нимъ переодѣвается, подобно Ильѣ, каликой-паломникомъ и каличьей же клюкой (дубиной) убиваетъ Тугарина. Въ этомъ видно взаимное вліяніе этихъ двухъ старинъ въ теченіе ихъ долгой жизни въ устахъ пѣвцовъ, иногда даже имѣющихъ ту и другую былину въ своемъ репертуарѣ; поэтому находимъ даже два варьянта одной и той же этой пѣсни слитыми въ одну, какъ будто о двухъ подвигахъ Алеши съ Тугаринымъ: первый изъ нихъ разработанъ подъ вліяніемъ былины объ Ильѣ и Идолищѣ; второй же, видимо, оказалъ вліяніе на эту былину объ Ильѣ. Для той же композиціи былины объ Алешѣ не безынтересно отмѣтить и слѣды книжнаго вліянія на нее въ томъ варіантѣ, гдѣ Алеша обманомъ (заявивши, что Тугаринъ нарушилъ условіе единоборства, приведя якобы за собой цѣлую рать) заставляетъ обернуться Тугарина, чѣмъ и пользуется, чтобы срубить ему голову: то же сдѣлалъ и Александръ Македонскій въ борьбѣ съ индійскимъ царемъ Поромъ, какъ разсказываетъ о томъ популярный переводный романъ объ Александрѣ; эпизодъ этотъ, очень популярный, вошелъ въ наши лубочныя картинки XVIII в., гдѣ одно и то же изображеніе представляетъ и Пора и Алешу; разница лишь въ подписяхъ.

Согласно съ предположеніемъ о мѣстномъ происхожденіи пре-

даній объ Александрѣ Поповичѣ, ростовскомъ богатырѣ, и съ тѣмъ, что и Алешу былина опредѣленно считаетъ ростовцемъ, получается возможность предположить, что и мѣстомъ созданія былины или, по крайней мѣрѣ, ея первоначальнаго распространенія, была область Ростово-суздальская; въ такомъ случаѣ пріуроченіе дѣйствія былины къ Кіеву можетъ быть сочтено результатомъ послѣдующаго (хотя и ранняго) развитія пѣсни, какъ на то же намекаютъ лѣтописныя преданія объ Александрѣ Поповичѣ, перешедшемъ изъ Ростова на службу въ Кіевъ.

2. Былина-новелла объ Алешѣ и братьяхъ Петровичахъ, какъ и другія пѣсни подобнаго же характера (напр., о Добрынѣ; см. выше, стр. 38, 55), не поддается точному хронологическому или территоріальному опредѣленію. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ этой былины вмѣсто Алеши находимъ Чурилу, а въ иныхъ и просто анонимнаго „добраго молодца", а во всѣхъ не видимъ также основной черты—богатырства Алеши—, можно думать, что и здѣсь, какъ въ аналогичныхъ былинахъ о Добрынѣ, мы имѣемъ дѣло съ безыменной пѣснью, въ отдѣльныхъ случаяхъ принявшей для героя имя популярнаго Алеши Поповича; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что основная черта этого героя — бабьяго прелестника — аналогична чертамъ характера позднѣйшаго типа былиннаго Алеши. Въ пользу того же говоритъ и то, что въ немногихъ варіантахъ этой сравнительно рѣдкой былины текстъ представляетъ однако значительную неустойчивость: въ однихъ варіантахъ дѣло кончается свадьбой, въ другихъ смертью оклеветанной Аленушки, убитой изъ-за этой клеветы Алеши братьями; въ однихъ Алеша доказываетъ свои отношенія къ Аленушкѣ, бросая комъ снѣгу въ окно терема, въ другихъ при помощи подкупленной служанки, которая достаетъ монисто Аленушки: его-то и показываетъ братьямъ Алеша.

Самая ограниченность района распространенія пѣсни (Архангельская губ.) и неизвѣстность ея олонецкому репертуару не говорятъ также за ея исконную принадлежность къ кругу старыхъ былинъ объ Алешѣ, а скорѣе о сравнительно позднемъ ея происхожденіи.

1. АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ
А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское,
Они ѣздили-гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали они птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго [1],
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія;
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень,
А на камени подпись подписана.
Взговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ Екимъ Ивановичъ!
„Въ грамотѣ поученой человѣкъ
„Посмотри на каменю подписи,
„Что на каменю подписано“.
И скочилъ Екимъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи;

[1] Т.-. рыскучаго

Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ-градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
— А и братецъ Алеша Поповичъ младъ,
— Которой дорогой изволишь ѣхать?—
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
„Ко ласкову князю Владимиру".
Въ та поры поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафатъ-рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыихъ:
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней, —
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши
Молодой Екимъ со добры кони,
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя;
Ото сна Алеша пробуждается,
Встаетъ рано-ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ, Алеша, Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ онъ поить на Сафатъ на рѣку;
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,

Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожей:
Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико[1] унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга[2] подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго[3].
Говорилъ таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
„Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ саженъ,
„Промежъ плечей косая сажень,
„Промежу глазъ калена стрѣла;
„Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
„Изъ хаймица[4] пламень пышетъ,
„Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ“.
Привязался Алеша Поповичъ младъ:
— А и ты, братецъ калика перехожея!
— Дай мнѣ платье каличее,
— Возьми мое богатырское:
— Лапотки свои семи шелковъ,
— Подковырены чистымъ серебромъ,
— Личико унизано краснымъ золотомъ,
— Шубу свою соболиную, долгополую,
— Шляпу сорочинскую земли греческой,
— Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
— Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго.—

[1] Т.-е. передокъ лаптей.
[2] Плеть, кнутъ.
[3] Значеніе неизвѣстно; постоянный эпитетъ къ свинцу; сравн. ниже, стихъ 315.
[4] Ротъ.

Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу
Не отказываючи, а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается,
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище [1] булатное,
Пошелъ за Сафатъ-рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ;
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожея!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололь,
Копьемъ закололь и огнемъ спалилъ“.
Говоритъ тутъ Алеша каликою:
— А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
— Поѣзжай поближе ко мнѣ,
— Не слышу я, что ты говоришь.—
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ;
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугой по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю:
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Въ та поры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси ты, калика перехожея!
„Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?

[1] Кинжалъ.

„Только ты Алеша Поповичъ младъ,
„Семъ побратуемся съ тобой“.
Въ та поры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Въ та поры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожея,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову;
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ,
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себя:
Показалося ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкесскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Въ та поры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя,
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говоритъ каликѣ перехожему:
„По грѣхамъ надо мною, Екимомъ, учинилося,
„Что убилъ своего братца родимаго!“
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное

Клали въ чемоданъ къ себѣ.
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ
И на всѣ четыре стороны;
Говорилъ имъ ласковой Владиміръ князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
„Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
„А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
„По изотчеству можно пожаловати“.
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
— Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ,
— Изъ города Ростова, стара попа соборнаго.—
Въ та поры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
„Въ другое мѣсто богатырское,
„Въ дубову скамью противъ меня,
„Въ третье мѣсто, куда самъ захошь“.
Не садился Алеша въ мѣсто большое
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатной брусъ.

Мало время позамѣшкавши
Несутъ Тугарина Змѣевича

На той доскѣ красна золота
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое,
И подлѣ его сидѣла княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы,
Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ:
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья [1] ведра;
И говорилъ въ та поры Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, ласковой сударь Владимиръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ,
„Что за дуракъ неотесаной?
„Нечестно у князя за столомъ сидитъ:
„Ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
„Цѣлуетъ во уста сахарныя,
„Тебѣ, князю, насмѣхается.
„А у моего сударя-батюшки
„Была собачища старая,
„Насилу по подстолью таскалася,
„И костью та собака подавилася;
„Взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ.
„Отъ меня Тугарину то же будетъ“.
Тугаринъ почернѣлъ, какъ осення ночь,
Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
И опять въ та поры повары были догадливы,
Носятъ яства сахарныя

[1] Т.-е. два съ половиною.

И принесли лебедушку бѣлую,
И ту рушала княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила;
Говорила таково слово:
— Гой вы еси, княгини, боярыни!
— Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
— Либо смотрѣть на милъ животъ [1],
— На молода Тугарина Змѣевича. —
Онъ, взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же ковригу монастырскую;
Говоритъ Алеша на полатномъ брусу:
„Гой еси, ласковый осударь Владимиръ князь!
„Что у тебя за болванъ сидитъ,
„Что за дуракъ неотесаной?
„Нечестно за столомъ сидитъ,
„Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ:
„По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ
„И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
„У моего сударя-батюшки,
„Ѳедора, попа ростовскаго,
„Была коровища старая,
„Насилу по двору таскалася,
„Забилася на поварню къ поварамъ,
„Выпила чанъ браги прѣсныя,
„Отъ того она лопнула.
„Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ.
„Отъ меня Тугарину то же будетъ“.
Тугаринъ потемнѣлъ, какъ осення ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича;

---

[1] Милаго человѣка, друга.

Алеша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:
— Самъ ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?—
„Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
„Заутра съ нимъ перевѣдаюсь,
„Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„А бьюсь о своей буйной головѣ“.
Въ та поры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ за Тугарина поруки держатъ:
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояре по пятидесятъ, крестьяне по пяти рублевъ;
Тутъ же случилися гости купеческіе:
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ.
А за Алешу подписывалъ владыка черниговскій.
Въ та поры Тугаринъ взвился и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.
Скочила княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пенять Алешѣ Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
— Не далъ посидѣть другу милому.—
Въ та поры того Алеша не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ пошелъ;
Садилися на добры кони,
Поѣхали ко Сафатъ-рѣкѣ,
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,

Коней отпустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже! тучу грозную,
„А и тучи-то, съ градомъ дождя“.
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ, дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ, какъ собака, на сыру землю.
Приходилъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
Увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ:
„Хошь ли я тебя огнемъ спалю,
„Хошь ли, Алеша, конемъ стопчу,
„Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?“
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
— Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
— Бился ты со мною о великъ закладъ,
— Биться, драться единъ-на-единъ,
— А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
— На меня Алешу Поповича.—
Оглянется Тугаринъ назадъ себя;
Въ та поры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ;
И пала голова на сыру землю, какъ пивной котелъ.
Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ [1] отъ добра коня

[1] Ремень.

И прокололъ уши у головы Тугарина Змѣевича,
И привязалъ къ добру коню
И привезъ въ Кіевъ на княжецкой дворъ,
Бросилъ середи двора княженецкаго.
И увидѣлъ Алешу Владимиръ князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы;
Тутъ для Алёши и столъ пошелъ.
Сколько время покушавши,
Говорилъ Владиміръ князь:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ;
„Пожалуй, ты живи въ Кіевѣ,
„Служи мнѣ, князю Владимиру,
„До люби тебя пожалую“.
Въ та поры Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А княгиня говорила Алешѣ Поповичу:
— Деревенщина ты, зáсельщина!
— Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
— Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретинымъ.—
Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
„А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣевна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою-ту волочайкою“.

То старина, то и дѣянье.

2. АЛЕША ПОПОВИЧЪ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ.

Было два брата да два Петра Петровича.
Собирали пиръ да все такой большой,
Все такой большой да все купеческой.
Всѣ на пиру да напивалися,
Еще всѣ на большомъ да наѣдалися;
Еще всѣ на пиру да прирасхвастались
И всѣ житьемъ-бытьемъ да всѣ богачествомъ.
Еще два брата да два Петра Петровича
Они хвастали своей родной сестрой,
Все родной сестрой своей Оленушкой:
„У насъ Оленушка есть умная,
„У насъ Петровна есть разумная“.
Поповской сынъ да все Олешенька:
— Вы не хвастайте своей родной сестрой,
— Все родной сестрой своей Оленушкой.
— Шолъ по городу да я по Кіеву
— Мимо ваши полаты бѣлокаменны,
— Зажималъ я комы снѣгу бѣлаго,
— Я бросалъ Оленушкѣ въ окошечко,
Изломалъ у Оленушкѣ стекольшко;
— Выходила Олена на красно крыльцо,
— На красно крыльцо да на высокое
Въ одной рубашечкѣ, безъ пояса,
Въ одинхъ чулочикахъ, безъ щокотцевъ [1].—

[1] Чоботцевъ.

Тутъ двумъ братьямъ за бѣду пало,
За бѣду пало да за досадушку.
Пошли они да со больша пира,
Со больша пира да со великого
Все по городу да все по Кіеву
Мимо свои палаты бѣлокаменны,
Зажимали комы снѣгу бѣлаго;
Бросали Оленушкѣ въ окошечко;
Изломали у Оленушки стекольшко.
Выходила Олена на красно крыльцо,
На красно крыльцо да на высокое.
Тутъ и двумъ братьямъ и за бѣду пало,
За бѣду пало да за досадушку.
Они брали Олену за бѣлы руки,
Повели Олену во высóкъ теремъ:
„Ты неси, Олена, дубову плаху,
„Ты неси, Олена, востру сабельку;
„Мы ссѣкемъ твою да буйну голову".
Тутъ бѣдной ѣдé,— весь приплачется;
Тутъ богатой ѣдé,—прихохочется.
Тутъ ѣдé Олешенька, поповской сынъ,
Поповской сынъ да все Олешенька:
Онъ бралъ Олену за бѣлы руки,
Онъ садилъ Олену на добра коня,
Онъ повезъ Олену ко Божьей церкви.
У Божьей церкви да повѣнчалися,
Злаченымъ перстнемъ да помѣнялися.
Они стали съ Оленой по закону жить,
По закону жить да все царю служить.

IV

ИЛЬЯ

Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ представляются въ настоящее время наиболѣе распространенными среди былинъ въ репертуарахъ ихъ пѣвцовъ: большинство „сказателей“ въ числѣ другихъ пѣсенъ поетъ обычно и пѣсни объ Ильѣ, по крайней мѣрѣ знаетъ о немъ. Самъ Илья Муромецъ, помимо пѣсенъ о немъ собственно, появляется также въ былинахъ о другихъ лицахъ или въ качествѣ дѣйствующаго лица, или о немъ находятся упоминанія. Это — положительно — самый популярный изъ богатырей современной эпической пѣсни, окруженный въ самихъ былинахъ почетомъ, уваженіемъ къ нему и у самихъ пѣвцовъ.

Такое положеніе Ильи Муромца въ русскомъ эпосѣ вело у изслѣдователей къ представленію о немъ, какъ о центральномъ, главномъ богатырѣ эпоса, заставляло обращать на него при изученіи эпоса особое вниманіе, возбуждало желаніе возможно полнѣе и точнѣе освѣтить его образъ и сказанія о немъ. Но, при всемъ томъ, самая личность богатыря, начиная съ его имени, до сихъ поръ остается неразгаданной, недостаточно освѣщенной со стороны ея происхожденія, соотвѣтствія ея съ отзвуками исторіи. Тогда какъ русскія лѣтописныя сказанія, занося на свои страницы отзвуки устныхъ преданій и пѣсенъ, съ XV вѣка уже упоминаютъ Добрыню Рязанича, Алешу, поповича Ростовскаго, „славнаго богатыря“ Ивана Даниловича и др., они совершенно не знаютъ Ильи Муромца; тогда какъ для другихъ богатырей, ихъ подвиговъ удается найти аналогичные или даже родственные факты въ исторіи, для объясненія образа Ильи и содержанія пѣсенъ о немъ такого соотвѣтствія почти вовсе не оказывается. Поэтому многочисленныя и разнообразныя попытки извлечь изъ источниковъ данныя для исторіи этого образа и для хронологіи и происхожденія пѣсенъ о немъ почти не выходятъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ за предѣлы болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Также гипотетичны и представленія о мѣстности или

мѣстностяхъ, гдѣ слагались былины объ Ильѣ. А между тѣмъ имя Ильи, какъ одного изъ крупнѣйшихъ богатырей русскаго эпоса, должно быть признано довольно рано появившимся въ этомъ эпосѣ и съ ранняго времени извѣстнымъ: нѣмецкая героическая сага объ Ортнитѣ и норвежская о Тидрекѣ (обѣ XIII в.) уже знаютъ Ilias'a von Riuzen—русскаго Илью, считаютъ его дядей короля Ортнита. Въ XVI в. западно-русскій писатель Филонъ Кмита Чернобыльскій также хорошо знаетъ Илью Моровленина, какъ и другого богатыря, врага Ильи, Соловья; слыхалъ про Илью Моровлина и иностранецъ того же времени Эрихъ Лассота; знаетъ Илью, именно какъ богатыря Муромца, и кіевское мѣстное преданіе печерское не позднѣе XVII в., указывая въ числѣ могилъ въ пещерахъ и могилу препод. Ильи Муромца: она, какъ принадлежащая богатырю, превосходитъ своими размѣрами всѣ прочія; отзвуки былинъ объ Ильѣ нашлись даже въ финскомъ эпосѣ, гдѣ онъ носитъ прозвище Muurovitza. Наконецъ, сама сѣверная русская былина постаралась, какъ будто, возможно обстоятельно разсказать о своемъ знаменитомъ богатырѣ: по этой былинѣ Илья—крестьянскій сынъ изъ села Карачарова, Муромскаго уѣзда (Владимирской губ.).

Всѣ эти намеки вмѣстѣ съ обширнымъ и разнообразнымъ содержаніемъ самихъ былинъ объ Ильѣ не могли не возбуждать желанія, хотя бы предположительно, попытаться представить себѣ образъ Ильи Моромца въ историческомъ его освѣщеніи. Попытки эти дѣлались въ различныхъ направленіяхъ. Прозвище богатыря „Муромецъ“, засвидѣтельствованное былинами, еще въ записяхъ XVIII в. (каковы, напр., въ сборникѣ Кирши Данилова), казалось, точно локализировало происхожденіе Ильи и пѣсенъ о немъ. Но разнообразіе въ этомъ прозвищѣ, оказавшееся и въ самихъ былинахъ и въ другихъ извѣстіяхъ объ Ильѣ (Муромецъ, Муровленинъ, Моровлинъ, Муровецъ, изъ Морова и др.), въ связи съ характерными чертами былинъ о немъ, указаніями на другія мѣстности, заставило ограничить категоричность этого представленія о происхожденіи Ильи, подсказываемаго нѣкоторыми былинами:

прозвище Ильи въ его различныхъ формахъ могло указывать не только на среднюю Россію (Муромъ — Суздальско-Ростовской области), но и на южную Русь (Моровійскъ, Моровинъ, Муровица—на Волыни, въ Черниговщинѣ Муравскій шляхъ—степная дорога въ Крымъ) и даже на крайній сѣверъ (Муровленинъ, Мурманянинъ, т.-е. норманнъ, откуда и Мурманскій берегъ Ледовитаго океана). Въ другомъ направленіи шли попытки уяснить образъ Ильи и происхожденіе пѣсенъ о немъ изъ его имени въ связи съ сѣверными сагами: упоминаніе Ilias von Riuzen (варіанты: Illias, Illas, Elias, Elîgas, Eligás) въ Ортнитъ-и Тидрекъ-сагахъ, гдѣ онъ является дядей и Владимира, владѣльца въ Pulinaland'ѣ (земля Полянъ) и царя всей Руси (Ruzciland), наводило на мысль о сближеніи былиннаго Ильи съ лѣтописнымъ дядей князя Владимира — былиннымъ его племянникомъ (см. выше, стр. 3)—Добрыней, т.-е. приводило къ предположенію, что Илья былинъ о немъ замѣнилъ собою старшаго героя пѣсенъ Добрыню; самое же имя Ильи, которому соотвѣтствуетъ, между другими, и скандинавская форма Elîgas, въ такомъ случаѣ считается замѣнившимъ, по созвучію и какъ болѣе ходячее, иное, еще болѣе древнее, напоминавшее этого Elîgas (Ilias и др.); а такимъ именемъ (старшимъ) было извѣстное имя Олегъ (народное Вольга=Eligás); иначе: подъ Ильей, вытѣснившимъ имя Добрыни въ рядѣ преданій о послѣднемъ, слѣдуетъ подразумѣвать не кого иного, какъ извѣстнаго и по лѣтописи (точнѣе—по преданіямъ, занесеннымъ въ лѣтопись) Олега „вѣщаго“ (онъ, какъ братъ жены Рюрика, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, приходился т. о. также дядей Игорю, что̀ облегчало подстановку). Самое прозвище Ильи „Муромецъ“ (съ его варіантами) истолковывается въ такомъ случаѣ, какъ „Норманнъ“ (при формѣ: „Мурманянинъ“), будетъ т. о. прозвищемъ Олега, опредѣляющимъ его по національности. Въ результатѣ такого построенія (представляющаго, конечно, не болѣе, какъ гипотезу) дѣло съ пѣснями объ Ильѣ и его образѣ должно рисоваться въ такомъ видѣ: подобно дошедшимъ до насъ пѣснямъ о Добрынѣ (племянникѣ-дядѣ Владимира) въ древности

были и другія пѣсни о немъ же; имя этого Добрыни въ части этихъ пѣсенъ вытѣсняется именемъ старшаго дѣятеля, также ставшаго героемъ преданія и также дяди (хотя и Игоря), именемъ „вѣщаго“ Олега, но въ формѣ, созвучной Eligas, Ilias, откуда и имя Ильи, отождествившееся позднѣе съ извѣстнымъ и популярнымъ библейскимъ именемъ пророка. Сопоставленіе Ильи (Олега) былиннаго съ былиннымъ же и лѣтописнымъ Добрыней по типу если и не подтверждаетъ прямо гипотезу, то во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ этому сближенію: и тотъ и другой видные люди въ дружинѣ Владимира, и тотъ и другой исполняютъ отвѣтственныя порученія князя, держатся настолько независимо, что внушаютъ уваженіе самому князю.

Такой генезисъ образа Ильи (нѣсколько иное въ частностяхъ освѣщеніе увидимъ ниже) указываетъ на большую древность его, а стало-быть, и нѣкоторыхъ о немъ пѣсенъ (или мотивовъ ихъ), во всякомъ случаѣ онъ предполагаетъ, что первоначальный типъ этого пѣсеннаго героя значительно отличался отъ типа богатыря-крестьянина или богатыря-казака, какимъ представляетъ его дошедшая до насъ былина: если это былъ дифференцировавшійся образъ Добрыни, то Илья первоначально долженъ былъ по соціальному положенію быть также человѣкомъ знатнымъ, вліятельнымъ, можетъ быть, дружинникомъ старшей дружины у Владимира; во всякомъ случаѣ онъ крестьяниномъ первоначально не былъ. Слѣдъ такого типа остался и въ современныхъ пересказахъ былинъ объ Ильѣ: онъ—старѣйшій, старшій въ „заставѣ богатырской“, нѣчто въ родѣ воеводы той сторожевой дружины, которая исполняетъ важную обязанность—охраны границъ Русской земли отъ поганыхъ; онъ, и по былинамъ, сознаетъ свой авторитетъ и превосходство не только передъ другими богатырями, въ числѣ коихъ есть и „аристократъ“ Добрыня, и „храбръ“ (только позднѣе ставшій поповичемъ) Алеша, но и передъ Владимиромъ, который не прочь иногда передъ нимъ заискивать, котораго Илья иногда даже третируетъ свысока.

Дальнѣйшія ступени измѣненія образа Ильи приходится ставить, повидимому, въ связь съ соціальными условіями сѣверо-востока,

становящагося центромъ великорусскаго племени, которое теперь оказывается хранителемъ стараго былиннаго преданія и юга Руси а также въ связь съ постепеннымъ измѣненіемъ условій развитія и сохраненія самого эпоса былиннаго. Измѣненіе сословныхъ взаимоотношеній отдѣльныхъ группъ населенія и власти (XV—XVI вв.) сказалось прежде всего въ томъ, что былинный князь Владиміръ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ, хотя и внѣшнимъ образомъ, черты московскаго князя-самодержца, а Илья нѣсколько принижается, теряя постепенно свою ярко выраженную независимость и приближаясь къ типу слуги князя; поэтому въ иныхъ пѣсняхъ Владиміръ приказываетъ уже сажать Илью въ погребъ, не проситъ его о дѣлѣ, а приказываетъ ему; но это не мѣшаетъ еще Ильѣ сохранять свой общій типъ богатыря солиднаго, сдержаннаго, знающаго себѣ цѣну, не лишаетъ его симпатій пѣвцовъ и слагателей былинъ. Въ это же время, повидимому, и носители пѣсеннаго эпоса также опускаются: это скорѣе всего уже не такія лица, какъ старый пѣвецъ-дружинникъ (въ родѣ Бояна или автора Слова о полку Игоревѣ, или „словутнаго“ Митусы XIII в., отмѣченнаго лѣтописью), а наемный, пѣніемъ зарабатывающій у знатныхъ людей профессіоналъ, не высокій въ сословномъ отношеніи, въ родѣ скомороха-развлекателя. Все это, взятое вмѣстѣ, не могло не отразиться на типѣ Ильи въ смыслѣ пониженія и его соціальнаго положенія. Эпоха начала XVII в.—время Смуты въ Московскомъ государствѣ—застаетъ Илью уже давнишнимъ богатыремъ, но все еще съ традиціонными чертами независимости, хотя и нѣсколько, быть можетъ, потускнѣвшими; а вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ отлагаются соціальныя черты народныхъ героевъ эпохи—„вольнаго“ казачества, и Илья превращается въ „вольнаго“, притомъ „стараго“ (изъ „старшаго“, можетъ быть), „матерого“ казака, служащаго, однако, еще Владиміру, но часто проявляющаго свою „вольность“ уже въ видѣ своевольства, необузданности, подобно своимъ теперешнимъ современникамъ—историческимъ казакамъ времени Смуты. Послѣдняя стадія превращенія Ильи еще болѣе поздняя: когда въ высшихъ и среднихъ передовыхъ (преимущественно городскихъ)

классахъ эпосъ теряетъ свою привлекательность подъ вліяніемъ все усиливающейся перестройки быта на западный ладъ, пѣсня съ ея исполнителемъ и гонимымъ теперь носителемъ, професcіоналомъ-скоморохомъ, становится достояніемъ сѣвернаго крестьянства (а это произошло едва ли раньше конца XVII и начала XVIII вѣка), становится и Илья крестьянскимъ сыномъ, попрежнему, однако, состоитъ при Владимирѣ, сохраняетъ свой прежній не крестьянскій, а боевой обликъ. Такимъ застаютъ его наши первыя записи былинъ. Такимъ образомъ, каковъ бы ни былъ первоначальный типъ и обликъ Ильи, онъ, несомнѣнно, уже съ ранняго времени (XV—XVI вв.) терпитъ рядъ измѣненій, слѣды коихъ мы отчасти и найдемъ въ былинахъ о немъ.

Останавливаясь на такомъ представленіи объ образѣ былиннаго Ильи и его позднѣйшей исторіи, мы, однако, не въ состояніи дать столь же опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о времени и мѣстѣ происхожденія самыхъ пѣсенъ о немъ. Наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса слѣдуетъ, повидимому, признать предположеніе, что пѣсни объ Ильѣ, какъ и о Добрынѣ и другихъ богатыряхъ, не однородны по происхожденію: въ томъ видѣ, какъ онѣ дошли до насъ, онѣ представляютъ результатъ длинной литературной исторіи, объединивъ въ себѣ элементы различнаго времени и различныхъ мѣстностей, воспринявъ въ себя, переработавъ и элементы иныхъ пѣсенъ, про иныхъ богатырей, теперь уже покрытыхъ популярнымъ именемъ Ильи. При всемъ томъ, принимая во вниманіе опредѣленность и устойчивость самаго образа Ильи и довольно прочную связь съ нимъ нѣкоторыхъ сюжетовъ, можно дѣлать предположенія о времени и мѣстѣ происхожденія первообраза Ильи и отчасти связанныхъ съ нимъ въ болѣе древнее время сюжетовъ.

Въ общемъ характерѣ дѣятельности Ильи, какъ она рисуется въ большинствѣ былинъ, можно подмѣтить черты довольно древнія, могущія съ большой долей вѣроятности быть пріуроченными къ опредѣленной эпохѣ: вся суть его подвиговъ — защита Русской земли отъ внѣшнихъ враговъ, стояніе на „заставѣ“, на гра-

ницѣ со степью, откуда идутъ „поганые“, олицетворяемые вражьимъ богатыремъ-насильникомъ; это можетъ указывать на эпоху довольно раннюю — еще Кіевскаго времени (до половины XIII в.); такое указаніе будетъ совпадать и съ извѣстностью Ильи, также по типу борца-защитника, уже въ Ортнитъ-сагѣ (XIII в.). Поэтому весьма возможно, что образъ богатыря, получившаго впослѣдствіи имя Ильи, а отчасти и сказанія о немъ, возникли и раньше древнѣйшаго упоминанія объ Ильѣ; если же допустить родство Ильи съ Добрыней (о чемъ была рѣчь выше), то это время можно придвигать и ближе ко времени Владимира, т.-е. приблизительно къ XI вѣку, и пріурочивать богатыря и пѣсни о немъ къ области юга Руси, въ частности къ Кіевской землѣ или ближайшимъ къ ней областямъ, бывшимъ центромъ народной жизни и народной борьбы со степью. Пѣсни эти и образъ богатыря, ими рисуемый, первоначально получали распространеніе на югѣ, а позднѣе передвигались вмѣстѣ съ передвиженіями русскаго племени, частью на сѣверо-западъ, частью—и главнымъ образомъ—на сѣверо-востокъ вмѣстѣ съ колонизаціей центральной Россіи и отсюда шли дальше на сѣверъ, гдѣ мы ихъ и застаемъ. Каковы же были эти пѣсни въ древнѣйшее для нихъ время, мы не знаемъ, но отзвуки ихъ, переработки, наравнѣ съ пѣснями иного происхожденія, связавшими себя съ именемъ Ильи, можемъ предполагать въ пѣсняхъ, до насъ дошедшихъ; но отзвуки эти, подъ вліяніемъ времени и измѣнявшихся условій существованія пѣсни, такъ сильно затерты и измѣнились сами, что о древнемъ ихъ видѣ и содержаніи мы можемъ, и послѣ тщательнаго анализа варіантовъ и критики текста, строить лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

Тѣ семь-восемь былинъ объ Ильѣ, которыя дошли до насъ въ большомъ количествѣ перепѣвовъ, редакцій, объединенныя его именемъ, обнаруживаютъ въ своихъ слагателяхъ и носителяхъ замѣтную склонность къ циклизаціи, что̀ сказывается съ одной стороны у современныхъ пѣвцовъ въ стремленіи соединять нѣсколько пѣсенъ въ одну, съ другой въ желаніи нарисовать своеобраз-

ную цѣльную поэтическую біографію знаменитаго, любимаго богатыря. Рядомъ съ такими „сводными“ былинами объ Ильѣ (какъ, впрочемъ, и по отношенію къ другимъ богатырямъ) дошли до насъ и отдѣльныя пѣсни, описывающія отдѣльные подвиги богатыря. Эти пѣсни — отдѣльныя главы поэтической біографіи Ильи — происхожденія различнаго какъ по времени, такъ и по мѣсту и источникамъ; судя по отдѣльнымъ изъ этихъ пѣсенъ, мы въ правѣ предположить и время, когда началась эта циклизація: оно довольно позднее, такъ какъ въ составъ этого цикла входятъ пѣсни, возрастъ которыхъ едва-ли старше XVII—XVIII вѣковъ.

1. Былина объ исцѣленіи Ильи и выѣздѣ его на подвиги изъ села Карачарова — начало поэтической біографіи богатыря — и является одной изъ самыхъ позднихъ въ кругѣ пѣсенъ о немъ и мало самостоятельной по композиціи. Распространеніе этой былины у пѣвцовъ, сравнительно съ другими пѣснями объ Ильѣ, довольно ограниченное. Она, видимо, отсутствовала въ старшемъ былинномъ репертуарѣ: объ исцѣленіи сидня-Ильи, о пріобрѣтеніи имъ коня не знаютъ пѣсни о немъ же, судя по записямъ, до конца XVIII в.; также не знаютъ онѣ ни о родинѣ Ильи — селѣ Карачаровѣ близъ Мурома — ни объ его крестьянскомъ происхожденіи. Сверхъ того, былины объ исцѣленіи Ильи выдѣляются среди другихъ своимъ плохимъ складомъ, книжными (не народными), до извѣстной степени церковными оборотами рѣчи, напоминая скорѣе не стихъ, обычный для былины, а ритмическую прозу даже у лучшихъ пѣвцовъ, обычно отлично передающихъ другія былины о томъ же Ильѣ. Въ основѣ интересующей насъ былины лежатъ два мотива, широко распространенные въ русской и международной сказкѣ: о сиднѣ, который внезапно становится героемъ, оставляющимъ позади себя всѣхъ здоровыхъ обыкновенныхъ людей, и о пріобрѣтеніи чудеснаго коня; притомъ первый мотивъ осложненъ еще второстепеннымъ — о чудесномъ питьѣ, дающемъ сверхъестественную силу. Эти мотивы въ томъ же сочетаніи, что̀ и въ былинѣ, даются цѣлымъ рядомъ русскихъ сказокъ; это и заставляетъ, принимая во вниманіе и другія выше указанныя черты переска-

зовъ, предполагать, что и въ самой былинѣ мы имѣемъ передъ собою позднюю, но мало удачную попытку переработать сказку въ былинную пѣсню, примѣнивъ ее къ Ильѣ Муромцу. Самому разсказу о превращеніи Ильи изъ калѣки-сидня въ богатыря приданъ характеръ исцѣленія, до нѣкоторой степени чуда, т.-е. дана окраска религіозная: эта окраска могла возникнуть подъ вліяніемъ религіозной настроенности пѣвца-перелагателя, знакомаго съ аналогичными случаями въ житійной легендѣ (о святыхъ, напр., о Туровскомъ Мартинѣ-поварѣ или объ Авраамін Ростовскомъ, въ житіяхъ которыхъ есть кое-что напоминающее объ исцѣленіи и Ильи). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что тѣ пересказы былины, гдѣ этотъ благочестивый характеръ сказался ярче, идутъ изъ репертуаровъ пѣвцовъ, знающихъ и поющихъ помимо былины и религіозный духовный стихъ; въ согласіи съ этимъ стоитъ и сказанное выше о стилистической сторонѣ нашей былины. Ближайшимъ поводомъ къ созданію нашей былины могло служить желаніе дать начало біографіи, указавъ на происхожденіе богатыря, хорошо извѣстнаго пѣвцамъ, популярнаго въ эпосѣ, т.-е. то стремленіе къ циклизаціи, о которомъ говорилось выше. Поэтому-то и былина объ исцѣленіи и выѣздѣ Ильи на подвиги встрѣчается чаще всего въ соединеніи, служа какъ бы введеніемъ, съ разсказомъ о первыхъ его подвигахъ („Три поѣздки Ильи“).

2. Въ противоположность первой пѣснѣ, былина объ Ильѣ и Соловьѣ-разбойникѣ занимаетъ самое видное мѣсто среди сюжетовъ, прикрѣпленныхъ къ имени Ильи, какъ по древности своего сложенія и по своему значенію среди другихъ сюжетовъ о немъ же, такъ и по количеству пересказовъ: до сихъ поръ извѣстно, кромѣ 5—6 старинныхъ (XVIII в.) ея текстовъ, старинныхъ лубочныхъ изданій, свыше 40 записей, сдѣланныхъ изъ устъ народа. Тщательный анализъ и сравненіе между собой этихъ многочисленныхъ пересказовъ приводитъ къ предположенію, что современные тексты былины значительно отклонились отъ первоначальной (по крайней мѣрѣ, древней) пѣсни и по составу, и по содержанію. Попытка возстановленія этой пѣсни даетъ, по-

этому, рядъ чертъ въ ней, теперь значительно затертыхъ, хотя еще различимыхъ въ современныхъ текстахъ. Эти-то черты и позволяютъ до нѣкоторой степени представить себѣ исторію былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ приблизительно въ такомъ видѣ: въ основѣ ея лежитъ мѣстное черниговское преданіе о богатырѣ, спасшемъ городъ (Илья спасаетъ Черниговъ отъ враговъ и въ теперешней былинѣ, по лучшимъ ея пересказамъ); позднѣе это преданіе, распространившись по направленію къ сѣверо-востоку отъ Чернигова, осложнилось мѣстнымъ же преданіемъ о знаменитомъ разбойникѣ, пріуроченнымъ къ окрестностямъ г. Карачева (Орлов. губ.), въ 25 верстахъ отъ котораго протекаетъ рѣчка Смородина (на ней мостить мостъ Илья по былинѣ), есть урочища „Соловьиное" и „Девятидубье"; сюда же подходили и „брынскіе" лѣса (откуда г. Брянскъ изъ: Дебрянскъ): подвигъ поимки этого разбойника приписанъ, т. о., тому же богатырю, который спасъ и Черниговъ. Это осложненное т.-о. преданіе о черниговскомъ Ильѣ введено въ циклъ Кіевскій, какъ историческій отзвукъ отношеній между Кіевомъ и Черниговомъ въ XII—XIII вв. (борьба Ольговичей черниговскихъ и Мономаховичей кіевскихъ; въ концѣ XII в. Ольговичи добились временно Кіева): это сказалось въ пріуроченіи развязки былины къ Кіеву. Дальнѣйшій путь распространенія преданія (м. б., уже принявшаго форму пѣсни) намѣчается въ двухъ направленіяхъ: на сѣверо-западъ (гдѣ происходитъ замѣна Чернигова, какъ мѣста подвига Ильи, городомъ Себежемъ, что̀ совершилось не ранѣе XVI в., когда Себежъ (нынѣ уѣздный городъ Витебской губ.) игралъ роль въ исторіи столкновеній Руси съ Литвой и Польшей), почему Илью знаетъ и западно-русскій писатель XVI в., упомянутый Филонъ Кмита, и далѣе на сѣверо-востокъ—въ Ростово-суздальскій край, гдѣ происходитъ и пріуроченіе Ильи къ Мурому (Влад. губ.), по созвучію съ южнымъ (Новгородъ-сѣверскимъ) Моровійскомъ, и позднѣе къ селу Карачарову (м. б., по созвучію съ г. Карачевомъ). Образъ Соловья-разбойника также претерпѣлъ во время странствія пѣсни своеобразную эволюцію: вѣроятно, сначала онъ

былъ безъимяннымъ, а затѣмъ ему было дано имя-прозвище, популярное на Руси, Соловей (м. б., за его особый свистъ, гиканье), м. б., перенесенное на него съ другого богатыря (впрочемъ, общаго съ разбойникомъ ничего не имѣющаго)—Соловья Будимировича (какъ Соловья, несомнѣнно, разбойника называетъ упомянутый Филонъ Кмита); въ самомъ представленіи о Соловьѣ-разбойникѣ также произошли измѣненія: первоначально, повидимому, трагической развязки (убіенія, разрыванія Соловья Ильей на-полы) не было, на что̀ намекаютъ тѣ пересказы, которые объ этомъ умалчиваютъ, представляя Соловья (послѣ его поимки) даже въ нѣкоторой степени соратникомъ Ильи (они вмѣстѣ избиваютъ рать, осадившую городъ); а по инымъ разсказамъ Соловей также остается живъ, давая только обѣщаніе не разбойничать; или же Илья совѣтуетъ ему постричься. Эта послѣдняя черта можетъ быть сближена съ лѣтописнымъ (въ Степенной книгѣ) преданіемъ о знаменитомъ разбойникѣ Могутѣ, который, будучи пойманъ и прощенъ Владиміромъ, кончилъ жизнь монахомъ въ келліи митрополита; у этого Могуты, къ тому же, есть нѣкоторыя родственныя черты съ нашимъ Соловьемъ (напр., зычный голосъ, что̀ отмѣчено лѣтописнымъ преданіемъ).

Такимъ образомъ, суммируя наблюденія надъ популярной былиной объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ, можно предположить, что по времени основа ея древняя—южныя преданія Черниговщины, затѣмъ Кіевщины, едва-ли моложе XIII в., такъ какъ къ этому времени Илья проникъ уже въ скандинавскій и германскій эпосы, съ чѣмъ совпадаетъ и исторія отношеній Чернигова и Кіева того же времени; пути распространенія этого стараго преданія, м. б., уже въ формѣ пѣсни, обусловили его дальнѣйшія измѣненія, которыя закончились въ деталяхъ чуть ли не въ XVII—XVIII в. (пріуроченіе къ Карачарову).

3. Третья былина—о боѣ Ильи съ Сокольникомъ (иначе съ сыномъ)—также принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ (она записана до сихъ поръ въ 28 пересказахъ, оказала существенное вліяніе на созданіе былины о боѣ Ильи съ Добры-

ней, о чемъ см. выше, стр. 10). Самая ея фабула—древній, широко распространенный международный сюжетъ о борьбѣ отца съ неузнаннымъ сыномъ (ср. Рустема въ персидскомъ эпосѣ, Гильдебранда—въ нѣмецкомъ, Кивви-аль—въ эстонскомъ, Гали—въ киргизскомъ, Клизамора—въ бретонскомъ). Былинная обработка въ общемъ ближе къ восточнымъ пересказамъ сюжета, нежели къ западнымъ. Русской собственно обработкѣ принадлежитъ въ былинномъ пересказѣ, кажется, самый образъ Сокольника, отличающагося отъ своихъ инородческихъ собратій подчеркнутымъ злобнымъ, коварнымъ характеромъ (намѣреніе убить отца во время сна, когда онъ уже знаетъ, кто его бывшій противникъ, за что̀ и казненъ Ильей: онъ разрываетъ его на-полы); на долю той же обработки, вѣроятно, относится и сквозящая въ былинѣ тенденція—обѣлить любимаго богатыря (самая связь его съ матерью Сокольника разсматривается, какъ грѣхъ, искупленіемъ котораго является и наказаніе: борьба съ сыномъ); поэтому и Латыгорка (мать Сокольника) рисуется чертами отрицательными, которыя отъ нея получилъ и ея сынъ: отъ дурной женщины во грѣхѣ зачатый сынъ, естественно, и долженъ былъ оказаться извергомъ, а потому и понести заслуженную казнь.

Опредѣленіе времени и мѣста сложенія былины, несмотря на сдѣланныя попытки (напр., пріуроченіе къ Полоцкой области и XIII в.), до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ; причина этого—трудность хронологическаго и топографическаго пріуроченія странствующаго сюжета.

4. Былинныхъ варіантовъ объ Ильѣ и Калинѣ-царѣ до сихъ поръ извѣстно по записямъ до двадцати, т.-е. былина эта также не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ. Въ основѣ ея лежатъ, видимо, отзвуки, сохранившіеся въ довольно многочисленныхъ преданіяхъ о столкновеніяхъ Руси со степью еще въ Кіевское время. Нѣкоторые изъ нихъ, косвенно соприкасающіеся, во всякомъ случаѣ аналогичные до нѣкоторой степени нашей былинѣ, сохранены лѣтописью; таковы, напр., преданія о воеводѣ Претичѣ, возводящія событіе ко времени еще князя Святослава (внезапное

нападеніе печенѣговъ на Кіевъ), или о Демьянѣ Куденевичѣ, относимое къ концу XII в., и др. Возможно, что подобное преданіе, но о борьбѣ уже съ татарами, въ частности отмѣченное памятной битвой на Калкѣ (1224), притомъ осложненное и позднѣйшимъ какимъ-либо сказаніемъ о популярной битвѣ на Куликовскомъ полѣ (1380), и залегло въ основу былины объ Ильѣ и Калинѣ; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой, быть можетъ, въ концѣ концовъ видоизмѣненный въ обработкѣ (ср. главн. образомъ—благополучный конецъ) сюжетъ иной популярной былины—о гибели богатырей: обработка эта могла совершиться т. о. подъ вліяніемъ сюжетовъ, аналогичныхъ приведеннымъ выше. Допуская такое участіе преданій о Калкской битвѣ въ созданіи интересующей насъ теперь былины, мы получаемъ и довольно вѣроятное объясненіе національности (татаринъ, „поганый") и имени врага Ильи—Калина: оно, по былинной поэтикѣ (которая Ильѣ—представителю русской силы—должна противопоставить также единичную личность, представителя врага), могло быть отвлечено отъ названія рѣки Калки, гдѣ была битва: такіе случаи въ эпосѣ не рѣдки (Святогоръ—отъ Святыхъ горъ, напр.). Въ связи съ этимъ предположеніемъ понятенъ и счастливый исходъ борьбы Ильи: онъ навѣянъ преданіями о Куликовской битвѣ съ татарами, которая кончилась побѣдой Руси; намекъ на такое толкованіе даютъ и нѣкоторые пересказы былины, гдѣ Калина замѣняетъ не только Идолище (изъ былинъ о немъ и Ильѣ) или какой-то Кудреванко, но и Мамай.

5. Любимая сказателями пѣсня объ Ильѣ и поганомъ Идолищѣ (извѣстно до 45 варіантовъ) въ содержаніи и отдѣльныхъ своихъ подробностяхъ представляетъ рядъ точекъ соприкосновенія съ былиной объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ (см. выше, стр. 99): сходство образовъ Идолища и Тугарина, совпаденіе нѣкоторыхъ деталей ситуаціи (переодѣванье, встрѣча съ старчищемъ), типа старчища-каличища и др. допускаютъ аналогію. Отъ истолкованія этой аналогіи зависитъ и предположеніе о самомъ происхожденіи былины объ Ильѣ и Идолищѣ. Всѣ многочисленные пересказы этой былины, намъ извѣстные, по составу своему распадаются

на двѣ главныхъ группы (редакціи): первая, болѣе архаичная, помѣщаетъ мѣсто дѣйствія въ Царѣ-градѣ, изображаетъ Идолище „обнасильничавшимъ“ царя Константина Боголюбовича; вторая — младшая — переноситъ дѣйствіе въ Кіевъ и рисуетъ Идолище въ палатахъ князя Владимира; въ остальномъ между обѣими группами существеннаго различія не наблюдается; происхожденіе младшей группы отъ старшей сомнѣній не возбуждаетъ. Сравнивая же былины старшей версіи съ былинами объ Алешѣ и Тугаринѣ, можно установить нѣкоторую зависимость первыхъ отъ вторыхъ, иначе: предположить, что подвигъ Алеши приписанъ былъ, перенесенъ на Илью. Такое предположеніе возможно потому, что разсказы о ростовскомъ богатырѣ извѣстны уже въ XIII в., въ то время какъ Илья въ качествѣ центральнаго богатыря, притомъ на сѣверо-востокѣ (а здѣсь—въ Ростовской области—и могли соприкоснуться между собой кіевско-черниговскій Илья и ростовскій Алеша), сталъ пользоваться признаніемъ гораздо позднѣе; самый типъ Ильи въ этой былинѣ, обстановка, ею воспроизводимая, указываютъ на время не ранѣе XV в., тогда какъ въ былинѣ объ Алешѣ мы видимъ отзвукъ чертъ гораздо болѣе раннихъ (Тугаринъ—Тугорканъ, половецкій ханъ конца XI в.). Видимо, слагатель былины объ Ильѣ и Идолищѣ зналъ о подвигѣ Алеши и воспользовался имъ, какъ прототипомъ, для изображенія подвига Ильи и обрисовки его врага (объѣдало, насильникъ). Обстановка, рисующаяся воображенію слагателя былины объ Ильѣ иная, болѣе поздняя: она навѣяна уже эпохой полнаго расцвѣта татарщины (въ былинѣ объ Алешѣ еще звучитъ борьба со степью—половцами), откуда, быть можетъ, и объясняется и Идолище съ прозвищемъ „поганаго“—эпитетъ, прилагаемый преимущественно къ татарамъ въ эпосѣ. Помѣщеніе же мѣста дѣйствія въ Царѣ-градѣ, по былинѣ, занятомъ поганымъ бусурманиномъ Идолищемъ, запретившимъ давать „милостыню спасеную“, гдѣ „вѣра уже не по-старому“, также можетъ указывать на болѣе позднее время сложенія былины: это—время послѣ взятія Царьграда турками (1453), событія, съигравшаго такую видную роль въ самосознаніи и народныхъ

массъ русскаго сѣверо-востока. На то же намекаетъ, повидимому, и попавшее въ былину имя Константина (послѣдняго императора Византіи). Такимъ образомъ, если признать подобное соотношеніе между былиной объ Алешѣ и былиной объ Ильѣ, въ этой послѣдней можно видѣть одинъ изъ образчиковъ того, какъ старшій сюжетъ и старшее имя въ пѣснѣ покрыты были инымъ, ставшимъ болѣе популярнымъ (а Алеша именно относится къ числу такихъ богатырей, слава которыхъ шла на убыль); но вполнѣ вытѣснить Алешу изъ эпоса Ильѣ такъ и не удалось, какъ это не удалось ему и по отношенію къ Добрынѣ, если признать правдоподобнымъ приведенное выше соотношеніе между ними.

Съ другой стороны не исключена возможность и обратнаго, хотя частичнаго, вліянія былины объ Ильѣ на былину объ Алешѣ въ ея теперешнемъ текстѣ: таковъ эпизодъ съ переодѣваньемъ Алеши въ каличье платье, болѣе логично и стройно входящій въ былины объ Ильѣ. Впрочемъ возможно здѣсь и то, что въ томъ ростовскомъ преданіи, которое лежитъ въ основѣ былины объ Алешѣ, могъ быть и этотъ эпизодъ, какъ былъ каличище Иваница, „сѣдатое, плѣшатое", и могъ быть искаженъ только въ дошедшихъ до насъ пересказахъ, а быть еще органичнымъ въ этой былинѣ, когда слагалась былина объ Ильѣ, т.-е. эта послѣдняя былина сохранила болѣе архаично деталь своего прототипа, тогда какъ ее утратила сама дошедшая до насъ былина объ Алешѣ.

6. Пѣсня о ссорѣ „стараго казака" Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ, забывшимъ позвать его на пиръ и тѣмъ его обидѣвшимъ, всѣмъ своимъ складомъ выдаетъ свое довольно позднее происхожденіе: „казачество" Ильи въ былинѣ органично, связано съ самымъ содержаніемъ былины: оно здѣсь не простой, ставшій шаблоннымъ, безсознательнымъ эпитетъ Ильи, какъ въ старшихъ былинахъ, испытавшихъ на себѣ вліяніе эпохи казачества; самый сюжетъ, типъ Ильи, здѣсь отличный т. о. отъ стараго, говорятъ именно за то, что Илья, дѣйствительно, казакъ, притомъ казакъ разнузданный, безшабашный казакъ времени Смуты, не задумывающійся даже надъ святотатственнымъ дѣломъ (о

чемъ, характеризуя казацкую вольницу, современныя сказанія о Смутномъ времени говорятъ въ изобиліи); этотъ Илья далекъ отъ солиднаго, сдержаннаго, себя уважающаго, почтительно настроеннаго къ святынѣ богатыря, защитника Руси отъ бусурманъ: это—грубый, своенравный пріятель „голи кабацкой", озлобленный противъ боярства, знати, не знающій удержу человѣкъ. Такимъ образомъ въ самой основѣ своей былина указываетъ на время своего сложенія—не ранѣе начала XVII вѣка. Здѣсь нельзя видѣть и той „демократизаціи" Ильи, которой подвергся въ другихъ былинахъ основной типъ Ильи: впадая въ противорѣчія, онѣ сохранили его, если и дѣлали Илью крестьяниномъ.

7. Послѣдняя былина, посвященная Ильѣ — о встрѣчѣ его съ станичниками - разбойниками,—часто входящая въ поэтическую біографію Ильи, даже иногда ее заканчивающая, подобно былинѣ объ исцѣленіи Ильи (съ которой она часто и соединяется въ пересказѣ), былина эта представляетъ пѣсенную обработку также отчасти сказочныхъ мотивовъ, примѣненныхъ къ Ильѣ; эти мотивы, широко распространенные и въ сказкахъ, слѣдующіе: мотивъ о трехъ дорогахъ съ опредѣленнымъ назначеніемъ (богату быть, женату быть, быть убиту); второй, входящій въ первый, — о коварной прелестницѣ, губящей соблазняемыхъ ею; третій мотивъ—бытовой: построеніе церкви на поминъ души — дѣло благочестія. Такимъ же русскимъ бытовымъ можетъ быть по своей обрисовкѣ эпизодъ съ разбойниками: онъ (особенно въ началѣ) носитъ жанровый характеръ. Т. о. по отношенію къ этой былинѣ говорить о времени ея происхожденія, особенно о времени отдаленномъ, едва-ли есть основаніе. Оканчиваясь блаженной кончиной стараго Ильи, она завершаетъ собой поэтическую біографію любимаго богатыря, какъ первая былина эту біографію собою открываетъ.

Если къ приведенному перечню былинъ объ Ильѣ присоединить еще двѣ изъ цикла о Добрынѣ (стр. 72 и сл.), гдѣ Илья играетъ довольно видную роль, то мы будемъ имѣть передъ собой

всѣ главные сюжеты, связанные такъ или иначе съ его именемъ.

Пересмотрѣнныя былины объ Ильѣ еще разъ, такимъ образомъ, подтверждаютъ сложность и пестроту по происхожденію и этого круга нашего эпоса. При этомъ разработанныя, благодаря обилію пѣсеннаго матеріала, былины объ Ильѣ даютъ намъ возможность глубже, чѣмъ въ иныхъ случаяхъ, заглянуть въ исторію, внутреннее развитіе нашего эпоса: это развитіе, начавшись съ древняго, м. б., очень древняго, времени нашей исторіи, закончилось только въ XVIII вѣкѣ.

1. ИСЦѢЛЕНІЕ ИЛЬИ.

Да старой казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ сидѣлъ ли тридцать лѣтъ на сѣдалищѣ,
Онъ не имѣлъ-то да ни рукъ ни ногъ.
Да пришли къ нему два старца незнакомые.
Проговоритъ ему старецъ да едино слово:
„Ай же Илей, возстань ты на свои рѣзвы ноги,
„Дай-ко пива выпити яндому [1]".
Илей говоритъ-то старцу таково слово:
— Не имѣю я да вѣдь ни рукъ ни ногъ,
— Сижу тридцать лѣтъ на сѣдалищѣ.—
Говорилъ старый старецъ едино слово:
„Ай же Илей, возстань ты на свои рѣзвы ноги,
„Иди ты, Илей, къ водоносу ты,
„Налей пива яндому,
„Принеси ты яндому питья".
Высталъ Илей на свои рѣзвы ноги,
Пришолъ Илей къ водоносу-то,
Яндому захватилъ питія съ водоносу-то,
Приносилъ-то старцу единому;
Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
„Да пей-ко ты, Илей, да самъ яндому".
Выпилъ Илей питія яндому,

---

[1] Иначе: яндова—оловянная чашка, изъ которой пьютъ пиво, брагу.

Почувствовалъ въ себѣ силу да великую.
Говорилъ старецъ-то друго́ слово:
„Ай же Илей, дай же мнѣ пива́ вы́пить яндому́“.
Онъ пошелъ по мосту [1] по ду́бовому,
Закричали балки подъ мосто́мъ бѣлоду́бовымъ,
Загнулись-то тутъ мосты калиновы.
Зачерпнулъ питія Илей съ водоносу,
Приносилъ старцу яндому́ питія́.
Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
„Да пей-ко ты, Илей, да са́мъ яндому́“.
И выпилъ Илей дру́гу яндому́,
Услышалъ Илей въ себѣ силу великую.
Прого́воритъ тутъ старецъ еще едино́ слово:
„Ай же ты́, Илей, дай-ко выпить яндому питія́“.
Онъ какъ выпилъ Илей пи́ва-то яндому́,
Онъ почуялъ въ себѣ Илей силу да великую.
Говорилъ другой старецъ таково слово:
— Ай же ты́, Илей, налей-ко мнѣ пи́ва яндому́. —
Наливаетъ Илей пива съ водоносу.
А приноситъ старцу-то дру́гому,
Прого́ворилъ ли старецъ таково слово:
— Если приказать тебѣ третье́ пить яндому́,
— Не удержать тебѣ силы великія,
— Не удержать тебѣ силы богатырскія. —
Выпилъ-то старецъ вѣдь са́мъ яндому́,
И прого́ворилъ старецъ да таково слово:
— Ай же ты́, Илей, да ты справься-тко да ко городу,
— Ко городу да ты ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владимиру.
— И выйдешь изъ своего ты посе́ленія
— Тутко о путь [2] камень есть неподвижныя,
— На камени да подпись есть подписана. —
И ходитъ Илей поко́емъ бѣлоду́бовымъ

[1] По полу.
[2] По пути.

Да тымъ ли мостомъ да калиновымъ.
Пришли его родители да рожденые,
Пришли они со работы со крестьянскоей,
Пришли его братія да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались его рожденые да родители,
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищѣ,
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни ногъ.
Говоритъ Илей своимъ рожденыимъ родителямъ:
„Ай же вы мои родители рожденые!
„Гдѣ вы были на крестьянской на работушкѣ?“
А й же отвѣчали его рожденые родители:
— Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илей да на сѣдалищѣ,
— Не имѣлъ Илей вѣдь ни рукъ ни ногъ. —
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
„Ай же вы мои рожденые родители!
„Гдѣ вы роботали крестьянскую работушку?“
Говорилъ ему родитель да рожденыя:
— Ай же ты, Илей, мы работаемъ лугъ-пожню,
— Чистимъ лугъ-пожню за три поприща о́тъ дому.
„Ай же ты родитель мой рожденыя!
„Сведи меня туда да на займище,
„Укажите вы мнѣ мою работушку“.
Привелъ его родитель да на займище:
„Укажи мнѣ, родитель, по которыхъ мѣстъ межа“.
Захватилъ Иле́йко лѣсу ку́сту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіе по ко́решку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное,
Говорилъ родителю да таково слово:
„Ай же ты мой-то родитель рожденыя!
„Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
„Простите [1] меня со рожденаго со́ мѣста“.

[1] Отпустите.

Отправлялся Илей къ стольному городу ко Кіеву.
Пришелъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписана:
— Илей, Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго,
— Тамъ есть конь богатырскій тебѣ,
— Со всѣми-то поспѣхами да богатырскима;
— Тамъ есть-то шуба соболиная,
— Тамъ есть-то плеточка шелко́вая,
— Тамъ есть-то палица булатняя.—
Прого́ворилъ Илей да таково слово:
„Ай же ты конь богатырской!
„Служи-тко ты вѣрою правдою мнѣ“.
Конь-то прого́ворилъ Иле́ю таково слово:
— Ай же ты́ Илей, даро́й казакъ Илья́ Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Ты мо́шь[1] ли владать конемъ богатырскимъ?—
Онъ садился старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На этого коня на богатырскаго,
А со этыма поспѣхами богатырскима;
Садился тотъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Прого́ворилъ конь голосомъ человѣчьимъ:
— Ай же старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Знай ты мной управлять, далъ тебѣ Господь коня да богатырскаго,
— Послалъ Господь ангеловъ милостли́выихъ
— На твое рожденое на мѣсто;
— Далъ тебѣ Господь руцѣ́-нозѣ;
— Не написано тебѣ, старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— Не писана тебѣ смерть на убоищѣ.—

[1] Можешь.

2. ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой дородній добрый мо́лодецъ;
Онъ стоялъ заутреню во Муромлѣ
Ай къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольній Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано́-то силушки черны́мъ черно,
Ай черны́мъ черно, какъ черна во́рона;
Такъ пѣхотою [1] никто тутъ не прохаживатъ,
На добро́мъ конѣ никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
Ай побилъ онъ эту силу всю великую.
Онъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ;
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.

[1] Пѣшкомъ.

Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
„Ай же мужички да вы черниговски!
„Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
„Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ“.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькій дородній добрый молодецъ,
— Ай ты славныя богáтырь святорусскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколóдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла [1];
— Ай по той ли по дорожкѣ прямоѣзжей
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— На добрóмъ конѣ никто да не проѣзживалъ:
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыя [2],
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сúди [3] Солóвей разбойникъ вó сырóмъ дубу,
— Сúди Сóловей разбойникъ Одúхмантьевъ сынъ;
— А то свищетъ Сóловей да по сóловьему,
— Онъ кричитъ злодѣй разбойникъ по звѣриному,
— И́ отъ него ли-то отъ посвисту сóловьяго,
— И́ отъ него ли-то отъ пóкрику звѣринаго,
— То всѣ травушки мурáвы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
— А что есть людей, то всѣ мертвы́ лежатъ.
— Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
— Ай окольноей дорожкой цѣла тысяща.—
Онъ спустилъ добрá коня да й богатырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.

[1] Заросла муравой-травой.
[2] Пригнутый къ низу, наклонный, обвислый.
[3] Т.-е. сидитъ.

Его добрый конь да богатырскіи
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы нá холму сталъ перемахивать,
Мелки рѣченки, озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинкѣ,
Да ко тоей онъ ко грязи онъ ко Черноей,
Да ко той ко березѣ ко покляпыя,
Къ тóму славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Сóловей да й по солóвьему
Закричалъ злодѣй разбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы уплеталися,
Да й лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклонилися.
Его добрый конь да богатырскіи
А онъ на корзни́ [1] да потыкается;
А й какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелковую въ бѣлý руку,
А онъ билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
„Ахъ ты волчья сыть [2] да й травяной мѣшокъ!
„Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
„Что ты на корзни́, собака, потыкаешься?
„Не слыхалъ ли посвисту солóвьяго,
„Не слыхалъ ли покрику звѣринаго,
„Не видалъ ли ты ударовъ богатырскіихъ?“
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой тýгой лукъ разрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
Онъ тетивочку шелковеньку натягивалъ
А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,

[1] Значеніе не ясно: м. б., корни деревьевъ? Ср. Корза—гряда камней поперекъ рѣки, порогъ, препятствіе (Даль), или карзить—обрубать вѣтви, корни (Куликовскій).

[2] Ѣда, кормъ.

То онъ стрѣ́лилъ въ то́го Со́ловья разбойника,
Ему выбилъ право око со косицею [1].
Онъ спустилъ-то Со́ловья да на сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стремечку булатному,
Онъ повезъ его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнѣздышко́ повезъ да Соловьиное.
Въ томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыихъ;
Бо́льшая дочка эта смотритъ во окошечко косевчато [2],
Говоритъ она да таковы слова:
— Ѣдетъ-то нашъ батюшко чисты́мъ полемъ,
— А сидитъ-то на добро́мъ конѣ,
— Да везетъ онъ мужичища деревенщину,
— Да у праваго у стремени прикована.—
Поглядѣла его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Ѣдетъ батюшко роздольицемъ чисты́мъ полемъ
„Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
„Да й ко правому ко стремени прикована“.
Поглядѣла его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичище деревенщина
— Да й сидитъ мужикъ онъ на добро́мъ конѣ,
— Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
— У булатняго у стремени прикована.
— Ему выбито-то право око со косицею.—
Говорила-то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья наши́ любимые!
— Вы берите-тко рогатины звѣриныя,
— Да бѣжите-тко въ роздольице чисто́ поле

[1] Високъ.
[2] Обшитый досками, съ наличникомъ изъ досокъ (м. б. рѣзнымъ).

— Да вы бейте мужичища деревенщину! —
Эти мужевья да ихъ любимые,
Зятевья то-есть да Соловьиные,
Похватали какъ рогатины звѣриныя
Да й бѣжали-то они да й во чистó поле
Къ тому ли къ мужичищу деревенщинѣ,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
„Ай же зятевья мои любимые!
„Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
„Вы зовите мужика да деревенщину,
„Въ своé гнѣздышко зовите Соловьиное,
„Да кормите éго ѣствушкой сахарною,
„Да вы пойте éго питьицемъ медвяныимъ,
„Да й дарите ему дáры драгоцѣнные“.
Эти зятевья да Соловьиные
Побросали-то рогатины звѣриныя
Ай зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко во Соловьиное;
Да й мужикъ-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чисту́ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольній Кіевъ градъ.
Онъ пріѣхалъ-то во славный стольній Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владимиръ князь онъ вышелъ со Божьéй церквы,
Онъ пришелъ въ палату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку.
Они сѣли ѣсть да пить да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ
Становилъ коня да посередь двора,
Самъ идетъ онъ во палаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столовую во горенку,
На пяту онъ дверь-ту поразмахивалъ,

Крестъ-отъ клалъ онъ по писа́ному,
Велъ поклоны по уче́ному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру въ особину,
Еще всѣмъ его князьямъ онъ подколѣннымъ [1].
Тутъ Владимиръ князь сталъ мо́лодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дороднiй добрый мо́лодецъ,
— Тебя какъ-то молодца да имене́мъ зовутъ,
— Звеличаютъ удала́го по отечеству?—
Говорилъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
„Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
„Изъ того села да съ Карачирова,
„Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ“.
Говоритъ ему Владимиръ таковы слова:
— Ай же старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля,
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольной Кiевъ градъ?
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
„Ай ты славныя Владимиръ стольне-кiевской!
„Я стоялъ заутреню христовскую во Муромлѣ,
„А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ я въ стольнiй Кiевъ градъ,
„То моя дорожка призамѣшкалась;
„А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
„Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
„Ѣхалъ мимо эту грязь да мимо Черную,
„Мимо славну рѣченьку Смородину,
„Мимо славную березу-ту покляпую,
„Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ“.

[1] Ср. подручный.

Говорилъ ему Владимиръ таковы слова:
— Ай же мужичище деревенщина!
— Въ глазахъ, мужикъ, да подлыгаешься,
— Въ глазахъ, мужикъ, да насмѣхаешься!
— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнано́ тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— А на добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черный воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у славноей у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у покляпоя,
— У того креста у Леванидова,
— Солове́й сидитъ разбойникъ Одихматьевъ сынъ;
— То какъ свищетъ Соло́вей да по соло́вьему,
— Какъ кричитъ злодѣй разбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
— А что есть людей, то всѣ мертво́ лежатъ.—
Говоритъ ему Илья да таковы слова:
„Ты Владимиръ князь да стольне-кіевской!
„Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ,
„Ему выбито вѣдь право око со косицею,
„И онъ ко стремени булатному прикованой".
То Владимиръ князь-отъ стольне-кіевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Куную шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотрѣть на Со́ловья разбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владимиръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Со́ловей, ты по соло́вьему,

— Закричи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Со́ловей ему разбойникъ Одихматьевъ сынъ:
„Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
„А не васъ-то я хочу да и послушати,
„Я обѣдалъ-то у стараго каза́ка Ильи Муромца,
„Да его хочу-то я послушати“.
Говоритъ-то какъ Владимиръ князь да стольне-кіевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Со́ловью да й по соло́вьему,
Прикажи-тко закричать да по звѣриному.—
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Ай же Со́ловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
„Засвищи-тко ты во полъ-свисту соло́вьяго,
„Закричи-тко ты во по́лъ-крику звѣринаго“.
Говорилъ-то ему Со́ловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Мои раночки кровавы запечатались,
— Да не ходятъ-то мои уста саха́рніи:
— Не могу засвистать да й по со́ловьему,
— Закричать-то не могу я по звѣриному,
— Ай вели-тко князю ты Владимиру
— Налить чару мнѣ да зелена́ вина,
— Я повыпью-то какъ чару зелена́ вина,
— Мои раночки кровавы поразо́йдутся
— Да и уста мои сахарни порасходятся:
— Да тогда я засвищу да по соло́вьему,
— Да тогда я закричу да по звѣриному.—
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владимиру:
„Ты Владимиръ князь да стольне-кіевской!
„Ты поди въ свою столовую во горенку,
„Наливай-ко чару зелена́ вина,
„Ты не малу стопу да полтора ведра,

„Подноси-тко къ Соло́вью къ разбойнику“.
То Владимиръ князь да стольне-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Да не малу онъ стопу да полтора́ ведра,
Разводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то онъ ко Соло́вью розбойнику.
Соловей разбойникъ Одихматьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей однимъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соло́вьему,
Закричалъ розбойникъ по звѣриному.
Маковки на теремахъ покри́вились
А око́ленки [1] во теремахъ разсыпались
Отъ него отъ посвисту соловьяго,
А что есть-то людишекъ, такъ вси мертвы́ лежатъ;
А Владимиръ князь-отъ стольне-кіевской
Куньей шубонькой онъ укрывается.
Ай тутъ старой-отъ каза́къ да Илья Муромецъ
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
А й онъ везъ-то Соло́вья да во чисто́ поле,
И онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Тебѣ полно-тко свистать да по соло́вьему,
„Тебѣ полно-тко кричать да по звѣриному,
„Тебѣ полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
„Тебѣ полно-тко вдовить да женъ моло́дыихъ,
„Тебѣ полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушекъ“.
А тутъ Соло́вью ему й славу́ поютъ,
А й славу поютъ ему вѣкъ по́ вѣку.

---

[1] Оконная рама, переплетъ въ окнѣ.

3. ИЛЬЯ И СОКОЛЬНИКЪ.

От славнаго отъ города отъ Кіева
За три версты за мѣрныя
Стояла застава великая:
Во-первыхъ стоялъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Во-вторыхъ Добрынюшка Никитиничъ,
Во-третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да стояло семь братцевъ Грядовичевъ,
Ребята-то были молóдые,
Стоялъ Ѳома Долгополыій,
Стояли-то мужики Залѣшане.
Мимо эту заставу крѣпкую
Проѣзжаетъ удалый дороднiй добрый молодецъ:
Сидитъ на конѣ молодецъ во двѣнадцать лѣтъ;
Подъ нимъ конь, какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ;
Молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ,
Проѣзжаетъ-то заставу крѣпкую,
На заставу не приворачиваетъ,
Ихъ-то молодцевъ ничѣмъ зоветъ,
На Владимира князя посмѣхъ ведетъ;
Проѣзжалъ заставу крѣпкую.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Кого мнѣ послать за богáтыремъ?
„Послать мужиковъ Залѣшаньевъ:
„Мужики Залѣшане—бѣда дремать,
„Продремлютъ богатыря во чистомъ полѣ;
„Послать Ѳому Долгополаго:
„Ѳома Долгополый—бѣда зѣвать,
„Прозѣваетъ богатыря въ чистомъ полѣ;
„Послать семь братьевъ Грядовичевъ:
„Ребята-то были молóдые,
„Ни за что ихъ головушка въ чистомъ полѣ;
„Послать Алешеньку Поповича:
„Алеша Поповичъ зарывчатъ былъ,
„Изорветъ силу до богатыря:
„Послать Добрыню Никитича!“
И посылалъ Добрыню Никитича.
Скоро Добрыня коня сѣдлалъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю,
Ко матушкѣ Сахатарь-рѣкѣ,
И наѣхалъ его у синя моря:
Ѣздитъ по тихiимъ заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернасту утушку.
Закричалъ Добрыня во всю голову:
„Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
„На нашу заставу не приворачиваешь?“
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ахъ ты, шишига [1], б.... деревенская!
— Не за мной бы тебѣ ѣздить во чисто поле:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти.—
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,

[1] Ругат. слово: чортъ, сволочь.

У него конь на колѣнки палъ.
И упадалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль траву:
Лежалъ три часа за-мертво,
Просыпается будто отъ крѣпка сна.
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ къ заставѣ крѣпкія,
И выходилъ къ стрѣту [1] Илья Муромецъ:
„Пособилъ ли ти Богъ побить богáтыря?"
Сходилъ Добрыня съ добра коня,
Бьетъ челомъ — поклоняется:
— Я наѣхалъ у батюшка синя моря:
— Ѣздилъ богатырь по тихіимъ заводямъ,
— Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ;
— Какъ закричитъ во всю голову:
— Отъ его ли крику богатырскаго
— Тихая заводь сколыбалася,
— Съ пескомъ вода помутилася,
— У меня конь на колѣнки палъ.
— И упадалъ я со добра коня
— На сыру землю въ ковыль траву,
— Лежалъ цѣло три часа за-мертво,
— Проснулся будто отъ крѣпка сна;
— Скоро садился на добра коня
— И поѣхалъ къ заставѣ крѣпкія.—
Говоритъ старый таковы слова:
„Некѣмъ мнѣ замѣнитися,
„Замѣнитися своей старой, буйной головой!"
Скоро сѣдлалъ добра коня,
Затягивалъ двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Двѣнадцать пряжекъ золота краснаго,
Двѣнадцать шпенечковъ булатніихъ;

[1] Навстрѣчу.

Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю:
Только видѣли стараго сѣдучись,
А не видѣли стараго поѣдучись,
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
И наѣхалъ богатыря у синя моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
Закричалъ старый во всю голову:
„Что же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
„На нашу заставу не приворачиваешь?“
Отъ его ли крику богатырскаго,
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася.
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ахъ ты, старый, сѣдатый песъ!
— Не за мной бы ти ѣздить по чисту полю:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти. —
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У Ильи конь на колѣнки палъ.
И бьетъ коня по крутымъ бедрамъ:
„Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья драньˡ[1]!
„Не слыхалъ ты гарканья вороньяго?“
Разъѣхалися на копья востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на палицы боевыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;

[1] Что медвѣдь деретъ, откуда: „медвѣдь тебя дери!“

Разъѣхалися на сабли востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы [1] кольчужныя.
Скоро они сходили со добрыхъ коней,
Захватилися они во ухваточку,
Стали они боротися, ломатися.
Отмахнулась у Ильи ручка правая,
Подвернулась ножка лѣвая,
Упадалъ Илья на сыру землю.
Садился Сокольничекъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И сталъ смѣяться-ругатися:
— Пора ти старому въ монастырь итти,
— Постричься во старцы, въ игумены;
— А ежели нѣтъ безсчетной золотой казны,
— Я тебѣ далъ бы до люби [2]. —
Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая:
Какъ ударилъ онъ Сокольника въ черны груди,
И вышибъ его выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ.
Онъ скоро ускочилъ на добра коня
И поѣхалъ въ свою орду къ своей матери,
Ко матушкѣ бабѣ Латымиркѣ [3].
Ѣдетъ на конѣ, шатается,
Подъ нимъ добрый конь потыкается.
И встрѣчала его баба Латымирка:
„Что же ты, дитя мое милое,
„Ѣдешь на конѣ — шатаешься,

[1] Зазубрились о латы.
[2] Сколько угодно, достаточно.
[3] Иначе: Латыгорка.

„Подъ тобой добрый конь потыкается?
„Напился ты зелена вина?“
Говорилъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Ай же ты родная матушка!
— Наѣхалъ я стараго-то во чистомъ полѣ:
— Мы много съ нимъ боролися
— И много съ нимъ ломалися;
— Я уронилъ его на сыру-землю,
— Садился ему на бѣлы груди,
— Не разстегивалъ пуговку-вальявочку [1],
— Вынималъ ножище-кинжалище,
— Сталъ надъ нимъ смѣяться-ругатися;
— Онъ ударилъ меня въ бѣлы груди
— Вышибъ выше лѣсу стоячаго,
— Выше облака ходячаго;
— Тутъ я скоро скочилъ на добра коня
— И поѣхалъ въ свою орду къ тебѣ, матушкѣ.—
Говорила баба Латымирка:
„Тутъ не старый, сѣдатый песъ,
„А тутъ ѣздитъ старый казакъ Илья Муромецъ.“
— Спасибо, матушка, баба Лотымирка,
— Сказала про батюшка Илью Муромца!
— Поѣду—распорю ему груди бѣлыя,
— Выну сердце со печенью:
— Онъ теперича спитъ во бѣломъ шатрѣ. —
Пріѣзжаетъ ко тому бѣлу шатру,
Скоро сходитъ съ добра коня;
Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный:
Онъ спитъ, старый, храпитъ,
Какъ телѣга ордынская гремитъ.
И садился Сокольникъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище

[1] Вальящату—рѣзную.

И ударилъ его въ бѣлы груди:
Не сдержали латы кольчужныя,
Не сдержало цвѣтно платьице,
Сдержалъ чуденъ крестъ,
Вѣсомъ крестъ въ три пуда, —
Отъ креста ножище погибается.
Пробуждается старый отъ крѣпка сна
И видитъ: сидитъ Сокольникъ на бѣлыхъ грудяхъ.
Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ,
Выскочилъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На́ полы Сокольничка разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь-рѣку,
А другую оставилъ на своей стороны:
„Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
„Раздѣлилъ я Сокольничка-охотничка!“

10.

4. ИЛЬЯ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ Владимиръ князь да стольне-кіевской
Порозгнѣвался на стараго каза́ка Илью Муромца,
Засадилъ его во погребъ во холодныи
Да на три-то года по́ры времени.
А у славнаго у князя у Владимира
Была дочь да одинокая;
Она видитъ: это дѣло есть не малое,
А что посадилъ Владимиръ князь да стольне-кіевской
Стараго каза́ка Илью Муромца
Въ тотъ во погребъ во холодный;
А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныя,
Могъ бы поберечь онъ князя да Владимира,
Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
Приказала сдѣлать да ключи поддѣльные,
Положила-то людей да потаенныихъ,
Приказала-то на погребъ на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховыя,
Одѣяла приказала сне́сти теплыя,
Она ѣствушку поставить да хорошую,
И одежду смѣнять съ но́ва на ново
Тому старому каза́ку Ильѣ Му́ромцу.
А Владимиръ князь про то не вѣдаетъ.

И воспылалъ-то тутъ собака Ка́линъ царь на Кіевъ градъ:
И хоти́тъ онъ разорить да стольній Кіевъ градъ,
Чернедь-мужичковъ [1] онъ всѣхъ повырубить,
Божьи церкви всѣ на дымъ спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой королевичной.
Посылаетъ-то собака Калинъ царь посланника,
А посланника во стольній Кіевъ градъ,
И даетъ ему онъ грамоту посыльную
И посланнику-то онъ наказывалъ:
„Какъ поѣдешь ты во стольній Кіевъ градъ,
„Будешь ты посланникъ въ стольнеемъ во Кіевѣ
„Да у славнаго у князя у Владимира,
„Будешь на его на широко́мъ дворѣ,
„И сойдешь какъ тутъ ты со добра́ коня,
„Да й спущай коня ты на посыльной дворъ,
„Самъ поди-тко во палату бѣлокаменну;
„Да пройдешь палатой бѣлокаменной,
„Да й войдешь въ его столовую во горенку,
„На пяту́ ты дверь да поразмахивай,
„Не снимай-ко кивера́ съ головушки,
„Подходи-ко ты ко столику къ дубовому,
„Становись-ко супротивъ князя Владимира,
„Полагай-ко грамоту на зо́лотъ столъ,
„Говори-тко князю ты Владимиру:
„„Ты Владимиръ князь да стольне-кіевской,
„„Ты бери-тко грамоту посыльную
„„Да смотри, что въ грамотѣ написано,
„„Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано;
„„Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкія,
„„Всѣ великіе дворы да княженецкіе,
„„По всему-то городу по Кіеву,

[1] Т.-е. черныхъ, черносошныхъ крестьянъ.

„„А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
„„Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
„„На́ставь сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ,
„„Чтобъ стояли бочка о бочку близко-по́-близку,
„„Чтобы было у́ чего стоять собакѣ царю Калину
„„Со своими-то войсками со великима
„„Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ.“ “
То Владимиръ князь да стольне-кіевской
Бралъ-то книгу онъ посыльную,
Да и грамоту ту распечатывалъ,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано,
А что велѣно очистить улицы стрѣлецкія
И большіе дво́ры княженецкіе,
Да наставить сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ.
Тутъ Владимиръ князь да стольне-кіевской
Видитъ: есть это дѣло́ не малое,
А не мало дѣло-то, великое,
А садился-то Владимиръ князь да на черленый стулъ,
Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
— А й же ты собака да и Калинъ царь!
— Дай-ко мнѣ ты по́ры-времечки на три́ году,
— На три го́ду дай и на три мѣсяца,
— На три мѣсяца да еще на три дня,
— Мнѣ очистить улицы стрѣлецкія,
— Всѣ великіе дворы да княжецкіе,
— Накурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
— Да й наставить по всему-то городу по Кіеву
— Да й по всѣмъ по улицамъ широкіимъ,
— По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ. —
Отсылаетъ эту грамоту повинную,
Отсылаетъ ко собакѣ царю Калину;

А й собака этотъ да Калинъ царь
Далъ ему онъ пóры-времечки на трú году,
На три гóду далъ и на три мѣсяца,
На три мѣсяца да еще на три дня.
Еще день за день вѣдь, какъ и дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло пóры-времечки да трú году,
А три гóду да три мѣсяца,
А три мѣсяца и éще три-то дня;
Тутъ подъѣхалъ вѣдь собака Калинъ царь,
Онъ подъѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
Со своими со войсками со великима.
Тутъ Владимиръ князь да стольне-кіевской
Онъ по горенки да сталъ похаживать,
Съ ясныхъ очушекъ онъ ронитъ слезы вѣдь горючія,
Шелковымъ платкомъ князь утирается,
Говоритъ Владимиръ князь да таковы слова:
„Нѣтъ живá-то стараго казáка Ильи Муромца:
„Нéкому стоять теперь за вѣру за отечество,
„Некому стоять за церквы вѣдь за Божіи,
„Нéкому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
„Да вѣдь некому сберечь князя Владимира
„Да и той Опраксы королевичной!“
Говоритъ ему любима дочь да таковы слова:
— Ай ты батюшко Владимиръ князь нашъ стольне-кіевской!
— Вѣдь есть живъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ;
— Вѣдь онъ живъ на погребѣ холоднюемъ. —
Тутъ Владимиръ князь-отъ стольне-кіевской
Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
Да идетъ на погребъ на холодныи,
Отмыкаетъ онъ скоренько погребъ да холодныи
Да подходитъ ко рѣшеткамъ ко желѣзныимъ,
Растворилъ-то онъ рѣшетки да желѣзныя:
Да тамъ старыя казакъ да Илья Муромецъ

Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не старится;
Тамъ перинушки подушечки пуховыя,
Одѣяла снéсены тамъ теплыя,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на немъ да живéтъ смѣнная.
Онъ беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злаченые,
Выводилъ его со погреба холоднаго,
Приводилъ его въ палату бѣлокаменну,
Ставилъ-то онъ Илью да супротúвъ себя,
Цѣловалъ въ уста его сахáрнiи,
Заводилъ его за столики дубовые,
Да садилъ Илью-то онъ подлѣ себя,
И кормилъ его да ѣствушкой сахáрнею,
Да поилъ-то пúтьицемъ медвяныимъ,
И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
„Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
„Нашъ-то Кiевъ градъ нынь въ полону стоитъ,
„Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кiевъ градъ
„Со своима со войсками со великима.
„А постой-ко ты за вѣру за отечество,
„А постой-ко ты за славный Кiевъ градъ,
„Да постой за матушки Божьú церквы,
„Да постой-ко ты за князя за Владимира
„Да постой-ко за Опраксу королевичну!“
Такъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Выходилъ онъ съ полаты бѣлокаменной,
Шолъ по городу онъ да по Кiеву,
Заходилъ въ свою палату бѣлокаменну,
Да спросилъ-то какъ онъ пáробка любимаго [1],
Шолъ со паробкомъ да со любимыимъ
А на свой на славный на широкiй дворъ,

[1] Мальчикъ, прислужникъ.

Заходилъ онъ въ конюшенку въ стоялую,
Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго.
Говорилъ Илья да таковы слова:
— Ай же ты мой паробокъ любимыи,
— Вѣрный ты слуга мой безызмѣнныи,
— Хорошо держалъ моего коня ты богатырскаго!—
Цѣловалъ его онъ во уста сахáрніи,
Выводилъ добрá коня съ конюшенки стоялыя
А й на тотъ на славный на широкій дворъ.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Сталъ добрá коня тутъ онъ засѣдлывать:
На коня накладываетъ потничекъ,
А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
А на потничекъ подкладывалъ подпотничекъ,
На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
А черкасское сѣдельшко недержано,
А подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелкóвыихъ,
А шпилечики онъ втягивалъ булатніе,
А стремяночки подкладывалъ булатнія,
Пряжечки подкладывалъ онъ красна золота, —
Да не для красы-угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да óны нé рвутся,
Да булатъ-желѣзо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота
Онѣ мокнутъ, да не ржавѣютъ.
И садился тутъ Илья да на добрá коня,
Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскіе:
Во-первыхъ бралъ палицу булатную,
Во-вторыхъ бралъ кóпье боржамецкое [1],
А еще бралъ свóю саблю вострую,

[1] То же, что „мурзамецкое“ (восточное).

А еще бралъ шалыгу[1] подорожную.
И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
Выѣхалъ Илья да во чисто́ поле
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскіимъ
Посмотрѣть на войска на татарскія:
Нагнано́-то силы много множество,
Какъ отъ покрику отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо.
Тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту́ полю,
Не могъ конца краю силушкѣ наѣхати.
Онъ повыскочилъ на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
И повыскочилъ онъ на́ гору на дру́гую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Конца краю силы насмотрѣть не могъ.
Онъ спустился съ той со го́ры со высокія,
Да онъ ѣхалъ по раздольицу чисту́ полю
И повыскочилъ на третью гору на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
Насмотрѣлъ онъ подъ восточной сто́роной,
Насмотрѣлъ онъ тамъ шатры бѣлы
И у бѣлыхъ шатровъ-то кони богатырскіе.
Онъ спустился съ той съ горы высокія
И поѣхалъ по раздольицу чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Илья къ шатрамъ ко бѣлыимъ,
Какъ сходилъ Илья да со добра́ коня
Да у тыхъ шатровъ у бѣлыихъ.
А тамъ сто́ятъ кони богатырскіе,

---

[1] Кнутъ, плеть.

У того ли по́лотна стоя́ть у бѣлаго,
Они зоблютъ-то пшену да бѣлоярову.
Говоритъ Илья да таковы слова:
„Поотвѣдать мнѣ-ка счастія великаго“.
Онъ накинулъ поводы шелко́выя
На добра́ коня да й богатырскаго
Да спустилъ коня ко по́лотну ко бѣлому:
„А й допустятъ ли-то кони богатырскіе
„Моего коня да богатырскаго
„Къ тому ли по́лотну ко бѣлому
„Позобать пшену да бѣлоярову?“
Его добрый конь идетъ-то грудью къ по́лотну,
А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
А идетъ онъ да во бѣлъ шатеръ.
Приходитъ Илья Муромецъ во бѣлъ шатеръ;
Въ томъ бѣло́мъ шатрѣ двѣнадцать-то богатырей,
И бога́тыри все святорусскіе,
Они сѣли хлѣба соли кушати
А й сѣли-то они да пообѣдати.
Говоритъ Илья да таковы слова:
„Хлѣбъ да соль, бога́тыри да святорусскіе!
„А и крестный ты мой батюшка
„А й Самсонъ ты Самойловичъ!“
Говоритъ ему да крестный батюшка:
— А й поди ты, крестничекъ любимыи,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— А садись-ко съ нами пообѣдати. —
И онъ высталъ ли да на рѣзвы́ ноги,
Съ Ильей Муромцемъ да поздоровкались,
Поздоровкались они да цѣловалися,
Посадили да Илью Муромца да за единый столъ
Хлѣба соли да покушати —
Ихъ двѣнадцать-то богатырей,

Илья Муромецъ да онъ тринадцатый.
Они поѣли, попили, пообѣдали,
Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
Они Господу Богу помолилися;
Говоритъ имъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
„Крестный ты мой батюшка Самсонъ Самойловичъ
„И вы русскіе могучіе богатыри!
„Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
„А й садитесь вы да на добрыхъ коней,
„Поѣзжайте-тко да во раздольице чисто́ поле,
„А й подъ тотъ подъ славный стольній Кіевъ градъ.
„Какъ подъ нашимъ-то подъ градомъ подъ Кіевомъ
„А стоитъ собака Калинъ царь,
„А стоитъ со войсками великима,
„Разорить хоти́тъ онъ стольній Кіевъ градъ,
„Чернедь-мужиковъ онъ всѣхъ повырубить,
„Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
„Князю-то Владиміру да со Опраксой королевичной
„Онъ срубить-то хочетъ буйны головы.
„Вы постойте-тко за вѣру за отечество,
„Вы постойте-тко за славный стольній Кіевъ градъ,
„Вы постойте-тко за церквы-ты за Божіи,
„Вы поберегите-тко князя Владиміра
„И со той Опраксой королевичной!“
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій
— Старыя казакъ да Илья Моромецъ!
— А й не будемъ мы коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владиміра

— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есть много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и пóитъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
„Ай же ты мой крестный батюшка,
„А й Самсонъ ты Самойловичъ!
„Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
„Какъ собака Калинъ царь онъ разоритъ да Кіевъ градъ,
„Да онъ чернедь-мужиковъ-то всѣхъ повырубитъ,
„Да онъ Божьи церквы всѣ на дымъ спуститъ,
„Да князю́ Владимиру съ Опраксой королевичной,
„А онъ срубитъ имъ да буйныя головушки.
„Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней,
„Поѣзжайте-тко въ чистó поле подъ Кіевъ градъ
„И постойте вы за вѣру, за отечество,
„И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ.
„И постойте вы за церквы-ты Божіи,
„Вы поберегите-тко князя́ Владимира
„И со той съ Опраксой королевичной".
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
— Ай же ты крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чистó поле,
— Да и не будемъ мы стоять за вѣру, за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи́ церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владимира
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есть много князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и пòитъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—

Говорить-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
„Ай же ты мой крестный батюшка,
„Ай Самсонъ ты Самойловичъ!
„Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
„Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
„И садитесь-тко вы на добры́хъ коней,
„Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
„И постойте вы за вѣру, за отечество,
„И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
„И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
„Вы поберегите-тко князя Владимира
„И со той съ Опраксой королевичной“.
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же ты крестничекъ ты мой любимый,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать.
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя́ Владимира
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есть много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира. —
А й и тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ какъ видитъ, что дѣло́ ему не по́-люби [1],
А й выходитъ-то Илья да со бѣла шатра,
Приходилъ къ добру́ коню да богатырскому,
Бралъ его за поводы шелко́вые,
Отводилъ отъ по́лотна отъ бѣлаго

[1] Не по нраву, не нравится.

А отъ той пшены отъ бѣлояровой;
Да садился Илья на добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по раздольицу чисту́ полю
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскіимъ.
Не ясенъ соколъ да напущаетъ на гусей на лебедей
Да на малыхъ перелетныихъ на сѣрыхъ утушекъ,—
Напущаетъ-то бога́тырь святорусскія
А на тую ли на силу на татарскую.
Онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарскоей,
Сталъ онъ силушку конемъ топтать,
Сталъ конемъ топтать, копьемъ колоть,
Сталъ онъ бить ту силушку великую,
А онъ силу бьетъ, будто́ траву коситъ.
Его добрый конь да богатырскіи
Испровѣщился язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же славныи богатырь святорусскіи!
— Хоть ты наступилъ на силу на великую,
— Не побить тебѣ той силушки великія:
— Нагнано́ у собаки царя Калина,
— Нагнано́ той силы много множество,
— И у не́го есте [1] сильные бога́тыри,
— Поляницы есте да удалыя.
— У него собаки царя Калина
— Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокіе
— Да во славноемъ раздольицѣ чисто́мъ полѣ.
— Когда будешь ѣздить по тому раздольицу чисту́ полю,
— Будешь бить-то силу ту великую,
— Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокіе,
— Такъ изъ первыхъ подкоповъ я повыскочу
— Да тебя оттуль-то я повыздыну;
— Какъ просядемъ мы въ подкопы-ты во другіе,

[1] Есть.

— И оттуль-то я повыскочу
— И тебя оттуль-то я повыздыну;
— Еще въ третьи подкопы во глубокіе,
— А вѣдь тутъ-то я повыскочу,
— Да оттуль тебя-то не повыздыну.
— Ты останешься въ подкопахъ во глубокіихъ.—
А й ще [1] старыя казакъ да Илья Муромецъ,
Ему дѣло то вѣдь не слюбилося,
И беретъ онъ плётку въ бѣлы́ руки
А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говоритъ онъ ко́ню таковы слова:
„Ай же ты собачище измѣнное!
„Я тебя пою, кормлю да и ула́живаю,
„А ты хочешь меня оставить во чисто́мъ поли,
„Да во тыхъ подкопахъ во глубокіихъ!“
И поѣхалъ Илья по раздольицу чисту полю
Во ту́ю во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да копьемъ колоть,
И онъ бьетъ-то силу, какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила не уме́ньшится.
Й онъ просѣлъ въ подкопы во глубокіе.
Его добрый конь оттуль повыскочилъ,
Онъ повыскочилъ, Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому раздольицу чисту́ полю
Во ту́ю силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
И онъ бьетъ-то силу, какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добро́мъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскіимъ,
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во дру́гіе;

[1] Еще.

Его добрый конь оттуль повыскочилъ
Да Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому раздольицу чисту́ полю
Во ту́ю силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Й онъ бьетъ-то силу, какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во третіи,
Онъ просѣлъ съ конемъ въ подкопы-ты глубокіе;
Его добрый конь да богатырскіи
Еще съ третіихъ подкоповъ онъ повыскочилъ,
Да оттуль Ильи онъ не повыздынулъ, —
Сгользанулъ [1] Илья да со добра́ коня
Й оставался онъ въ подкопѣ во глубокоемъ.
Да пришли татара-то поганые
Да хотѣли захватить они добра́ коня;
Его конь-то богатырскіи
Не сдался имъ во бѣлы́ руки,
Убѣжалъ-то добрый конь во чисто́ поле.
Тутъ пришли татара-то поганые
А напа́дали на стараго каза́ка Илью Муромца,
А й сковали ему ножки рѣзвыя,
И связали ему ручки бѣлыя.
Говорили-то татары таковы слова:
„Отрубить ему да буйную головушку!“
Говорятъ ины татара таковы слова:
„А й не надо ру́бить ему буйной го́ловы,
„Мы сведемъ Илью къ собакѣ ца́рю Калину,
„Что онъ хочетъ, то надъ нимъ да сдѣлаетъ“.
Повели Илью да по чисту́ полю

---

[1] Соскользнулъ.

А ко тымъ палаткамъ полотнянымъ,
Приводили ко полаткѣ полотняноей,
Привели его къ собакѣ ца́рю Калину,
Становили супроти́въ собаки ца́ря Калина.
Говорили татара таковы слова:
„Ай же ты собака да нашъ Калинъ царь!
„Захватили мы стараго каза́ка Илью Муромца
„Да во тыхъ-то подкопахъ во глубокіихъ
„И привели къ тебѣ собакѣ ца́рю Калину:
„Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь“.
Тутъ собака Калинъ царь говорилъ Ильѣ да таковы слова:
— Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,
— Тебѣ гдѣ-то одному побить моя сила́ великая!
— Вы раскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыя,
— Развяжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыя.—
И росковали ему ножки рѣзвыя,
Розвязали ему ручки бѣлыя.
Говорилъ собака Ка́линъ царь да таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да садись-ко ты со мной а за единый столъ,
— Ѣшь-ко ѣствушку мою саха́рнюю
— Да и пей-ко мои питьица медвяныя,
— И одежь-тко [1] ты мою одежу драгоцѣнную,
— И держи-тко [2] мо́ю золоту казну,
— Золоту казну держи по надобью:
— Не служи-тко ты князю́ Владимиру,
— Да служи-тко ты собакѣ ца́рю Калину. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
„А й не сяду я съ тобою да за единый столъ,
„Не буду́ ѣсть твоихъ ѣствушекъ саха́рніихъ,

---

[1] Надѣнь-ка.
[2] Издерживай, трать.

„Не буду́ пить твоихъ питьицевъ медвяныихъ,
„Не буду́ носить твоей одежи драгоцѣнныя
„Не буду держать твоей безсчетной золотой казны,
„Не буду служить тебѣ собакѣ ца́рю Калину,
„Еще бу́ду слу́жить я за вѣру, за отечество,
„А й и буду́ стоять за стольній Кіевъ градъ,
„А буду стоять за церквы за Господніи,
„А буду стоять за князя за Владимира
„И со той Опраксой королевичной“.
Тутъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ выходитъ со полатки полотняноей
Да ушелъ въ раздольицо въ чисто́ поле.
Да тѣснить стали его татара-ты поганые,
Хо́тятъ обневолить они стараго каза́ка Илью Муромца.
А у стараго казака Ильи Муромца
При себѣ да не случилось-то доспѣховъ крѣпкіихъ,
Нечѣмъ-то ему съ татарами да попротивиться.
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
Видитъ онъ дѣло́ немалое;
Да схватилъ татарина онъ за ноги,
Такъ сталъ татариномъ помахивать,
Сталъ онъ бить татаръ татариномъ,
Й отъ него татара стали бѣгати,
И прошолъ онъ скрозь всю силушку татарскую,
Вышелъ онъ въ роздольицо чисто́ поле,
Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
То идетъ онъ по роздольицу чисту полю.
При себѣ-то нѣтъ коня да богатырскаго,
При себѣ-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкіихъ.
Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскій,
Услыхалъ его добрый конь да во чисто́мъ полѣ,
Прибѣжалъ онъ къ старому каза́ку Ильѣ Муромцу.
Еще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Какъ садился онъ да на добра́ коня

И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Выскочилъ онъ да на го́ру на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону:
А й подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
А й у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыихъ
Сто́ятъ добры кони богатырскіе.
А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Опустился онъ да со добра коня,
Бралъ свой ту́гой лукъ розрывчатой въ бѣлы́ ручки,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Й онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлъ шатеръ,
Говорилъ Илья да таковы слова:
„А лети-тко, стрѣлочка каленая,
„А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатеръ,
„Да сыми-тко крышу со бѣла шатра,
„Да пади-тко стрѣлка на бѣлы́ груди
„Къ моему ко батюшкѣ ко крестному,
„И проголзни-тко [1] по груди ты по бѣлыя,
„Сдѣлай-ко ты сцапину [2] да маленьку,
„Маленьку сцапинку да невеликую,
„Онъ и стоитъ тамъ, прохлажается,
„А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется“.
Й онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелко́вую
Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую.
Да просвиснула какъ эта стрѣлочка каленая
Да во тотъ во славныи во бѣлъ шатеръ,
Она сняла крышу со бѣла́ шатра,
Пала она стрѣлочка на бѣлы́ груди
Къ тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По бѣло́й груди вѣдь стрѣлочка проголзнула,
Сдѣлала она да сцапинку-то маленьку.

---

[1] Проскользни.
[2] Царапину.

А й тутъ славныя богáтырь святорусскіи,
А й Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,
Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
Пораскинулъ свои очи ясныя;
Да какъ снята крыша со бѣлá шатра
Пролетѣла стрѣлка по бѣлóй груди,
Она сцапиночку сдѣлала да на бѣлóй груди,
Й онъ скорешенько сталъ на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Самсонъ да таковы слова:
— Ай же славные мои богáтыри вы святорусскіе!
— Вы скорешенько сѣдлайте-тко добры́хъ коней,
— Да садитесь-тко вы на добры́хъ коней.
— Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго
— Прилетѣли-то подарочки да не любимыи:
— Долетѣла стрѣлочка каленая
— Черезъ мой-то славный бѣлъ шатеръ
— Она крышу снялá вѣдь да со бѣлá шатра,
— Да проголзнула-то стрѣлка по бѣлóй груди,
— Она сцапинку-то дала по бѣлóй груди,
— Только малу сцапинку-то дала не великую:
— Погодился мнѣ Самсону крестъ на воротѣ,
— Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
— Есть бы не былъ крестъ да на моёй груди,
— Оторвала бы мнѣ буйну голову.—
Тутъ богатыри всѣ святорусскіе
Скоро вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней,
И садились мóлодцы да на добры́хъ коней,
И поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Кó тымъ они силамъ ко татарскіимъ.
А со той горы да со высокія
Усмотрѣлъ ли старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А то ѣдутъ вѣдь богатыри чисты́мъ полемъ
А то ѣдутъ вѣдь да на добры́хъ коняхъ.

И спустился онъ съ горы высокіи
И подъѣхалъ онъ къ богáтырямъ ко святорусскіимъ, —
Ихъ двѣнадцать-то богáтырей, Илья тринадцатый.
И пріѣхали они ко силушкѣ татарскоей,
Припустили коней богатырскіихъ,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тутъ всю силушку великую,
И пріѣхали къ палаткѣ полотняноей;
А сидитъ собака Калинъ царь въ полаткѣ полотняноей.
Говорятъ-то какъ богáтыри да святорусскіи:
— А срубить-то буйную головушку
— А тому собакѣ цáрю Калину.—
Говорилъ старóй казакъ да Илья Муромецъ:
„А почто рубить ему да буйная головушка?
„Мы свеземте-тко его во стольній Кіевъ градъ
„Да й ко славному ко князю ко Владиміру.“
Привезли его собаку цáря Калина
А во тотъ во славный Кіевъ градъ
Да ко славному ко князю ко Владиміру.
Привели его въ полату бѣлокаменну
Да ко славному ко князю ко Владиміру.
То Владиміръ князь да стольне-кіевской
Онъ беретъ собаку за бѣлы́ руки
И садилъ его за столики дубовыи,
Кóрмилъ его ѣствушкой сахáрнею
Да поилъ-то питьицемъ медвяныимъ.
Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же ты Владиміръ князь да стольне-кіевской!
— Не сруби-тко мнѣ да буйной гóловы.
— Мы напишемъ прóмежъ собой записи великія:
— Буду тéбѣ плáтить дани вѣкъ и пó вѣку
— А тебѣ-то князю я Владиміру! —
А тутъ той старинкѣ и славý поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старина и покончилась.

5. ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ.

Какъ сильное могуче-то Иванище,
Какъ онъ Иванище справляется,
Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается
Итти къ городу еще Еросо́лиму,
Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
Во Ердань тамъ рѣченкѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Госпо́днему да гробу приложитися.
А сильное-то могуче Иванище,
У него ла́потки на ножкахъ семи шелковъ,
Клюша́-то [1] у его вѣдь сорокъ пудъ;
Какъ ино тутъ промежъ-то лапотки поплетены
Каменья-то были самоцвѣтные:
Какъ меже́нный [2] день да шолъ онъ по красному солнышку,
Въ осенню ночь онъ шолъ по доро́гому каменю самоцвѣтному.
Ино тутъ это сильное могучее Иванище
Сходилъ къ городу еще Еросо́лиму,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ердань-то рѣченкѣ купался онъ,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушился бы,

---

[1] Клюка, посохъ подорожный.
[2] Лѣтній.

11.

12.

Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шолъ мимо Ца́рь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Царе́-градѣ
Наѣхало погано тутъ Идо́лище,
Одолѣли какъ поганы всѣ татарева:
Какъ скоро тутъ святые образа были поко́лоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней кормить.
Какъ это сильно могуче тутъ Иванище
Хватилъ-то онъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ погана на чисто́ поле
А началъ у поганаго доспрашивать:
„Ай же ты татаринъ да невѣрный былъ!
„А ты скажи, татаринъ, не утай себя:
„Какой у васъ погано есть Идолище,
„Великъ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?“
Говоритъ татаринъ таково слово:
— Какъ есть у насъ погано есть Идолище
— Въ долину двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину сажень была печатная,
— А голови́ще, что вѣдь люто лоха́лище [1],
— А глази́ща, что пивныя ча́шища,
— А носъ-отъ на рожѣ онъ съ локоть былъ.—
Какъ хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
Бросилъ онъ его въ чисто́ поле,
А розлетѣлись у татарина тутъ косточки.
Пошелъ-то тутъ Иванище впередъ опять,
Идетъ онъ путемъ да дорожкою,
На стрѣчу тутъ ему да стрѣчается
Старый казакъ Илья Муромецъ:
„Здравствуй-ко ты, старый казакъ Илья Муромецъ!“

[1] Лохань.

Какъ онъ его вѣдь тутъ еще здравствуетъ:
— Здравствуй, сильное могуче ты Иванище!
— Ты откуль идешь, откуль бредешь,
— А ты откуль еще свой да пу́ть держишь?—
„А я бреду, Илья еще Муромецъ,
„Отъ того я города Еросо́лима.
„Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
„Во Ердань-то рѣченкѣ купался тамъ,
„А въ кипарисномъ деревцѣ сушился тамъ,
„Ко Господнему гробу приложился былъ.
„Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,
„Шолъ-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ“.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Царѣ-градѣ по-старому,
— Какъ все ли-то въ Царѣ-градѣ по-прежнему?—
А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:
„Какъ въ Царѣ-градѣ-то нуньчу не по-старому,
„Въ Царѣ-градѣ-то нуньчу не по-прежнему.
„Одолѣли есть поганые татарева,
„Наѣхалъ есть поганое Идолище,
„Святые образа были́ поко́лоты,
„Въ черныя грязи были́ потоптаны,
„Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ“.
— Дуракъ ты, сильное могуче есть Иванище!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Смѣлости, ухватки половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эти бы тебя й на́казалъ
— По тому-то тѣлу по на́гому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костянтина Боголюбова?
— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотки розувай семи шелковъ,

— А обувай мои башмачики сафьяные.
— Сокручуся я каликой перехожею.—
Сокрутился е каликой перехожею,
Даватъ-то ему тутъ своего добра́ коня:
— На-ко сильное могуче ты Иванище,
— А на-ко вѣдь моего ты да добра́ коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хоть водко́мъ води,
— А столько еще, сильное могуче ты Иванище,
— Живи-то ты на уло́вномъ [1] этомъ мѣстечкѣ,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды клюшу́-то мнѣ-ка сорокъ пудъ.—
Не до́йдетъ [2] тутъ Ивану розговаривать:
Скоро подаватъ ему клюшу свою сорокъ пудъ,
Взиматъ-то онъ отъ него тутъ добра́ коня.
Пошелъ тутъ Ильюшенка скоры́мъ скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чисто́ поле,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
— Какой у васъ невѣжа есть поганый былъ,
— Поганый былъ поганое Идолище?—
Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
„Есть у насъ поганое Идолище
„А росту двѣ саже́ни печатныихъ,
„Въ ширину саже́нь была печатная,
„А голови́ще, что вѣдь лютое лохалище,
„Глазища, что вѣдь пивныя ча́шища,
„А носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ“.

---

[1] Гдѣ легко уловить, найти кого-либо.
[2] Пришлось.

Хватилъ-то онъ татарина за руку,
Бросилъ онъ его во чисто́ поле,
Розлетѣлись у него тутъ косточки.
Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Закричалъ Илья тутъ во всю голову:
— Ахъ ты царь да Костянтинъ Боголюбовичъ!
— А дай-ка мнѣ каликѣ перехожіи
— Злато мнѣ, мило́стину спасе́ную.—
Какъ ино царь-онъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадова́ется.
Какъ тутъ въ Цари-гради отъ крику еще каличьяго
Теремы-то вѣдь тутъ пошаталися,
Хрустальнія оконнички [1] посыпались,
Какъ у поганаго сердечко тутъ ужа́хнулось.
Какъ говоритъ поганой таково слово:
„А царь ты Костянтинъ Боголюбовъ былъ!
„Какой это калика перехожая?“
Говоритъ тутъ царь Костянтинъ таково слово:
— Это есте русская калика здѣ.—
„Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
„Корми-ко ты каликушку да пой его,
„Надай-ко ему ты злата се́ребра,
„Надай-ко ему злата ты до́-люби [2]“.
Взималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
Въ особой-то покой да въ потайныи,
Кормилъ, поилъ калику, зрадова́ется,
И самъ-то онъ ему воспрого́воритъ:
„Да не красное ль то солнышко поро́спекло,
„Не младъ ли здѣ свѣтелъ мѣсяцъ поро́зсвѣтилъ?
„Какъ нунечку топеречку здѣ еще

[1] Рама со стеклами.
[2] Сколько угодно, вдоволь.

„Какъ намъ еще сюда показался бы
„Какъ старый казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
„Какъ нунь-то есть было топеречку
„Отъ тыи бѣды онъ насъ повыручитъ,
„Отъ тыи отъ смерти безнапрасныя!“
Какъ тутъ это поганое Идолище
Взимаетъ онъ калику на допросъ къ себѣ:
— Да ай же ты калика было русская!
— Ты скажи, скажи, калика, не утай себя:
— Какой-то на Руси у васъ богáтырь есть,
— А старый казакъ есть Илья Муромецъ?
— Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣстъ,
— По многу ль еще пьетъ зеленá вина? —
Какъ тутъ эта калика было русская
Началъ онъ калика тутъ высказывать:
„Да ай же ты поганое Идолище!
„У насъ-то есть во Кіевѣ
„Илья-то вѣдь да Муромецъ
„А вóлосомъ да возрастомъ ровнымъ съ меня,
„А мы съ нимъ были братьица крестовые;
„А хлѣба ѣстъ какъ по три-то калачика крупитчатыхъ,
„А пьетъ-то зелена вина на три пятачика на мѣдныихъ“.
— Да чортъ-то вѣдь во Кіевѣ-то есть, не богáтырь былъ!
— А былъ бы-то вѣдь здѣ да богáтырь тотъ,
— Какъ я бы тутъ его на долонь-ту [1] клалъ,
— Другой рукой опять бы сверхý прижалъ,
— А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
— Дунулъ бы его во чистó поле!
— Какъ я-то еще вѣдь Идолище
— А росту двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
— Головище у меня да что люто лохалище,

[1] Ладонь.

— Глазища у меня да что пивныи ча́шища,
— Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
— Какъ я-то вѣдь да къ выти [1] хлѣба ѣмъ
— А вѣдь по три-то печи печеныихъ,
— Пью-то я еще зелена вина
— А по три-то ведра я вѣдь мѣрныихъ,
— Какъ штей-то я хлебаю, по яловицы есте [2] русскіи. —
Говоритъ Илья тутъ таково слово:
„У насъ какъ у попа было ростовскаго
„Какъ была что корова обжориста,
„А много она ѣла, пи́ла, тутъ и треснула:
„Тебѣ-то бы поганому да также быть“.
Какъ этыя тутъ рѣчи не слюбилися,
Поганому ему не къ лицу пришли,
Хватилъ какъ онъ ножи́ще тутъ кинжа́лище
Съ того стола со дубова,
Какъ бросилъ онъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику перехожую.
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойде́тъ сидѣть,
Какъ скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.
Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
Ударилъ онъ во дверь во дубовую,
Какъ выскочила дверь тутъ съ ободвериной [3],
Улетѣла тая дверь да во сѣни-ты,
Двѣнадцать тамъ своихъ да татаровей
На мертво́ убило, дру́го ранило.
Какъ остальни́ татара проклинаютъ тутъ:
— Буди трою [4] проклятъ, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ опять Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,

[1] Обѣдъ, ужинъ, вообще всакая закуска.
[2] Т.-е. въ этихъ щахъ цѣлая телка.
[3] Притолока.
[4] Трижды.

Скоро онъ къ поганому подскакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой его въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ[1] есть.
Хватилъ затѣмъ поганаго онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать;
Помахиватъ Ильюша, выговариватъ:
„Вотъ мнѣ-ка, братцы, нуньчу оружье по плечу пришло".
А бье́тъ-то самъ Илюша выговариватъ:
„Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
„А тянется поганый, самъ не́ рвется".
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
Какъ этымъ поганыимъ Идолищемъ.
Прибилъ-то онъ поганыхъ всѣхъ въ три́ часа
А не оставилъ тутъ поганаго на сѣмена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Илью Муромца:
— Благодаримъ тебя, ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Нонь ты насъ еще да повыручилъ,
— А нонь ты насъ еще да повыключилъ
— Отъ тыя отъ смерти безнапрасныя.
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Живи-тко ты здѣсь у насъ на жительствѣ,
— Пожалую тебя я воеводою. —
Какъ говоритъ Илья ёму Муромецъ:
„Спасибо, царь ты Костянтинъ Боголюбовичъ!
„А послужилъ у тя столько[2] я три́ часа,
„А выслужилъ у тя хлѣбъ-соль мягкую,
„Да я у тя еще слово гладкое,
„Да еще увѣтливо да привѣтливо.
„Служилъ-то я у князя Володимира,
„Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
„Не выслужилъ-то я хлѣба-соли тамъ мягкія,

[1] Хамкать—зѣвать.
[2] Только.

„А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
„Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.
„Да ахъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
„Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
„Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
„Оставленъ есть оставешъ[1] на дороженкѣ“.
Какъ царь тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчугу,
Третьюю еще чиста се́ребра.
Какъ принималъ Ильюшенька, взималъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ карманъ злато се́ребро,
Тотъ ли-то этотъ скатный жемчужекъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Боголюбова:
„Это вѣдь мое-то зарабочее“.
Какъ тутъ-то съ ца́ремъ Костянтиномъ распростилися,
Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на уловно это мѣ́стечко,
Ажно тутъ Иванище притаскано,
Да ажно тутъ Иванище придерзано[2].
Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ себя платья-ты каличьіи,
Розувалъ лапо́тки семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянные,
Надѣвалъ на ся платьица цвѣтныя,
Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра́ коня,
Садился тутъ Илья на добра́ коня,
Тутъ-то онъ съ Иванищемъ еще распрощается:
„Прощай-ко нунь ты, сильное могуче Иванище!
„Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
„А выручай-ко ты Русію отъ поганыхъ“.
Да поѣхалъ тутъ Ильюшенька во Кіевъ градъ.

---

[1] Вѣроятно, оставшійся товарищъ.
[2] Т.-е. у него платье истаскано и порвано.

6. ССОРА ИЛЬИ СО ВЛАДИМИРОМЪ.

Сдѣлалъ князь Владимиръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскіихъ богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко [1]:
Скоро онъ натянулъ ту́гій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьи́мъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
По тыимъ маковкамъ золоченыимъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
„Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
„Ступайте пить со мной заодно зелена вина,
„Обирать-то маковки золоченыя!“
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
— Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка! —
Пошли обирать о [2] царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную,

---

[1] Зазорно, обидно.
[2] На.

И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владимиръ стольне-кіевской,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать
Стараго казака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестами побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны:
Слухать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.
Приходитъ Добрыня Никитиничъ:
— Ай же, братецъ крестовый названый,
— Старый казакъ Илья Муромецъ!
— У насъ кладена заповѣдь великая,
— У насъ подписи были подписаны:
— Слухать большему брату меньшаго,
— А меньшему брату большаго,
— А дружка за дружку обѣимъ стоять. —
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
„Ай же, братецъ крестовый названый,
„Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
„Кабы не ты, никого бы не послухалъ,
„Не пошелъ бы на почестенъ пиръ,
„А нельзя законъ переступить“.
Тутъ они сокрутилися [1];
Тутъ они снаряжалися,

---

[1] Одѣлись.

Пришли тутъ ко князю ко Владиміру
Во тую во гридню во столовую.
Тутъ даваютъ Ильѣ мѣсто не меньшое,
Даваютъ Ильѣ мѣсто большое,
Сажаютъ молодца въ большой уголъ,
Да несли они чару зелена вина,
Другую рядили къ ему меду пьянаго.
Говоритъ Илья таково слово:
„Ай же ты, Владиміръ стольне-кіевской!
„Зналъ кого послать меня позвать!
„Кабы не братецъ крестовый названый,
„Никого я не послухалъ бы.
„А было намѣреніе наряжено:
„Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
„А класть стрѣлочка каленая,
„Стрѣлять во гридню во столовую,
„Убить тебя князя Владиміра
„Со стольнею княгиней съ Опраксіей.
„А нонѣ тебя Богъ проститъ
„За этую за вину за великую!“

7. ИЛЬЯ И РАЗБОЙНИКИ.

Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Хорошъ былъ у стараго-ли добрый конь:
За рѣку перевозу онъ не прашивалъ,
Конь рѣки, озера перескакивалъ,
Широкіе мхи кругомъ обскакивалъ.
Наѣхалъ ли старый въ чистóмъ полѣ
Три пути-дороги, три широкіе.
На разстаняхъ лежитъ сѣрый камешекъ,
На камени надпись подписана:
„Въ дорогу ту ѣхать убиту быть,
„Въ другую ту ѣхать женату быть,
„Въ третью ту ѣхать богату быть.“
Стоитъ тутъ старикъ да пораздумался,
Сѣдой головой своей пошатываетъ:
„На что мнѣ-ка старому богачество?
„У м‘ня есть-то своей золотой казны,
„Своей золотой казны смѣты нѣтъ.
„На что мнѣ-ка старому женитися?
„Женитися мнѣ, да не нажитися:
„Худая та взять, такъ замѣны нѣтъ,
„Хорошая взять, такъ чужа корысть.
„Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ убиту быть,
„А убитому быть, такъ не вѣку и жаль:

„При смерти головушка шатается“.
Ѣде старикъ да по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса;
Стоитъ тутъ станица станичниковъ,
По-русски назвать—такъ разбойниковъ,
Не много не мало сорокъ тысячей.
И хочутъ-то стараго пограбити,
И хочутъ у стараго коня отнять.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
„Вы ой же станичники разбойники!
„И бить меня стараго некого,
„Пограбить у стараго нечего:
„Съ собой-то казны да не случилося
„Съ собой-то казна одна пятьсотъ рублей,
„Шуба на себѣ да соболиная,
„Шуба та сто́итъ три тысящи,
„Сѣделко черкальское въ двѣ тысящи,
„Узда та тесмянная въ пятьсотъ рублей.
„Межъ ушами каме́нье драгоцѣнное
„Не ради красы-басы [1] великія,
„Ради темныя ночи осеннія:
„Гдѣ ходитъ гуляе мой доброй конь,
„Видно за три-то версты какъ мѣрные,
„Мѣрные версты семисотные.“
Говорятъ-то станичники разбойники:
— Ты много, старикъ, да разговариваешь.—
И хочутъ-то стараго съ коня стащить.
Какъ снимае старикъ шело́мъ да съ буйной главы,
Вѣсомъ-то шело́мъ двѣнадцать пудъ,
И сталъ шеломо́мъ онъ помахивать.
Куда онъ махнетъ,—дакъ [2] туды улицы,

[1] Баса—то-же, что краса, (тавтологія).
[2] Такъ.

Куды отмахнетъ,—дакъ переулочки.
Прибилъ сорокъ тысячъ станичниковъ,
По-русски назвать—такъ разбойниковъ.
Назадъ-то старикъ ворочается
Къ сѣрому каменю латырю [1];
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
„— Ложно была подпись подписана:
„ — Я съѣздилъ въ дорожку, убитъ не бывáлъ.—
„Поѣду въ ту дорогу, гдѣ женату быть“.
Ѣдетъ-ли старой по чисту полю,
Стоятъ тутъ палаты бѣлокаменны.
Изъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
Идетъ изъ палатъ сорокъ дѣвицей,
Прекрасна идетъ королевична,
Беретъ старика да за бѣлы руки,
Цѣлуе во уста да во сахарнія,
Зоветъ во палаты бѣлокаменныя
Къ себѣ хлѣба-соли она кушати.
Идетъ-то старикъ да усмѣхается:
„Сколько во святой Руси не бывано,
„Экого-ли чуда вѣкъ не видано:
„Ведетъ-то прекрасна королевична,
„Ведетъ старика да за бѣлы руки,
„Цѣлуе во уста да во сахарнія,
„Зоветъ въ палаты бѣлокаменныя
„Къ себѣ хлѣба-соли она кушати“.
Привела она въ палаты бѣлокаменныя,
Садила за столы за дубовые,
Пили ѣли, прохлаждалися.

---

[1] Иначе: алатырь. Эпитетъ сопоставляютъ то съ „алтаремъ“, т.-е. алтарный камень (Веселовскій), то съ германскимъ (англійскимъ)—loadstone, т. е. лотъ-камень (морской терминъ), то съ гор. Алатыремъ. Значеніе въ общемъ не ясно.

Говоритъ-то ли прекрасна королевична:
— Вотъ тебѣ мѣсто старому туто спать,
— Ложись-ко ко стѣнкѣ кирпичныя. —
Говоритъ-то старой таково слово:
„Ты ой же прекрасна королевична!
„Мы старики да по краямъ вѣкъ спимъ;
„Наше-то дѣло вѣдь старое,
„Охвочи мы ночiю на дворъ ходить.
„Ложись-ко сама ко стѣнкѣ ко кирпичныя“.
Взялъ онъ прекрасну королевичну,
Взялъ то ее за бѣлы́ груди,
Кинулъ на кровать тисовую.
Тисо́вая кровать была подложная,
Тисовая кровать да обернулася,
Упала прекрасна королевична,
Упала во погребы глубокiе,
Во глубокiе погребы сорока́ саженъ.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
„Вы слуги лакеи безыменные,
„Покажите вы ходы мнѣ во глубокъ погребъ“.
Показали ему ходъ да во глубокъ погребъ;
Ключи старику были не надобны:
Замки-ты руками раздергивалъ,
Онъ двери-то ногами вонъ выпихивалъ.
Идетъ тутъ изъ погреба соро́къ царей,
Сорокъ-то идетъ царей, идетъ царевичей,
Сорокъ королей да королевичей,
Идетъ тутъ прекрасна королевична.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
„Подьте, цари, вы по своимъ царствамъ,
„А вы, ко́роли, да по своимъ ордамъ.
„Молите вы Бога за стараго,
„За стараго Илью вы за Муромца“.
И взялъ онъ прекрасну королевичну,

Посадилъ на ворота на широкія,
Онъ всю разстрѣлялъ да изъ туга́ лука,
Разсѣкъ распласталъ да тѣло бѣлое,
И все разметалъ онъ по чисту́ полю.
Назадъ-то старикъ да ворочается
Ко сѣрому каменю латырю,
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
— „Та ложно была подпись подписана:
— „Я съѣздилъ въ дорожку, и жена́тъ не бывалъ“.—
„Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ богату быть.“
Ѣдетъ старикъ по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса.
Стоитъ туто погребъ золотой казны,
На погребѣ подпись подписана:
„Выкатить казна да Ильѣ Муромцу,
„Нанять хитро-мудрыихъ плотниковъ,
„Построить-то церкву соборную
„Святителю Николѣ Можайскому,
„Во славномъ во городѣ въ Кіевѣ,
„И тутъ-то Ильѣ будетъ преставиться“.
Какъ выкатилъ казну да Илья Муромецъ,
Нанялъ хитро-мудрыхъ плотниковъ,
Построилъ онъ церкву соборную
Святителю Николѣ Можайскому,
Во славномъ въ городѣ во Кіевѣ.
Самъ заѣхалъ во пещеры во глубокія,
Тутъ-то Илья уже преставился.
Понынѣ теперь мощи нетлѣнныя.

СУХМАНЪ

Рѣдко встрѣчающаяся (5—6 пересказовъ) былина о Сухманѣ Домантьевичѣ (иначе, съ искаженіемъ — Одихматьевичѣ) представляетъ въ настоящемъ своемъ видѣ обработку какого-то, ближе намъ неизвѣстнаго, древняго сюжета о борьбѣ съ татарами, притомъ обработку, прошедшую черезъ рядъ вліяній различнаго времени: на первоначальной основѣ пѣсни отлагались, повидимому, послѣдовательно и псковскія мѣстныя преданія о князѣ Домантѣ (Довмонтѣ), которому приходилось съ ничтожными силами отражать полчища „поганой латыни“ (ливонцевъ) въ XIII в. (отсюда и отчество Сухмана—Домантьевичъ), и сказанія о битвѣ съ Мамаемъ на Куликовѣ полѣ, на рѣкѣ Непрядвѣ (XIV в.): въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины во главѣ татаръ и стоитъ Мамай; на то же стороннее вліяніе указываетъ, можетъ быть, и имя олицетвореннаго Днѣпра въ былинѣ: Нѣпра рѣка (если это названіе не попало изъ былины о Донѣ и Нѣпрѣ, варіанта къ пѣснѣ о Дунаѣ и Настасьѣ; см. выше, стр. 7 и 31); наконецъ, на былинѣ отразилась и обстановка московской Руси XVI в.: ее легко узнать въ измѣнившемся сравнительно со старымъ типѣ князя Владимира. Въ иныхъ пересказахъ можно также замѣтить, правда, позднее очень заимствованіе изъ былины объ Ильѣ и Идолищѣ: Илья замѣняетъ болѣе ранняго Добрыню, поѣхавшаго провѣрять Сухмана, ведетъ разговоръ съ татарами. По своему общему типу сюжетъ конца былины обработанъ по образцу поэтическихъ сказаній о происхожденіи названія рѣкъ, не разъ встрѣчающихся и въ былинахъ, напр., въ пѣсняхъ о Дунаѣ (и Настасьѣ-рѣкѣ), Донѣ и Нѣпрѣ, Волховѣ.

СУХМАНЪ.

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскiихъ могучiихъ богатырей
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Безумный хвастаетъ золотой казной,
А умный хвастаетъ старой матерью,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тымъ за столомъ за дубовымъ
Сидитъ богатырь Сухмантiй Одихмантьевичъ:
Ничѣмъ-то онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Солнышко Владимиръ стольно-кiевской
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыма кудерьками потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантiй Одихмантьевичъ!
„Что же ты ничѣмъ не хвастаешь,
„Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,

„Бѣлыя лебеди не рушаешь?
„Али чара ти шла не рядобная [1],
„Или мѣсто было не по отчинѣ,
„Али пьяница надсмѣялся ти?“
Воспроговоритъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
— Солнышко Владимиръ стольно-кіевской!
— Чара-то мнѣ-ка-шла рядобная,
— А и мѣсто было по отчинѣ,
— Да и пьяница не надсмѣялся мнѣ.
— Похвастать—не похвастать добру молодцу:
— Привезу тебѣ лебедь бѣлую,
— Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
— Не ранену лебедку, не кровавлену.—
Тогда Сухмантій Одихмантьевичъ
Скоро вставаетъ на рѣзвы ноги,
Приходитъ изъ гридни изъ столовыя
Въ тую конюшенку стоялую,
Сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
Взимаетъ палицу воинскую,
Взимаетъ для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантій на добра коня,
Уѣзжалъ Сухмантій ко синю морю,
Ко тоя ко тихія ко заводи.
Какъ пріѣхалъ ко первыя тихія заводи,—
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Ѣхалъ ко другія ко тихія ко заводи,—
У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Ѣхалъ ко третія ко тихія ко заводи,—

---

[1] Не по ряду.

У тоя у тихія у заводи
Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.
Тутъ-то Сухмантій пораздумался:
— Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
— Ко ласкову ко князю ко Владимиру?
— Поѣхать мнѣ,—живу не бывать;
— А поѣду я ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ!—
Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ:
Матушка Нѣпра рѣка текетъ не по-старому,
Не по старому текетъ, не по-прежнему,
А вода съ пескомъ помутилася.
Сталъ Сухмантьюшка выспрашивати:
— Что же ты, матушка Нѣпра рѣка,
— Что же ты текешь не по-старому,
— Не по старому текешь, не по-прежнему,
— А вода съ пескомъ помутилася?—
Испроговоритъ матушка Нѣпра рѣка:
„Какъ же мнѣ течи было по-старому,
„По старому течи, по-прежнему?
„Какъ за мной за матушкой Нѣпрой рѣкой
„Стоитъ сила татарская невѣрная,
„Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ.
„Мостятъ они мосты калиновы;
„Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:
„Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась“.
Раздумался Сухмантій Одихмантьевичъ:
— Не честь-хвала мнѣ молодецкая
— Не отвѣдать силы татарскія,
— Татарскія силы, невѣрныя.—
Направилъ своего добра коня
Черезъ тую матушку Нѣпру рѣку:
Его добрый конь перескочилъ.
Пріѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,

Ко сыру дубу крякновисту[1],
Выдергивалъ дубъ со кореньями,
За вершинку бралъ, а съ комля[2] сокъ бѣжалъ,
И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой.
Напустилъ онъ своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И началъ онъ дубиночкой помахивати,
Началъ татаръ поколачивати;
Махнетъ Сухмантьюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ.
И впередъ просунетъ—переулочекъ:
Убилъ онъ всѣхъ татаръ поганыихъ.
Бѣжало три татарина поганыихъ,
Бѣжали ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,
Садились подъ кусточки подъ ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.
Пріѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Ко той ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,
Пустили три татарина поганыихъ
Тыи стрѣлочки каленыя
Во его въ бока во бѣлые:
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Стрѣлочки каленыя выдергивалъ,
Совалъ въ раны кровавыя листочики маковы,
А трехъ татаровей поганыихъ
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.
Садился Сухмантій на добра коня,
Припустилъ ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому двору княженецкому.
Привязалъ коня ко столбу ко точеному

---

[1] Коренастый.
[2] Толстый (въ корнѣ) конецъ ствола, бревно.

Ко тому кольцу ко золоченому,
Самъ бѣжалъ во гридню во столовую.
Князь Владимиръ стольно-кіевской
По гриднѣ столовыя похаживаетъ,
Желтыма кудерьками потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Привезъ ли ты мнѣ лебедь бѣлую,
„Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
„Не ранену лебедку, не кровавлену?“
Говоритъ Сухмантій Одихмантьевичъ:
— Солнышко, князь стольно-кіевской!
— Мнѣ, молъ, было не до лебедушки:
— А за той за матушкой Нѣпрой рѣкой
— Стояла сила татарская невѣрная,
— Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ;
— Шла же эта сила во Кіевъ градъ,
— Мостила мосточки калиновы:
— Они днемъ мосты мостятъ,
— А матушка Нѣпра рѣка ночью повыроетъ.
— Напустилъ я своего добра коня
— На тую на силу на татарскую,
— Побилъ всѣхъ татаръ поганыихъ. —
Солнышко Владимиръ стольно-кіевской
Приказалъ своимъ слугамъ вѣрныимъ
Взять Сухмантья за бѣлы руки,
Посадить молодца въ глубокъ погребъ,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Нѣпру рѣку
Провѣдать заработки Сухмантьевы.
Сѣдлалъ Добрыня добра коня
И поѣхалъ молодецъ въ чисто поле.
Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ
И видитъ Добрынюшка Никитинецъ:

Побита сила татарская;
И видитъ дубиночку-вязиночку,
У тоя рѣки разбитую на лозиночки [1].
Привозитъ дубиночку въ Кіевъ градъ
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Самъ говоритъ таково слово:
— Правдой хвасталъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
— За той за матушкой Нѣпрой рѣкой
— Есть сила татарская побитая,
— Сорокъ тысячей татаровей поганыихъ;
— И привезъ я дубиночку Сухмантьеву
— На лозиночки дубиночка облочкана [2].—
Потянула дубина девяносто пудъ.
Говорилъ Владимиръ стольно-кіевской:
„Ай же слуги мои вѣрные!
„Скоро идите въ глубокъ погребъ,
„Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
„Приводите ко мнѣ на ясны очи:
„Буду его молодца жаловать-миловать
„За его услугу за великую
„Городами его съ пригородками,
„Али селами со приселками,
„Аль безсчетной золотой казной дó-люби“.
Приходятъ его слуги вѣрные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорятъ таковы слова:
„Ай же ты Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Выходи со погреба глубокаго:
„Хочетъ тебя Солнышко жаловать,
„Хочетъ тебя Солнышко миловать
„За твою услугу великую“.

---

[1] Какъ на прутья расщеплена.
[2] Расщеплена, оббита.

Выходилъ Сухмантій съ погреба глубокаго,
Выходилъ на далече-далече чисто поле,
И говорилъ молодецъ таковы слова:
„Не умѣлъ меня, Солнышко, миловать,
„Не умѣлъ меня, Солнышко, жаловать:
„А теперь не видать меня въ ясны очи!“
Выдергивалъ листочки маковые
Со тыихъ съ ранъ со кровавыихъ,
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
„Потеки, Сухманъ-рѣка,
„Отъ моя отъ крови отъ горючія,
„Отъ горючія крови, отъ напрасныя!“

САУРЪ ЛЕВАНИДОВИЧЪ. МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧЪ

Обѣ былины, построенныя по сходному плану, находятся между собою и въ родствѣ, при чемъ пѣсня о Саурѣ должна быть признана болѣе ранней и оказавшей вліяніе на былину о Михаилѣ (иначе Иванѣ) Даниловичѣ: она была прототипомъ этой послѣдней.

Былину о Саурѣ Леванидовичѣ (иначе: Саулѣ, Саулѣ Ванидовичѣ) изслѣдователи полагаютъ заимствованной по сюжету то изъ Византіи (сближая ее съ греч. народной былиной объ Армури), то изъ восточныхъ сказаній. Послѣднее предположеніе (считающееся болѣе вѣроятнымъ) опирается на такого рода наблюденія надъ текстами былины: 1) она (какъ и родственная ей отрывочная былина о Суровцѣ) въ именахъ сохранила еще связь съ востокомъ: Сауръ, Сурога (откуда и—Суровецъ)—царь какого-либо Алыберскаго (имя искажено изъ какого-то тюркскаго) царства (по осмысленію, Астраханскаго), носитъ онъ титулъ бѣлаго царя (тюрк.—ак-ханъ); 2) былина не вошла въ такъ называемый Кіевскій циклъ; 3) всѣ до сихъ поръ извѣстныя записи ея сдѣланы либо въ Поволжьѣ, гдѣ русское населеніе долго жило въ общеніи съ тюрко-татарскими народностями, либо въ Сибири (куда она занесена изъ Европейской Россіи, какова запись Кирши); 4) самое имя Сауръ до сихъ поръ въ ходу у татаръ (значитъ: быкъ, затѣмъ: герой).

Эта чужая былина, нѣсколько уже обрусѣвшая,—при чемъ она восприняла отзвуки русской дѣйствительности,—довольно рано, быть можетъ, переработалась уже въ былину вполнѣ русскую: такъ, вмѣсто неизвѣстнаго теперь восточнаго имени сына Саура въ ней появилось имя Константина, въ которомъ видятъ воспоминаніе о тысяцкомъ рязанскомъ Константинѣ, въ 1148 г. также избившемъ половцевъ (въ былинѣ кое-гдѣ они замѣнены татарами; но старшимъ, болѣе исконнымъ, именемъ слѣдуетъ считать половцевъ). Такая былина послужила отправнымъ пунктомъ для былины объ

Иванѣ (Михаилѣ) Даниловичѣ, также богатырѣ-малолѣткѣ, сынѣ стараго богатыря Данилы Игнатьевича; при перенесеніи дѣйствія въ Кіевъ (т.-е. при прикрѣпленіи былины къ Кіевскому циклу) должны были, естественно, измѣниться подробности ситуаціи; поэтому старый богатырь Данило живетъ здѣсь на покоѣ, снаряжаетъ сына въ походъ и т. д. Иванъ Даниловичъ—лицо, извѣстное и лѣтописи (Никоновскому своду), занесшей подъ 1136 годомъ извѣстіе о битвѣ съ половцами на рѣкѣ Супоѣ, при чемъ „Ивана Данилова, богатыря славнаго, убиша": очевидно, что Иванъ Даниловичъ (служившій въ дружинѣ князя Ярополка Володимировича) пользовался въ свое время извѣстностью, и имя его могло упоминаться въ какой-либо дружинной пѣснѣ (напр., о той же битвѣ на р. Супоѣ); былинная замѣна половцевъ татарами здѣсь, разумѣется, сближенію помѣшать не можетъ по былинной же поэтикѣ. Его-то имя, повидимому, и внесено было уже въ подновленную, пріуроченную теперь къ Кіеву былину о Саурѣ, вытѣснило имя Саура. Но въ былинѣ Иванъ Даниловичъ получилъ также имя Михаила; источникъ и этой перемѣны можно предположительно указать: имя это могло итти изъ мѣстнаго кіевскаго преданія о богатырѣ (также позднѣе—малолѣткѣ) Михайликѣ (унесшемъ, когда его изгоняли кіевляне, Золотыя ворота изъ Кіева въ Царьградъ); имя же Михайлика, въ свою очередь, получаетъ объясненіе изъ сопоставленія легенды о немъ съ преданіемъ о Михаилѣ Юрьевичѣ, князѣ владимирскомъ, храбромъ и любимомъ народомъ: подъ угрозой ростовцевъ, осадившихъ Владимиръ, онъ къ горести народной долженъ былъ (1175 г.) покинуть городъ; память о немъ сохранилась въ отдѣльной повѣсти, вошедшей въ лѣтопись; возможно весьма, что были о немъ и пѣсни, повліявшія на старинную пѣсню объ Иванѣ Даниловичѣ.

Такимъ образомъ, вторая былина и могла появиться, какъ результатъ переработки первой путемъ включенія ея въ Кіевскій циклъ и обработки при помощи историческихъ преданій о событіяхъ XII вѣка.

1. САУРЪ ЛЕВАНИДОВИЧЪ.

Царь Саулъ Леванидовичъ
Поѣхалъ за море синее,
Въ дальну орду, въ Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица его проводила
Отъ перваго стану до второго,
Отъ второго стану до третьяго;
Отъ третьяго стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
„Гой еси ты еси, царь Саулъ,
Царь Саулъ Леванидовичъ!
А кому меня, царицу, приказываешь?
А кому меня, царицу, наказываешь?
Я остаюсь, царица, черевоста [1],
Черевоста осталась на тѣхъ порахъ“.
А и только царь слово выговорилъ
Царь Саулъ Леванидовичъ:
— „А и гой еси, царица Азвяковна,
— Молода Елена Александровна!
— Никому я тебя, царица, не приказываю,
— Не приказываю и не наказываю;
— А то коли Господь сына дастъ,

---

[1]) Беременна.

— Вспой, вскорми и за мной его пошли;
— А то коли тебѣ Господь дочерь дастъ,
— Вспой, вскорми, замужъ отдай,
— А любимаго зятя за мной пошли:
— Поѣду я на двѣнадцать лѣтъ".—
Вскорѣ послѣ его царицѣ Богъ сына даетъ;
Попъ приходилъ со молитвою,
Имя даетъ Константинушкомъ Сауловичемъ.
А и царско дитя не по годамъ ростетъ,
А и царско дитя не по мѣсяцамъ,
А который ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годовъ.
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
Скоро ему грамота далася, и писать научился.
Будетъ онъ, Константинушка, десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ
И которые во полу-тридцати [1],
А всѣ вѣдь дѣти княженецкія,
А всѣ вѣдь дѣти боярскія,
И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскія,
Еще ли дѣти купецкія.
Онъ шутку шутитъ не по ребячью
А творки [2] творилъ не по маленькимъ:
Котораго возьметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ;
И котораго задѣнетъ за ногу,
Пог... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперекъ хребта,

---

[1] Т.-е. двадцати пяти.
[2] Поступки.

Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ,
Безъ головы домой придетъ.
Князи, бояра дивуются
И всѣ купцы богатые:
А что это у насъ за уродъ ростетъ?
Что это у насъ за выб....чекъ?
Доносили они жалобу великую
Какъ бы той царицѣ Азвяковнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ.
Въ та поры скоро завела его матушка во теремы свои
Того ли млада Константинушку Сауловича,
Стала его журить, бранить,
А журить, бранить, на умъ учить смиренно жить.
А младъ Константинъ сынъ Сауловичъ
Только у матушки выспросилъ:
„Гой еси, матушка,
Молода Елена Александровна!
Есть ли у меня на роду батюшка?“
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
— Гой еси, мое чадо милое,
— А й ты, младой Константинушка Сауловичъ!
— Есть у тебя на роду батюшка,
— Царь Саулъ Леванидовичъ;
— Поѣхалъ онъ за море синее,
— Въ дальну орду, въ Половецку землю,
— Брать дани, невыплаты,
— А поѣхалъ онъ на двѣнадцать лѣтъ;
— Я осталася черевоста,
— А черевоста осталась на тѣхъ порахъ.
— Только ему царю слово выговорила:
— А кому меня, царицу, приказываешь и наказываешь?
— Только лишь царь слово выговорилъ:
— „Никому я тебя, царицу, не приказываю и не наказываю;

— „А то коли тебѣ Господь сына дастъ,
— „Ты-де вспой, вскорми,
— „Сына за мной пошли;
— „А то коли тебѣ Господь дочерь дастъ,
— „Вспой, вскорми, замужъ отдай,
— „А любимаго зятя за мной пошли“.—
Много царевичъ не спрашиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
„Конюхи, приспѣшники!
„Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
„Подъ то сѣделечко черкесское,
„А въ задней слукѣ [1] и въ передней слукѣ
„По тирону по каменю,
„По до́рогу по самоцвѣтному;
„А не для ради меня молодца,
„Басы [2] для ради, богатырскія крѣпости,
„Для ради пути, для дороженьки,
„Для ради темной ночи осенней,
„Чтобы видѣть при пути дороженькѣ
„Темна ночь до бѣла свѣта“.
А и только вѣдь матушка видѣла:
Ставалъ во стремя вальящатое [3],
Садился во сѣделечко черкесское;
Только онъ въ ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
А и только съ собой ружье [4] везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую
А и мѣдну литу въ триста пудъ.
И наѣхалъ часовню, зашелъ Богу молитися,
А отъ той часовни три дороги лежатъ;

---

[1] Т.-е. лука сѣдельная.
[2] Красы.
[3] Прочный, крѣпкій.
[4] Оружіе.

А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
Кто этой дорогой поѣдетъ,
Конь будетъ сытъ, самому—смерть;
А другою крайней дорогою лѣвою:
Кто этой дорогой поѣдетъ,
Молодецъ самъ будетъ сытъ, конь—голоденъ;
А середнею дорогою поѣдетъ:
Убитъ будетъ смертью напрасною.
Въ та поры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи расходилися;
Молодой Константинушка Сауловичъ
Поѣхалъ онъ дорогою среднею.
Доѣзжатъ до рѣки Смородины,
А въ та поры Кунгуръ царь перевозится
Со тѣми ли татары погаными.
Тутъ Константинушка Сауловичъ
Зачалъ татаровъ съ краю бить
Тою палицею тяжкою;
Онъ бьется, дерется цѣлой день
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Ни на малой часъ отдыхаючи.
День къ вечеру вечеряется,
Ужъ красное солнце закатается,
Молодой Константинушка Сауловичъ
Отъѣхалъ онъ отъ татаръ прочь,
Гдѣ бы молодцу опочивъ держать,
Опочивъ держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и младой Константинушка Сауловичъ
Онъ молодецъ ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Бѣлымъ полотномъ утирается,
На востокъ онъ Богу молится.

Скоро-де садился на добра коня,
Поѣхалъ онъ ко Смородинѣ рѣкѣ.
А и туто татары догадалися,
Они къ Кунгуру царю пометалися:
„Гой еси ты, Кунгуръ царь,
„Кунгуръ-царь Самородовичъ!
„Какъ намъ будетъ дѣтину ловить,
„Силы мало осталося у насъ?“
А и Кунгуръ царь Самородовичъ
Научалъ тѣхъ ли татаръ поганыихъ:
— „Копайте ровы глубокіе,
— Заплетайте вы туры высокія,
— А ставьте поторчины [1] дубовыя,
— Колотите вы надолбы [2] желѣзныя“.—
А и тутъ татары поганые
И копали они ровы глубокіе,
Заплетали туры высокія,
Ставили поторчины дубовыя,
Колотили надолбы желѣзныя.
А поутру рано-ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано утренней,
На всходѣ краснаго солнышка,
Выѣзжалъ удалой доброй молодецъ
Младой Константинушка Сауловичъ;
А и бѣгаетъ, скачетъ съ одной стороны
И завернется на другу сторону,
Усмотрѣлъ ихъ татарскіе вымыслы;
Тамо татара просто стоятъ.
И которыхъ вислоухихъ всѣхъ прибилъ,
И которыхъ висячихъ всѣхъ оборвалъ.
И пріѣхалъ къ шатру къ Кунгуру царю,

---

[1] Колья.
[2] Столбы, сваи.

Разбилъ его въ крохи г.....ныя.
А достальныхъ татаръ домой отпустилъ.
И поѣхалъ Константинушка ко городу Угличу;
Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ[1] по темнымъ лѣсамъ,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
Съ кѣмъ побиться, подраться и поратиться.
А углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличъ крѣпко заперли,
И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну,
Сами они его обманываютъ:
„Гой еси, удалой доброй молодецъ!
„Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
„А и нѣту у насъ царя въ Ордѣ, короля въ Литвѣ:
„Мы тебя поставимъ царемъ въ Орду, королемъ въ Литву“.
У Костантинушки умокъ молодешенекъ,
Молодешенекъ умокъ, зеленешенекъ,
И сдавался на ихъ слова прелестныя,
Подъѣзжалъ подъ стѣну бѣлокаменну;
Они крюки, багры заметывали,
Подымали его на стѣну высокую,
Со его добрымъ конемъ.
Мало время замѣшкавши,
И связали ему руки бѣлыя
Въ крѣпки чембуры[2] шелковые;
И сковали ему ноги рѣзвыя,
Въ тѣ ли желѣза нѣмецкія;
Взяли у него добра коня
И взяли палицу мѣдную
А и тяжку литу въ триста пудъ;

---

[1] Плутать, дѣлать кружной путь, петли (о звѣрѣ).
[2] Собственно, ремень.

Сняли съ него платье царское вѣцено
И надѣвали на него платье опальное, будто тюремное;
Повели его въ погребы глубокіе,
Вмѣсто темной темницы;
Только его посадили молодца,
Запирали дверями желѣзными
И засыпали хрящомъ [1], пески мелкими.
Тутъ десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича,
И которыя подъ царя пригодилися.
И проѣхалъ тутъ онъ, царь Саулъ,
Во свое царство въ Алыберское;
Царица его царя встрѣтила,
А и молода Елена Александровна;
За первомъ поклономъ царь поздравствовалъ:
„Здравствуй ты, царица Азвяковна,
„А и ты, молода Елена Александровна!
„Ты осталася черевоста:
„Что послѣ меня тебѣ Богъ далъ?“
Въ та поры царица заплакала,
Скрозь слезы едва слово выговорила:
— Гой еси, царь Саулъ Леванидовичъ!
— Вскорѣ послѣ тебя Богъ сына далъ,
— Попъ приходилъ со молитвою,
— Имя давалъ Константинушкомъ. —
Царь Саулъ Леванидовичъ
Много ли царицу не спрашиваетъ,
А и только онъ слово выговорилъ:
„Конюхи вы мои, приспѣшники!
„Сѣдлайте скоро мнѣ добра коня,
„Который жеребецъ стоитъ тридцать лѣтъ“.

[1] Крупный песокъ съ галькой, щебень.

Скоро тутъ конюхи металися,
Осѣдлали ему того добра коня;
И беретъ онъ, царь, свою сбрую богатырскую,
Беретъ онъ сабельку острую и копье мурзамецкое,
Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу;
А тѣ же мужики угличи извощики,
Съ нимъ ѣхавши, разсказываютъ,
Какого молодца посадили въ погребы глубокіе,
И сказываютъ, каковы коня примѣты,
И каковъ былъ молодецъ самъ.
Въ та поры царь Саулъ догадается,
Самъ говорилъ таково слово:
„Глупы вы, мужики неразумные!
„Не спросили удала добра молодца
„Его дѣдины, отчины,
„Что онъ прежде того
„Не мало у Кунгура царя силы порубилъ.
„Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати.
„А вы его назвали воромъ разбойникомъ,
„И оборвали съ него платье цвѣтное,
„И посадили въ погреба глубокіе,
„Вмѣсто темной темницы“.
И мало время поизойдучи
Подъѣзжалъ онъ, царь, ко городу Угличу,
Просилъ у мужиковъ угличевъ,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Которой сидитъ въ погребахъ глубокіихъ.
А и тутъ мужики угличи
Съ нимъ, со царемъ, заздорили,
Не пущаютъ его во Угличъ градъ
И не сказываютъ про того удала добра молодца:
Что-де у насъ нѣтъ такого и не бывало.
Старики тутъ вмѣстѣ сходилися,
Они думали думу единую,

Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну литу въ триста пудъ,
И его платьице царское, цвѣтное.
Наряжался онъ младой Константинушка Сауловичъ
Въ тое свое платье царское, цвѣтное;
Подошелъ Константинушка Сауловичъ
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Сталъ свою родину[1] разсказывати.
А и царь Саулъ спохватается,
А и беретъ его за руку за правую,
И цѣлуетъ его во уста сахарныя:
„Здравствуй, мое чадо милое,
„Младой Константинушка Сауловичъ!“
А и въ та поры царь Саулъ Леванидовичъ
Спрашиваетъ мужиковъ угличевъ:
„Есть ли у васъ мастеръ заплечной[2] съ подмастерьями?“
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и ко царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичъ
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ.
И садилися тутъ на свои добры кони,
Поѣхали во свое царство въ Алыберское.
И будетъ онъ, царь Саулъ Леванидовичъ,
Во своемъ царствѣ въ Алыберскомъ,
Со своимъ сыномъ, младымъ Константинушкомъ Сауловичемъ,
И съѣхалися со царицею, обрадовалися:

---

[1] Происхожденіе.
[2] Палачъ, катъ.

Не пива у царя варить, не вина курить—
Пиръ пошелъ на радостяхъ;
А и пили, да ѣли, потѣшалися.
А и день къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости отъ царя разъѣхалися.
Тѣмъ старина и кончилася.

2. МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧЪ.

Какъ во славномъ-то во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Заводилось пированьице, почéстенъ пиръ.
А и всѣ на пиру да напивалися,
А и всѣ на честномъ да прiѣдалися,
Да и всѣ на честномъ вѣдь прирасхвастались:
А иной же-то хвасталъ широкúмъ дворомъ,
А другой-отъ-то вѣдь хвасталъ золотой казной,
А новóй-отъ-то хвасталъ добрымъ конемъ,
Да другой-то хвасталъ силою могучею;
Только глупой-отъ вѣдь хвасталъ молодой женой.
И сидитъ молодецъ да онъ не пьетъ, не ѣстъ,
А не пьетъ да онъ не ѣстъ да онъ не кушаетъ,
И ничѣмъ же молодéцъ да вѣдь не хвастаетъ,
И повѣсилъ молодéцъ да буйну голову,
Еще нá-имя Данила свѣтъ Игнатьевичъ.
Еще это князю Владимиру не показалося,
По сéреду [1] кирпичному онъ запохаживалъ,
Да онъ бѣлыми руками заразваживалъ,
Да онъ желтыма кудрями запотряхивалъ:
„А что же ты, Данилушка Игнатьевичъ,
„А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не кушаешь,

[1] По полу.

„И ничѣмъ же ты, Данило, вѣдь не хвастаешь?“
Втогды́ сталъ тутъ Данило на рѣзвы́ ноги,
Втогды́ кланялся Владимиру до сырой земли:
— Еще чѣмъ мнѣ-ка, Владимиръ князь, вѣдь хвастати?
— И двора-то у меня широ́кого не было,
— Золотой у меня казны вѣдь не случилося,
— А и сила-то была вѣдь во мнѣ ровная.
— Вѣдь служилъ я у тебя пятьдесятъ годовъ,
— Да убилъ я тебѣ вѣдь пятьдесятъ царевъ,
— А мелкой силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
— Топерь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
— Ты спусти-тко, спусти, Владимиръ, въ монастырь пре-че́стныи,
— Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
А отвѣтъ держалъ Владимиръ князь:
„Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко:
„Еще не́кому дѣлать вѣдь защиты всему Кіеву“.
И во вто́рой разъ про́силъ Данилушко Игнатьевичъ:
— Да спусти же ты, Владимиръ, въ монастырь пречестныи,
— Да во тѣ-то ты спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная. —
Говорилъ же тутъ Данило да Игнатьевичъ:
— А и будетъ тѣ ограда бѣлокаменной,
— Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
— Есть вѣдь у меня да сынъ Михайлушко. —
И втогда́ спустилъ его Владимиръ въ монастырь прече́стные.
Да во ты́и-то спустилъ во кельи низкія.
А узнали тутова цари невѣрные,
Что во Кіевѣ богатыри ушли въ мона́стыри,
Приходитъ втогда туда невѣрный царь,
Приносилъ вѣдь онъ книгу настольную,
Еще требуетъ, собака, поединщины.
Выходилъ Владимиръ князь да на балконъ высокій,

Да смотрѣлъ Владимиръ князь да во всѣ стороны:
У собаки вѣдь силы-то въ чистомъ полѣ
Будто облако ходячее нагонено.
И втогда Владимиръ князь задалъ почестенъ пиръ,
Что на всѣ князи, на всѣ бо́яра,
Да на всѣ и полени́цы-то удалыя,
Еще и на весь-то народъ да православныя.
Дакъ и всѣ вѣдь на пиру-то напивалися,
Да и всѣ вѣдь на честномъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда Владимиръ князь въ перво́й нако́нъ:
„Ужъ вы ой еси, князи мои бо́яра,
„Да вы ой еси, поленицы да удалыя,
„Еще весь-то вы народъ да православныя!
„А и кто бы то вѣдь съѣздилъ да въ чисто́ поле,
„Да пересчи́тывать силы́ невѣрныя?“
А и въ ту́ю пору было, въ то время́
Бо́льшой вѣдь хоронится за средняго,
Еще сре́дней-отъ хоронится за младшаго,
А отъ младшаго Владимиру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ вѣдь Владимиръ во второй наконъ,
Да и говорилъ вѣдь онъ и во третій наконъ.
А и въ ту́ю-то пору́ было, во то время
Выходилъ тутъ доро́дне-доброй мо́лодецъ
Изъ за то́го онъ стола вѣдь бѣлодубова,
Еще на́-имя Михайло да Даниловичъ.
Понизешеньку онъ Владимиру поклоняется,
Помалешеньку ко Владимиру подвигается:
— Ты спусти-тко, спусти, Владимиръ князь, въ чисто поле,
— Пересчитывать-то вѣдь силы́ невѣрныя. —
А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владимиръ князь:
„Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!
„А и ростомъ-то вѣдь ты есть малешенекъ,
„Да и разумомъ-то ты же есть глупешенекъ;
„Теперь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ:

„Потеряешь, братъ, ты, Михайло, свою голову“.
А и то вѣдь Михайлу да не показалося.
Еще скоро онъ пошелъ по се́реды кирпичныя,
Широко отворялъ онъ двери на́ пяту,
Запиралъ онъ тыи двери крѣпко на́ крѣпко,
А двери-ты на щепочки всѣ разсыпа́лися,
Да и двери-ты вѣдь тѣ да поколонися,
И вся эта палата зашаталася,
Да едва эта палата не разрушилась.
Еще скоро онъ пошелъ да на широкой дворъ,
Да скоря́ того пошелъ онъ къ сво́ей матери.
Да сѣдлалъ да онъ уздалъ да лошадь добрую,
И поѣхалъ нашъ Михайло въ чисто́ поле,
Въ чисто́ поле поѣхалъ, онъ раздумался:
„Что я не съѣздилъ къ сво́ему родителю,
„Да не взялъ отъ его благословенья-та да полнаго“.
Поворачивалъ добра́ коня ко мона́стырю пречѐстному,
Да ко тѣмъ ли да ко кельямъ низкіимъ.
А въ ту́ю пору мать сыра́ земля да зазыбалася [1],
Старо старчище Данильце засовалося [2]:
— А не мой ли вѣдь пріѣхалъ да Михайлушко?
— А куда, Михайло, ѣдешь, куда путь держи́шь?—
„Ѣду вѣдь я, ба́чко, да во чисто́ поле,
„Пересчитывать-то вѣдь силы невѣрныя“.
Отвѣтъ держалъ старо старчище Данилище:
— Этая-та должность не твоя бы есть,
— Не спустилъ бы я тебя до во чисто́ поле,
— И та́я заповѣдь положена тяжелая,
— Да и за́става положена великая:
— Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ;
— Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!
А и то вѣдь какъ Михайлу да не показалося.

---

[1] Заколебалась.
[2] Засуетился.

Скоро поворачивалъ добра́ коня во чисто́ поле;
И рыкалъ да старо старчище Данильще гласомъ громкіемъ:
— Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
— Да возьми-тко отъ меня благословенье полное.
— А поѣдешь ты, Михайло, во чисто́ поле,
— Выѣдешь ты на шеломя́ на окатисто [1],
— А по русскому, на гору да на высокую,
— Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
— Еще требуй-ка ты бурушка косматаго:
— „Ай который же служилъ ты мойму [2] батюшкѣ,
— „Послужи-тко ты теперь сыну́ Михайлушку!“
— Прибѣжитъ тутъ конь да вѣдь косматые,
— Стойтъ онъ на горѣ на высокія;
— Да отмѣрь-ко ты, Михайлушка, какъ пять локо́ть,
— И копай-ко-ты, Михайло, мать сыру землю́,
— Да во сторону копай да ты во всточную:
— А и тутова збруя да вѣдь богатырская.—
Втогда выѣхалъ Михайло на шеломя́ окатисто,
Да кричалъ Михайло во всю голову,
Еще требовалъ онъ бурушка косматаго:
„Ай который же служилъ ты мойму батюшкѣ,
„Послужи-тко ты теперь сыну́ Михайлушку!“
Да отмѣрилъ тутъ Михайло какъ вѣдь пять локо́ть,
Да во сторону копалъ да онъ во всточную,
И копалъ Михайло да мать сыру землю́,
Находилъ онъ тутъ все збрую богатырскую,
И втогда ужъ онъ поѣхалъ во чисто поле.
Забречала его палица боевая,
Засвистѣла его сабля вострая,
Выходило старо старчище Данильще на зеленой лугъ,
Да просилъ онъ Спаса съ Богородицей:
— Ты Спаса всемилостива Богородица!

[1] Холмъ (пригорокъ) крутой.
[2] Моему.

— Да прими-тко ты моленье пустынное,
— Да прими-тко ты моленье скоро на́ скоро:
— Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
— Исполнятъ онъ все да дѣла добрыя,
— Еще дѣлатъ онъ защиту всему Кіеву. —
Только въ тую было пору, въ то время
Доброй конь у Михайла провѣ́щился:
„Бей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
„Не заѣжжай-ко-ся, Михайло, въ силу въ ма́тику[1]:
„А и копаютъ тутъ уланове три погреба,
„А три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
„И становятъ тутъ у погребъ копья вострыя.
„Еще первой-отъ я погребъ какъ пере́скочу,
„Вѣдь и дру́гой-отъ я погребъ да пере́скочу,
„А третьяго мнѣ-ка погреба не пере́скочить“.
И бьетъ Михайло тутъ коня по тучны́мъ бедрамъ:
— Ахъ ты конь, мой конь, травяной мѣшокъ!
— Не хочешь ты послужить мнѣ-ка времени малаго? —
Да началъ коня при́правливать во силу да въ матику:
Первой-то погре́бъ его конь пере́скочилъ,
Да и дру́гой-отъ онъ погребъ вѣдь пере́скочилъ,
А третьяго-то онъ погреба не пере́скочилъ;
И упалъ ногами онъ да заднима,
Уронилъ Михайла онъ въ глубокъ погре́бъ;
Только не́ палъ тотъ на копья вострые.
Набиралися уланове поганые,
Да взяли вѣдь его за руки бѣлыя,
Да тѣма́ петля́ма вѣдь шелко́выма,
И ковали, ковали да во желѣза тяжелыя,
Вѣдь рѣзвы́ ноги́ ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу Уланищу.
Только молится Михайло Спасу съ Богородицей:
„Ты не дай-ко-се меня поганымъ на пору́ганье:

[1] Матицу—середину.

„Буду я служить да съ вѣку дó вѣку
„Да за тýю вѣру за крещеную,
Да за церкви я служить буду за Божьія!“
А втогда вѣдь у Михайлы съ двое, съ трое силы прибыло,
Разорвалъ онъ петли ты шелковыя,
Да сломалъ желѣза онъ тяжелыя,
Ухватилъ онъ вѣдь óследь [1] телѣжную,
Да и завелъ вѣдь онъ óследью помахивать:
Какъ впередъ-то онъ махнетъ, дакъ тýто улица,
А назадъ-ту отмахнетъ, дакъ переулочекъ.
И узнала тутъ его конь-лошадь добрая,
Прибѣгала со всей со сбруей богатырскою;
И садился тутъ Михайло на добра коня,
Заводилъ онъ силы пересчитывать,
Пересчитывать тутъ силы съ краічику,
Да полонить тѣ силы тутъ да съ края нá краі.
И поѣхалъ онъ къ царицу ко Уланицу,
И отсѣкъ царицу онъ да буйну голову,
Положилъ онъ тýю голову на кóпье вострое.
Самъ онъ головѣ-то удивляется:
Вѣть ушища-то у царища—быдто блю́дища,
А глазища-та у царища—быдто чаши пи́вныя,
А носище-то у царища—быдто палица боéвая.
Дакъ и ѣдетъ втогды Михайло по чистý полю́.
И ходитъ туто старо старчище Данилище
Да и съ той ли со клюкою со желѣзною,
Еще тая-та клюка да сорока пудовъ,
А старикъ-отъ самъ вѣдь приговариватъ:
— Ой же вы еси, уланове поганые,
— А убили у меня вы сына Михайлушка! —
Тутъ пріѣхалъ самъ Михайло близь его,
Да кричалъ ему онъ гласомъ громкіимъ:
„Что ты еще, старый, туто дѣлаешь?“

---

[1] Слега, толстая жердь.

А отвѣтъ держалъ старо старчище Данильще:
— Ой же ты улановинъ поганые!
— Да подвинься-то сюда, да ко мнѣ старому,
— Дакъ разсѣку я тя клюкой и съ конемъ нá двое. —
А скричалъ Михайло гласомъ громкіимъ,
Еще громкіимъ онъ гласомъ, да робечьіемъ [1]:
„Стой-ко-се ты, монахъ, да удержи коня,
„Приздыни-тко [2] ты свой колпакъ шелковые;
„Втогда увидишь, кого надобѣть!“
Приздынулъ монахъ колпакъ шелковые;
Подъѣзжалъ втогда Михайло близь его;
Тутъ во первыхъ опозналъ своего бурушка,
Во вторыхъ-то опозналъ сына Михайлушка:
— Ты куда, Михайло, ѣдешь, куда путь держи́шь? —
„Ѣду я, бачко, вѣдь во Кіевъ градъ.
„Былъ же вѣдь, бачко, во несчастіи:
„Пересчитывалъ я силы вѣдь поганыя,
„Въ глубоки́ погрéбы ѣздилъ—убитъ не бы́лъ:
„Видно ваши-ты молитвы да пустынныя
„Вѣдь послѣдовали къ Спасу многомилостиву!
„Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречéстные,
„Да моли-тко ты Бога по прежнему,
„А самъ-отъ я поѣду вѣдь во Кіевъ градъ“.
Да во Кіевъ градъ заѣхалъ не воротами —
Черéзъ стѣну́ заѣхалъ онъ городóвую,
Черезъ башню онъ заѣхалъ наугольную,
И вязалъ коня къ кольцу онъ золоченому.
Выходилъ втогда Владимиръ со Опраксіей,
И дивились головы-то тутъ улановой.
Дакъ втогда ужъ вотъ завелся тамъ почестенъ пиръ,
Что на всѣ князи пиру́ха на боя́ра,
Да на всѣ и полени́цы-ты удалыя.

[1] Ребячьимъ.
[2] Подними-ка.

13.

14.

ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА

Былина о Василіи-пьяницѣ, освободившемъ Кіевъ отъ татаръ, отразила въ своемъ наиболѣе древнемъ (предполагаемомъ) видѣ одно изъ событій эпохи ранней татарщины, скорѣе всего, преданіе о разореніи Кіева Батыемъ (1240), имя котораго, какъ татарскаго царя, и должно быть признано исконнымъ (вмѣсто Кудреванка) для основной пѣсни, почему и встрѣчается въ большинствѣ современныхъ пересказовъ (ихъ извѣстно до 15) былины.

Въ теперешнемъ своемъ видѣ былина носитъ на себѣ ясные слѣды сравнительно поздней обработки старшей пѣсни, вѣроятно, въ XV—XVII в., притомъ обработки, вышедшей изъ опредѣленной среды „веселыхъ людей", скомороховъ: на это указываетъ скоморошій, юмористическій „исходъ" (конецъ) былины въ большинствѣ ея пересказовъ: это—балагурная прибаутка, не имѣющая связи съ содержаніемъ былины; на то же указываетъ характеръ героя—пьяницы, особенно внимательно и сочувственно разработанный: какъ будто и сама былина создалась въ „кружалѣ государевомъ", во „царевомъ кабакѣ".

Но это, конечно, въ теперешней „пьяницкой" былинѣ не мѣшаетъ видѣть и болѣе древнюю, не скоморошью, серьезную основу: на такого рода основу, или, м. б., старшую пѣсню, указываетъ оставшееся, несмотря на передѣлку, несоотвѣтствіе въ ней по характеру ея частей: съ одной стороны, красивый, торжественный запѣвъ о турицѣ съ разсказомъ о Богоматери, оплакивающей грозящую Кіеву „невзгодушку" (именно: гибель Кіева отъ Батыя), съ другой — „пьяный" разсказъ о Васькѣ, спящемъ въ кабакѣ, куда за нимъ бѣжитъ самъ князь Владиміръ, и о спасеніи пьяницей Кіева. Счастливая развязка былины даетъ также указаніе (не устраняя, однако, несоотвѣтствія начала и конца былины) на время сложенія былины въ ея теперешнемъ видѣ: послѣдній слагатель ея, использовавшій старшія пѣсни, жилъ, несомнѣнно, уже тогда, когда Русь торжествовала надъ татарами

(т.-е. не ранѣе конца XIV—нач. XV вѣка), когда татары уже не считались непобѣдимыми; національное самолюбіе слагателя, если онъ и имѣлъ передъ собой пѣсню о погибели Кіева, не могло теперь допустить побѣды татаръ, требовало побѣды надъ ними, что̀ и сказалось въ композиціи его пѣсни. Т. о. и это обстоятельство не мѣшаетъ предположить въ его источникѣ окончаніе иное—гибель Кіева; а это будетъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ началомъ былины въ томъ даже ея видѣ, какъ мы ее знаемъ: скорбное предчувствіе Заступницы рода христіанскаго не должно было быть даромъ, оно должно было осуществиться; иначе говоря: мы должны предположить (для первой половины былины въ качествѣ ея источника) существованіе пѣсенъ, вѣроятно, дружиннаго характера, о страшномъ нашествіи татаръ и о разореніи ими Кіева, притомъ пѣсенъ, сложившихся подъ свѣжимъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ событий въ XIII же вѣкѣ: не даромъ мы знаемъ пѣсни о гибели богатырей (Калкское побоище), знаемъ книжныя современныя „воинскія“ повѣсти о разореніи Кіева Батыемъ и разореніи Рязани имъ же (занесенныя въ лѣтопись), повѣсти, отличающіяся тѣми же чертами народнаго преданія и вышедшія изъ военной, дружинной (не духовной) среды и, м. б., опирающіяся уже прямо на пѣсни (каковы: о Ѳеодорѣ и Евпраксіи, о Евпатіи Коловратѣ). Такое предположеніе находитъ себѣ опору и въ деталяхъ нашей былины, дающихъ отзвуки той же эпохи и, можетъ быть, имена (помимо Батыя) лицъ, связанныхъ съ этимъ же временемъ. Такъ, имя Василія, героя былины (конечно, не Василія-пьяницы), возможно связывать съ именемъ любимаго народомъ и дружиной князя Василія Константиновича, взятаго въ плѣнъ на рѣкѣ Сити и погибшаго въ плѣну; есть, кромѣ того, въ былинѣ отзвуки и такихъ пѣсенъ о татарщинѣ, каковы упомянутыя о Ѳеодорѣ и Евпраксіи и объ Евпатіи Коловратѣ и др. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что другіе отзвуки тѣхъ же или такихъ же пѣсенъ нашли себѣ мѣсто и въ другихъ былинахъ, связанныхъ со временемъ татарщины, напр., въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ. Къ той же эпохѣ возводится и пѣсня о гибели Кіева, послужив-

шая источникомъ для запѣва и главнаго содержанія былины, основанная на ходячемъ (м. б. книжномъ) представленіи о городѣ, находящемся подъ особымъ покровительствомъ Богоматери (ср. представленіе о Богоматери, какъ защитницѣ Царяграда, въ житіи Андрея Юродиваго, особенно же ср. сказаніе о Новгородской иконѣ и спасеніи Новгорода отъ нашествія Андрея Боголюбскаго).

Самый же типъ богатыря-пьяницы, заимствовавшаго свое имя изъ старой пѣсни о Василіи Константиновичѣ, долженъ быть въ силу сказаннаго признанъ не исконнымъ въ былинѣ: онъ, по всей вѣроятности, есть издѣліе той скоморошьей среды, которой принадлежитъ обработка старшей пѣсни о Батыѣ, и которая внесла новый тонъ въ былину, вставши въ противорѣчіе съ ея началомъ, но безсознательно сохранивъ его и его серьезный тонъ; иначе говоря: Василій-пьяница замѣнилъ собою другого Василія, имѣвшаго иной характеръ.

Печатаемая былина даетъ образчикъ бытовой модернизаціи старшей былины: сохранивъ въ неприкосновенности въ общихъ чертахъ ея фабулу и опустивъ подробности, она сохранила и скоморошій характеръ обработки; но именно эту сторону она модернизировала, усиливъ ее внесеніемъ чертъ быта, болѣе знакомаго и современнаго пѣвцу (ср. князя Владимира, въ калошахъ (!) на босу ногу (!) бѣгущаго въ кабакъ за богатыремъ).

ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА.

А й еще шли гдѣ туры подлѣ сине море,
Да и поплыли туры за сине море,
Еще выплыли туры да на Буянъ островъ
Да идутъ по Буяну да славну острову.
А й какъ настрѣчу турица златорогая,
Златорогая турица да однорогая,
А имъ же турица родна матушка:
„Ужъ вы здраствуйте, туры да златорогіе,
„Златорогіе туры до однорогіе!
„Ужъ вы гдѣ были, туры, да чего видѣли?"
— Ужъ мы были гдѣ, матушка, во Шаховѣ
— Да во славномъ-то городѣ во Ляховѣ;
— А случилося итти намъ мимо красенъ Кіевъ градъ,
— А мимо Божьюю-то церковь да Воскресенскую;
— Ужъ мы видѣли чудышку пречудную:
— А й выходила дѣвица да изъ Божьей церкви,
— Выносила она книгу да на буйной главѣ,
— Забродила въ Неву [1] рѣку по поясу
— Да и клала тутъ книгу на сѣръ горючъ камень,
— Она клала, читала да слезно плакала.—
А говоритъ-то имъ матушка родимая:
„Ужъ вы глупые туры да неразумные!
„А не дѣвица выходила да изъ Божьей церкви,—

[1] Конечно: Нѣпру (т.-е. Днѣпръ).

„Выходила Божья Мати да Богородица,
„Выносила она книгу да все Евангелье,
„Забродила въ Неву рѣку по поясу,
„Она клала тутъ книгу на сѣръ горючь камень,
„Она клала, читала да слезно плакала:
„Она слышитъ надъ Кіевомъ незгодушку“.

Подымается на Кіевъ да Кудреванко царь
А да съ любимымъ-то зятелкомъ со Артакомъ,
Онъ съ любимымъ-то сыномъ да все со Коньшикомъ.
Да у Артака силушки сорокъ тысячей;
Да у Коньшика силы да сорокъ тысячей;
У самого Кудреванка да числа-смѣту нѣтъ,
Числа-смѣтушки нѣтъ да пересмѣтины.
А закрыло луну да солнышка краснаго,
А не видно вѣдь злата свѣтла мѣсяца
А отъ того отъ духу да отъ татарскаго,
Отъ того же отъ пару да лошадинаго,
Какъ наѣхала въ чисто поле силушка великая;
Да натыкали копейца да все булатныя,
А какъ буди суземокъ [1] да лѣсу темнаго,
А роздернули шатры да чернобархатны.
Заходилъ Кудреванко да во черéнъ шатеръ,
Да садился Кудреванко да за дубовой столъ,
Да садился Кудреванко да на ременьчатъ стулъ
А писалъ ярлыки-ти да скорописьмены,
А не перомъ онъ писалъ, дакъ не чернилами,
Вышивалъ онъ какъ золотомъ по бархату;
А и написалъ ярлыки, дакъ запечатывалъ.
Выходилъ Кудреванко да изъ черна шатра,
А кричалъ Кудреванко да громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы ой еси, пановья-улановья,
„Ужъ вы сильные могучіе богатыри,

[1] Глухое, сплошное мѣсто въ лѣсу.

„Ужъ вы всѣ поленицы да преудалыя!
„Еще кто изъ васъ съѣздитъ да въ красенъ Кіевъ градъ
„Да къ тому же ко князю да ко Владимиру,
„Отвезетъ ярлыки да скорописьмены?“
И да на то же Кудреванку да все отвѣту нѣтъ.
Говорилъ Кудреванко да во второй наконъ,
Говорилъ Кудреванко да во третей наконъ:
„Ужъ вы ой еси, пановья мои улановья,
„Ужъ вы скверные поганые татаровья!
„Еще кто же изъ васъ съѣздитъ да въ красенъ Кіевъ градъ
„А ко тому же ко князю да ко Владимиру,
„Отвезетъ ярлыки да скорописьмены?“
Изъ того же изъ полчища да изъ проклятаго,
Изъ того изъ полка да изъ великаго
Тутъ выскакивало длинное Издолище.
А беретъ ярлыки-ти да во бѣлы руки,
Да крутешенько [1] Издолище коня сѣдлалъ,
Да еще того скорѣ да на коня скакалъ;
А й да поѣхалъ татаринъ-отъ не дорогою,
Онъ въ городъ-отъ заѣхалъ да не воротами,
А скакалъ онъ черезъ стѣну да городовую,
Черезъ тѣ черезъ башенки наугольныя.
Онъ прямо вѣдь ѣдетъ да ко красну крыльцу
Да ко той же ко гриднѣ ко княженецкое;
Становилъ онъ коня дакъ не привязана,
Не привязана коня да не приказана.
Тутъ крутешенько Издолище на крыльцо бѣжалъ;
Онъ не спрашивалъ дверей и не придверниковъ,
Онъ не спрашивалъ воротъ и не приворотниковъ,
Онъ прямо бѣжитъ да во свѣтлу гриденку.
Онъ Богу, татаринъ, да все не молится,
Онъ и князю Владимиру челомъ не бьетъ

[1] Быстро.

Да Опраксѣи королевичнѣ чеху не здравствуетъ [1].
Онъ бросалъ ярлыки-ти на дубовой столъ.
Самъ крутешенько Издолище вонъ бѣжалъ,
А еще того круче да на коня скочилъ,
Да поѣхалъ татаринъ да не дорогою,
Онъ изъ города поѣхалъ да не воротами,
А скакалъ онъ черезъ стѣну да городовую,
Черезъ тѣ же черезъ башенки наугольныя
Да во тѣ же во полки да во проклятые.
Тутъ и бралъ князь Владиміръ ярлыки-ти во бѣлы руки,
Онъ бралъ ярлыки-ти да распечатывалъ,
Онъ читалъ ярлыки-ти да головой качалъ,
Головой онъ качалъ, самъ слезно плакалъ же.
Говорилъ князь Владиміръ да таково слово:
„Ужъ ты ой еси, Опраксія королевична!
„А й наступаетъ на насъ силушка великая:
„Наступаетъ на насъ да Кудреванко царь
„А да съ любимымъ онъ зятелкомъ со Артакомъ
„Да съ любимымъ со сыномъ да онъ со Коньшикомъ.
„Да у Артака силушки сорокъ тысячей;
„А у Коньшика силы да сорокъ тысячей;
„А у Кудреванка да числа-смѣту нѣтъ,
„Числа-смѣтушки нѣту да пересмѣтины".
Говорилъ князь Владиміръ да таково слово:
„Соберемъ-ко-се мы да нонь почестенъ пиръ
„Да про тѣхъ же про князей, про бояровъ,
„Да про тѣхъ же купцей-гостей торговые,
„Да про русскіихъ могучіихъ богатырей,
„Да про тѣхъ поленицъ да преудалыя,
„Да про тѣхъ же крестьянушекъ прожиточныхъ [2],
„Да прожиточныхъ крестьянъ да хлѣбопахотныхъ".

---

[1] Т.-е., какъ при чиханьѣ, не желаетъ здоровья.
[2] Зажиточныхъ.

А собиралъ князь Владимиръ да тутъ почестенъ пиръ.
Еще много собиралось да князей-бояровъ,
Да и много собиралось купцей-гостей торговые,
Еще много собиралось крестьянушекъ прожиточныхъ,
А прожиточныхъ крестьянъ да хлѣбопахотныхъ,
И да много собиралось русскіихъ богатырей
Да и всѣхъ поленицъ да преудалыя.
Да и всѣ на пиру да напивалися,
Еще всѣ на честномъ да наѣдалися;
Еще всѣ на пиру да пьяны-веселы.
Тутъ Владимиръ князь по гриденкѣ похаживатъ,
Онъ повѣсилъ буйну голову со могучихъ плечъ,
Потопилъ [1] онъ очи ясны въ мать сыру землю,
Еще самъ изъ рѣчей дакъ выговариватъ:
„Ужъ вы ой еси, пановья-улановья,
„Ужъ вы русски могучіе богатыри,
„Ужъ вы всѣ же купцы-гости торговые,
„Ужъ вы всѣ же крестьянушка прожиточны,
„А прожиточны крестьяна да хлѣбопахотны,
„Ужъ вы всѣ поленицы да преудалы!
„Еще кто изъ васъ съѣздитъ да во чисто поле,
„Пріусмѣтитъ бы силушку у татарина?“
А и большъ-отъ хоронится за средняго,
Еще средней хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго до большаго отвѣту нѣтъ.
Говорилъ князь Владимиръ да во второй наконъ,
Говорилъ князь Владимиръ да во третéй наконъ.
А изъ-за той же брусчатой да бѣлой лавочки,
Изъ-за той же скамейки бѣлодубовой,
Изъ-за того изъ-за стола изъ-за дубоваго
Выставатъ тутъ удалой да доброй молодецъ,
Кабы на́-имя Добрынюшка Микитичъ младъ.

---

[1] Потупилъ.

А й да во ту же пору да все во то время
Да стараго Ильи Муромца да не случилося:
Какъ уѣхалъ старой-отъ да во чисто поле.
Да и близко Добрынюшка подвигается,
Да и низко Добрынюшка поклоняется:
„Ужъ ты солнышко, Владиміръ князь стольне-кіевской!
„А ты позволь, князь Владиміръ, да мнѣ слово сказать;
„Не позволь, князь Владиміръ, да за слово казнить,
„За слово меня не бить, скоро не вѣсити".
— И говори-тко, Добрынюшка, что тѣ надобно. —
„Да во томъ во кружалѣ у насъ въ государевомъ,
„А й да на немъ же царевомъ да большомъ кабакѣ
„Еще есть у насъ Вася, горька пьяница;
„Да и коничекъ у Васеньки весь пропитой,
„Да и збруюшка у Васеньки призаложена
„Да не въ многѣ, не въ малѣ, да въ сорокъ тысячахъ".
Еще тутъ князь Владиміръ да не ослушался,
А нахватилъ онъ вѣдь куныю шубочку соболькою,
Обувалъ же калоши да на босу ногу
А побѣжалъ по кружалу да государеву,
Да на тотъ же вѣдь онъ да на царевъ кабакъ.
Прибѣгалъ тутъ Владиміръ да на царевъ кабакъ.
Да и спитъ Васька на печкѣ да на муравленой,
Да рогожкой Васильюшко пріокутался;
Да и Васенька спитъ, да какъ порогъ [1] шумитъ.
И побудилъ онъ Васильюшка, горьку пьяницу:
— Ужъ стань-ко, Василій, да горька пьяница,
— Да пойдемъ-ко, Василій, да на почестенъ пиръ.—
Ото сну-то Васильюшко пробужается,
Со великаго похмелья да просыпается;
Говоритъ тутъ Василій да таково слово:
„Ужъ ты ой еси, Владиміръ князь стольне-кіевской!

[1] Рѣчной порогъ, водопадъ.

„А не могу я вѣдь стать да головы поднять:
„Еще нечѣмъ мнѣ молодцу оправиться,
„Еще нечѣмъ Васюткѣ да опохмелиться:
„Да и коничекъ у меня да весь какъ пропитой,
„Да и збруюшка у меня вся призаложена“.
А говорилъ князь Владимиръ да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, чумакъ да цѣловальничекъ!
— Ты налей-ко-ся чару да зелена вина,
— Не велику и не малу, да полтора ведра.—
А наливалъ ему чару да зелена вина,
А не велику, не малу, да полтора ведра.
Тутъ и бралъ князь Владимиръ да чару зелена вина,
Подавалъ же Васильюшку, горькой пьяницѣ.
А й да прималъ Васильюшко единой рукой,
Выпивалъ же Васильюшко къ едину духу,
Слѣзывалъ тутъ Василій со печеньки муравленой.
Говорилъ князь Владимиръ да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, чумакъ да цѣловальничекъ!
— Ты налей-ко-ся чару зелена-вина,
— Не велику, не малу, да полтора ведра.—
Наливали тутъ чару да во второй наконъ,
Подавали ю Василью, да горькой пьяницѣ,
Да прималъ же Васильюшко единой рукой,
Выпивалъ же Василій да къ едину духу.
Тутъ Василій сталъ по кабачку похаживать,
Онъ могучима плечами да пошевеливать,
Онъ бѣлыма руками да приразмахивать,
Еще самъ изъ рѣчей сталъ выговаривать:
„А еще былъ я старикъ да девяноста лѣтъ,
„Еще сталъ молодецъ я двадцати годовъ“.
Повели же Васильюшка на почестенъ пиръ,
Да садили и Василья да за дубовый столъ;
Наливали тутъ чарочку Васькѣ зелена вина,
Не велику, не малу, да полтора ведра.

Какъ примаетъ Василій-отъ единой рукой,
Выпиваетъ Василій да къ едину духу.
Наливали тутъ чарочку зелена вина,
Не велику, не малу, да полтора ведра,
А подавали Василью, да горькой пьяницѣ.
Да принималъ же Василій да единой рукой,
Выпивалъ же Василій да къ едину духу.
Тутъ Василій сталъ по гриденькѣ похаживать,
Онъ могучима плечами да пошевеливать,
Онъ бѣлыма руками да приразмахивать,
Еще самъ изъ рѣчей сталъ выговаривать:
„Ужъ ты ой еси, Владиміръ князь стольне-кіевской!
„Да и коничекъ у меня какъ весь вѣдь пропитой,
„Да и збруя богатырска да призаложена;
„Еще нечѣмъ мнѣ съѣздить да во чисто поле,
„Пріусмѣтить мнѣ силушку у татарина“.
Говорилъ князь Владиміръ да таково слово:
— У кого у тя збруюшка призаложена?—
„Да збруя у чумака у цѣловальника“.
А говорилъ князь Владиміръ Добрынюшкѣ Микитичу:
— Ужъ ты ой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
— Ты пойди-сходи да на царевъ кабакъ
— Да къ тому же чумаку да цѣловальнику,
— Да пущай онъ отдастъ намъ збрую богатырскую.—
Еще тутъ же Добрынюшка не ослушался,
Да пошелъ же Добрыня да на царевъ кабакъ
Да за той же за збруей богатырское.
Да приходитъ Добрыня да на царевъ кабакъ,
Говоритъ тутъ Добрыня да таково слово:
„Ужъ ты ой еси, чумакъ да цѣловальничекъ!
„Ужъ дай-ко, отдай збрую богатырскую
„Да того же Васильюшка, горька пьяницы“.
Еще тутъ цѣловальничекъ не ослушался:
Да и бралъ цѣловальничекъ да золоты ключи,

Отмыкалъ онъ амбары да окованные,
Выдавалъ онъ всю збрую да богатырскую:
Отдавалъ онъ три вострыхъ да ему сабельки,
Отдавалъ три копейца да всѣ булатныя
(А не мала, не велика, да копья по семи саженъ),
Отдавалъ вѣдь онъ тугой лукъ разрывчивой,
Отдавалъ онъ налучище каленыхъ стрѣлъ.
Да пошелъ цѣловальничекъ да на конюшенъ дворъ,
Выводилъ онъ коня да богатырскаго
И того же Василья, да горькой пьяницы,
Отдаватъ же Добрынюшкѣ Микитичу.
Какъ бралъ же Добрынюшка добра коня,
Да повелъ же коня да ко Владиміру;
Да идетъ же Добрынюшка да на почестенъ пиръ
Да со той же со збруей да богатырское.
Говоритъ тутъ Василій, да горька пьяница:
„Ужъ ты ой еси Владиміръ да стольне-кіевской!
„Ужъ ты дай мнѣ-ка нонь да два подручничка:
„Во-первыхъ де Добрынюшку Микитича,
„Во вторыхъ де Олешеньку Поповича;
„Да пойдемъ-ко-сь мы, выйдемъ на высокъ балконъ,
„Да посмотримъ на силу да на татарскую“.
Говоритъ князь Владиміръ да таково слово:
— Отъ[1] поди-тко, Василій, да на высокъ балконъ.—
Тутъ пошолъ же Василій да на высокъ балконъ;
Онъ и бралъ себѣ тугой лукъ розрывчивой,
Онъ бралъ же трубочку подзорную.
Да пошли же они да на высокъ балконъ.
Онъ глядѣлъ тутъ Василій въ трубочку подзорную,
Да не могъ онъ увидѣть конца силы великое;
Еще тутъ-то Василій да пріужахнулся.
Усмотрѣлъ же Василій да онъ черной шатеръ,

[1] Вотъ.

Натягалъ онъ какъ тугой да лукъ розрывчивой,
Натягалъ онъ тетивочку шелковую,
Да и клалъ какъ стрѣлочку каленую,
Еще самъ онъ вѣдь стрѣлочкамъ приговариватъ:
„Ужъ ты ой еси, стрѣлочка каленая!
„Полети ты ко-сь, стрѣла моя, по поднебесью;
„А не падай не на воду, не на землю,
„А пади Кудреванку да во бѣлы груди
„Да разрѣжь у Кудреванка да ретиво сердце“.
Полетѣла его стрѣлочка каленая,
Да не пала не на воду, не на землю,
Да прямо она пала Кудреванку на бѣлы груди,
Расколола Кудреванка да ретиво сердце.
А еще тутъ же вся силушка присмѣшалася:
Упалъ Кудреванко да со ременьчатъ стулъ.
Собиралися три удалы да добрыхъ молодца:
Во-первыхъ де Василій, да горька пьяница,
Во-вторыхъ де Добрынюшка Микитичъ младъ,
Во-третихъ де Олешенька Поповичъ младъ;
И брали и доспѣхи да они богатырскіе,
Да поѣхали они да во чисто поле
Да на ту же напали на силу на татарскую.
Докуль да они ѣдутъ, да тутъ и улицы,
Да куда они вернутъ, дакъ переулочки;
Пріусмѣтили всю силу да у татарина,
Привезли пересмѣтку да въ красенъ Кіевъ градъ
Ко тому же ко князю да ко Владиміру.
Да и давѣ[1] шелъ пиръ дакъ не весело,
Еще всѣ же сидѣли, головушки повѣсили;
А теперь пошелъ-отъ пиръ да навеселѣ.
Тутъ Владимиръ князь по гриденькѣ похаживатъ,
Онъ сапогъ о сапогъ да поколачивалъ,

[1] Давеча, прежде.

А онъ куньею шубочкой приразмахивалъ,
Онъ русыма кудрями да принатрехивалъ,
Онъ золоченыма перстнями да принащелкивалъ,
Еще самъ изъ рѣчей да й выговаривалъ:
— Ужъ ты ой еси, Васильюшко, горька пьяница!
— Ужъ ты поди-ко возьми да золоты ключи,
— Отмыкай-ко сундуки да окованные,
— Ты бери-ко казны, да сколько тебѣ надобно.—
Говоритъ тутъ Василій да таково слово:
„Ужъ ты солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
„Мнѣ не надобно твоя да золота казна;
„А только дай мнѣ вина вѣдь пить безденежно,
Да покуда мнѣ-ка вѣдь нонче смерти нѣтъ“.
Говоритъ князь Владиміръ да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, Василій, да горькая пьяница!
— Ты живи-тко-сь у меня да во служеньицѣ;
— Ужъ ты пей-ко, съѣшь, да сколько надобно.—

Поется, что онъ жилъ у него до смерти [1].

[1] Добавленіе пѣвца.

ГЛѢБЪ ВОЛОДЬЕВИЧЪ

Недавно только ставшая извѣстной (и то лишь въ двухъ пересказахъ, оба изъ Архангельской губ.) былина представляетъ, вѣроятно, сравнительно позднюю переработку пѣсни, довольно, однако, древней, отразившей въ содержаніи своемъ событіе конца XI в.—походъ на Корсунь (Херсонисъ) новгородскаго князя Глѣба Святославича и Владимира Всеволодовича (Мономаха) въ 1077 г.; походъ былъ вызванъ притѣсненіями, чинившимися властями города русской торговлѣ.

Слѣды существованія на югѣ Россіи подобной пѣсни можно видѣть въ пѣснѣ терскихъ казаковъ о Маринѣ Кайдановнѣ (представляющей искаженное начало нашей былины), а также въ малорусской думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ, сложенной въ началѣ XVII в. и стоящей въ зависимости отъ былины.

Прежде чѣмъ превратиться въ былину, намъ теперь извѣстную, старинная пѣсня о Глѣбѣ и объ его походѣ на Корсунь претерпѣла рядъ измѣненій: однимъ изъ раннихъ такихъ измѣненій надо счесть соединеніе двухъ личностей, героевъ событія, въ одно лицо; такимъ сталъ Глѣбъ, но получилъ онъ отчество свое отъ исчезнувшаго изъ пѣсни Владимира: Володьевичъ, т.-е. Всеволодьевичъ, Всеволодовичъ; далѣе, на пѣснѣ остались слѣды и татарщины въ видѣ отчества Маринки—Кайдановна; можетъ быть, на эпоху Смутнаго времени падаетъ имя и кое-какія черты (напр., колдуньи-отравительницы) и Маринки (отъ Марины Мнишекъ, ставшей героиней пѣсенъ; ср. былину о Добрынѣ). Вся же поэтическая сторона былины, одѣвшая ея историческій скелетъ, выработалась, повидимому, подъ вліяніемъ полукнижныхъ, полународныхъ сказаній съ бродячими сюжетами, вродѣ повѣсти о Басаргѣ (памятникъ, происхожденіе котораго на русской почвѣ не ясно): отсюда могла пойти самая обстановка—освобожденіе подъ условіемъ рѣшенія загадокъ, расправа Глѣба съ Маринкой. Можетъ быть, есть на былинѣ и слѣдъ вліянія сказаній о Соло-

монѣ: изъ нихъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснять приказъ, данный Глѣбомъ дружинѣ, органически, однако, не связанный съ содержаніемъ былины; рукавички драгоцѣнныя.

Если подобный генезисъ былины допустимъ, то во всякомъ случаѣ она въ дошедшихъ до насъ текстахъ представляетъ позднюю обработку стараго сюжета: нѣтъ пріуроченія ея къ Кіеву или Новгороду, обычнаго въ большинствѣ былинъ, записанныхъ на сѣверѣ; зато есть указанія на Москву, откуда, повидимому, идетъ Глѣбъ („у васъ въ каменной Москвѣ“), хотя въ другомъ варіантѣ сохранена, можетъ быть, старшая черта: вмѣсто Москвы упомянутъ Новгородъ; а Глѣбъ и былъ, по лѣтописи, княземъ въ Новгородѣ.

15.

16.

ГЛѢБЪ ВОЛОДЬЕВИЧЪ.

А какъ падала погодушка да со синя́ моря,
А со си́ня морюшка съ Корсу́нскаго
А со дождями-ти, съ туманами.
А въ ту-ту погоду въ синемо́рскую
Заносила тутъ неволя три черненыхъ три-то ка́рабля
Что подъ тотъ подъ славенъ городокъ подъ Ко́рсунь же,
А во ту-то все во гавань все въ Корсу́нскую.
А во томъ-то городѣ во Ко́рсуни
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и ни королевича,
Какъ ни князя не было и ни княже́вича;
Тутъ жила-была Маринка дочь Колда́евна,
Она, б...., еретица была, безбожница.
Они какъ вѣдь въ гавани заходили, брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочки садились — брала пошлину,
А къ плоту приставали—плотову́ брала,
А какъ по́ мосту шли—да мостову́ [1] брала,
Какъ въ таможню заходили, не протамо́жила [2];
Набирала она дани-пошлины немножко, немало — сорокъ тысячей.

---

[1] Т.-е. плотовую и мостовую пошлину.

[2] Прописать, дать свидѣтельство въ уплатѣ пошлины.

А да взяла она трои́ рука́вочки,
Что да ти трои́ рукавочки, трои́ перчаточки;
А какъ эти перчаточки а не шиты были, не вязаны,
А выши́ваны-ти были краснымъ золотомъ,
А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
А какъ всажено было́ каменье самоцвѣтное;
А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
А други-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
А какъ третьимъ перчаткамъ цѣны не́ было.
Вязаны́ эти перчатки въ подареньице
А тому же вѣдь князю все Воло́дьему.
Отбирала эти че́рны карабли она на́-чисто,
Розгони́ла она трехъ младыхъ карабельщичковъ
А какъ съ тѣхъ съ черныхъ съ трехъ-то ка́раблей,
Она ставила своихъ да крѣпкихъ сто́рожевъ.
А какъ карабе́льщички ходятъ по городу по Ко́рсуню,
Они думаютъ-то думушку за единую,
За едину-ту думу промежду́ собой:
А да что купили они чернилъ, бумагъ
А писали они да ярлыки-ти скорописчаты
Что тому же князю Глѣбову Воло́дьему:
„Ужъ ты гой, ты князь да Глѣбъ ты сынъ Воло́дьевичъ!
„Ужъ какъ падала погодушка со синя́ моря,
„Заметало насъ подъ тотъ же городокъ подъ Ко́рсунь же.
„А во томъ же было городѣ во Ко́рсуни
„Ни царя не было, ни царевича,
„Ни короля-то не было и ни королевича,
„А ни князя не было́ и ни княжевича,
„Какъ княжила Маринка дочь Кайда́ловна;
„Она, б...., еретица была, безбожница.
„А мы какъ вѣдь въ гавань заходили, брала съ насъ вѣдь пошлины,
„А вѣдь какъ паруса ронили—брала пошлину,
„Якори-ти бросали—брала пошлину,

„Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
„Ужъ мы въ шлюпочки садились—брала съ насъ вѣдь пошлину,
„А какъ къ пло́ту приставали—плотово́ брала,
„А вѣдь какъ по мо́сту шли—да мостово́ брала,
„А въ таможню заходили—не протамо́жила;
„Да взяла она дани-пошлины сорокъ тысячей,
„А взяла у насъ трои перчаточки;
„Вязаны были́ тебѣ, да князю, въ подареньице:
„А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
„А вторы-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
„А третьи́мъ перчаткамъ цѣны не́ было“.
Они скоро писали, запечатали,
Отослали князю Глѣбову Воло́дьему.
А тутъ скоро́ пришли ярлыки къ ему,
Онъ ихъ скоро распечатывалъ, просматривалъ.
Какъ его же сердце было неуступчиво,
Разъярилось его сердце богатырское.
А онъ скоро бралъ свою-то золоту трубу разрывчату,
Выходилъ-то скоро на красно́ крыльцо косящато,
Онъ кричалъ-то, зычалъ зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ да во всю голову:
„Ужъ вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
„Ужъ вы скоро вы сѣдлайте, уздайте добры́хъ коней,
„Ужъ вы скоро, легко скачите на добрыхъ коней,
„Выѣзжайте вы скоро́ да на чисто́ поле“.
А какъ услыхала его дружья́-братья́-товарищи,
Они скоро-то добры́хъ коней да собирали же,
Высѣдла́ли, уздали 'ни добры́хъ коней,
Да скоро садились на добрыхъ коней,
А изъ города поѣхали не воротами,
Не воротами-то ѣхали, не широкима,
А скакали черезъ стѣну городо́вую.
Выѣзжала вся дружина на чисто́ поле.
А какъ съѣхалось дружины три́дцать тысячей,

Выѣзжалъ-то князь Глѣбъ-сударь Воло́дьевичъ
Со своей дружиночками хоробрыма;
Прибиралъ онъ дружью́-ту, дружины все хоробрыя,
Чтобы были все да одного ро́сту,
А да голосъ къ голосу да волосъ къ волосу:
А изъ тридцать тысячъ только выбралъ триста добрыхъ мо́лодцевъ,
Ихъ-то голосъ къ голосу да волосъ къ волосу:
„Ужъ вы поѣдемте, дружина моя хоробрая,
„А ко тому-ту славну городу ко Ко́рсуню,
„А ко той же ти Маринѣ дочери Кайдаловнѣ,
„А ко той Маринкѣ, еретицѣ, б...., все безбожницѣ“.
А какъ садились они скоро на добры́хъ коней,
А поѣхали они путемъ-дорогою.
Какъ доѣхали они до города до Ко́рсуня,
Становилъ-то Глѣбъ своего добра́ коня:
„Ужъ вы гой еси, дружина моя хоробрая!
„Сходите вы скоро́ вѣдь со добры́хъ коней,
„Становите вы шатры поло́тняны,
„А да спите-тко, лежите во бѣлы́хъ шатрахъ,
„А держите караулы крѣпкіе и строгіе;
„Ужъ вы слушайте—неровно́-то зазвенитъ да моя сабля,
„Заскрипятъ да мои плечи богатырскія,
„Поѣзжайте-тко ко городу ко Корсуню,
„А скачите вы черезъ стѣну городо́вую,
„Ужъ вы бейте-ко по городу стараго и малаго,
„Ни единаго не оставляйте вы на сѣ́мена.
„Я какъ поѣду топерече ко городу ко Корсуню,
„Къ той Маринкѣ дочери Кайдаловнѣ“.
Подъѣзжаетъ Глѣбъ подъ стѣну-ту
Да подъ ту же башню наугольную,
Закричалъ-то онъ да зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
„А зачѣмъ ты обрала́ у м'ня да че́рны ка́рабли,

„Ты зачѣмъ же у м'ня сгони́ла съ караблє́й моихъ трехъ-то
карабельщиковъ,
„А начто поставила да своихъ караульщиковъ?"
Услыхала Маринка дочь Кайдаловна,
Скоро ей сѣдлали, уздали все добра́ коня;
Выѣзжала она на ту же стѣну городо́вую:
— Здраствуй-ко, Глѣбъ ты князь да сынъ Воло́дьевичъ! —
„Ужъ ты здраствуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!
„А зачѣмъ ты у м'ня взяла мои-то три-то ка́рабля,
„А сгони́ла моихъ трёхъ-то карабельщичковъ со ка́раблей?"
— Ужъ ты гой еси, ты князь да сынъ Володьевичъ!
— Я отдамъ тебѣ три чернёныхъ три-то ка́рабля;
— А да только отгони-тко три мои загадки хитромудрыя,
— Я отдамъ тобѣ-то три черненыхъ ка́рабля.
„Только загадывай ты загадки хитромудрыя;
„А какъ буду я твои загадочки отгадывать".
— А какъ перва-та у м'ня загадка хитромудрая:
— Еще что же въ лѣтѣ бѣло, да въ зимѣ зе́лено? —
Говоритъ-то Глѣбъ да таковы рѣчи:
„Не хитра твоя мудра́ загадка хитромудрая,
„А твоей глупѣй загадки на свѣтѣ нѣтъ:
„А какъ въ лѣтѣ-то бѣло́ — Господь хлѣбъ даетъ,
„А въ зимѣ-то зелено́ — да тутъ вѣдь ель цвѣтетъ".
— А загону тебѣ втору загадку хитромудрую:
— А да что безъ кореньица ростетъ да безъ лыжъ катится? —
„Безъ кореньица ростутъ бѣлы́ снѣги,
„А безъ лыжъ-то катятся быстры́ ручьи".
— Загану тебѣ третью́ загадку хитромудрую:
— А какъ есть у васъ да въ каменно́й Москвѣ,
— Въ каменно́й Москвѣ да есть мясна гора;
— А на той на мясной горѣ да кипарисъ ростетъ,
— А на томъ парисѣ-деревѣ [1] соко́лъ сидитъ. —

[1] Т.-е. кипарисѣ.

„Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
„Не хитра твоя загадка хитромудрая,
„А твоей загадочки глупѣй на свѣтѣ нѣтъ:
„Какъ мясна-та гора—да мой вѣдь добрый конь,
„Кипарисно дерево—мое сѣделышко,
„А какъ соколъ сидитъ, то—я уда́лой доброй молодецъ“.
— Я топерече отсыплю отъ воротъ да пески-камешки,
— А сама-то я, красна́ дѣви́ца, за тебя заму́жъ иду.—
Какъ поѣхала Маринка съ той стѣны да бѣлокаменной,
Пріѣзжала къ себѣ да на широкой дворъ,
Наливала чару зелена́ вина да въ полтора ведра,
А да насыпала въ чару зелья лютаго,
Выѣзжала на ту же стѣну городо́вую,
Подавала Глѣбушку она чару зелена вина:
— Ужъ ты на-тко на пріѣздъ-отъ чару зелена вина!—
А какъ принимается-то Глѣбъ да едино́й рукой,
Еще хочетъ онъ пить да зелена вина;
А потянулся его конь на ножечку на правую,
А сплескалъ-то чару зелена вина
А да за́ тою да гриву лошадиную:
Загорѣлась у добра́ коня да грива лошадиная.
А какъ ту да Глѣбъ испугался же,
А бросалъ-то чару на сыру землю;
Еще какъ тутъ мать сыра земля да загорѣлася.
А какъ разъярилось его сердце богатырское,
А стягалъ онъ добра́ коня да по крутымъ бедрамъ;
Какъ поскочитъ его конь во всю-ту прыть да лошадиную,
А какъ скакалъ съ прыти его доброй конь да черезъ стѣну городо́вую.
А сустигъ-то [1] ей Маринку середи двора,
А отсѣкъ тутъ ей Маринкѣ буйну голову.
А какъ тутъ Маринкѣ и смерть пришла,
Смерть пришла ей да середи двора.

[1] Т.-е. князь.

ДУНАЙ

Пѣсня о Дунаѣ и Настасьѣ—объ ихъ женитьбѣ и смерти—встрѣчается обычно въ сочетаніи (какъ вторая часть) съ былиной о добываніи невѣсты Владиміру (т.-е. о Добрынѣ-сватѣ; см. выше стр. 8 и 27); кромѣ того, въ сочетаніи съ той же былиной о добываніи невѣсты для Владиміра — въ качествѣ первой ея части знаемъ пѣсню о Дунаѣ и Настасьѣ иного содержанія: Настасья спасаетъ Дуная, осужденнаго на смерть за неумѣстное хвастовство. Эта послѣдняя былина, однако, мало самостоятельна, представляя исказившую до неузнаваемости самый типъ Дуная обработку мотивовъ, захваченныхъ изъ другихъ былинъ: отправной точкой этой компилляціи служитъ одно мѣсто (о службѣ Дуная у Ляховинскаго короля) изъ былины о Дунаѣ и Добрынѣ-сватѣ; хвастовство Дуная создано по подражанію пѣснѣ объ Алешѣ и сестрѣ Петровичей (см. выше, стр. 110), а дальнѣйшее (какъ и продолженіе о добываніи невѣсты Владиміру) по былинѣ о Васькѣ-пьяницѣ (см. выше, стр. 228), съ которыми эта компилляція даетъ даже текстуальныя совпаденія. Обстановка же былины, сильно напоминающая былину про того же Василья-пьяницу, роль „царева кабака“, типъ Дуная-богатыря, превращеннаго въ Дуная-пропойцу, указываютъ на сравнительно позднюю обработку и время сложенія этой компилляціи, при томъ въ той же специфической средѣ, гдѣ и былина о Василіи-пьяницѣ, т.-е. скоморошьей, поздней московской.

Первая же старая былина о Дунаѣ и Настасьѣ (ихъ женитьбѣ и смерти) встрѣчается также въ иной обработкѣ—въ былинѣ о Донѣ и Нѣпрѣ: совпадая въ содержаніи со второй частью этой старшей былины, она просто вмѣсто Дуная и Настасьи подставляетъ Донъ и Нѣпру (искаженіе изъ названій: Днѣпръ или Непрядва) и т. о. вводитъ и старшую былину (см. конецъ ея) еще плотнѣе въ группу пѣсенъ, обрабатывающихъ поэтически мотивъ объ олицетворенныхъ рѣкахъ, который мы видимъ и въ бы-

линѣ о Сухманѣ (см. выше, стр. 189), въ пѣсняхъ не эпическихъ (тихій Донъ-Ивановичъ, Донъ, Днѣпръ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и др.); мотивъ этотъ соединяетъ въ обработкѣ поэтическое олицетвореніе съ воспоминаніями (м. б. пѣснями) объ историческихъ, реальныхъ лицахъ или событіяхъ: м. б., въ былинѣ о Дунаѣ (его женитьбѣ) мы имѣемъ отзвукъ пѣсенъ объ извѣстномъ по лѣтописямъ воеводѣ Дунаѣ, игравшемъ видную роль въ судьбахъ Галицко-волынской земли XIII вѣка; одинаковость имени популярнаго воеводы и названія также популярной въ устной словесности рѣки, весьма возможно, и привела къ объединенію этихъ двухъ мотивовъ.

1. ДУНАЙ.

Ай былъ-жилъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли въ землю,
И загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому ли королю да Ляховинскому.
Трй года у короля Дунай конюхалъ,
Да трй года у короля онъ стольничалъ,
Еще трй года у короля онъ ключничалъ.
Какъ король-отъ мо́лодца да любилъ-жаловалъ,
Да и королйха мо́лодца вѣдь тако же,
А Настасья королевична молодца́ у души держйтъ.
У короля въ тую пору завелся почестенъ пиръ;
Не спущаетъ Настасья вѣдь на пиръ мо́лодца:
„Не ходи-тко ты, Дунай, да на почестенъ пиръ!
„А на томъ-то пиру да напиваются,
„Да на томъ тамъ пиру всѣ наѣдаются.
„Да похвасташь какъ мной ты, красной дѣвицей,
„Дакъ потеряешь ты, Дунай, да свою голову“.
Дунай-отъ Настасья вѣдь да не слушаетъ,
И пошелъ Дунай да на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру тутъ напивалися,
Вѣдь и всѣ да на пиру-то наѣдалися,
Да и всѣ на пиру да прирасхвастались.
А Дунай-отъ говорилъ да таковы слова:
— Гулялъ я, молоде́цъ, да изъ земли въ землю,

— Загулялъ я, молодéцъ, да къ королю въ Литву;
— Король меня, молодца, да любилъ-жаловалъ,
— Да и королиха вѣдь молодца тако же,
— А Настасья королевична у души держи́тъ.—
А то вѣдь какъ королю да не показалося [1],
Скрычалъ король да гласомъ громкіимъ:
„Ой же вы, палачи есн немило́сливы!
„Да возьмите-тко Дуная за бѣлы́ руки́,
„Еще за тѣ перстни возьмите за злаченые,
„Да ведите-тко Дуная въ чисто́ поле,
„Отсѣките-тко Дунаю да буйну голову!“
Повели Дуная мимо домъ да Настасьюшкинъ;
А не до́йдучись дому до Настасьинаго,
Скричалъ Дунай въ полгласа человѣческа:
— Спишь ты, Настасья, не пробудишься:
— Вѣдь ведутъ-то Дуная во чисто́ поле!—
Проходилъ онъ противъ дому Настасьина,
Да скричалъ Дунай да во всю голову:
— Все ты спишь, моя Настасья, не пробудишься:
— Вѣдь ведутъ Дуная да во чисто́ поле!—
А скричалъ Дунай-то гласомъ громкіимъ:
Отъ того палата да и зашаталася,
И королевична Настасья пробужалася.
И бѣжитъ Настасья да на широкой дворъ,
Во единой вѣдь рубашечкѣ и бе́зъ пояса,
И кричала же она да гласомъ зычныимъ:
„Ой же вы есн, палачи немило́сливые!
„Возьмите-тко казны, да колько надобно,
„А спустите-тко Дуная во чисто́ поле!
„Да подите-тко еще да на царевъ кабакъ,
„И напойте, палачи, да пьяницу кабацкаго,
„Да отсѣките-тко ему да буйну голову,

[1] Не понравилось.

„Тую голову снесите королю Ляховинскому“.
И послушались Настасьи палачи немилослéвы,
Да и брали они казны, да колько надобно,
И спустили вѣдь Дуная во чистó поле,
И пошли они еще да на царевъ кабакъ,
Напоили они тамъ да пьяницу кабацкаго,
Да отсѣкли они ему да буйну голову
И снесли ту головý да къ самому царю.
И пошелъ втогда Дунай да во чистó поле,
Да зашелъ еще Дунай какъ вѣдь во Кіевъ градъ,
Заходилъ Дунай да на царевъ кабакъ,
Пропилъ тутъ Дунай да шляпу греческу,
Еще пропилъ онъ съ себя сапожкѝ сафьянные,
Да съ себя онъ пропилъ и все платье цвѣтное:
Сидитъ топерь Дунай да вѣдь въ рогозочки [1].

[1] Въ рогожѣ.

2. НѢПРА И ДОНЪ.

Какъ тотъ ли этотъ князь стольне-кіевской
А сдѣлалъ онъ, задернулъ свой почестный пиръ.
Какъ всѣ-то къ ему на пиръ собиралися,
Всѣ тамъ на пиру наѣдалися,
Какъ всѣ тамъ на пиру напивалися,
Стали тамъ они всѣ пьянешеньки
А стали всѣ они веселешеньки,
Князи всѣ, бояра-то русійскіе
А тые-ты могучи всѣ бога́тыри,
Какъ всѣ-то они вѣдь тамъ расхвастались.
Какъ тутъ была еще межу́ има
А тая эта Нѣ́пра королевична;
Какъ-то тая Нѣ́пра королевична
Какъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
„А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ мо́лодцевъ
„Проти́во меня, Нѣпры королевичной!
„Сило́ю да нѣту, ухваткою
„Противъ стараго каза́ка Ильи Муромца,
„А красотою еще было, угожествомъ
„Противо вѣдь Михайлы По́тыка Иванова,
„А тишиною-говоромъ [1], смиреньицемъ
„Противо-то Добрынюшки Микитича,
„А нѣту-то вѣдь еще богачествомъ

---

[1] Т.-е. тихимъ говоромъ.

„Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
„А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
„Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
„Поступкою, походкою, пощапкою [1]
„Противо-то Чурилки щапа [2] Плёнкова“.
Сама она еще не спохвáлила
А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
А своего-то мужа любимаго.
Какъ тихій тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
А говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же ты да Нѣ́пра королевична!
— Когда же ты охвоча-то [3] была удáлая
— Стрѣлять-то было стрѣлочекъ каленыихъ,
— Подёмъ-ко мы съ тобой на чистó поле,
— Станемъ стрѣлять стрѣлочекъ каленыихъ:
— Который вѣдь стрѣли́тъ видняе-то [4] !—
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична
Взимаетъ тутъ-то ножичекъ булатныи,
Какъ тое-то колечушко серебряно,
Относитъ что за версту за мѣрную;
Натянула тутъ она свой да тýгой лукъ
А клала она стрѣлочку каленую,
Стрѣли́ла тутъ за версту за мѣрную,
Попадала въ колечко-то серебряно,
И росколола она стрѣлочку равны́мъ-равно,
Да равнымъ то равно стрѣлку нá двое.
А клали половинки на вѣсы они,
Никóя никоей не перетягиватъ.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Розгорѣлось его сердце богатырское,

[1] Щегольствомъ.
[2] Щеголь.
[3] Охотница.
[4] Лучше, метче.

Какъ скоро натянулъ свой онъ ту́гой лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую.
Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
Началъ-то онъ стрѣлочкой помахивать
А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
— Ай же ты моя любима́ калена́ стрѣла!
— Пади же ты не на́ воду, не на́ землю,
— А ты пади ко Нѣ́пры королевичной,
— А ты пади же ей во бѣлу́ю грудь.—
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична,
Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезилася
А тутъ-то вѣдь она порасплакалась:
„Ахъ тихіи ты Донъ сынъ Ивановичъ!
„А не стрѣли-тко ме́ня, Нѣпры королевичной.
„Да несу я ти сына любимаго,
„А по колѣнъ-то ноженьки во се́ребрѣ,
„А по локо́ть-то ру́ченьки во золотѣ,
„А по косицамъ[1] пекутъ будто звѣздышки,
„Назади-ти возсіятъ будто свѣтелъ мѣсяцъ,
„Впереди-то какъ будто солнышко“.
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
А ничего тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
Какъ скоро онъ стрѣли́лъ ю во бѣлу́ю грудь.
Какъ пала тутъ она на сыру́ землю,
Облилась о́на кровью тутъ горючею.
Какъ тихій тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
Взимаетъ онъ ножище тутъ кинжалище:
Ино ль то вѣдь еще правда есть?
Пласталъ-то онъ вѣдь ей да бѣлую грудь.
Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
Засѣянъ-то вѣдь во чревѣ тотъ сынъ-то былъ:
По колѣнъ-то ноженьки во се́ребрѣ,

[1] Виски.

А по локоть-то ру́ченьки во золотѣ,
Назади просвѣчатъ будто свѣтелъ мѣсяцъ,
Впереди еще какъ тамъ солнышко.
Какъ взялъ это ножище онъ кинжалище,
Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь супротивъ себя,
А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
— Да куды пала головка бѣлой лебеди,
— А тутъ пади, головушка, сѣра́ гуся!—
Палъ онъ на ножище тутъ кинжалище,
Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е [1] горька́я смерть.
Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ крестьянскія [2],
Отъ крестьянскія крови безнапрасныя
Какъ протекала тутъ да Нѣпра́ рѣка.
Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
А въ ширину рѣка сорока сажонъ.
Только-то вѣдь Донушку славу поютъ,
А той ли этой Нѣпрѣ королевичной.
Тутъ-то ихъ да жительство рѣшилося [3].

---

[1] Т.-е. пришла есть—старинная форма прошедшаго времени.
[2] Т.-е. христіанскія.
[3] Кончилось.

ДЮКЪ

Былина о Дюкѣ Степановичѣ въ основѣ своей представляетъ сюжетъ иноземнаго происхожденія, переработанный въ русскую пѣсню. Этотъ сюжетъ въ основныхъ своихъ чертахъ напоминаетъ извѣстное въ русской письменности уже XII — XIII в. „Сказаніе объ Индіи богатой“, этой „странѣ чудесъ“ западнаго и восточнаго средневѣковья. Основная мысль этого „Сказанія“ — попытка доказать превосходство въ роскоши, богатствѣ Индійскаго владыки Іоанна надъ могучимъ Византійскимъ царемъ — сохранена въ общемъ и нашей былиной; превосходство это доказывается описаніемъ несмѣтныхъ богатствъ Индійскаго царя, которое и составляетъ главное содержаніе „Сказанія“; описаніе это отразилось въ рядѣ частностей и на былинѣ: какъ весь блескъ византійскаго царя блѣднѣетъ передъ роскошью и богатствомъ индійскаго владыки, такъ и Дюковы богатства совершенно затмеваютъ собой кажущуюся роскошь двора Владимира и его стольнаго Кіева. Есть сходство отчасти и въ самой фабулѣ: Мануилъ греческій (въ „Сказаніи“) отправляетъ пословъ описать богатства царя Индійскаго и убѣждается въ своемъ безсиліи сдѣлать этотъ подсчетъ; то же происходитъ и съ Владиміромъ и его послами въ Галичъ. Даже ироническій совѣтъ царя Іоанна—продать свое царство—нашелъ откликъ въ совѣтѣ Дюка Владиміру (по нѣкоторымъ варьянтамъ былины) продать Кіевъ и княженіе на бумагу, чтобы описать его, Дюковы, богатства. Т. о. сомнѣнія въ иноземномъ происхожденіи фабулы нашей былины въ ея первоначальномъ видѣ быть не можетъ. Но фабула эта получила уже русскую обработку подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій; сверхъ того, можно предполагать, что и самая фабула пришла на Русь уже въ отличномъ нѣсколько видѣ отъ той, какую мы знаемъ теперь изъ книжнаго „Сказанія“. На мѣсто же созданія первоначальной пѣсни и ея дальнѣйшую судьбу даютъ намъ указанія отдѣльныя детали дошедшей до насъ былины, поскольку ихъ можно пред-

полагать по ея варьянтамъ сохранившимися отъ первоначальной пѣсни. Такими указаніями являются въ ней нѣкоторыя имена лицъ и географическія названія, прежде всего имя самого богатыря— Дюкъ Степановичъ—и названіе города Волынца-Галича, откуда этотъ Дюкъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ: Дюкъ—это популярное византійское имя и въ то же время близкое съ употребительнымъ тамъ же почетнымъ званіемъ: Дука (греч. Δούκας) и „дуксъ" (δούξ изъ лат. dux). Имя Дуковъ носили въ XI в. и императоры Комнины и знатныя византійскія фамиліи; оно было извѣстно и на Руси, хотя бы изъ переведеннаго не позднѣе XII в. греческаго романа о Девгеніи (который идетъ изъ рода Дуковъ); хорошо было извѣстно оно и въ Галиціи, землѣ, бывшей въ эпоху своего расцвѣта (XII — XIII в.) въ оживленныхъ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ съ Византіей, югомъ славянства и западной Венгріей. Изъ послѣднихъ странъ могъ этотъ Дука (Дюкъ), зашедшій въ Галичъ, получить и отчество „Степановичъ" отъ цѣлаго ряда извѣстныхъ Стефановъ, королей Венгріи и Сербіи, и т. п.; возможно, что былъ извѣстенъ какой-либо выходецъ дуксъ Стефанъ, котораго подъ вліяніемъ имени Дуки превратили въ Дюка Степановича,—словомъ: какъ самъ Дюкъ, такъ его отчество могли быть результатомъ тѣсныхъ связей Галицкой земли съ сосѣдними странами. Первоначальная пѣсня, сообщавшая, вѣроятно, о приходѣ изъ Византіи въ Галичъ знатнаго, богатаго византійскаго боярина Дюка, въ своемъ прототипѣ имѣла, скорѣе всего, разсказъ о приходѣ какого-то знатнаго, богатаго человѣка изъ Индіи въ Царьградъ: недаромъ былины упоминаютъ въ отдѣльныхъ варьянтахъ не Галичъ, а Индію, откуда пришелъ въ Кіевъ Дюкъ. Т. о. первоначальная пѣсня, заимствуя основу изъ-чужа, скорѣе всего изъ Византіи, сложилась именно въ Галичѣ, гдѣ для героя получила имя Дюка; затѣмъ, втянутая въ Кіевскій циклъ, она измѣнилась въ томъ смыслѣ, что Дюкъ изъ Галича идетъ въ Кіевъ; пышное же развитіе Галицко-волынской земли XII—XIII в. при ослабленіи Кіева оставляло въ силѣ сопоставленіе богатой Индіи и Царяграда и при перемѣнѣ: Галичъ—Кіевъ. За галицкое

происхожденіе былины о Дюкѣ говоритъ и ея конецъ: Чурило, соперникъ Дюка, ведетъ свое происхожденіе скорѣе также изъ Галича, нежели изъ Кіева или иного центра.

Въ XV—XVI в. подъ вліяніемъ уже московской обстановки юго-западная былина, проникшая на сѣверъ, приняла отчасти (главн. обр. въ описательной части) черты бытовыя московскія: дворецъ Дюка начинаетъ напоминать обстановку то царскаго дворца, то богатыхъ палатъ бояръ московскихъ. Съ этимъ обликомъ былина и дошла до насъ.

ДЮКЪ.

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь-земли богатыя,
Да изъ той Карелы изъ упрямыя,
Да изъ той Сорочины изъ широки,
Изъ той Индѣи богатыя
Ни ясенъ соколъ тамъ прилéтывалъ,
Да не бѣлый кречетко вонъ выпорхивалъ, —
Да проѣхалъ удалой дороднiй доброй молодецъ,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ;
Да на гуся ѣхалъ Дюкъ, на лебедя,
Да на сѣру пернасту малу утицу.
Да изъ утра проѣхалъ день до вечера,
Да не наѣхалъ нú гуся и ни лебедя,
Да ни сѣрой пернастой малой утицы.
Да не разстрѣливалъ вѣдь Дюкъ-отъ триста стрѣлъ,
Да триста стрѣлъ ровно трú стрѣлы,
Головой-то качатъ, проговариватъ:
„Да всѣмъ-то стрѣламъ я цѣну знаю,
„Только трёмъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю.
„Почему эти стрѣлы были дороги?
„Да потому эти стрѣлы были дороги,
„На три граночки были стрѣлы строганы,
„Да изъ той тростиночки заморскiя.
„Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,

„Что на три граночки были стрѣлы строганы,—
„Да тѣмъ-де были стрѣлы дороги:
„Перены-де перомъ были сизá орла,
„Не того орла сиза орловича,
„Да которой летае по святой Руси,
„Бьетъ сорокъ, воронъ, черную галицу,
„Да тово-де орла сиза орловича,
„Да который летае по синю морю,
„Да и бьетъ-де онъ гуся да и лебедя
„И отлетаетъ, садится на бѣлъ камень,
„Щиплетъ, ронитъ-де перьица орлиныя,
„Да отметыватъ нá море на синее.
„Мимо ѣдутъ-де гости карабельщики,
„Да развозятъ тѣ перьица по всѣмъ ордамъ,
„По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
„Дарятъ царей все, царевичевъ,
„Дарятъ королей и королевичевъ,
„Дарятъ сильныхъ могучихъ богатыревъ.
„Да пришли эти перья мнѣ въ дáровяхъ [1],
„Оперилъ-де я этимъ пéрьемъ трú стрѣлы.
„Да еще не тѣмъ, братцы, были стрѣлы дороги,
„Что перены-де были перьемъ сизá орла,—
„Да тѣмъ-де стрѣлы были дороги:
„Въ носъ и въ пяты втираны каменья яхонты.
„Гдѣ стрѣла та лежитъ, такъ отъ ней лучъ печетъ,
„Будто въ день отъ краснаго отъ солнышка,
„Да въ ночи-то отъ свѣтлаго отъ мѣсяца“.
Да собиралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колчанъ.
Да дѣло-то вѣдь, братцы, дѣется:
Да во ту ли во субботу Великоденную [2]
Да прiѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,

---

[1] Въ подарокъ.
[2] Т.-е. пасхальную.

Да ушли ко ве́черни ко Христовскія,
Да пошолъ Дюкъ ко ве́черни Христовскія,
Отстояли ве́черню въ церкви Божіей,
Да выходитъ-де Дюкъ изъ Божіей церквы,
Становился на крылечки переныя [1].
Да выходитъ его матушка изъ Божіей церквы,
Да понизешенько Дюкъ поклоняется,
Да желтыма-ты кудрями до сырой земли,
Да и самъ говоритъ таково слово:
„Государыни ты свѣтъ а моя матушка!
„Да на всѣхъ городахъ, мать, много бывано,
„Да во городѣ во Кіевѣ не бывано,
„Да Владимира князя, мать, не видано,
„Да государыни княгини свѣтъ Апраксіи.
„Дай мнѣ, матушко, прощенье-благословенье [2]—
„Съѣздити во Кіевъ градъ,
„Повидати солнышка князя Владимира,
„Государыню княгиню свѣтъ Апраксію“.
Говорила ему мать да таковы слова:
— Да свѣтъ ты мое чадо милое,
— Да молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Да не ѣзди-тко ты во Кіевъ градъ:
— Да живутъ тамъ люди все лукавые,
— Изведутъ тебя, добраго молодца,
— Бывъ хороша наливного яблока.—
Да говорилъ Дюкъ, матери отвѣтъ держалъ:
„Да государыни моя ты родна матушка!
„Да даси́ [3]), мать, прощенье, поѣду я;
„И не даси́, мать, прощенья, поѣду я“.
Да давала матушка прощеніе,
Да матушкино благословеніе,

---

[1] Съ перилами.
[2] Благословеніе.
[3] Дашь-ли.

Давала матушка плетоньку шелковую.
Да поклонъ отдалъ Дюкъ, прочь пошолъ,
Да ходилъ на конюшню стоялую,
Да и выбиралъ жеребца себѣ неѣ́зжана:
Да изо стá бралъ да изъ тысячи,
Да и выбралъ себѣ бурушку косматаго,
Да у бурушка шорсточка трехъ пядей,
Да у бурушка грива была трехъ локоть,
Да и хвостъ-отъ у бурушка трехъ саженъ.
Да уздалъ узду ему тесмяную,
Да сѣдлалъ онъ сѣделышко черкасское,
Да накинулъ попону пестрядиную,
Да строчена была попона въ три строки:
Да первая строка краснымъ золотомъ,
Да другая строка чистымъ сéребромъ,
Да третья строка мѣдью-казаркою [1],
Да котора-де была казарка-мѣдь,
Да подороже ходитъ злата и серебра.
Да не дорога узда была—въ цѣлу тысяцу,
Да не дорого сѣделко—во двѣ тысяци,
Да попона та была—во три тысячи.
Снарядилъ-де Дюкъ лошадь богатырскую,
Да отходитъ прочь, самъ посматриватъ,
Да посматриватъ Дюкъ, поговариватъ:
„Да и конь ли лошадь, али лютой звѣрь,
„Да съ-подъ-наряду добра коня не видѣти“.
Да въ торока-ты кладетъ платья цвѣтныя,
Въ торока-ты кладетъ калены стрѣлы,
Да въ торока-ты кладетъ золоту казну.
Да скоро дѣ́тина собирается.
Собирался-де скоро, на коня́ ли самъ сѣлъ.

---

[1] Значеніе не ясно; м. б. въ смыслѣ: „темный“ (бронза)? ср. казарка—черносѣрый гусь (Даль).

Хорошо-де подъ нимъ добрый конь повыскочилъ:
Черезъ стѣну маше прямо городовую,
Черезъ высоку башню наугольную.
Да хорошо-де пошолъ въ поле добрый конь:
Да мети-ты [1] мече онъ по́ версты,
Да мети-ты мече по двѣ версты,
Да по двѣ, по три, по пяти́-де верстъ,
Да повыше идетъ дерева жаровчата [2],
Да пониже иде облака ходячаго.
Да онъ рѣки, озера между ногъ пустилъ,
Да гладкіе мхи перескакивалъ,
Да синее-то море кругомъ-де несъ.
Да налегала на молодца Горынь-змѣя,
Да о двѣнадцати зла, де, ли о хоботахъ,
Да и хочетъ добра коня огнемъ пожечь.
Да добрый конь у змѣи ускакивалъ,
Да добра молодца у смерти унашивалъ.
Да налегалъ тутъ на мо́лодца лютый звѣрь,
Да хочетъ добра коня живкомъ сглотить,
Да со боярскимъ со Дюкомъ со Степановымъ.
Да доброй конь у звѣря́ ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да налетало на молодца стадо́ грачевъ,
Да, по нашему, стадо черныхъ вороновъ,
Да хотятъ они молодца расто́ргнути.
Да доброй конь у грачевъ ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да й тѣ заставы Дюкъ проѣхалъ всѣ,
Да на заставу пріѣхалъ на четвертую.
Да край пути стоитъ во полѣ бѣлъ шатеръ,

---

[1] Меть — конская побѣжка, когда лошадь съ дыбковъ выкидываетъ обѣ переднія ноги разомъ; курцгалопъ (Даль).

[2] То же, что „жаровой“: высокоствольный, съ вѣтвями только у вершины (Подвысоцкій).

Во шатрѣ́-то спитъ могучъ бо́гатырь,
Да старой-де казакъ Илья Муромецъ.
Да пріѣхалъ-де Дюкъ ко бѣлу шатру,
Да не съ разума слово зго́ворилъ:
„Да кто-де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ,
„Да выходи-ко съ Дюкомъ поборотися“.
Да вставае Илья на чеботы́ сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные,
Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
Да самъ говоритъ таково слово:
— Да я смѣю-де съ Дюкомъ поборотися,
— Поотвѣдаю-де Дюковой-то храбрости.—
Да одо́лѣла-де страсть [1] Дюка Степанова,
Да падалъ съ коня Ильѣ во рѣзвы ноги,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
„Да одно у насъ на небеси-де солнце красное,
„Да одинъ на Руси-де могучъ богатырь,
„Да старо́й-де ка́закъ Илья Муромецъ!
„Да кто-де съ нимъ смѣе поборотися,
„Тотъ боками отвѣдатъ матки тунъ-травы“.
Да Ильѣ эти рѣчи полюбилися,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
— Да ты удалый дородный доброй молодецъ,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Да ты будешь во городѣ во Кіевѣ,
— Да живутъ тамъ вѣдь люди все лукавые,
— Да и станутъ налегать на те́бя молодца,
— Да ты пиши ярлы́ки скорописчаты,
— Да ко стрѣламъ ярлыки припечатывай,
— Да разстрѣливай стрѣлы во чисто́ поле.
— У меня-де летае младъ ясенъ соколъ,
— Да собираетъ-де всѣ стрѣлы со чиста поля:

---

[1] Т.-е. овладѣлъ страхъ, ужасъ.

— Да пособлю-де я, дѣтина, твоему горю.—
Да поклонъ отдалъ Дюкъ, на коня́ ли самъ сѣлъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Да пріѣхалъ онъ вѣдь во Кіевъ градъ,
Черезъ стѣну маше прямо городовую,
Да черезъ вы́соку башню наугольную,
Да пріѣхалъ ко палаты княженецкія.
Сходилъ онъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня
Неприкована его да непривязана,
Да пошолъ-де Дюкъ во высокъ теремъ,
Да приходитъ Дюкъ во высокъ теремъ,
Крестъ-отъ кла́детъ по-писаному,
Да поклоны ведетъ по-учéному,
На всѣ стороны Дюкъ поклоняется,
Желтыма-ты ку́дрями до сырой земли.
Владимира въ домѣ не случилося;
Да одни какъ тутъ ходя люди стряпчіе.
Говоритъ тутъ Дюкъ таково слово:
„Да вы стряпчіе люди всѣ дворецкіе!
„Да гдѣ у васъ солнышко Владиміръ князь?“
Говорятъ ему люди стряпчіе:
— Да ты удалой дородный добрыйі молодецъ!
— Да изученье [1] мы видимъ твое полное,
— Да не знамы тебѣ ни имени ни вотчины [2].
— А у насъ Владимира въ домѣ не случилося:
— Да ушолъ ко заутрени Христовскіе.—
Да больше Дюкъ не разговаривалъ,
Да выходилъ онъ на улицу парадную,
Да садился Дюкъ на добра коня,
Да пріѣхалъ къ сóбору Богородицы.

[1] Образованіе.
[2] Т.-е. отчества.

Сходилъ-де Дюкъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня
Неприкована его да непривязана,
Да зашолъ-де Дюкъ во Божью церковь.
Да крестъ-отъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Да на всѣ стороны Дюкъ а поклоняется,
Желтыма-ты ку́дрями до сырой земли,
Становился подлѣ князя Владимира,
Промежду-де Бермяты Васильевича,
Промежду-де Чурила сына Пленковича,
Да кланяется да поклоняется,
Да на платье-де часто самъ посматриватъ:
„Да погода-та, братцы, была вешняя,
„Да я ѣхалъ мхами да болотами,
„Убрызгалъ-де я свое платье цвѣтное“.
Говорилъ тутъ Владимиръ таково слово:
— Да скажись-ко, удалый дородный добрый молодецъ!
— Ты коей орды да коей земли,
— Тебя какъ, молодца, зовутъ по имени?—
„Да есть я изъ города изъ Галича,
„Изъ Волынь-земли изъ богатыя,
„Да изъ той Карелы изъ упрямыя,
„Да изъ той Сорочины изъ широкія,
„Да изъ той Индѣи богатыя,
„Молодой-де боярской Дюкъ Степановичъ,
„Да на славу пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ“.
Говорилъ-де Владимиръ таково слово:
— Да скажи, удалый дородный добрый молодецъ!
— Да давно ли ты изъ города изъ Галича?—
Говоритъ-де Дюкъ, ему отвѣтъ держитъ:
„Да свѣтъ государь ты Владимиръ князь!
„Да вечерню стоялъ я въ славномъ Галичѣ,
„Да къ заутрени поспѣлъ къ тебѣ во Кіевъ градъ“.

Говоритъ-де Владимиръ таково слово:
— Да дóроги ли у васъ кони въ Галичѣ?—
Да говорилъ Дюкъ, Владимиру отвѣтъ держалъ:
„Да есть у насъ кони, сударь, пó рублю,
„Да есть, сударь, кони по два рубли,
„Да есть по сту, по два, по пяти-де сотъ.
„Да своему-де добру коню цѣны не знай [1],
„Да я цѣны не знай, бурку не вѣдаю“.
Говоритъ-де Владимиръ таково слово:
— Слушайте, братцы князи бояра!
— Да кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
— Да отъ Кіева до Галича много ль разстоянія?—
Говорятъ ему князи да и бояра:
„Свѣтъ государь ты Владимиръ князь!
„Да окольней дорогой—на шесть мѣсяцевъ,
„Да прямой-то дорогой—на три мѣсяца,
„Да были бы-де кони перемѣнные:
„Съ коня-де нá конь перескакивать,
„Изъ сѣдла въ сѣдло лишь перемахивать“.
Да говорятъ ему князи да и бóяра:
„Да свѣтъ государь ты Владимиръ князь!
„Да не быть тутъ Дюку Степанову,
„Тако быть мужиченку засельщинѣ,
„Да засельщинѣ быть деревенщинѣ.
„Да жилъ у купца гостя торговаго,
„Да укралъ-унесъ платье цвѣтное;
„Да жилъ у и́ного боярина,
„Да угналъ у боярина добра коня,
„На иной городъ пріѣхалъ и красуется,
„Надъ тобой-то, князёмъ, надсмѣхается,
„Да надъ нами, боярами, пролыгается“.
Да отстояли они заутреню въ церкви Божіей,

[1] Знаю.

Да съ обѣднею да святы́е честны́е молебены,
Выходили на улицу парадную.
Да на улицѣ стоитъ народу и смѣты нѣтъ,
Да смотрятъ на лошадь богатырскую,
На его-то снаряды молодецкіе.
Да садились они-де по добрымъ конямъ,
Да поѣхали къ высокому терему.
Да ѣдетъ-де Дюкъ, головой качатъ,
Головой-то качатъ, проговариватъ:
— Да у Владимира все а не по нашему:
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— Да у моей-то сударыни у матушки
— Да мощены-де были мосты все дубовые,
— Сверху стланы-де сукна багрецовыя.
— Напередъ-де пойдутъ у насъ лопатники,
— За лопатниками пойдутъ и метельщики,
— Очищаютъ дорогу сукна стланаго.
— А твои мосты, сударь, неровные,
— Неровные мосты да все сосновые.—
Да пріѣхали они къ широкому двору,
Головой-то качатъ Дюкъ, проговариватъ:
— Да хороша была сла́ва на Владимира,
— Да у Владимира все-де не по нашему:
— Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
— Да у моей-то сударыни у матушки
— Надъ воротами было рамъ (?) [1] до семи́десятъ,
— А у Владимира того-де не случилося,
— Да одна—та икона была мѣстная.—
Да заѣхали они на широкой дворъ,
Да головой качатъ Дюкъ, проговариватъ:
— Да хороша была сла́ва на Владимира,
— У Владимира-де все а не по нашему:
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,

[1] Повидимому, испорчено: м. б. рамъ—кіотовъ?

— Да у моей сударыни у матушки
— На дворѣ стояли столбы все серебряны,
— Да продернуты кольца позолочены,
— Разоставлена сытá медвяная,
— Да насыпано пшены-то бѣлоярыя,
— Да е что добры́мъ конямъ пить-ѣсть-кушати.
— А у тебя, Владимиръ, того-де не случилося.—
Да зашли-де они во высокъ теремъ,
Да садились за столы за бѣлодубовы,
Понесли-де по чаркѣ зелена вина.
Да молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Головой-то качатъ, проговариватъ:
— Да хороша была славá на Владимира,
— У Владимира-де все а не по нашему:
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— У моей-то сударыни у матушки
— Да глубокіе были погребы,
— Сорока-де саженъ въ землю копаны.
— Зелено вино на цѣпяхъ виситъ на серебряныхъ;
— Да были въ поле-то трубы понавéдены:
— Да повѣетъ-де вѣтръ изъ чиста поля,
— Да проноситъ зáтохоль великую.
— Да чару-ту пьешь, другая хочется,
— Да безъ третьей чары минуть нельзя.
— А твое, сударь, горько зелено вино
— Да пахнетъ на зáтохоль великую.—
Понесли послѣднюю ѣству—колачики крупичаты,
Говорилъ-де Дюкъ таково слово:
— Хороша была славá на Владимира,
— У Владимира-де все а не по-нашему:
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— У моей-то сударыни у матушки
— Да калачикъ съѣси [1], а другаго хочется,

[1] Если съѣшь.

— А безъ третьяго да минуть нельзя.
— Да твои, сударь, горькіе калачики,
— Да пахнутъ они на хвою сосновую.—
Да тутъ-то Чурилу стало за́зорко [1],
Да и̋ самъ говорилъ таково слово:
„Да свѣтъ государь ты Владимиръ князь!
„Да когда правдой дѣтина похваляется,
„Дакъ пусть ударитъ со́ мной о великъ закладъ:
„Щапить-басить [2] по три года
„По стольнему городу по Кіеву,
„Надѣвать платья на разъ, на другой не перенашивать“.
Поро́къ поставили пятьсотъ рублей:
Который изъ ихъ а не перещапитъ,
Взяти съ того пятьсотъ рублей.
Премладыи Чурило сынъ Пленковичъ
Обулъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ,
Носы—шило, а пята́—востра,
Подъ пяту хоть соловей лети,
А кругомъ пяты хоть яицо кати.
Да надѣлъ онъ шубу-ту купеческу:
Да во пуговкахъ литы добры молодцы,
Да во петелькахъ шиты красны дѣвицы,
Да положилъ онъ шапку черну мурманку,
Да ушисту-пушисту и завѣсисту:
Спереди-то не видно ясныхъ очей,
А сзади́ не видно шеи бѣлыя.
А молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Да по Кіеву онъ не снаряденъ шолъ:
Обуты-то у его лапо́тцы-ты семи́ шелковъ,
И въ этыи ла́потцы были вплетаны
Каменья все яхонты.

---

[1] Досадно.
[2] Щеголять-красоваться.

Да который же камень самоцвѣтные
Сто́итъ го́рода всего Кіева,
Опришно [1] Зна́менья Богородицы,
Да опришно прочихъ святителей.
И надѣта была у его шуба-та расхожая:
Во пуговкахъ литы́ люты́ звѣри,
Да во петелькахъ шиты́ люты́ змѣи.
Да бралъ онъ Дюкъ матушкино благословленіе,
Плетоньку шелковую:
Да подернулъ Дюкъ-отъ по пуговкамъ,
Да заревѣли во пуговкахъ люты́ звѣри;
Да подернулъ Дюкъ-отъ по пе́телькамъ,
Да засвистали во петелькахъ люты́ змѣи.
Да отъ того-де реву отъ звѣринаго,
И отъ того-де свисту отъ змѣинаго
Да въ Кіевѣ старой и малой на земли лежитъ,
Только малые люди оставалися.
Да за Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулися:
— Тебѣ спасибо, удалый дородній добрый молодецъ!
— Перещапилъ ты Чурила сына Пленковича.—
И тогда взялъ онъ съ Чурила пятьсотъ рублей,
Да купилъ на пятьсотъ зелена вина,
Да напоилъ онъ голей кабацкихъ всѣхъ до́ пьяна.
Тогда всѣ тутъ голи зрадова́лися.
Тутъ еще Чурилу стало за́зорко,
Да самъ говорилъ таково слово:
„Свѣтъ государь ты Владимиръ князь!
„Когда же правдой дѣтина похваляется,
„Да пошлемъ мы туда переписчика,
„Во славную во Волынь-землю“.
— Кого намъ послать переписчикомъ?—
„Да пошлемъ мы Добрынюшку Микитьевича“.

[1] Т.-е. кромѣ этой церкви.

Да поѣхалъ Добрыня во Волынь-землю,
Во славной во Галичъ градъ
Житья его, богачества описывать.
Да нашолъ онъ три высоки три терема,
Не видалъ теремо́въ такихъ на семъ свѣтѣ.
Зашолъ Добрыня во высокъ теремъ:
Да сидитъ жена стара-ма́тера,
Мало шолку—вся въ золотѣ.
Говорилъ-де Добрынюшка Микитьевичъ:
— Ты здравствуй, Дюкова матушка!
— Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
— По-низку велѣлъ поклонъ поставити.—
Говорила жена стара-матера:
„Удалой дородній добрый молодецъ!
„Изученье вижу твое по́лное,
„Да не знай тебѣ ни имени, ни вотчины.
„А я не Дюкова здѣсь а есть вѣдь матушка,
„А Дюкова здѣсь а есть портомойница“.
Да тутъ Добрынѣ стало за́зорко,
Отъѣзжалъ-де Добрыня во чисто́ поле,
Да просыпалъ Добрыня ночку темную.
На утро пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Да нашолъ три вы́соки три терема,
Не видалъ теремовъ такихъ на семъ свѣтѣ.
Да зашолъ-де Добрыня во высокъ теремъ:
Да сидитъ жена стара-матера,
Мало-де шелку—вся въ золотѣ.
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Ты здравствуй, Дюкова матушка!
— Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
— По-низку велѣлъ поклонъ поставити.—
Говоритъ жена стара-матера:
„Удалый ты дородній добрый молодецъ!
„Я не знай тебѣ ни имени, ни вотчины.

„Да не Дюкова здѣсь а есть я матушка,
„А Дюкова здѣсь а есть я божатушка [1].
„Не найти тебѣ здѣсь Дюковой матушки:
„У насъ на утро Христово Воскресеніе.
„Да ты стань на дорогу прешпехтивую,
„Гдѣ-ка стланы сукна багрецовыя;
„Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
„За лопатниками пойдутъ метельщики,
„Очищаютъ дорогу су́кна стланаго.
„Дакъ ты стань на дорогу прешпехтивую:
„Да пойдетъ тутъ Дюкова-та матушка“.
Да тутъ Добрынѣ стало за́зорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто́ поле,
Просыпалъ Добрыня ночку темную.
На утро пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Да сталъ на дорогу прешпехтивую,
Гдѣ-ка стланы сукна багрецовыя:
Напередъ пошли тутъ лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Да очищаютъ дорогу су́кна стланаго.
Потомъ пошла ужо толпа-де вдовъ,
Пошла тутъ Дюкова-та матушка.
То умѣетъ дѣтина покланятися
Желтыма́ кудрями до сырой земли.
— Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
— Тебѣ сынъ послалъ челомбитіе,
— По-низку велѣлъ поклонъ поставити.—
Говорила Добрынѣ мати таково слово:
„Скажи ты, удалый дородній добрый молодецъ,
„Я не знай тебѣ ни имени, ни вотчины,
„А изученье вижу твое полное.

[1] Отъ слова: „божатка“ или „бажатка“—крестная мать, рѣже—крестница (Куликовскій).

„У насъ сегодня Христово Воскресеніе:
„Пойдемъ со мной во Божью церковь,
„Простой ты обѣдню воскресенную,
„Заберу молодца тебя въ высóкъ теремъ,
„Напою-накормлю хлѣбомъ-солію“.
Простояли обѣдню въ церкви Божіей,
Забрала молодца во высóкъ теремъ,
Поитъ и кормитъ да много чествуетъ.
Да премладыи Добрынюшка Микитьевичъ
Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Да самъ говорилъ таково слово:
— Да государыни ты Дюкова матушка!
— Да я вѣдь пріѣхалъ не тебя смотрѣть,
— Житья твоего, богачества описывать:
— Призахвастался сынъ твой богачествомъ.—
Да брала старуха золоты ключи,
Да привела его въ погребы темные,
Гдѣ-ка складена деньга не хожалая:
Смекалъ Добрыня много времени,
Да не могъ онъ деньгамъ и смѣты дать.
Да привела его въ амбары мугазенные,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе;
Да смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ товарамъ онъ смѣты дать.
Да садился Добрыня наременьчатъ стулъ,
Да писалъ ярлыки скорописчаты,
Да самъ говорилъ таково слово:
— Да намъ съ города изъ Кіева,
— Да везти бумаги на шести возахъ,
— Да чернилъ-то везти на трехъ возахъ,
— Да описывать Дюково богачество,
— Да не описать будетъ.—
Да прощался Добрыня-то съ Дюковой матушкой,
Да садился Добрыня на добра коня,

Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣхалъ онъ въ славной Кіевъ градъ
Да ко князю Владиміру,
Ярлыки на дубовъ столъ клалъ,
Словесно-то больше самъ разсказыватъ.
Тогда Дюкова правда сбывается,
Да будто вешная вода разливается.
Да еще тутъ Чурилу стало за́зорко,
Да самъ говорилъ таково слово:
„Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
„Да когда же правдой дѣ́тина похваляется,
„Дакъ пусть со мной ударитъ о великъ закладъ:
„Скакать на добрыхъ коней,
„За матушку Почай рѣку,
„И назадъ на добрыхъ коняхъ отскакивать“.
И ударились они о великъ закладъ,
Да не о стѣ они и не о тысячѣ,—
Да ударились они о своихъ о буйныхъ головахъ:
Который изъ ихъ не перескочитъ,
Дакъ у того молодца голова срубить.
Премладыи Чурило-то сынъ Пленковичъ
Выводилъ-де Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ-де самолучшаго.
Да разганивалъ, да онъ разъѣзживалъ
Изъ да́леча-дале́ча изъ чиста поля,
Да скакалъ-де за матушку Почай рѣку.
Молодой-отъ боярской Дюкъ Степановичъ
Да не разганивалъ, да не разъѣзживалъ,
Да съ кру́того берегу коня своего приправливалъ,
Да скочилъ-де за матушку Почай рѣку,
И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ,
И Чурила къ кру́тому берегу притягивалъ.
Тогда выдергивалъ Дюкъ-отъ саблю вострую,
Да хотѣлъ ему срубить буйну голову.

Тогда вступился князь и со княгинею,
Говорили Дюку Степанову:
— Удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Не руби ты Чурилу буйной головы,
— Да спусти ты Чурила на свою волю. —
Тогда Дюкъ-отъ пиналъ Чурила правóй ногой,
Да улетѣлъ Чурило во чисто поле,
Да самъ говорилъ таково слово:
„А й де ты Чурило сухоногiе!
„Да поди, щапи съ дѣвками да съ бабами,
„А (не) съ нами, съ добрыма мóлодцами".
Да прощается Дюкъ-отъ со княземъ Владимиромъ,
Съ государынею княгиней Апраксiей:
„Да простите вы, бояра всѣ Кiевски,
„Всѣ мужики огородники!
„Да споминайте вы Дюка вѣки нá вѣки".
Да садился Дюкъ на добра коня,
Да уѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
Ко своей-то матушкѣ сударынѣ,
Да сталъ жить быть, вѣкъ коротати.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ

Большая былина о Михайлѣ Потыкѣ (По́токѣ), подобно другимъ, уже въ основѣ своей (первоначальной пѣснѣ) произведеніе сложное: съ одной стороны, это—сказка съ широкораспространенной на востокѣ и западѣ международной темой о невѣрной женѣ, съ другой—легенда о змѣеборцѣ, также широко распространенная и въ русской и иноземной письменности, и устной словесности. Не имѣя еще въ настоящее время данныхъ, чтобы прослѣдить появленіе и пути распространенія на Руси первой темы (во всякомъ случаѣ, весьма давней здѣсь), для второго элемента пѣсни мы можемъ указать довольно близкую параллель и изъ нея объяснить себѣ странное на первый взглядъ имя богатыря: имя Михайла (Ивановича) Потыка соотвѣтствуетъ имени св. Михаила изъ Потуки (половины IX в.). Легенда о немъ (включенная въ его житіе, помѣщенное подъ 22 ноября въ сборникѣ житій, т.-н. Прологѣ, явившемся въ славянскомъ переводѣ не позднѣе XIII вѣка) разсказываетъ: Михаилъ изъ гор. Потуки по происхожденію болгаринъ, сражался съ агарянами, послѣ побѣды надъ ними возвращается на родину; здѣсь онъ убилъ змія, жившаго въ озеркѣ и поѣдавшаго дѣтей города, которыхъ ему ежедневно выставляли на съѣденіе жители; убивши змія, онъ спасъ дѣвицу, обреченную на жертву змію, но былъ самъ раненъ, пришелъ въ городъ, гдѣ вскорѣ умеръ; отъ его мощей начались чудеса; мощи его были торжественно перенесены въ столицу Болгаріи Тырновъ. Такимъ образомъ и въ этой легендѣ мы имѣемъ передъ собой бродячій мотивъ, давно извѣстный и на Руси (ср. св. Георгія, Добрыню—также змѣеборцевъ), лишь пріуроченный къ опредѣленному имени (Михаила) и локализированный (Потука). Въ результатѣ, генезисъ первоначальной пѣсни, обработанной позднѣе въ былину, до насъ дошедшую, намѣченъ можетъ быть предположительно въ такомъ видѣ: легенда о змѣеборцѣ, извѣстная на Руси въ устномъ и письменномъ видѣ, получила для своего героя

имя отъ болгарскаго святого, также связанное съ такой же легендой; затѣмъ, въ соединеніи съ бродячей сказочной темой (въ деталяхъ, по замѣчанію изслѣдователей, болѣе близкой къ западнымъ, нежели къ восточнымъ пересказамъ), стала отправнымъ пунктомъ при созданіи пѣсни. Обработка этихъ уже объединившихся сюжетовъ произошла, по всѣмъ вѣроятіямъ, на русскомъ юго-западѣ (Галичъ, Волынь, Подолія), что подтверждается тѣми условіями, которыя здѣсь должны были имѣть мѣсто: проникновеніе юго-славянскаго (въ частности, болгарскаго) имени популярнаго святого—Михаила изъ Потуки—въ русскую пѣсню могло быть тамъ, гдѣ юго-славянское (болгарское) вліяніе было болѣе интенсивно и умѣстно, и тогда, когда это вліяніе, дѣйствительно, было на лицо; оба эти условія указываютъ на Галицкую Русь XII—XIII в., въ это время особенно тѣсно связанную въ своей исторіи со славянскимъ югомъ и непосредственно соприкасавшуюся (на Дунаѣ) съ Болгаріей; время это совпадаетъ и съ расцвѣтомъ такъ называемаго „второго" болгарскаго царства и усиленнымъ вліяніемъ его на Русь (для ея юга—XIII в., для сѣверовостока—XIV-й); а въ это время (1206 г.), какъ разъ, и совершилось торжественное перенесеніе мощей Михаила изъ Потуки въ Тырновъ,—событіе, несомнѣнно, оживившее легенды о немъ. На ту же Галицкую землю, какъ родину пѣсни, намекаетъ занесенное въ былину указаніе о происхожденіи жены Потыка: онъ ее добылъ изъ Подоліи (она называется въ большинствѣ пересказовъ „Подоленкой"). За это же предположеніе говоритъ и то, что имя Потыка, извѣстное до сихъ поръ въ народной поэзіи въ Галиціи, нигдѣ еще (разумѣется, кромѣ былинъ) не встрѣчается въ русской поэзіи другихъ областей.

Въ результатѣ мы видимъ въ былинѣ первоначальную пѣсню, сложившуюся на юго-западѣ Руси и только потомъ включенную, подобно другимъ былинамъ, въ Кіевскій циклъ. Послѣдующія измѣненія ея тѣ же въ общемъ, что и для другихъ былинъ: это—отслоенія сказочныя (имя Вахрамѣя, мотивъ о живой и мертвой водѣ), времени татарщины (дань въ орду), полукнижныхъ сказаній (сага о Соломонѣ—Иванъ Окульевичъ), легенды (о Николѣ Можайскомъ) и т. д.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Ай старый казакъ онъ Илья Муромецъ,
А говоритъ Ильюша таково слово:
„Да ай же мои братьица крестóвые,
„Крестовые-то братьица названые,
„А молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
„Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
„А ѣдь-ка ты, Добрыня, за сине море,
„Кори-тка ты язы́ки тамъ невѣрные,
„Прибавляй земельки святорусскія.
„А ты-то ѣдь еще, Михайлушка,
„Ко тыи ко корбы́ [1] ко темныи,
„Ко тыи ко грязи́ ко черныи,
„Кори ты тамъ язы́ки все невѣрные,
„Прибавляй земельки святорусскія.
„А я-то вѣдь, старикъ, да постарше васъ,
„Поѣду я во далече еще во чистó поле,
„Корить-то я язы́ки тамъ невѣрные,
„Стану прибавлять земельки святорусскія".
Какъ тутъ-то молодцы да поразъѣхались:
Добрынюшка уѣхалъ за сине море;
Михайла онъ уѣхалъ ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи́ ко черныи,

[1] Корба—ложбина, поросшая большимъ, дремучимъ лѣсомъ, трущоба (Куликовскій).

Къ ца́рю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву;
Ильюшенька уѣхалъ во чисто́ поле,
Корить-то тамъ язы́ки все невѣрные
А прибавлять земельки святорусскія.
Пріѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
А на тое на да́лечо на чисто́ поле,
Раздернулъ тутъ Михайлушко свой бѣлъ шатеръ,
А бѣлъ шатеръ еще бѣлополо́тняной.
Тутъ-то онъ Михайлушка раздумался:
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— Ѣхать молодцу мнѣ-ка томному,
— А томному [1] молодцу мнѣ, голодному;
— А лучше молодецъ я поѣмъ, попью.—
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то легъ.
Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
А была-жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорную,
Выходитъ что на выходы высокіе
А смотритъ какъ во трубоньку подзорную
Во далечо она во чисто поле;
Углядѣла-усмотрѣла во чисто́мъ полѣ:
Стоитъ-то тамъ шатеръ бѣлополо́тняный,
Стоитъ тамъ шатеръ, еще сма́хнется,
Стоитъ шатеръ тамъ, еще розма́хнется,
Стоитъ шатеръ, еще вѣдь ужъ со́йдется,
Стоитъ шатеръ, тамъ еще разо́йдется.
Какъ смотритъ эта Марья лебедь бѣлая,
А смотритъ что она, еще думу думаетъ:
„А это есте здѣ да русскій богатырь же“.

[1] Усталый.

Какъ бросила тутъ трубоньку подзорную,
Приходитъ тутъ ко ро́дному ко батюшку:
„Да ай же ты да мой ро́дной батюшко,
„А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
„А далъ ты мнѣ прощенья-благословленьица
„Летать-то мнѣ по тихіимъ за́водямъ,
„А по́ тымъ по зеленыимъ по за́тресьямъ [1],
„А бѣлой лебедью три́ году.
„А тамъ я налеталась, нагулялася,
„Еще вѣдь я наволевалася [2]
„По тыимъ по тихіимъ по за́водямъ,
„А по тымъ по зеленыимъ по за́тресьямъ.
„А нуньчу вѣдь ты да позволь-ка мнѣ
„А дру́го ты еще мнѣ-ка три́ году
„Ходить гулять-то во да́лечемъ мнѣ во чисто́мъ полѣ,
„А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой“.
Какъ онъ опять на то ей отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Ай же ты да дочка-та царская мудреная!
— Когда плавала по тихіимъ по за́водямъ,
— По тымъ по зеленымъ по за́тресьямъ,
— А бѣлой ты лебёдушкой три́ году,
— Ходи же ты гуляй красной дѣвушкой
— А друго-то еще три да три́ году,
— А тожно [3] тутъ я тебя замужъ отдамъ.—
Какъ тутъ она еще поворoти́лася,
Батюшку она да поклони́лася.
Какъ батюшко да даваетъ ей нянекъ мамокъ-тыхъ,
Ахъ тыхъ ли этихъ вѣрныхъ служаночекъ.
Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка

---

[1] Иначе — затрясы: часть воды, покрытая трясиною, тростникомъ (Куликовскій).

[2] Т.-е. пользовалась волею.

[3] Тогда.

Во далече она во чисто́ поле
Скоры́мъ скоро́, скоро́ да скорешенько;
Не могутъ за́ ней тамъ гнаться няньки-ты,
Не могутъ за́ ней гнаться служаночки.
Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
А няньки эти всѣ да оставаются,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
„Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
„А вы назадъ топерь воротитесь-ка,
„Не нагоняться вамъ со мной красной дѣвушкой“.
Какъ нянюшки вѣдь ей поклонилися,
Назадъ они обратно воротилися.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
Выходитъ тутъ она ко бѣлу́ шатру.
Какъ у того шатра бѣлополо́тняна
Стоитъ-то тутъ, увидѣлъ ю добрый конь,
Какъ началъ ржать да еще копьемъ-то мять [1]
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать землюшка продрагивать.
Какъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу онъ самъ пометается,
Выскакалъ онъ въ тонкiихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкiи бѣлыи рубашкѣ безъ пояса.
Смотритъ тутъ Михайло на всѣ стороны,
А никого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
Какъ говоритъ коню таково слово:
— Да ай ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— А что же ржешь, ты да копьёмъ-то мнешь
— А во тую во матушку сыру землю,
— Тревожишь ты русiйскаго богатыря?—

---

[1] Копьемъ, по объясненiю пѣвца, тутъ значитъ — копытомъ: „такъ поется“, утверждалъ пѣвецъ.

Какъ взглянетъ на дру́гую шатра еще другу сто́рону,
Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подскакивалъ,
А хочетъ цѣловать, миловать-то ю,
Какъ тутъ она ему воспрого́воритъ:
„Ай же ты уда́лой доброй мо́лодецъ!
„Не знаю я тебѣ да ни имени,
„Не знаю я тебѣ ни изотчины.
„А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
„Король ли ты, да королевичъ есть?
„Столько знаю, да ты русской-то бога́тырь здѣсь.
„А не цѣлуй меня, красной дѣвушки:
„А у меня уста были поганыя,
„А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашія,
„Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая.
„А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
„Ты возьми, сади на добра́ коня,
„А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
„А проведи во вѣру во крещеную,
„А тожно ты возьми-тко меня за себя заму́жъ“.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ;
Садилъ онъ-то къ себѣ на добра́ коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
А проводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли они тутъ златы вѣнцы.
Какъ клали о́ни заповѣдь великую:
Который-то у нихъ да напередъ умретъ,
Тому итти во матушку сыру землю на три́ года
Съ тымъ со тѣломъ со мертвымъ.
Ино они вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей на́живать.
Да тутъ за тѣмъ князь тотъ стольне-кіевской

Какъ сдѣлалъ онъ, задернулъ свой почестный пиръ
Для князей, бояръ да для кіевскихъ,
А для русійскихъ всѣхъ могучихъ богáтыревъ.
Какъ всѣ-то óни нá пиръ собираются,
А всѣ тутъ на пиру наѣдаются,
А всѣ тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ оні́ тамъ пьянешеньки,
А стали всѣ они веселешеньки;
Стало красно солнышко при вечерѣ,
Да почестной пиръ, братцы, при веселѣ.
Какъ тутъ-тó вѣдь не ясные соколы
Во чистомъ полѣ еще разлеталися,
Такъ русійскіе могучіе богáтыри
Въ одно мѣсто съѣзжалися
А на тотъ-то на тотъ на почестной пиръ.
Ильюшенька пріѣхалъ изъ чистá поля,
Хвастаетъ Ильюшенька, спрогóворитъ:
— А былъ-то я еще во чистóмъ полѣ,
— Корилъ-то я язы́ки все невѣрные,
— А прибавлялъ все земельки святорусскія.—
Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
„А былъ-то я за славнымъ за синимъ моремъ,
„Корилъ тамъ я язы́ки все невѣрные,
„А прибавлялъ земельки святорусскія“.
Какъ ино что Михайлушкѣ да чѣмъ буде повыхвастать?
Сидитъ-то тутъ Михайло, думу думаетъ:
— Какъ я, у меня нуньчу у молодца
— Получена столькі́ [1] есть молода жена.
— Безумной-отъ какъ хвастатъ молодой женой,
— А умной-отъ какъ хвастатъ старой матушкой.—
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
— Какъ былъ-то я у корбы у темныя

[1] Т.-с. только.

— А у тыи у грязи я у черныя,
— А у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева.
— Корилъ-то я язы́кушки невѣрные,
— А прибавлялъ земельки святорусскія.
— Еще-то я съ царёмъ тамъ во дру́гіихъ
— Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
— А въ до́роги тавлеи[1] золоченыя;
— Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
— Безсчётной-то еще-то золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ;
— Повезъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
— Какъ отвозилъ я ю на чисто́ поле,
— Какъ оси-ты телѣжные желѣзны подломилися;
— Копалъ-то тутъ я погребы глубокіе,
— Спустилъ казну во по́гребы глубокіе.—
На ту пору еще на то времечко
Изъ Кіева тутъ дань попросилася
Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлые годы, что за нунѣшній.
Какъ князи тутъ-то кіевски, все бо́яра
А тотъ ли этотъ князь стольне-кіевской
Какъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
„Да ай же вы, бояра вы мои всѣ кіевски,
„Русійски все могучіе богатыри!
„Когда нунь у Михайлушки казна еще
„Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,—
„Дакъ нунечку еще да теперечку
„Изъ Кіева нунь дань попросилася
„Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву—
„Пошлемъ-то мы его да туды-ка-ва
„Отдать назадъ безсчетна золота казна,
„А за двѣнадцать лѣтъ за прошлые годы, что за нунѣшній".

[1] Шашки, кости.

Накинули тутъ службу великую
А на того Михайлу на Пóтыка
Всѣ князи тутъ бояра кіевски,
Всѣ русійскіе могучіе богáтыри.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается
Опять назадъ ко корбы ко темныи
А ко тыи ко грязи ко черныи,
Къ царю онъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю онъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А заѣзжалъ на его да на ши́рокъ дворъ,
А становилъ онъ добрá коня вѣдь середь широкá двора
Къ тому столбу ко точеному,
А привязалъ къ кольцу къ золоченому,
Насыпáлъ коню онъ пшены бѣлояровой.
Самъ онъ шолъ вѣдь тутъ по новы́мъ сѣнямъ
А заходилъ въ палату во царскую
Къ царю онъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
Клонится Михайло на всѣ стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамѣю въ особину:
— Здравствуй, царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ! —
„Ахъ здравствуй-ко, удáлый доброй молодецъ!
„Не знаю я тебѣ да ни имени,
„Не знаю я тебѣ ни изотчины.
„А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
„Ли король, ли ты королевичъ есть?
„Али съ тиха Дону́ ты донской казакъ,
„Аль грозной есть посолъ Ляховитскій,
„Аль старый казакъ ты Илья Муромецъ?“
Какъ говоритъ Михайла таково слово:

— Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
— А не король-то я, не королевичъ есть,
— Не изъ тиха́ Дону́ не донской казакъ,
— Не грозной я посолъ Ляховитскій былъ,
— Не старый я казакъ Илья Муромецъ,—
— А есть-то я изъ города изъ Кіева
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.—
„Зачѣмъ же ты, Михайла, заѣзжалъ сюда?“
— Зашолъ-то я сюда, заѣзжалъ къ тебѣ,
— А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
— А я слыхалъ—скажутъ, ты охочь играть
— Да въ доски-ты шахматны,
— А въ до́роги тавлеи золоченыя,
— А я-то вѣдь еще ужъ также бы.
— Поиграемъ-ка во доски мы шахматны,
— Въ до́роги тавлеи золо́ченыя.
— Да ахъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Насыпь-ко ты да безсчетной золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.—
Какъ ино тутъ Михайлушко спрого́воритъ:
— Ахъ ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— А бью я о головкѣ молодецкіи:
— Какъ я тебѣ буду служить да слугою вѣрною
— А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ
— За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ.—
Какъ этотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ
Охочь играть во доски-ты шахматны
А въ до́роги тавлеи золоченыя,
Всякого-то вѣдь онъ да по́игралъ [1].
Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
А набъ мнѣ молодца да повыиграть.
Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,

[1] Т.-е. обыгрывалъ.

Начали они по дощечкѣ ходить-гулять.
А тутъ Михайлушка ступе́нь ступилъ—не до́ступилъ,
А дру́гой какъ ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А третій что ступилъ, его по́игралъ,
А выигралъ безсчетну золоту казну—
А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Да ахъ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Топеречку еще было нунечку
— Дань изъ города изъ Кіева спросилася:
— Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ пойдетъ,
— Какъ эта безсчетна золота казна,
— А за двѣнадцать годъ за прошлые что годы, за нунѣшній,
— Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотилася.—
Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣеву
А стало зарко [1] есть, роззадорило,
Стало жаль безсчетной золотой казны.
Какъ говоритъ Михайлѣ таково слово:
„А молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„А поиграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
„Насыплю я безсчетной золотой казны
„А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
„А ты-то мнѣ служить да слугой будь вѣрною
„А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ“.
Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ молодецкіи.
Наставили тутъ доску-ту шахматну,
Какъ начали они тутъ ходить-гулять
По той дощечкѣ по шахматной.
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не до́ступилъ,
А другой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,

[1] Обидно.

А третій-то ступилъ, его й поигралъ,
Какъ выигралъ безсчетной золотой казны —
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
Воспроговоритъ опять онъ таково слово:
„Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
„Въ тыи во дощечки во шахматныя.
„Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
„А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
„А о тоемъ о томъ великъ залогъ:
„А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
„А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлые что годы, что за нунѣшній,
„А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
„А ты бей-ко о головки молодецкіи:
„Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
„А будь ты мнѣ служить да до смерти-то“.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головкѣ молодецкіи,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощечку тутъ шахматну.
А й тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А третій какъ ступилъ, его и по́игралъ,
Выигралъ безсчетну золоту казну:
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было на то времечко
А налеталъ тутъ голубь на окошечко,
Садился-то тутъ голубь со голубкою,
Началъ по окошечку прохаживать,
А началъ онъ за тѣмъ выговаривать
А тѣмъ а тѣмъ язы́комъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

— Ты играшь, молодецъ, да проклаждаешься,
— А надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Твоя-то есть вѣдь молода жена,
— А тая-то вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась.—
Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматну,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичный мостъ [1]
А во палаты тутъ да во царскія.
А терема всѣ тутъ пошаталися,
Хрустальныя оконницы посыпались,
Да князи тутъ, бояра всѣ мертвы́ лежатъ,
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ раскорякою,
Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
„А молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Оставь ты мнѣ бояръ хоть на сѣмена,
„Не стукай-ко доской ты во кирпичный мостъ“.
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тка безсчетну золоту казну
— Во стольній-отъ городъ да во Кіевъ градъ.—
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра́ коня,
Сѣдлатъ, самъ выговариватъ:
— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А несъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тка нунь домой меня во три́ часа.—
Приправливалъ Михайлушко добра́ коня,
Пошолъ онъ, поскакалъ его добрый конь
Рѣки-ты, озера перескакиватъ,
А темной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ:
Пришолъ онъ, прискакалъ да во Кіевъ градъ,

[1] Т.-е. полъ.

Пришолъ онъ, прискакалъ вѣдь ужъ въ трй часа.
Разсѣдлывалъ коня тутъ, разуздывалъ,
А насыпа́лъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы [1] высокіе,
Закричалъ Михайло во всю голову:
— Да ай же мои братьица крестóвые,
— Крестовые вы братьица, названые?
— Ай старый казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А подьте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую.—
Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то они уда́лы снаряжалися,
Приходятъ они къ брату крестовому,
Къ мóлоду Михайлѣ да къ Пóтыку:
„Ай же братъ крестовый нашъ, названый!
„А ты чего кричишь, насъ тревожишь ты,
„Русійскихъ могучихъ насъ богáтыревъ?"
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
— Да ай же мои братьица крестовые,
— Крестовые вы братьица, названые!
— Стройте вы колоду бѣлоду́бову:
— Итти-то мнѣ во матушку во сыру́ землю
— А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
— Итти-то мнѣ туды да на три года,—
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли воды да туды-ка-ва,
— Чтобы было тамъ мнѣ на трй года запасу-то.—
Какъ этыи тутъ братьица крестовые
Скоры́мъ-скорó, скорó да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлоду́бову.
Какъ тотъ-этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ,

[1] Выходы — балконъ, идущій непрерывно по тремъ сторонамъ дома (Куликовскій).

Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ тро́и-ты· кле́щи-ты,
А трои прутья еще да желѣзные,
А трои еще прутья оловяные,
А третьи напослѣдь еще мѣдные.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлоду́бову
А со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ.
Какъ братьица крестовы тутъ, названые
Да на́били они обручи желѣзные
На тую колоду бѣлоду́бову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую во суботу въ Христовскую;
Какъ тутъ это старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А братья что кресто́вые, названые,
Копали погребъ тутъ они глубокіи,
Спустили ихъ во матушку во сыру́ землю,
Зарыли-то ихъ въ желты́ пески.
Какъ тамъ была змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подзе́мелью.
Приходитъ къ той колоды бѣлоду́бовой;
Какъ разъ она змѣя тутъ да дернула,
А обручи на колодѣ тутъ лопнули;
Дру́гой-отъ разъ еще она й дернула,
А рядъ-то она тесу тутъ сдернула
А со тыи колоды бѣлоду́бовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлѣ не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на́ ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ кле́щи желѣзныя.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Тре́тій еще разъ она дернула,
Остатній-то рядъ она сдернула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказалися,
Да тутъ тая змѣя зрадова́лася:

„А буду-то я нуньчу сытая,
„Сытая змѣя не голодная!
„Одно есте тѣло да мертвое,
„Друга жива головка человѣческа“.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во кле́щи-ты,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзные,
А началъ бить поганую ю въ одноконечную [1].
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу я ти живу́ воду́ да въ три года“.
Какъ бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А я принесу я-то живу́ воду́ да въ два́ года“.
— Да нѣтъ мнѣ [2], окаянна, все такъ долго ждать.—
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу-то я тебѣ живу́ воду́ въ одинъ-то годъ“.
А расхлысталъ онъ прутья-то желѣзные
О тую змѣю о проклятую,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловяные,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу тебѣ живу́ воду́ я въ полъ-года“.
— А нѣтъ мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—

[1] Т.-е. безъ перерыва (объясненіе пѣвца).
[2] Т.-е. нельзя.

А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу живу́ воду́ въ три мѣсяца“.
— А нѣтъ-то мнѣ, поганая, все долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу живу́ воду́ въ два мѣсяца“.
— А нѣтъ-то мнѣ, поганая, все долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А расхлысталъ онъ прутья оловяные,
Хватилъ-то онъ прутья да мѣдные,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„А принесу я ти живу́ воду́ а въ мѣсяцъ-то“.
— А нѣтъ мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
„Принесу я ти живу́ воду́ въ недѣлю-то“.
— А нѣтъ мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„А принесу я ти живу́ воду́ въ три-то дни“.
— А нѣтъ мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, поклоняется:

„Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
„Принесу я ти живý водý въ два-то дня“.
— А нѣтъ мнѣ окаянная, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, поклоняется,
А говоритъ змѣя да таково слово:
„А принесу живý водý въ одинъ-то день“.
— А нѣтъ мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, поклоняется:
„Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
„Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
„Принесу я ти живý водý въ три часа“.
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Какъ этую змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себѣ змѣнышевъ,
Не спустилъ ихъ со змѣей со поганою.
Полетѣла та змѣя по подзéмелью,
Принесла она живý водý въ три часа.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣныша:
Ступилъ-то онъ змѣнышу на ногу,
А какъ раздернулъ-то змѣныша на двое,
Приклалъ-то вѣдь по старому въ óдно мѣсто,
Помазалъ-то живой водой змѣныша,
Какъ сросся-то змѣнышъ, сталъ по старому;
А въ другіихъ [1] помазалъ—шевелился онъ,
А въ третьихъ-то збрызнулъ—побѣжалъ-то какъ.
Какъ гóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же ты змѣя да поганая!
— Клади же ты да заповѣдь великую,
— Чтобы ты нé ходить по подзéмелью,

[1] Т. е. въ другой разъ.

— А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мертвыихъ.—
Какъ клала она заповѣдь поганая великую:
А не ходить больше по подзе́мелью,
А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мертвыихъ.
Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Збрызну́лъ эту Марью лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдь этою,
Какъ тутъ она еще да вѣдь вздро́гнула;
Какъ дру́гой разъ збрызну́лъ, она сидя сѣла-то;
А въ тре́тьихъ-то онъ збрызну́лъ, она повыстала;
А далъ воды́-то въ ротъ, она заговорила-то:
— Ахъ мо́лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— А долго-то я нунечу спа́ла-то.—
„Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
„А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая“.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка раздумался,
А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
Какъ думалъ-то Михайлушка, удумалъ онъ,
А закрычалъ Михайла во всю голову.
Какъ этое дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходитъ что народъ тутъ отъ завтренки Христовскія
На тую на буевку[1] да на ту сыру́ землю.
Какъ ино вѣдь народъ еще піуслу́хались:
А что это за чудо за диво есть,
Мертвые въ земли закричали всѣ?
Какъ этые тутъ братьица крестовые,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто они сходилися,
Сами тутъ они вѣдь ужъ думу думаютъ:
— А видно, нашъ есть братецъ былъ крестовыи,

[1] Т.-е. кладбище.

— А стало душно-то ему во матушкѣ сырой землѣ,
— А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
— А онъ кричитъ вѣдь тамъ громкимъ голосомъ.—
Какъ скоро взымали лопаты желѣзныя,
Бѣжали тутъ они да на яму-ту,
Разрыли какъ они тутъ желтые пески, —
Ажно тамъ они да оба́ живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всей ордѣ, по всей землѣ, по всей да селенныи [1],
Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрена она дочка, безсмертная.
Какъ на эту на славушку великую
Пріѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ
А со своей со силою великою
А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
Какъ на ту пору было, на то времечко
Богатырей тутъ дома не случилося,
Столько [2] тутъ дома да слу́чился
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далече еще во чисто́ поле
А драться съ той со силою великою.
Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ три́ часа,
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ.

[1] Т.-е. вселенной.
[2] Т.-е. только.

Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то легъ.
Какъ спитъ онъ молодецъ проклаждается,
А надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ:
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ,
Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
„Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
„А ты поди-ка Марья за меня замýжъ,
„А за царя ты за Ивана за Окульева“.
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
„А ты поди, поди за меня замýжъ,
„А будешь слыть за мной ты царицею,
„А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
„А будешь станешь слыть портомойница
„У стольняго у князя у Владимира“.
Какъ тутъ она еще да подумала:
— А что-то мнѣ-ка слыть портомойница?
— Лучше буде слыть мнѣ царицею
— А за тѣмъ за Иваномъ за Окульевымъ.—
Какъ ино тутъ она еще на то укидалася,
Позвалась, пошла за его́ замýжъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло проклаждается,
А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,
А тая-то вѣдь было любимá семья,
А еще она Марья лебедь бѣлая
Замýжъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну богáтырь пробуждается,
Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то его братьица пріѣхали,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,

А молодой Добрынюшка Микитиничъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Началъ онъ у ихъ тутъ довѣдывать:
„Да ай же мои братыца крестовые,
„Крёстовые вы братьица, названые!
„А гдѣ-то есть моя молода жена,
„А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?“
Какъ тутъ ему они воспрóговорятъ:
— Какъ слышали отъ князя отъ Владимира,
— Твоя-то тамъ есте молода жена
— Она была вѣдь нунечку замýжъ пошла
— А за царя-то за Ивана за Окульева.—
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
„Ай же мои братьица крестовые!
„Поѣдемте мы, братьица, за имъ слѣдъ съ угоною [1]“.
Говорятъ ему таково слово:
— Да ай же ты нашъ братецъ крестовый былъ!
— Не честь-то намъ хвала мóлодцамъ
— А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
— Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тебя,
— Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною.
— А ѣдь-ко ты одинъ, доброй молодецъ,
— А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай;
— А застанешь ты вѣдь ихъ на чистóмъ полѣ,
— А отсѣки ты тамъ царю да головушку.—
Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чистóмъ полѣ.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Увидала тутъ Михайлушку Пóтыка,
Какъ тутъ скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонныихъ,
Подходитъ тутъ къ Михайлѣ да къ Пóтыку:

[1] Т.-е. за нимъ вслѣдъ въ погоню.

„Ахъ мо́лодъ-то ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
„Меня сило́мъ везетъ да прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
„Какъ выпей-ко ты чару зелена́ вина
„Съ тоски-досады со великія“.
Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
Выпивалъ онъ чару зелена́ вина,
А по другой да тутъ душа горитъ;
Другую-то онъ выпилъ, да вѣдь тре́тью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайло онъ допьяна,
Палъ-то на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ Ивану таково слово:
„Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
„А отсѣки Михайлѣ ты головушку“.
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Да ажъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— А соннаго-то бить, что мнѣ мертваго.
— А лучше онъ проспится, протверезится,
— Дакъ буду я бить-то его силою,
— Силою, я войскомъ великіимъ:
— А будетъ молодцу мнѣ честь-хвала.—
Какъ тутъ она еще да скоры́мъ-скоро́
Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
А выкопать что яму глубокую.
Какъ слуги ей тутъ да вѣрные
Копали они яму глубокую,
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайла во сыру́ землю,
А приказала-то зарыть его въ песочики желтые.
Какъ ино тутъ впередъ они поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чисто́мъ полѣ.
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,

А пробѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидали-то какъ братья тутъ крестовые,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Сами какъ говорятъ промежу́ собой:
„А нѣтъ жива́-то братца же крестоваго,
„Крестоваго-то братца, названаго,
„Молода́ Михайлушки По́тыка“.
Садились тутъ они на добрыхъ коней,
Поѣхали они слѣдъ угоною.
А ѣдутъ тутъ они по чисту́ полю,
Михайлинъ еще конь напередъ бѣжитъ.
А прибѣгалъ на яму на глубокую,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьемъ-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Какъ смотрятъ эти братца крестовые:
„А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ,
„А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ“.
Какъ тутъ-то вѣдь они да скоры́мъ-скоро́
Копали эту яму глубокую.
А онъ-то тамъ проспался, прохмелился, протверезился,
Скочилъ-то тутъ Михайло на рѣзвы́ ноги,
Какъ го́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же мои братьица крестовые!
— А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая?—
Говорятъ тутъ братья таково слово:
„А тая-то вѣдь Марья лебедь бѣлая
„Она вѣдь нунечку заму́жъ пошла
„А за прекраснаго царя да за Окульева“.
— Поѣдемте мы, братьица, съ угоною.
Какъ говорятъ они тутъ таково слово:
„Не честь-то намъ хвала молодецкая
„А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,

„А стыдно намъ буде да похабно е.
„А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодецъ,
„Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чисто́мъ полѣ,
„А ничего больше ты не слѣдуй-ко,
„А отсѣки царю ты буйну голову,
„Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую“.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется,
Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается,
Засталъ-то ихъ опять на чисто́мъ полѣ,
А у тыхъ разстанокъ у крестовскіихъ,
А у того креста Леванидова.
Увидала тая Марья лебедь бѣлая
Молода́ Михайлу тутъ По́тыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
— Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
— А не отсѣкъ Михайлѣ буйной го̀ловы,
— А отсѣкетъ Михайла ти головушку.—
Какъ тутъ она опять скоры́мъ скоро́
А налила питей еще сонныихъ,
Подноситъ-то Михайлу По́тыку,
Подноситъ, сама уговариватъ:
— А какъ меже́нный [1] день не можетъ живъ-то быть,
— Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго солнышка,
— А такъ я безъ тебя, молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я ни ѣсть, ни пить,
— Ни ѣсть, ни пить, не могу больше жи́ва быть
— А безъ тебя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— А выпей-ка съ тоски нунь съ кручинушки,
— А выпей-ка ты чару зелена́ вина.—
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ, по другой душа горитъ;

[1] Лѣтній, теплый.

А третью-то онъ выпилъ, самъ пьянъ-то сталъ
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлѣ буйну голову:
— Полно тутъ Михайлѣ слѣдъ гонятися.—
А говоритъ тутъ онъ таково слово:
„Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
„А соннаго-то бить, что мнѣ мертваго.
„А пусть-ко онъ проспится, прохмелится, протверезится,
„А буду вѣдь я его бить войскомъ-то,
„А рать(ю)-то я вѣдь, силушкой великою“.
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
— Прибьетъ-то вѣдь силу-ту великую.—
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжатъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку По́тыка,
Какъ бросила Михайлу чере́зъ плечо,
А бросила, сама выговариватъ:
— А гдѣ-то былъ уда́лой добрый молодецъ,
— А стань-то бѣлъ горючiи камешекъ,
— А этотъ камешекъ пролежи да на верхъ земли трú года,
— А черезъ трú года пройди-ко онъ скрозь матушку
скрозь сыру землю.—
Поѣхали они тутъ впередъ опять,
А прiѣзжали въ эту землю Сарацынскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовые,
Старый казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Мо́лода Михайлы По́тыка Иванова,
Сами тутъ говорятъ промежу собой:

„А набъ[1] искать-то братца намъ крестоваго,
„А молода Михайлу По́тыка Иванова“.
Какъ справились они тутъ каликами,
Идутъ они путемъ да дорожкою.
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тка, братцы, добры молодцы,
— А старый казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!—
А онъ-то ихъ знаетъ, да они не знаютъ, кто:
„А здравствуй-ка ты еще, дѣдушко“.
— А Богъ вамъ по пути, добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ка[2] вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте, въ атаманы вы.—
Какъ тутъ-то они вѣдь думу думаютъ,
Сами-то говорятъ промежу́ собой:
„Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
„А гдѣ ему да гнаться за нами-то!....
„А ради мы вѣдь, дѣдушко, товарищу“.
Пошолъ рядо́мъ съ има́ тутъ дѣдушко,
Пошолъ рядо́мъ, еще напередъ-то ихъ.
А стали какъ они оставляться[3] бы,
Едва-то старичка на виду его держать-то.
Какъ тутъ пришли въ землю Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко той ко Марьѣ Вахрамѣевной,
Какъ стали тутъ они да рядо́мъ еще,
Закричали тутъ они во всю голову:
— Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А дайте намъ злату еще милостыну спасе́ную.—
Какъ тутъ-то въ земли Сарацынскiи

[1] Т.-е. надо-бъ.
[2] Т.-е. возьмите.
[3] Отставать.

Теремы во царствѣ пошаталися,
Хрустальныя оконницы посыпались
А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по пóясу бросалася
А этая-то Марья лебедь бѣлая
А смотрѣть-то каликъ что перехожiихъ.
А смотритъ что сама воспрóговоритъ:
„Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
„А это не калики, есте русскiе богáтыри:
„Старыи казакъ Илья Муромецъ,
„А молодой Добрынюшка Микитичь-онъ,
„А трéтей я не знаю, какой-то е.
„Возьми каликъ къ себѣ, ты корми, пои“.
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ они
А во тую полату во царскую,
Кормили-то, поили каликъ они досыта,
А досыта кормили ихъ да дóпьяна,
А нáдали имъ злата тутъ, сéребра,
Насыпали-то имъ да по пóдсумку.
Какъ тутъ они пошли назадъ еще добры молодцы
Къ стольному ко городу ко Кiеву.
А отошли отъ царства ровно три версты,
Забыли они братца что крестоваго,
А молода Михайлу Пóтыка Иванова.
Какъ пошли они, затѣмъ вспомнили:
— Зачѣмъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
— Забыли-то мы братца-то крестоваго,
— Молода Михайлу Пóтыка Иванова.—
Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
Сами тутъ говорятъ таково слово:
— Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
— А молода Михайлушку Пóтыка?—
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,

Отвѣчать-то имъ таково слово:
„А вашъ-то есте братецъ крестовыи—
„Лежитъ онъ у разстанокъ у крестовскiихъ,
„А у того креста Леванидова,
„А бѣлыимъ горючiимъ камешкомъ“.
Какъ тутъ они поклонились, воротилися,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою;
Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
Проходятъ они братца тутъ крестоваго.
Какъ этая калика перехожая
А говоритъ тутъ имъ таково слово:
— Ай же вы да братья все крестовые!
— Прошли да вы что братца есть крестоваго
— А молода Михайлу Поты́ка Иванова.—
Какъ тутъ-то воротился старичокъ тотъ былъ,
Приводитъ этихъ братьицевъ крестовыихъ
Къ тому горючему ко камешку,
Да говоритъ тутъ старичокъ таково слово:
„А скидывайте-ка вы, братцы, съ плечъ по́дсумки,
„А кладьте вы еще на сыру землю,
„А высыпайте вы да злато, се́ребро,
„А сыпьте-тка все вы въ одно мѣсто“.
Какъ высыпа́ли злато они, серебро
А со тыихъ со тыхъ да со по́дсумковъ,
А сыпали они тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлить:
Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ они таково слово:
— Ай же ты да дѣдушко древнiй былъ!
— А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,
— А на четыре-то части не ровно́-то бы?—
Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
„А кто-то этотъ здынетъ да камешекъ,
„А кинетъ этотъ камень чере́зъ плечо,

„Тому двѣ кучи да злата, сёребра“.
А посылатъ Ильюшенка Добрынюшку
А приздыну́ть тотъ камешекъ горючій.
Скочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здыну́лъ его,
Здыну́лъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не мо́гъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здыну́лъ онъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенька не могъ здыну́ть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этотъ-то онъ камешекъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку выговаривалъ:
„А гдѣ-то былъ горючій бѣлой камешекъ,
„А стань-ко тутъ уда́лый добрый молодецъ,
„А молодо́й Миха́йла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
„Подлегчи́сь-то [1], Михайлушка, легки́мъ-легко!“
Взималъ-то онъ да кинулъ черéзъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый доброй молодецъ,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрого́воритъ:
„Ай же вы бога́тыри русскіе!
„А я-то есть Микола можайскій,
„А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
„А я-то вамъ есть русскіимъ бога́тырямъ“.
Да столько они видли [2] старичка тутъ бы.
Какъ строили они тутъ часовенку
Тому они Миколѣ можайскому.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
А говоритъ-то имъ таково слово:

---

[1] Подлегчиться — обычно: подкрѣпиться (ѣдой, напр.); здѣсь, повидимому, въ иномъ значеніи: стать легкимъ.
[2] Т.-е. видѣли.

— Ахъ же мои братьица крестовые!
— А гдѣ-то есть моя молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая? —
Какъ говорятъ они таково слово:
„Твоя-та еще есть молода жена
„Замýжъ пошла за царя за Ивана за Окульева“.
Какъ говоритъ онъ имъ таково слово:
— Поѣдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною. —
Какъ говорятъ они таково слово:
„Не честь-то намъ хвала молодецкая
„Итти намъ за чужой-то женóй вѣдь за бабьею.
„Какъ мы-то за тобой, доброй молодецъ,
„Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
„Поди-тка ты одинъ, доброй молодецъ,
„А ничего не слѣдуй-ка, не спрашивай,
„А отсѣки царю ты буйну голову,
„Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую“.
Какъ скоро шолъ Михайла-онъ Пóтыкъ-тотъ,
А приходилъ въ землю Сарацынскую;
Идéтъ-то онъ къ полаты ко царскія.
Увидла [1] тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ налила питей она сонныхъ
А тую эту чару зеленá вина,
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А не отсѣкъ Михайлѣ буйной гóловы,
— А онъ-то нонѣ Михайлушка живой-то сталъ.
Какъ тутъ она подходитъ близешенько
А клонится Михайлѣ понизешенько:
— А ты молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Силóмъ увёзъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
— Какъ нунечку еще было теперечку

[1] Т.-е. увидала.

— Меже́нный день не можетъ живъ-то быть
— А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тебя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ
Ивановичъ,
— А не могу-то я да вѣдь жи́ва быть,
— А жи́ва быть, не могу-то ѣсть ни пить.
— Теперь твои уста были печальныя,
— А ты то вѣдь въ великой во кручинушкѣ:
— А выпей-ко съ тоски ты, со досадушки
— А нунечку какъ чару зелена́ вина.—
Какъ выпилъ-то онъ чару, по другой душа горитъ,
А дру́гу выпилъ, еще третью слѣдъ.
Напился тутъ Михайлушка допьяна,
Палъ онъ тутъ на матушку на сыру́ землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлѣ буйну голову.—
А говоритъ-то царь таково слово:
„Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
„Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
„А бить-то мнѣ-ка соннаго, что мертваго,
„А лучше пусть проспится, прохмелится, протверезится,
„А буду бить его я вѣдь войскомъ-тымъ
„А силушкой я своей я великою.
„Какъ я его побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь хвала
„По всей орды еще да селенныи“.
Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бѣлая
Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ она да вѣдь пять гвоздевъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Хватила тутъ Михайлу какъ подъ па́зухи,
Стащила что къ стѣнѣ-то городо́выя,
Роспялила Михайлу она на стѣну.

Забила ему въ ногу да гвоздь она,
А въ дру́гую забила друго́й она,
А въ руку-то забила она́, въ дру́гу такъ,
А пятой-отъ гвоздь она обронила-то.
Какъ тутъ она еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣло́ лицо,
Облился-то онъ кровью тутъ горючею.
Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана да Окульева
А бы́ла-то сестрица да ро́дная,
А та эта Настасья Окульевна;
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходитъ ко стѣнѣ къ городовыя,
А смотритъ: тутъ задернута черная за́вѣса:
Завѣшанъ тутъ Михайлушко По́тыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь за́вѣсы отдернула,
А смотритъ на Михайлушку По́тыка.
Какъ тутъ онъ прохмелился, добрый молодецъ,
Какъ тутъ она ему воспрого́воритъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Возьмешь ли ты меня за себя замужъ?
— А я бы-то тебя да избавила
— А отъ тыи отъ смерти безнапрасныя.—
„Да ай же ты Настасья Окульевна!
„А я возьму тебя за себя замужъ“.
А клалъ-то онъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скоры́мъ-скоро́ бѣжала въ кузницу,
Взимала о́на кле́щи тамъ желѣзныя,
Отдирала отъ стѣны городо́выя
А молода́ Михайлушку По́тыка,
Взимала тамъ она съ тю́рьмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка По́тыкъ-тотъ,
А утащила тутъ Михайлушку По́тыка

Въ особой-то покой да въ потайныи.
Какъ взяла она́ на́добей здравыихъ [1],
Скоры́мъ-скоро́ излѣчила тутъ Михайлушку.
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Михайла сынъ Ивановъ былъ!
— А набъ-то те́бѣ латы и кольчуги нунь,
— А набъ-то те́бѣ сабля-та вострая,
— А палица еще богатырская,
— А набъ-то тебѣ да добра́ коня? —
„Ай же ты, Настасья Окульевна!
„А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь".
Какъ тутъ она́ да скоры́мъ-скоро́ скорешенько
Приходитъ да ко родному братцу-то:
— Ай же ты, мой братецъ родимыи,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А я-то красна дѣвушка нездрава е.
— Нoче́сь мнѣ во́ снѣ-ви́дѣныи казалось ли,
— Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добра коня,
— А латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты
— А палицу еще богатырскую,
— Саблю да во третьiихъ вострую,
— Да здра́ва-то бы стала красна дѣвушка.—
Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты
А палицу еще богатырскую,
Даваетъ въ третьiихъ саблю-ту вострую,
Давалъ онъ ей еще тутъ добра́ коня,
Добраго коня богатырскаго.
Какъ тутъ она сокрутилась, обладилась,
Обсѣдлала коня богатырскаго,
Какъ отъѣзжала тутъ она на чисто́ поле,
Говорила-то Михайлушкѣ По́тыку,
Какъ говорила тамъ она ему въ потай еще:

[1] Лѣкарство, снадобье, дающее здоровье, цѣлительное.

— Приди-ко ты, Михайла на чистó поле,
— А дамъ я тебѣ тутъ добрá коня,
— А дамъ я тебѣ латы, кольчуги всѣ,
— А палицу еще богатырскую,
— А саблю еще дамъ я ти вострую.
А отходилъ Михайла на чистó поле,
А пріѣзжатъ Настасья-та Окульевна
На тое на то на чистó поле
А ко тому Михайлушкѣ къ Пóтыку
А подаватъ скоро ему тутъ добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскія,
А саблю-ту еще она вострую.
Сокрутился тутъ Михайлушка богáтыремъ.
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Бѣжала-то она назадъ домой скоры́мъ-скорó,
Приходитъ-то ко рóдному брату-то:
— Благодарим-те тéбя, братецъ мой родимый!
— А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добрá коня,
— А палицу ты мнѣ богатырскую
— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
— А съѣздила я вѣдь, прогулялася,
— Стала здрáва я вѣдь нуньчу красна дѣвушка.
Сама она подвыстала [1] на печку тутъ.
Какъ ѣдетъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоемъ на томъ добрóмъ конѣ.
Увидала тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подъѣзжатъ Михайло сынъ Ивановичъ
Ко тыи полатѣ ко царскія;
Какъ говоритъ-то Марья лебедь бѣлая:
— Прекрасный ты царь Иванъ Окульевичъ!
— Сгубила насъ сестра твоя рóдная,

[1] Влѣзла.

— А та-эта Настасья Окульевна!—
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опущалася.
Какъ тая-эта Марья лебедь бѣлая
А налила питей опять сонныихъ,
А налила она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушкѣ По́тыку:
— Ахъ, молодой Михайла По́тыкъ, сынъ Ивановичъ!
— Теперь-то нуньчу, нуньчу теперечку,
— Не можетъ-то меже́нный день а жить-то быть,
— А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тебя, а мо́лодой Михайла сынъ Ивановичъ,
— Не могу-то я вѣдь жи́ва быть,
— Ни ѣсть, ни пить, ни жи́ва быть.
— Какъ теперь твои уста нунь печальныя,
— Печальныя уста да кручинныя:
— А выпей-ка ты чару зелена́ вина
— Со тыи тоски со досадушки,
— А со досады съ той со великія.—
А проситъ-то она во слё́захъ его
А во тыихъ во слезахъ во великіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка По́тыкъ-онъ
Занесъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
А толкну́ла она его подъ руку,—
Улетѣла тая чара долекохонько.
Какъ тутъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Напередъ отсѣкъ-то Марьѣ буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану Окульеву.
А только-то вѣдь имъ тутъ славы́ поютъ.
А придалъ-то онъ имъ да горьку́ю смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,
А взялъ онъ, взялъ вѣдь ю за себя заму́жъ:

Пошли они во церковь во Божію,
Какъ приняли они тутъ златы вѣнцы.
Придался тутъ Михайлушка на царство-то,
А сталъ-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то онъ стараго да лучше прежняго.

МИХАЙЛО КАЗАРИНОВЪ

Имя Михайла Казаринова (съ варіантами: Казарянинъ, Козарушка Петровичъ, Козаренецъ и т. п.) встрѣчается только въ былинѣ о немъ, въ другихъ пѣсняхъ не попадалось; самая же былина о Михайлѣ Казариновѣ довольно популярна (извѣстно до 30 ея записей), при чемъ, однако, любопытно, что, встрѣчаясь въ Архангельской губ., въ западной Сибири (здѣсь записанъ старѣйшій и лучшій ея текстъ), даже въ Донской области, она неизвѣстна до сихъ поръ въ центрѣ былинной традиціи — въ Олонецкомъ краѣ.

Исходя изъ прозвища богатыря, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что въ основѣ этой былины лежитъ отзвукъ галицко-волынскаго преданія XII вѣка, отмѣченнаго и лѣтописью, именно: объ удачномъ отраженіи нашествія половцевъ на Зарѣчьскъ (на Волыни, въ 1106 г.), когда воеводамъ, посланнымъ княземъ Святополкомъ, въ числѣ коихъ былъ и Козаринъ, удалось перебить половцевъ и отбить у нихъ захваченный ими полонъ. Роль былиннаго Казарина до нѣкоторой степени аналогична роли Козарина лѣтописнаго: и онъ является исполнителемъ порученія князя, и ему приходится выручать полонъ — дѣвицу, захваченную татарами; мѣсто подвига лѣтописнаго Козарина — Волынь: и былинный Казаринъ, какъ герой мѣстнаго преданія, пріуроченъ также къ Волыни; наконецъ, и въ лѣтописномъ преданіи Козаринъ, подобно былинному, иногда носитъ отчество Петровича.

Съ другой стороны, лучшій по сохранности текстъ былины (Кирши Данилова) указываетъ уже на болѣе позднюю обработку стараго сюжета: таково прикрѣпленіе сюжета уже ко времени татарщины, чему, повидимому, предшествовало внесеніе галицко-волынской первоначально былины въ кіевскій циклъ; такова же, кажется, и характеристика кн. Владимира, отразившая, быть можетъ, на себѣ черты уже московскаго князя-скопидома, хозяйственно забирающаго и добытую богатыремъ

дичь, и привезенные имъ шатры, и коней татарскихъ; наконецъ, на такую же обработку стариннаго сюжета указываетъ и вліяніе другихъ былинъ: про королевичей изъ Крякова (эпизодъ о птицѣ-воронѣ), про Михаила Потыка (этотъ также посылается стрѣлять гусей-лебедей; можетъ быть, и имя Казарина—Михаилъ—идетъ отъ того же богатыря-волынца); что Казаринъ оказывается богатыремъ пріѣзжимъ изъ Волынца, это сближаетъ его опять съ волынскимъ же гостемъ, былиннымъ Дюкомъ.

Такимъ образомъ, приведенныя сопоставленія даютъ нѣкоторое основаніе представить происхожденіе былины о Казаринѣ приблизительно въ такомъ видѣ: прототипъ ея, повидимому, сложенъ былъ въ юго-западной Руси; исторической ея подкладкой могло послужить событіе 1106 года—пораженіе на Волыни половцевъ однимъ изъ кіевскихъ воеводъ Козариномъ и освобожденіе имъ русскаго полона; позднѣе къ этому сюжету съ именемъ Козарина прикрѣпился ходячій сюжетъ объ освобожденіи изъ плѣна похищенной дѣвушки, въ свою очередь пріуроченный къ эпохѣ татарщины.

МИХАЙЛО КАЗАРИНОВЪ.

Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волынца города изъ Галичья,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ;
Какъ конь подъ нимъ—какъ бы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ—какъ ясенъ соколъ;
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ:
Куякъ [1] и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна стоитъ на сто тысячей;
А кольчуга на немъ красна золота,
Кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей:
Шеломъ на буйной головѣ замычется [2],
Шелому цѣна три тысячи;
Копье въ рукахъ мурзамецкое, какъ свѣча горитъ;
Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабля острая,
Во долину сабля сажень печатная,
Въ ширину сабля восми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи,

[1] Чашуйчатыя латы изъ металлическихъ пластинокъ, нашитыхъ на кожу или матерію (Саввантовъ), разновидность панцыря и кольчуги.
[2] Замыкается, застегивается.

Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были булатныя,
А жилы слоны сохатныя[1],
И рога красна золота,
А тетивочка шелкóвая,
Бѣлаго шолку шемаханскаго.
И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А во колчанѣ было полтораста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
А конь подъ нимъ, какъ лютой звѣрь,
Цѣны коню смѣты нѣтъ;
Почему коню цѣны-смѣты нѣтъ?
Потому ему цѣны-смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Онъ скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.
А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися,
И Владиміру князю поклонитися,
Послужить вѣрою и правдою,
По заочью[2] князю не измѣною.
Какъ и будетъ онъ въ городѣ Кіевѣ
Середи двора княженецкаго,
Скочилъ Казарянинъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ дубову столбу, къ кольцу булатному,
Походилъ въ гридню во свѣтлую,
Ко велику князю ко Владиміру,

---

[1] „Слономъ, или даже слоною, называли встарь вообще тяжелое, неуклюжее или большое животное, которое слономъ слоняется по лѣсамъ. Такимъ образомъ, жилы сохатныя—жилы сохатнаго звѣря съ разсохами, лося“ (Даль).

[2] Заочно, за глаза.

Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ ему ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси, удача доброй молодецъ!
„Отколь пріѣхалъ, отколь тебя Богъ принесъ?
„Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
„А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
„По изотчеству можно пожаловати".
И сказалъ удалой доброй молодецъ:
— А зовутъ меня Михайлою Казарянинъ,
— А Казарянинъ душа Петровичъ младъ.—
А въ та поры стольной Владимиръ князь
Не имѣлъ у себя стольниковъ и чашниковъ,
Наливалъ самъ чару зелена вина,
Не велика мѣра—въ полтора ведра—
И провѣдываетъ могучаго богатыря,
Чтобы выпилъ чару зелена вина
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья [1] ведра.
Принималъ Казарянинъ единой рукой
А и выпилъ единымъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго.
Говорилъ ему ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси ты, молодой Михайло Казарянинъ!
„Сослужи ты мнѣ службу заочную:
„Съѣзди ко морю синему,
„Настрѣляй гусей, бѣлыхъ лебедей,
„Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ
„Къ моему столу княженецкому.
„До́-люби [2] я молодца пожалую".
Молодой Михайло Казарянинъ
Великаго князя не ослушался,

---

[1] Т. е. два съ половиною.
[2] До полнаго удовлетворенія чѣмъ-либо.

Помолился Богу, самъ и вонъ пошелъ;
И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ ко морю синему
Что на теплы, тихи заводи.
Какъ и будетъ у моря синяго,
На его счастки [1] великія
Привалила птица къ берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Ко его столу княженецкому,
Обвязалъ онъ своего добра коня
По могучимъ плечамъ до сырой земли
И поѣхалъ отъ моря отъ синяго
Ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистой дубъ,
На дубу сидитъ тутъ черной воронъ,
Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ прави́льно [2] перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ, что огонь, горятъ.
А и тутъ Казарину за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Онъ Казарянинъ дивуется, говорилъ таково слово:
— Сколько по полю я ѣзживалъ,
— По его государевой отчинѣ,
— Такого чуда не наѣзживалъ—
— И наѣхалъ нынѣ черна ворона.—
Въ та поры Казарянинъ
Вынималъ изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона;

[1] Счастіе.
[2] Крайнее перо въ птичьемъ крылѣ.

А и тугой лукъ свой потягиваетъ,
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
И завыли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя.
Чуть было спустилъ калену стрѣлу,
Провѣщится ему черной воронъ:
„Гой еси ты, удача доброй молодецъ!
„Не стрѣляй меня ты черна ворона,
„Моей крови тебѣ не пить будетъ,
„Моего мяса не ѣсть будетъ,
„Надо мною сердце не изнести [1];
„Скажу тебѣ добычу богатырскую:
„Поѣзжай на гору высокую,
„Посмотри въ раздолья широкія,
„И увидишь въ полѣ три бѣла шатра,
„И стоитъ бесѣда [2]—дорогъ рыбій зубъ [3]:
„На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
„Какъ бы три собаки, наѣздники,
„Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
„Русская дѣвица полоняночка,
„Молода Мареа Петровична“.
И за то слово Казарянинъ спохватается,
Не стрѣлялъ на дубу черна ворона,
Поѣхалъ на гору высокую,
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,
Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ:
На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки, наѣздники,

---

[1] Не сорвать сердца, не утѣшить (П. В. Кирѣевскій).
[2] Скамейка, сидѣнье.
[3] Моржевая кость.

Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Русская дѣвица полоняночка,
Молода Мароа Петровична,
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ [1] жалобно причитаючи:
„О злочастная, моя буйна голова!
„Горе-горькая, моя руса коса!
„А вечоръ тебя матушка расчесывала,
„Расчесала матушка, заплетала;
„Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
„Расплетать будетъ моя руса коса
„Тремъ татарамъ наѣздникамъ".
Они тѣ-то рѣчи татара договариваютъ,
А первый татаринъ проговоритъ:
— Не плачь, дѣвица, душа красная,
— Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго!
— Асделу татарину достанешься,
— Не продамъ тебя, дѣвицу, дешево,
— Отдамъ за сына за любимаго,
— За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ.—
Со тыя горы со высокія,
Какъ ясенъ соколъ напущается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичъ младъ:
Приправилъ онъ своего добра коня,
Принастегивалъ богатырскаго,
И въ рукѣ копье мурзамецкое:
Перваго татарина копьемъ сколол̄ъ,
Другого собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю.

[1] Очень.

Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Русску дѣвицу полоняночку,
Повелъ дѣвицу въ бѣлъ шатеръ,
Какъ чуть съ дѣвицею ему грѣхъ творить,
А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить.
Расплачется красна дѣвица:
„А не честь твоя молодецкая, богатырская,
„Не спросилъ ни дядины [1], ни отчины:
„Княженецкая дочь и боярская,
„Была я дочь гостинная,
„Изъ Волынца города изъ Галичья,
„Молода Мароа Петровична“.
И за то слово Казарянинъ спохватается:
— Гой еси, душа, красная дѣвица,
— Молода Мароа Петровична!
— А ты по роду мнѣ родна сестра.
— И ты какъ татарамъ досталася,
— Ты какъ тремъ собакамъ, наѣздникамъ?
Говоритъ ему родная сестра:
„Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду
„Со своей сударынею матушкою.
„Какъ издалеча, изъ чиста поля,
„Какъ черны вороны, налетывали,
„Набѣгали тутъ три татарина наѣздники,
„Полонили меня красну дѣвицу,
„Повезли меня во чисто поле:
„А я такъ татарамъ досталася,
„Тремъ собакамъ, наѣздникамъ“.
Молодой Михайло Казарянинъ
Собираетъ въ шатрахъ злата, серебра,

[1] Вмѣсто: дѣдины (отъ слова: дѣдъ), т. е. имя дѣда, происхожденіе, какъ отчина—имя отца.

Онъ кладетъ въ тѣ сумы переметныя,
Переметныя, сыромятныя,
И беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
На русскаго, богатырскаго,
Самъ садился на татарскаго,
Какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ
И поѣхалъ къ городу Кіеву.
Въѣзжаетъ въ стольной Кіевъ градъ,
А и стольники, приворотники
Доложили князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Михайло Казарянинъ.
Поколь Михайло снялъ со добра коня
Свою сестрицу родимую
И привязалъ четырехъ коней къ дубову столбу,
Идутъ послы отъ князя Владиміра,
Велятъ иттить Михайлѣ во свѣтлу гридню.
Приходилъ Казарянинъ во свѣтлу гридню
Со своею сестрицею родимою,
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ:
— Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владиміръ князь,
— Со душою княгинею Апраксѣевною!
— Куда ты меня послалъ, то сослужилъ:
— Настрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей
— И перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ.
— А и самъ въ добычѣ богатырскія:
— Убилъ въ полѣ трехъ татариновъ,
— Трехъ собакъ, наѣздниковъ,
— И сестру родную у нихъ выручилъ,
— Молоду Мароу Петровичну.—
Владиміръ князь стольной кіевской
Сталъ о томъ свѣтелъ, радошенъ;
Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра

И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
Подносилъ Михайлѣ Казарянину;
Принимаетъ онъ, Михайло, единой рукой,
И выпилъ единымъ духомъ.
Въ та поры пошли они на широкой дворъ,
Пошелъ князь и со княгинею,
Смотрѣлъ его добрыхъ коней,
Добрыхъ коней татарскіихъ;
Велѣлъ тутъ со добра коня птицъ обрать,
И велѣлъ снимать сумы сыромятныя,
Относить во свѣтлы гридни,
Беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
А и коней поставить велѣлъ по стойламъ своимъ;
Говорилъ тутъ ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси ты, удача добрый молодецъ,
„Молодой Михайло Казарянинъ,
„А Казарянинъ, душа Петровичъ младъ!
„У меня есть триста жеребцовъ,
„И три любимы жеребца,
„А нѣтъ такого единаго жеребца.
„Исполать тебѣ, добру молодцу,
„Что служишь князю вѣрою и правдою!“

17.

13.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ

Чурилу Пленковичу, помимо упоминанія о немъ въ другихъ былинахъ, посвящены въ эпосѣ пѣсни: о пріѣздѣ его ко двору князя Владимира и объ его любовной связи съ женой стараго Бермяты Сороженина. Эти два сюжета представлены большею частью двумя отдѣльными пѣснями (извѣстно болѣе 30 записей ихъ), распространены они теперь преимущественно среди олонецкихъ пѣвцовъ, чаще пѣвицъ, которые иногда соединяютъ оба сюжета и въ одну пѣсню.

Самое содержаніе былинъ о Чурилѣ представляется несложнымъ, но въ то же время происхожденіе самихъ пѣсенъ остается для насъ до сихъ поръ далеко не яснымъ: первый и наиболѣе цѣнный въ историко-литературномъ отношеніи сюжетъ—о пріѣздѣ Чурила въ Кіевъ на службу ко Владимиру—не даетъ по своему характеру возможности увѣренно пріурочить его къ опредѣленному времени и мѣсту, такъ какъ ни имя Чурила не связано съ какимъ-либо намъ извѣстнымъ событіемъ изъ русскаго прошлаго, ни неизвѣстенъ намъ подобный разсказанному въ былинѣ конкретный фактъ перехода на службу къ кіевскому князю независимаго или полузависимаго владѣльца или дружинника, хотя апріори мы и имѣемъ право предполагать такіе случаи; второй сюжетъ — тема новеллистическаго, притомъ весьма распространеннаго, любовнаго характера—еще менѣе поддается точному пріуроченію. Сверхъ того, современное состояніе былинныхъ текстовъ о Чурилѣ съ несомнѣнностью указываетъ на то, что дошли до насъ былины о немъ (въ особенности первая) въ сильно уже переработанномъ, сравнительно позднемъ видѣ: въ обстановкѣ, рисуемой былиной, можно замѣтить сильное вліяніе уже времени и обстановки Московскаго государства; но рядомъ съ этимъ видимъ въ тѣхъ же былинахъ и черты иного времени и мѣстности. Все это заставляетъ изслѣдователей пока воздерживаться отъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о времени и мѣстности происхожденія былинъ

о Чурилѣ и вызываетъ значительныя колебанія, даже у одного и того же изслѣдователя: относить ли былину къ югу Россіи и къ древнему относительно времени, или же къ сѣверу и времени довольно позднему (приблизительно вѣку къ XV-му). Какое изъ двухъ этихъ предположеній ближе къ истинѣ, пока съ увѣренностью сказать затруднительно; но все же болѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ, повидимому, признать первое предположеніе, т.-е., южное и сравнительно древнее происхожденіе первоначальныхъ, до насъ не дошедшихъ, пѣсенъ о Чурилѣ,—по крайней мѣрѣ, пѣсни о пріѣздѣ его ко Владиміру. Главнымъ основаніемъ для такого предположенія служитъ прежде всего имя богатыря (какъ обычно, являющееся наиболѣе устойчивымъ элементомъ въ устной пѣснѣ)— Чурило (въ текстахъ также—Чурила): имя это (оно, надо думать, образовано отъ обычнаго—Кириллъ) пользуется съ давняго времени извѣстностью почти исключительно на югѣ русскаго племени, встрѣчаясь чаще всего въ устной поэзіи, притомъ часто въ соединеніи съ другимъ, также исключительно южно-русскимъ же и также былиннымъ, именемъ—Потока (см. выше стр. 289). И другое имя (или, лучше сказать, прозвище), встрѣчаемое въ былинѣ,—отца Чурила: Сороженинъ—сближаютъ съ названіемъ извѣстнаго въ кіевское время Руси города Сурожа (Судака), чѣмъ объясняется и независимое положеніе стараго Плена, отца Чурилина, его богатство и приглашеніе молодого Чурила Владиміромъ на службу въ Кіевъ: вполнѣ исторической можетъ быть признана связь богатаго, торговаго Сурожа съ Кіевомъ, также богатымъ, торговымъ, и государственнымъ центромъ южной Руси. Въ качествѣ косвеннаго указанія на южное же происхожденіе пѣсенъ о Чурилѣ можно отмѣтить и то обстоятельство, что онъ играетъ видную роль въ южной также былинѣ о Дюкѣ (см. выше стр. 266). Указаніе же на то, что былины о Чурилѣ—былины не боевыя (какъ большинство кіевскихъ), а скорѣе—былины-новеллы, подобно большинству новгородскихъ по происхожденію (напр., о Садкѣ), препятствіемъ для признанія южнаго происхожденія первоначальныхъ пѣсенъ о Чурилѣ служить не можетъ: помимо боевыхъ, намъ извѣстны и

былины-новеллы, идущія съ юга (напр., въ циклѣ о Добрынѣ). Что же касается фона, на которомъ рисуется самая фабула, носящаго черты позднѣйшаго московскаго времени, то это, повидимому, надо отнести на счетъ довольно поздней переработки старшей пѣсни, какъ это и было указано выше.

1. ЧУРИЛО И ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ.

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова осударь-князя [1] Владимира
Было пированіе, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
На многи князя и бояра
И на русскіе могучіе богатыри;
Будетъ день въ половинѣ дня,
А и будетъ столъ во полу-столѣ,
Князь Владимиръ распотѣшился,
А незнаемы люди къ нему появилися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто,—
Всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, ты Владимиръ князь!
„Ѣздили мы по полю по чистому,
„Сверхъ тоя рѣки [2] Череги,
„На твоемъ государевомъ займищѣ;
„Ничего мы въ полѣ не наѣзживали:

[1] То же, что „государя-князя".
[2] Вверхъ по рѣкѣ.

„Не наѣзживали звѣря прыскучаго [1],
„Не видали птицы перелетныя,
„Только наѣхали во чистомъ полѣ,
„Есть молодцовъ за триста и за пятьсотъ:
„Жеребцы подъ ними латинскіе,
„Кафтанцы на нихъ камчатные,
„Однорядочки-то [2] голубъ скурлатъ [3],
„А и колпачки—золоты плаши [4];
„Они соболи, куницы повыловили,
„И печерски лисицы повыгнали,
„Туры, олени выстрѣлили,
„И насъ избили, изранили:
„А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,—
„А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ;
„Дѣти, жены осиротѣли,
„Пошли по міру скитатися".
А Владиміръ князь стольной кіевской
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцовъ за триста,
Есть молодцовъ за пятьсотъ,—
Пришли охотники рыболовые,
Всѣ избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:

---

[1] То же, что „рыскучій".

[2] Верхняя широкая, долгополая одежда, безъ воротника, съ длинными рукавами, подъ которыми дѣлались прорѣхи для рукъ (Савваитовъ).

[3] Сукно.

[4] Значеніе не ясно: или верхъ шапки, колпака, или пластинки-бляхи, изъ которыхъ сдѣлана самая шапка.

„Свѣтъ, государь, ты Владимиръ князь!
„Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
„На твои счастки княженецкія,
„Ничего не поимывали [1],—
„Нашли мы людей: есть молодцовъ
„За триста и за пятьсотъ,
„Всю они бѣлую-рыбицу повыловили,
„Щуки, караси повыловили жъ
„И мелкую рыбицу повыдавили:
„Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
„Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,—
„Отъ васъ, государь, жалованья нѣтъ,
„Дѣти, жены осиротѣли,
„Пошли по міру скитатися,
„И насъ избили, изранили".
Владимиръ князь стольной кіевской
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа молодцы сокольники,
Другіе молодцы кречетники,—
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, Владимиръ князь!
„Ѣздили мы по полю чистому,
„Сверхъ тоя Череги,
„По твоемъ, государевомъ, займищу,
„На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ,
„На твои счастки княженецкія,

[1] Т. е. поймали.

„Ничего не поимывали, не видали
„Сокола и кречета перелетнаго,—
„Только наѣхали мы молодцовъ
„За тысячу человѣкъ;
„Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали
„И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
„А насъ избили, изранили;
„Называются дружиною Чуриловою“.
Тутъ Владимиръ князь за то слово спохватится:
—Кто это Чурило есть таковъ?—
Выступался туто старой Бермята Васильевичъ:
„Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
„Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
„А живетъ онъ пониже малаго Кіевца;
„Дворъ у него на семи верстахъ,
„Около двора желѣзной тынъ,
„На всякой тининкѣ по маковкѣ,
„А и есть по жемчужинкѣ;
„Среди двора свѣтлицы стоятъ,
„Гридни бѣлодубовыя,
„Покрыты сѣдымъ бобромъ,
„Потолокъ черныхъ соболей,
„Матица таволженая [1],
„Полъ-середа—одного серебра,
„Крюки да пробои по булату злачены;
„Первые у него ворота вальящатыя [2],
„Другіе ворота хрустальныя,
„Третьи ворота оловянныя“.
Въ та поры Владимиръ князь и со княгинею
Скоро онъ снаряжается,
Скоря [3] того поѣздку чинятъ;

[1] Изъ дерева таволги сдѣланная балка, идущая поперекъ всей комнаты.
[2] Рѣзной, точеный, искусно сдѣланный.
[3] Скорѣе.

Взялъ съ собою князей и бояръ
И могучихъ богатырей, Добрыню Никитича
И стараго Берміяту Васильевича;
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старый Плень,
Для князя и княгини
Отворяетъ ворота вальящатыя,
А князьямъ и боярамъ—хрустальныя,
Простымъ людямъ—оловянныя;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сороженинъ
Приступилъ ко князю Владиміру
И ко княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранные столы, въ мѣсто почестное;
Принималъ, сажалъ князей и бояръ
И могучихъ русскихъ богатырей.
Въ та поры были повара догадливые,
Носили яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Чѣмъ бы князя развеселить,—
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
„По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося:
„Князя, меня, въ домѣ не случилося,
„Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
„Или какой грозенъ посолъ“.
Старой Пленка Сороженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ подчиваетъ:

— Изволь ты, осударь, Владимиръ князь, со княгинею
— И со всѣми своими князи и бояры кушати:
— Что-де ѣдетъ не король изъ орды
— И не грозенъ посолъ,
— Ѣдетъ-де дружина хоробрая сына моего,
— Молода Чурилы сына Пленковича;
— А какъ онъ, осударь, будетъ предъ тобою жъ,
— Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
— Будетъ столъ во полу-столѣ.—
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ,
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается:
Есть молодцовъ ихъ за пятьсотъ,
Есть и до тысячи,
Ѣдетъ Чурила ко двору своему;
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ [1],
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
И пріѣхалъ Чурила ко двору своему;
Перво его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ,
А и некуда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоять со своимъ промысломъ [2];
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися и совсѣмъ убиралися.
Въ та поры Чурила догадливъ былъ,
Беретъ золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

---

[1] Зонтикъ.

[2] Вѣроятно: со всѣмъ, что берется для промысла: снасть, а также и съ людьми-промышленниками.

Другую сорокъ печерскихъ лисицъ
И бралъ же камку бѣлохрущату[1]—
А цѣна камкѣ сто тысячей,—
Принесъ онъ ко князю Владимиру,
Клалъ передъ нимъ на убранной столъ.
Въ та поры Владимиръ князь стольной кіевской
Больно со княгинею возрадовалися;
Говорилъ ему таково слово:
„Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
„Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
„Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить".
Въ та поры Чурила князя Владимира не ослушался,
Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владимиру —
Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ.—
А и будутъ на дворѣ княженецкіимъ,
Скочили они со добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлы гридни,
Садилися за убранные столы.
Посылаетъ Владимиръ стольной кіевской
Молода Чурилу Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А зватаго[2] приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ
И собралъ ко князю на почестной пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасной,
И тутъ онъ позамѣшкался;
Ожидаетъ его Владимиръ князь,

[1] Восточная цвѣтная шелковая ткань, одинъ изъ видовъ камки.
[2] Вѣроятно, сборъ съ позваннаго, за полученіе приглашенія.

Что долго замѣшкался;
И мало время поизойдучи
Пришелъ Чурила Пленковичъ;
Въ та поры Владимиръ-князь ни во что положилъ[1].
Чурила пришелъ, и столъ пошелъ:
Стали пити, ясти, прохлаждатися,
Всѣ князи и бояра до-пьяна напивалися
Для новаго стольника Чурилы Пленковича,
Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.
По утру рано-ранешенько,
Рано зазвонили ко заутренѣ,
Князи и бояра пошли къ заутренѣ;
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;
А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
„Знать, это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай,—
„Это шелъ Чурила Пленковичъ
„Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
„Къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасныя“.

[1] Простилъ.

2. СМЕРТЬ ЧУРИЛА.

Наканунѣ было праздника Христова дня,
Канунъ-де честнáго Благовѣщенія,
Выпадала порошица-де, снѣгъ а молодóй.
По той-де порохѣ, по бѣлому по снѣжкý
Да не бѣлый горностай слѣды прометывалъ, —
Ходилъ-де гулялъ уже купавъ [1] молодецъ,
Да нá имя Чурило сынъ Пленковичъ,
Да ронилъ онъ гвоздочики серебряные,
Скобочки позолоченыя;
Да вслѣдъ ходя малыя ребятушка
Да собирали гвоздочики серебряные,
Да тѣмъ-де ребята головы́ кормятъ.
Да загулялъ-де Чурило ко Бермятѣ ко высокý теремý.
Да Бермяты во дому не случилося,
Да одна Катерина прилучилася.
Отворялось окошечко косящатое,
Не бѣлая лебедушка прокри́чала,
Говорила Катерина таково слово:
„Да удалый дородный добрый молодецъ,
„Да премладый Чурило ты сынъ Пленковичъ!
„Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ“.
Пришелъ-де Чурило во высокъ теремъ,

[1] Красивый.

Крестъ кладетъ по-писаному,
Да поклонъ-отъ ведетъ по-ученому,
Кланяется да поклоняется
На всѣ четыре на сторонушки,
Катеринѣ Чурило и въ особину.
Да брала Катерина-та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные;
Да начала играть а съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина-та Микулична:
„Да премладый Чурило ты сынъ Пленковичъ!
„Да я тя поиграю, тебя Богъ проститъ,
„А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей“.
Да первый разъ игралъ Чурило, ей матъ давалъ
Да взялъ съ Катерины денегъ сто рублей.
Да другой-де разъ игралъ, да ей другой-де матъ давалъ
Да взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей.
Да трете́й-де разъ игралъ, да ей третей-де матъ давалъ
Да взялъ съ Катерины денегъ три́ста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальную
Да шахматы-де бросала-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за бѣлыя,
Да сама говорила таково слово:
„Да ты премладый Чурилушко сынъ Пленковичъ!
„Да я не знаю играть съ тобою во шахматы,
„Да я не знаю, глядѣть на твою кра́соту,
„Да на твои-ты на кудри на желтыя,
„Да на твои-ты на перстни злаченые;
„Да помѣшался у м'ня разумъ во буйно́й головѣ,
„Да помутились у меня-де очи ясныя,
„Смотрячись-де, Чурило, на тво́ю на красоту́“.
Да вела его во ложню[1] во теплую,
Да ложились спати во ложнѣ теплыя,

[1] Спальня.

Да на мягку перину на пухо́вую,
Да начали съ Чуриломъ забавлятися.
Да была у Бермяты-де дѣвка черна́вка его,
Да ходитъ она по терему, шурчи́тъ да бурчи́тъ:
— Хороша ты, Катерина, дочь Микулична!
— Еще я пойду къ Бермятѣ, накучу́ да намучу́.—
Да того Катерина не пытаючи,
Да во ложнѣ съ Чуриломъ забавляется.
Да пошла-де дѣвка во Божью́ церковь;
Приходитъ-де дѣвка во Божью́ церковь,
Крестъ-отъ кладетъ и по-писаному,
Да поклонъ-отъ ведетъ по-ученому,
На всѣ стороны дѣвка поклоняется,
Да хозяину Бермятѣ-де въ особину:
— Ласковой мой хозяйнушко,
— Да старыи Бермята сынъ Васильевичъ!
— Да стоишь ты во церкви, Богу молишься,
— Надъ собой невзгоды-то не вѣдаешь:
— Да у тебя въ терему есть уже гость гоститъ,
— Да незваный-де гость а не прика́зывано́й,
— Да съ твоею-то женою забавляется.—
Да говорилъ-де Бермята таково слово:
„Да правду говоришь, дѣвка, пожалую,
„А нѣтъ, тебѣ, дурѣ, срублю голову“.
Говорила-де дѣвка таково слово:
— Да мнѣ, сударь, не вѣришь, поди самъ а досмотри́.—
Да пошелъ-де Бермята изъ Божье́й церкви,
Да пришелъ ко высокому ко терему,
Да застучалъ во кольцо-де во серебряное,—
Спитъ Катерина, не пробудится.
Да застучалъ-де Бермята во второй наконъ,—
Да спитъ Катерина, не пробудится.
Да застучалъ-де Бермята во третей наконъ
Да изъ-за всей могуты-де богатырскія,

Теремы-ты всѣ да пошаталися,
Маковки поломалися.
Услышала Катерина-та Микулична,
Да выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Отпирала Катерина широкія ворота,
Запущала Бермяту Васильевича.
Говорилъ-де Бермята таково слово:
— Что, Катерина, не снарядна идешь?
— Сегодня у насъ вѣдь честной праздничекъ,
— Честное Христово Благовѣщеніе!—
Да умѣе Катерина, какъ отвѣтъ держать:
„Да ласковой мой хозяйнушко,
„Да старыи Бермята сынъ Васильевичъ!
„Да болитъ у меня буйная́ голова́,
„Опущалась болѣсни́ца [1] ниже пупа и до по́яса,
„Да во тѣ ли во нижнія че́рева:
„Не могу хорошо я обрядитися".
Да прошелъ-де Бермята во высокъ теремъ,
Да увидѣлъ-де платье все Чурилово,
Да шапка, да сапоги да все Чурилово,
Говорилъ-де Бермята таково слово:
— Да хороша ты, Катерина дочь Микулична!
— Да я этое платье на Чурилѣ все видалъ.—
Да умѣе Катерина, какъ отвѣтъ держать:
„Ласковой мой хозяйнушко,
„Старыи Бермята сынъ Васильевичъ!
„Да у моего родимаго у бра́телка,
„Да ко́нями съ Чуриломъ-то помѣ́нянося,
„Да цвѣтнымъ-то платьемъ побра́таносяˮ.
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да беретъ-де со стопки [2] саблю вострую,

[1] Болѣзнь.
[2] Гвоздь (б. ч. деревянный), вбитый въ стѣну.

Да идетъ-де Бермята въ ложню теплую;
Да увидѣлъ Чурила на кровати слоновыхъ костей,
На мягкой перинѣ на пуховыя.
Да не лучная зорюшка просвѣтила,—
Да вострая сабелька промахнула;
Да не хрущатая [1] жемчужинка скатилася,—
Да Чурилова головушка свалилася;
Да не бѣлые горохъ а разстилается,—
Да Чурилова кровь и проливается,
Да по той-де по середѣ [2] кирпичные
Да Чуриловы кудри валяются.
Да услышала Катерина-то Микулична,
Да брала два ножа, два вострые,
Становила ножи че́ренемъ во сыру́ землю,
Да разбѣгалась на ножики на вострые
Да своею она грудью бѣлою,
Да подрѣзала жи́ліе ходячее,
Да выпустила кровь и ту горячую.
Да погинуло двѣ головушки,
Да что хорошія го́ловы, не лучшія.
Да старые Бермята сынъ Васильевичъ
Да дождался Христова Воскресенья,
Да пропустилъ-де онъ недѣлю-ту онъ Свѣтлую,
Старую дѣвку черна́вушку
Да беретъ ее за правую за рученьку,
Да сводилъ-де дѣвку во Божью́ церковь,
Да принялъ съ дѣвкой золоты́е вѣнцы,
Да сталъ жить-быть да вѣкъ коротати.
Да мы съ той поры Бермяту въ старинахъ скажемъ,
Да премла́даго Чурила сына Пленковича.

---

[1] Твердый, хрустящій (при треніи).
[2] Полъ той части покоя, которая называется середой.

КНЯЗЬ РОМАНЪ

Пѣсни о князѣ Романѣ, подобно былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ, по характеру своему занимаютъ нѣсколько обособленное мѣсто въ ряду старинъ: восходя своими корнями, весьма вѣроятно, къ довольно раннему времени, онѣ по содержанію своему приближаются къ такъ называемымъ „низшимъ“ эпическимъ пѣснямъ, имѣя, подобно послѣднимъ, узко-мѣстный интересъ; неся въ себѣ, какъ и большинство нашихъ былинъ, отзвуки историческаго факта, пѣсни эти отношеніемъ своимъ къ этому факту напоминаютъ уже позднѣйшую „историческую“ пѣсню, хотя въ поэтикѣ своей стоятъ еще почти цѣликомъ на почвѣ старой былины. Это даетъ возможность включать пѣсни о Романѣ (по крайней мѣрѣ, двѣ первыя) въ число представителей старой былины. Культивируя некрупное мѣстное историческое преданіе, пѣсни эти и по мѣстности своего возникновенія въ своемъ первоначальномъ (предполагаемомъ нами) обликѣ примыкаютъ еще къ старому эпическому преданію нашей южной и юго-западной былины. Однако, указать категорически мѣстность, гдѣ жили преданія о князѣ Романѣ, и гдѣ сложены были первоначальныя о немъ пѣсни, въ настоящее время не представляется возможнымъ въ виду того, что мы не имѣемъ достаточно данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, какой изъ извѣстныхъ намъ князей, носившихъ имя Романа, является героемъ интересующихъ насъ пѣсенъ; кромѣ того, останавливаясь въ своемъ выборѣ на Романѣ ли галицкомъ, или на Романѣ брянскомъ, мы въ скудныхъ о нихъ свѣдѣніяхъ не находимъ такихъ фактовъ, которыми бы вполнѣ покрывалось содержаніе пѣсенъ о Романѣ. Одно, что́ можно утверждать, это — то, что мѣстностью, гдѣ жили преданія о князѣ Романѣ, и слагались первоначальныя о немъ пѣсни, не были ни старая Кіевщина, ни сѣверный Новгородъ, ни позднѣйшая сѣверо-восточная Москва: тамъ мы не знаемъ историческаго Романа, который бы хоть сколько-нибудь по обрисовкѣ подходилъ къ Роману пѣсни

и по обстоятельствамъ своей жизни — къ содержанію пѣсенъ. Поэтому изслѣдователи литературной исторіи пѣсенъ о Романѣ останавливаютъ свое вниманіе на двухъ южныхъ Романахъ: Мстиславичѣ, знаменитомъ князѣ галицко-волынскомъ (ум. въ 1205 г.), и Михайловичѣ (сынѣ св. Михаила Черниговскаго), довольно извѣстномъ среди современниковъ князѣ брянскомъ, жившемъ въ XIII—XIV вв. Основныя данныя для уясненія генезиса и дальнѣйшей судьбы этихъ пѣсенъ извлекаются, главнымъ образомъ, изъ первой пѣсни, наиболѣе богатой по содержанію. Сторонники тождества пѣсеннаго Романа съ историческимъ Романомъ Мстиславичемъ, естественно, тѣмъ самымъ принимаютъ галицко-волынское происхожденіе первоначальныхъ о немъ пѣсенъ, относятъ зарожденіе ихъ къ XII — XIII вв.. Изъ обстоятельствъ бурнаго княженія этого князя ими объясняются подробности былиннаго разсказа: такъ, въ „племянникахъ Ливикахъ" видятъ польскихъ королевичей Лешка и Конрада, съ которыми Роману Мстиславичу пришлось вести борьбу около 1195—6 г.; тѣ же изслѣдователи находятъ возможнымъ сближать и по обрисовкѣ характера Романа былиннаго съ энергичнымъ, неукротимымъ Романомъ историческимъ, галицкимъ, подкрѣпляя это сближеніе также и тѣмъ наблюденіемъ, что Романъ галицкій и помимо того оставилъ глубокій слѣдъ въ южномъ преданіи, сближаясь въ народномъ представленіи даже съ богатырями. Представители второго толкованія генезиса пѣсенъ о Романѣ предпочитаютъ сближать содержаніе ихъ (точнѣе, собственно, первой пѣсни) съ обстоятельствами жизни Романа Михайловича брянскаго, находя здѣсь объясненіе деталямъ былиннаго сюжета; поэтому въ Ливикахъ [1] они видятъ литовскихъ „королевичей" Эрдивила и Зивибунда, изъ которыхъ первый приходился, дѣйствительно, племянникомъ „королю" литовскому Миндовгу: съ ними пришлось имѣть столкновеніе боевое, притомъ удачное, именно Роману брянскому.

---

[1] Самое имя сближается съ названіемъ „литовники", какъ называются литовцы въ 1-ой Псковской лѣтописи.

Географическая номенклатура былины, отчасти въ основномъ ея текстѣ, отчасти въ варіантахъ, говоритъ какъ будто также за мѣстности пограничныя литовско-брянскія: столкновеніе произошло на рѣкѣ Березинѣ, городъ Романа называется въ варіантѣ „Серебрянскимъ", въ чемъ легко признать искаженіе мало знакомаго сѣвернымъ пѣвцамъ имени „Дебрянска" (откуда наше современное: Брянскъ). Въ такомъ случаѣ, въ пѣснѣ о Романѣ мы имѣемъ дѣло съ пѣсенной обработкой мѣстнаго брянскаго преданія о событіяхъ второй половины XIII вѣка.

Еще болѣе скудный матеріалъ для исторіи пѣсенъ о Романѣ даютъ другія о немъ пѣсни; но и здѣсь можно найти кое-какіе отзвуки мѣстныхъ преданій. Такъ, во второй пѣснѣ — о похищеніи жены Романа Маріи Юрьевны—есть намекъ на какія-то отношенія Руси къ Литвѣ: Марію Юрьевну похищаютъ для сына Ягайла (т.-е. для сына князя литовскаго), хотя тутъ же есть аналогичный намекъ на какое-то скорѣе галицко-волынское преданіе: имя Мануила (сына Ягайла) указываетъ на Волынь, куда популярное византійское имя могло проникнуть скорѣе, нежели въ глухое брянское княжество. Эти черты второй пѣсни о Романѣ, а также одинаковость отчества его (Дмитріевичъ) въ обѣихъ пѣсняхъ, позволяютъ отождествлять въ нихъ обоихъ Романовъ.

Насколько возможно подобное же отождествленіе Романа третьей пѣсни съ двумя предыдущими, сказать еще труднѣе: самая пѣсня, широко распространенная, встрѣчается и безъ имени Романа (вмѣсто него, находимъ: то „казака", то „молодого майора", то просто „добраго молодца"), что́ даетъ возможность предполагать, какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (ср. выше пѣсню объ Алешѣ и сестрѣ Петровичей), появленіе имени Романа въ пѣснѣ результатомъ заноса популярнаго имени въ готовую уже анонимную пѣсню или въ пѣсню съ другимъ первоначально именемъ; и это тѣмъ вѣроятнѣе, что пѣсня съ именемъ Романа, въ отличіе отъ анонимной, носитъ характеръ отрывочный: безъ обычнаго обстоятельнаго начала, безъ мотивировки убійства и т. п.

1. КНЯЗЬ РОМАНЪ И БРАТЬЯ ЛИВИКИ.

На Паневѣ было, на Уланевѣ,
Жило-было два брата, два Ли́вика,
Королевскіихъ два племянника [1].
Воспроговорятъ два брата, два Ливика,
Королевскіихъ два племянника:
„Ахъ ты дядюшка нашъ, Чимбалъ-король,
„Чимбалъ, король земли Литовскія!
„Дай-ка намъ силы сорокъ тысячей,
„Дай-ка намъ казны сто тысячей:
„Поѣдемъ мы на святую Русь,
„Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ“.
Воспроговорилъ Чимбалъ, король земли Литовскія:
— Ай же вы, два брата, два Ливика,
— Королевскіихъ два племянника!
— Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
— И не дамъ прощеньица-благословеньица,
— Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,

---

[1] Запись Гильфердинга даетъ еще шесть стиховъ:

Они думали да думу крѣпкую:
Они хочутъ ѣхать во святую Русь,
А й во матушку да каменну Москву,
Къ молодому князю Роману Митріевичу,
А й къ ему да на почестный пиръ..
А й приходятъ-то они къ своему дядюшкѣ.

— Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ:
— Сколько я на Русь ни ѣзживалъ,
— А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
— Поѣзжайте вы во землю во Ливонскую,
— Ко тому ко городу ко Красному,
— Ко тому селу-то ко Высокому:
— Тамъ молодцы по спальнымъ засыпалися,
— А добры кони по стойламъ застоялися,
— Цвѣтно платьице по вышкамъ залежалося,
— Золота казна по погребамъ запасена.
— Тамъ получите удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
— Тамъ получите добрыхъ коней,
— Тамъ получите цвѣтно платьице,
— Тамъ получите безсчетну золоту казну.—
Тутъ-то два братца, два Ливика
Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Скорѣе того они поѣздъ чинятъ
Во тую ли землю во Ливонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.
Получили они добрыхъ коней,
Получили они добрыхъ молодцевъ,
Получили они цвѣтно платьице,
Получили они безсчетну золоту казну.
И выѣхали два брата, два Ливика
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали ѣсть, пить, веселитися
На той на великой на радости;
Сами говорятъ таково слово:
„Не честь-хвала молодецкая
„Не съѣздить намъ на святую Русь,
„Ко князю Роману Митріевичу на почестный пиръ".
Тутъ два брата, два Ливика

Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрѣльцовъ удалыихъ, добрыхъ молодцевъ;
Не доѣдучись до князя Романа Митріевича,
Пріѣхали ко перву селу ко Славскому [1]:
Въ томъ селѣ было три церкви,
Три церкви было соборніихъ;
Они то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали они ко второму селу Корачаеву [2]:
Во томъ селѣ было шесть церквей,
Шесть церквей было соборніихъ;
Они то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужичковъ повырубили.
Ѣхали они ко третью селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому [3]:
Во томъ селѣ было девять церквей;
Они то село огнемъ сожгли,
Разорили ты церкви соборнія,
Черныхъ мужиковъ повырубили,
Полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митріевичну
Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ.
А на той ли на великой на радости
Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Они начали ѣсть, пить, прохлаждатися.
А въ ты поры было, въ то время

---

[1] У Гильфердинга: Ярославское.
[2] У Г.: Катеринградское.
[3] У Г.: Косоульское.

Князя Романа Митріевича при домѣ не случилося:
А былъ-то князь за утѣхою,
За утѣхою былъ во чистомъ полѣ,
Опочивалъ князь въ бѣломъ шатрѣ.
Прилетѣла пташечка [1] со чиста поля,
Она сѣла, пташечка, на бѣлой шатеръ,
На бѣлой шатеръ полотняненькой;
Она почала, пташица, пѣть-жупѣть [2],
Пѣть-жупѣть, выговаривать:
„Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
„Спишь ты, князь, не пробудишься,
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
„Пріѣхали два брата, два Ливика,
„Королевскіихъ два племянника,
„Разорили они твоихъ три села:
„Во первомъ селѣ было три церкви,—
„Они ты церкви огнемъ сожгли,
„Черныхъ мужичковъ-то повырубили;
„Въ другомъ селѣ было шесть церквей,—
„Они ты церкви огнемъ сожгли,
„Черныхъ мужиковъ-то повырубили;
„Во третьемъ селѣ было девять церквей,—
„Они ты церкви огнемъ сожгли,
„Черныхъ мужичковъ-то повырубили,
„Полонили они полоняночку,
„Молоду Настасью Митріевичну
„Со тымъ со младенцемъ со двумѣсячнымъ.
„А на той ли на великой на радости
„Выѣзжали во далече-далече чисто поле,
„На тое раздольице широкое,
„Раздернули шатры полотняные,

[1] У Г.: названа: пѣвчій жаворонечекъ.
[2] Тихо говорить, тихо пѣть (Куликовскій).

„Ѣдятъ они, пьютъ, прохлаждаются“.
А тутъ князь Романъ Митріевичъ
Скоро вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Хваталъ онъ ножище-кинжалище,
Бросалъ онъ о дубовой столъ,
О дубовой столъ, о кирпиченъ мостъ [1],
Сквозь кирпиченъ мостъ о сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ахъ ты тварь, ты тварь поганая,
— Ты поганая тварь, нечистая!
— Вамъ ли, щенкамъ, насмѣхатися?
— Я хочу со вами, со щенками, управитися!—
Собиралъ онъ силы девять тысячей,
Приходилъ онъ ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ай же вы, дружинушка хоробрая!
— Дѣлайте дѣло повелѣное:
— Рѣжьте жеребья липовы,
— Кидайте на рѣку на Смородину,
— Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывай.—
Дѣлали дѣло повелѣное:
Рѣзали жеребья липовы,
Кидали на рѣку на Смородину,
Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывалъ:
Которой силѣ быть убитой,
Тыя жеребья каменемъ ко дну;
Которой силѣ быть ’зраненой,
Тыя жеребья противъ быстрины пошли;
Которой силѣ быть не раненой,
Тыя жеребья по водѣ пошли...
Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:

[1] Полъ.

— Которы жеребья каменемъ ко дну,
— Тая сила будетъ убитая;
— Которы жеребья противъ быстрины пошли,
— Тая сила будетъ поранена;
— Которы жеребья по водѣ пошли,
— Тая сила будетъ здравая.
— Не надобно мнѣ силы девять тысячей,
— А надобно столько [1] три тысячи.—
Еще Романъ силушкѣ наказывалъ:
— Ай же вы, дружинушка хоробрая!
— Какъ заграю во первый наконъ
— На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
— Вы сѣдлайте скоро добрыхъ коней;
— Какъ заграю я во второй наконъ
— На сыромъ дубу чернымъ ворономъ,
— Вы садитесь скоро на добрыхъ коней;
— Какъ заграю я въ третій наконъ,
— Вы будьте на мѣстѣ на порядноемъ [2]
— Во далече-далече во чистомъ полѣ.—
Самъ князь обвернется сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ-то князь во чисто поле
Ко тымъ ко шатрамъ полотнянымъ;
Забѣжалъ онъ въ конюшни во стоялыя,
У добрыхъ коней глоточки повыхватывалъ,
По чисту полю поразметалъ;
Забѣжалъ онъ скоро во ружейную,
У оружьицевъ замочки повывертѣлъ,
По чисту полю замочки поразметалъ;
У тугихъ луковъ тетивочки повыкусалъ,
По чисту полю тетивочки поразметалъ.
Обернулся тонкимъ, бѣлымъ горностаемъ,

[1] Только.
[2] Отъ слова: по́ряди—подлѣ, поблизости.

Прибѣгалъ онъ скоро во бѣлой шатеръ.
Какъ скоро забѣгаетъ въ бѣлой шатеръ,
И увидѣлъ младенчикъ двумѣсячный,
Самъ говорилъ таково слово:
„Ахъ ты свѣтъ, государыня матушка,
„Молода Настасья Митріевична!
„Мой-то дядюшка, князь Романъ Митріевичъ,
„Онъ бѣгаетъ по бѣлу шатру
„Тонкимъ, бѣлымъ горностаемъ“.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Начали горностая поганивати
По бѣлу шатру по полотняному,
Соболиной шубой пріокидывать.
Тутъ-то ему не къ суду пришло,
Не къ суду пришло, да не къ скорой смерти:
Выскакивалъ изъ шубы въ тонкой рукавъ,
Въ тонкой рукавъ на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле;
Обвернулся горностай чернымъ ворономъ,
Садился черный воронъ на сырой дубъ,
Заграялъ воронъ во первый наконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Говорятъ ему таковы слова:
„Ай же ты, воронъ, воронъ черныій,
„Черный воронъ, усталыій,
„Усталый воронъ, упалыій! [1]
„Скоро возьмемъ мы туги луки,
„Скоро накладемъ калены стрѣлы,
„Застрѣлимъ тя, чернаго ворона,
„Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
„Перье твое распустимъ по чисту полю“.
Заграялъ воронъ во второй наконъ.
Воспроговорятъ два брата, два Ливика:

[1] Кормящійся падалью (Куликовскій).

„Ай же ты, воронъ, воронъ черный,
„Черный воронъ, усталый,
„Усталый воронъ, упалый!
„Скоро возьмемъ мы туги луки,
„Скоро накладемъ калены стрѣлы,
„Застрѣлимъ тя, чернаго ворона,
„Кровь твою прольемъ по сыру дубу,
„Перье твое распустимъ по чисту полю“.
Заграялъ воронъ въ третій наконъ.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Скоро скочили они на рѣзвы ноги,
Приходили они въ оружейную,
Схватились они за туги луки:
У тугихъ луковъ тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки разметаны;
Хватились они за оружьица:
У оружьицевъ замочки повыверчены,
По чисту полю замочки разметаны;
Хватились они за добрыхъ коней:
У добрыхъ коней глоточки повыхватаны,
По чисту полю разметаны.
Тутъ-то два брата, два Ливика
Выбѣгали они скоро на чисто поле.
Какъ наѣхала силушка Романова,
Большому брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали къ дядюшкѣ,
Чимбалъ-королю земли Литовскія.
Самъ же князь-то приговаривалъ:
— Ты безглазый, неси безногаго,
— А ты ему дорогу показывай! [1] —

---

[1] Вм. стиховъ 237—241 у Г.:
А отпустили-то ихъ во свою сторону.

2. КНЯЗЬ РОМАНЪ и МАРЬЯ ЮРЬЕВНА.

Жилъ-былъ князь Романъ Митріевичъ,
Съ женкой спалъ, и ей прищавилось[1] ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правóй руки,
Съ правóва перстечка, съ мизиночка,
И разсыпался на мелкія зерночка.
„Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ,
„По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
„Чтобы твой сонъ разсказали,
„Чтобы твой сонъ разсудили“.
— Я свой сонъ сама разсужу,
— Я свой сонъ сама разскажу:
— Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря
— Три червленыхъ три кóрабля,
— Увезутъ меня, Марью, за сине море,
— За сине море за соленое,
— Къ тому Мануилу сынъ Ягайлову.—
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ уѣхалъ скорѣй въ тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ.
Она сѣла къ окошечку косящату
И глядитъ: бѣжатъ изъ-за моря,

---

[1] Приснилось.

Изъ-за моря изъ-за синя
Три черныихъ три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную.
И видитъ Марья:—Увезутъ меня
— За сини моря за соленыя.—
Она запирала окошечко косящато,
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красное крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ [1],
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле,
И засѣла подъ яблонь кудрявую.
И прибѣгали три кораблика, три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки [2] шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную,
И шли въ палаты бѣлокаменны,
И искали Марью: не могутъ найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не искóмъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ да вырѣзываетъ:
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,
Дѣтинушка поваренный вырѣзываетъ;
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватою:
„Ты ли есть Марья Юрьевна?“
— Я не Марья Юрьевна,

[1] Т. е. помостъ, мостовую.
[2] Шейма—якорный канатъ (Подвысоцкій).

— Я Марьина служаночка.—
„Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?"
— Я есть Марья Юрьевна, лебедь бѣлая.—
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстни злаченые,
И увозилъ на червленомъ караблѣ
За синее море за соленое.
И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову;
Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченые,
Онъ хочетъ цѣловать ее въ сахарны уста;
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
— У насъ до трехъ годовъ не цѣлуются,
— Не цѣлуются, не обнимаются.—
И ушелъ Мануйло Ягайловичъ
На тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ,
Пойдучи, матери наказывалъ:
„Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
„Ежели она закручинится".
Она сидѣла у окошечка косящата,
Глядѣла въ околенку стекольчату;
Вотъ мать его идетъ, спрашиваетъ:
„Чего ты сидишь у окошечка у косящата,
„Чего плачешь-уливаешься?"
— Сегодня у меня на Руси великъ праздникъ,
— Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе:
— Гуляютъ жены христіанскія,
— Купеческія, министерскія, крестьянскія,
— И послѣднія жены солдатскія,
— И голи кабацкія;

— А я сижу у окошечка,
— Проливаю свои слезы горькія.—
Мать дала ей нянichекъ-служаночекъ,
Нянichекъ-служаночекъ въ сады гулять,
И дала напитковъ всякихъ разныихъ,
И дала козла любимаго Моналинова [1].
Она напоила нянекъ до-пьяна,
Что няньки лежатъ сами безъ себя;
Вотъ она взяла козла, зарѣзала.
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку [2]
И пошла съ горы.
Ей навстрѣчу быстра рѣка;
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ.
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
— Ой же ты, мать Дарья-рѣка!
— Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
— Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
— Пропустите меня, Марью Юрьевну!—
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ.
Перебрела она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать.
И пришла ей больше того рѣка:
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ
Плаваетъ колода бѣло-дубова;
И взмолится Марья той колодѣ бѣло-дубовой:
— Ой же ты, колода бѣло-дубова!

[1] М. б. Мануйлинова?
[2] Вѣтка дерева.

— Перевези меня черезъ быстру рѣку:
— А выйду на Святую Русь,
— Вырѣжу тебя на мелки кресты,
— На мелки кресты, на чудны образы,
— И вызолочу червоннымъ-краснымъ золотомъ.—
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріевичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
— Ой еси ты, Романъ князь Митріевичъ!
— Вывеземъ мы колоду бѣло-дубову
— На святую Русь:
— Вырѣжемъ на мелки кресты,
— И на чудны образы,
— И вызолотимъ червоннымъ-краснымъ золотомъ.—
И вывезли ту колоду бѣло-дубову
На святую Русь,
И вырѣзали на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ-краснымъ золотомъ,
И разослали по церквамъ.

3. КНЯЗЬ РОМАНЪ ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.

А князь Романъ жену терялъ [1],
Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравные;
Откуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.
Схватилася молода княжна,
Молода княжна, Анна Романовна:
„Ты гой еси, сударь, мой батюшка,
„А князь Романъ Васильевичъ!
„Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?“
Отвѣтъ держитъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
— Ты гой еси, молода княжна,
— Молода душа, Анна Романовна!
— Ушла твоя матушка мытися,
— А мытися и бѣлитися
— А въ цвѣтно платье наряжатися. —
Кидалась молода княжна,
Молода душа, Анна Романовна:

[1] Терять — губить, убить.

„Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
„А сѣнныя красны дѣвушки!
„Пойдемъ-те со мной на высокіе теремы
„Смотрѣть мою сударыню матушку,
„Каково она моется, бѣлится
„А въ цвѣтно платье наряжается“.
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки-мамками,
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки;
Опять приступила къ батюшкѣ:
„Ты гой еси, сударь, мой батюшка,
„А князь Романъ Васильевичъ!
„А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
„Не могли мы сыскать въ высокіихъ теремахъ“.
Проговоритъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
— А и гой еси ты, молода княжна,
— Молода душа, Анна Романовна!
— Со своими нянькамн-мамками,
— Со сѣнными красными дѣвицами!
— Ушла твоя матушка родимая,
— Ушла гулять во зеленой садъ,
— Во вишенье, въ орѣшенье.—
Пошла вѣдь тутъ молода княжна
Со няньками-мамками во зеленой садъ;
Весь повыгуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду,
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку:
Ни отколь взялся младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
Уронилъ онъ, орелъ, бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ

Въ тотъ ли зеленый садъ.
А въ та поры нянюшки-мамушки
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой княжнѣ,
Молодой душѣ, Аннѣ Романовнѣ.
А въ та поры Анна Романовна,
Увидала она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотой перстень
Ея родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка вскрикнула,
Закричала тутъ молода княжна:
„А и гой еси вы, нянюшки-мамушки
„А сѣнныя красныя дѣвушки!
„Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
„На быстру рѣку Смородину!
„А что тамо птицы слетаются,
„Дубравные звѣри сбѣгаются?“
Бросалися нянюшки-мамушки
А сѣнныя красныя дѣвушки
По край рѣки Смородины:
Дубравные звѣри кости дѣлятъ,
Сороки, вороны кишки тащатъ.
А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа, Анна Романовна,
А носитъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.
А только вѣдь нянюшки
Нашли они пусту голову,
Собирали они съ пустою головой
А всѣ тутъ кости и ребрушки,
Хоронили они и пусту голову
Со тѣми костьми, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

КАКЪ НЕ СТАЛО БОГАТЫРЕЙ НА РУСИ.

VII

Пѣсни объ исчезновеніи богатырей на Руси связываютъ это событіе съ крупнѣйшимъ историческимъ фактомъ древней Руси XIII вѣка, отмѣтившимъ собой окончательное паденіе старой Кіевщины и начало новой жизни на сѣверо-востокѣ: съ битвой на рѣкѣ Калкѣ (1224), гдѣ погибъ цвѣтъ кіевской дружинной и княжеской Руси. И старое, занесенное въ лѣтописные сборники преданіе давно также связало гибель богатырей съ тѣмъ же страшнымъ пораженіемъ Руси татарами: Суздальская лѣтопись (XV в.) и т. н. Царственный лѣтописецъ сохранили извѣстіе, что въ битвѣ на Калкѣ „убиша... и Александра (былинный Алеша) Поповича и съ слугою его Торопомъ и Добрыню Рязанича Златаго пояса и седмдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей". Эта же тема о гибели отъ татаръ Руси, въ частности Кіева, служитъ отправной точкой и для другихъ пѣсенъ, каковы, напр., уже извѣстныя намъ былины объ Ильѣ и Калинѣ или былина о Василіи Пьяницѣ (въ ея первоначальномъ обликѣ). И въ дошедшихъ до насъ текстахъ былинъ, несмотря на позднѣйшія обработки, которымъ подвергались первоначальныя пѣсни о Калкскомъ побоищѣ, сохранились, хотя и въ затемненномъ видѣ, намеки на то, что мысль о прекращеніи богатырства на Руси связывалась, именно, съ разгромомъ Руси на Калкѣ: такъ, былинное имя татарскаго царя, попытавшагося разорить Кіевъ,—Калина—содержитъ въ себѣ, какъ отмѣчалось выше, такой намекъ, будучи образовано, повидимому, отъ названія рѣки Калки; упоминаемое другой былиной „Камское побоище" ясно представляетъ по своей формѣ лишь легкое видоизмѣненіе названія „Калкскаго", что̀ находитъ себѣ подтвержденіе и въ письменной старой традиціи: въ нѣкоторыхъ спискахъ т. н. „Лѣтописи Великаго Новгорода" въ извѣстіяхъ о Калкской битвѣ она называется, какъ разъ, „Камской": какъ былина, записанная на сѣверѣ, такъ и „Лѣтопись" сѣверная же,—

объ замѣнили старое названіе созвучнымъ, хорошо здѣсь извѣстнымъ именемъ, именемъ рѣки Камы.

Эта тема о Калкской битвѣ, лежащая въ основѣ пѣсенъ объ исчезновеніи богатырей, въ дальнѣйшемъ, видимо, осложнялась аналогичными преданіями о крупныхъ битвахъ Руси съ татарами, и прежде всего преданіями и сказаніями о битвѣ на Куликовомъ полѣ съ Мамаемъ, оставившей, естественно, глубокій слѣдъ въ народной памяти, какъ одно изъ самыхъ крупныхъ и притомъ удачныхъ столкновеній съ исконнымъ врагомъ; можетъ быть, нѣкоторое вліяніе на композицію былинъ о Калкскомъ побоищѣ оказали и мѣстныя суздальскія преданія о Липицкой битвѣ (1216), гдѣ самонадѣянные, хвастливые суздальцы со своими князьями, Юріемъ и Ярославомъ, были разбиты на голову ростовскимъ княземъ Константиномъ. Главнымъ же матеріаломъ для разработки темы послужили отдѣльные мотивы и детали изъ другихъ былинъ съ аналогичнымъ боевымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, разъ есть возможность опредѣлить основной мотивъ былины, намѣтить значительное число источниковъ ея въ современныхъ намъ ея текстахъ, представляется возможной попытка намѣтить, хотя бы предположительно, и исторію сложенія и отчасти дальнѣйшаго развитія первоначальныхъ пѣсенъ о томъ, какъ перевелись богатыри на Руси.

Указанная выше возможность сближенія основы былины со старымъ лѣтописнымъ преданіемъ, показывающимъ, что Калкская битва уже вскорѣ послѣ самого событія стала предметомъ устныхъ сказаній (въ свою очередь ставшихъ довольно рано заноситься въ лѣтописные сборники: Суздальскій, Тверской, Воскресенскій и др.), позволяетъ подойти ближе къ первоначальной пѣснѣ и со стороны ея состава: отсутствіе Ильи Муромца въ отдѣльныхъ версіяхъ былины, неорганичность его въ другихъ, съ одной стороны, выдающаяся роль Алеши Поповича въ этихъ пересказахъ, а также въ „лѣтописномъ“ преданіи—съ другой, все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ предполагать, что и въ основной пѣснѣ Илья Муромецъ не игралъ роли или даже вовсе отсутствовалъ, т.-е., что

пѣсни эти сложились не тамъ, гдѣ центромъ эпической пѣсни былъ Илья, и еще въ то время, когда Илья не успѣлъ занять первенствующей роли въ боевомъ эпосѣ (какъ стало позднѣе), оттѣснивъ на второй планъ въ числѣ другихъ и Алешу Поповича, какъ героя мѣстнаго ростовскаго преданія (ср. выше, стр. 94 и сл.); а это, въ свою очередь, стоитъ въ согласіи съ „лѣтописнымъ“ преданіемъ: эта роль главнаго богатыря въ пѣснѣ о Калкскомъ побоищѣ принадлежала, видимо, Алешѣ, неумѣстная похвальба котораго, по мнѣнію слагателя, и привела къ погибели всѣхъ русскихъ богатырей. Само собой разумѣется, что исходъ первоначальной пѣсни долженъ былъ быть трагическимъ: она кончалась, именно, гибелью богатырей. Со временемъ, однако, именно этотъ трагическій конецъ постепенно смѣняется болѣе утѣшительнымъ для народнаго самолюбія: татары перестаютъ быть торжествующей стороной въ событіи; и если богатыри несутъ наказаніе за свое необдуманное хвастовство и сходятъ со сцены, хотя и не отъ руки своихъ враговъ (окаменѣваютъ или кончаютъ жизнь въ монастырѣ), то все же и татары также гибнутъ, ихъ нашествіе на Кіевъ отражено. Такая переработка, смягченіе первоначальнаго содержанія пѣсни указываетъ на болѣе уже позднее время своего появленія, на время, когда татары перестали быть въ сознаніи русскихъ людей неотразимымъ наказаніемъ Божіимъ, непобѣдимымъ врагомъ, какимъ они представлялись и въ устной, и въ книжной словесности въ первое время татарщины; такому измѣненію взгляда на поработителей Руси въ значительной степени способствовали событія конца XIV вѣка, завершившагося знаменитой Куликовской побѣдой надъ Мамаемъ; поэтому вполнѣ естественно, что преданія о мамаевщинѣ могли отложиться и на пѣснѣ о Калкскомъ побоищѣ, а своимъ благополучнымъ и лестнымъ для народной гордости окончаніемъ оказать вліяніе на пѣсню о пораженіи русскихъ на Калкѣ. Этимъ объясняется появленіе въ былинахъ, первоначально говорившихъ о Калкской битвѣ, Мамая, въ качествѣ главнаго врага Руси и ея богатырей, и мотивъ объ его гибели. Если подобная эволюція старой пѣсни

можетъ быть признана правдоподобной (а это вполнѣ допустимо при наличности цѣлаго ряда фактовъ вліянія татарщины въ области былинъ, именно, въ такомъ направленіи: ср. выше былины о Калинѣ, о Василіи Пьяницѣ), становится понятнымъ въ значительной степени и дальнѣйшее въ развитіи былины о гибели богатырей: черезъ связь ея содержанія съ многочисленными сказаніями и преданіями о татарщинѣ открывается широкій просторъ для проникновенія въ нее вліяній изъ другихъ былинъ о татарщинѣ же, каковы упомянутыя былины объ Ильѣ и Калинѣ, объ Ильѣ и Идолищѣ, Василіи Пьяницѣ, гдѣ и самая схема былинъ въ значительной степени аналогична былинѣ объ исчезновеніи богатырей въ ея уже „смягченномъ“ обликѣ: и въ этихъ былинахъ татары нападаютъ на Кіевъ, грозятъ стереть его съ лица земли, но терпятъ жестокую неудачу отъ русскихъ богатырей. Изъ связи съ подобными былинами объясняется и та роль, которую въ ней получаетъ Илья Муромецъ; а это, въ свою очередь, указываетъ уже еще на болѣе позднее время окончательной обработки старой пѣсни. Этими разнообразными вліяніями въ значительной степени объясняются, такимъ образомъ, различія въ деталяхъ, наблюдаемыя въ дошедшихъ до насъ текстахъ былинъ объ исчезновеніи богатырей: таковы детали оригинальной по комбинаціи извѣстныхъ намъ изъ другихъ былинъ подробностей старины о „Камскомъ побоищѣ“ (напр., о Добрынѣ).

Изъ приведенныхъ выше соображеній относительно происхожденія нашихъ былинъ видно, что наиболѣе изъ нихъ архаичными по содержанію слѣдуетъ признать тѣ, въ которыхъ первенствующая роль принадлежитъ не Ильѣ, а Алешѣ Поповичу: и дѣйствительно, такая былина существовала, хотя она и дошла до насъ уже значительно искаженной вторженіемъ въ нее мало связанныхъ съ основнымъ ея содержаніемъ сказочныхъ мотивовъ, притомъ и по тексту въ сильно и произвольно измѣненномъ видѣ; такова, именно, былина, записанная Л. Меемъ отъ стараго сибирскаго казака въ 1840-мъ году: помимо спутанности въ самомъ содержаніи былины, она изложена, повидимому, по-своему Л. Меемъ, усвоившимъ

только ея содержаніе, но придавшимъ при изложеніи ей ту форму, какая ему казалась соотвѣтствующей былинному стилю, какъ онъ его себѣ представлялъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ весь ея стиль, невольно прорывающаяся у поэта стихотворная риѳмованная строка, нагроможденіе общихъ мѣстъ и т. д. Дальнѣйшія стадіи обработки первоначальной пѣсни представляютъ, такимъ образомъ, тексты о „Камскомъ побоищѣ" и объ „Ильѣ и Мамаѣ". Въ болѣе еще поздней стадіи развитія наша былина вводитъ рядомъ съ Ильею его позднѣйшаго конкурента по популярности въ эпосѣ— Ермака, покорителя Сибири, героя исторической пѣсни XVI—XVII вѣковъ.

19.

20.

1. КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ.

А къ чему же, братцы, пріуныла луна небесная,
А помолкло-то [1] солнце красное?
А подымалася туто Литва поганая,
Какъ подымалося поганое Идо́лище
А на тотъ же на Кіевъ градъ
А на ласкова-то князя на Владимира:
Собиралъ-то онъ силы соро́къ царей,
А да соро́къ царей, сорокъ царевичей,
А да сорокъ-то королей да королевичей,
А какъ сорокъ-то атамановъ, сорокъ атаманьщичковъ;
Подъ каждымъ-то было царемъ силы сорокъ тысячъ,
Подъ каждымъ было царевичемъ силы по сороку́ тысячъ,
Подъ каждымъ королемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ королевичемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ-то атаманомъ, подъ атаманьщичкомъ силы было по сороку тысячъ;
Подъ самимъ-то Идолищемъ числа-смѣты не было.
А какъ учулъ то тутъ да князь Владимиръ-же,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ
А какъ самъ вѣдь говорилъ, да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитичъ младъ!
„Ты бери-тка скоро чернилъ, бумагъ:

[1] Вм. померкло.

„Ты пиши-тка ярлыки да скорописчаты,
„А да ты пиши-тка всѣхъ русскихъ могучихъ все бога́тырей
„А ко мнѣ, ко князю, все да на поче́стенъ пиръ,
„Пиши-ка ко мнѣ на Камское побоище.
„А садись-ко-ся, Добрыня, на ременчатъ стулъ,
„А пиши-то ярлыки да скорописчаты:
„У тебя рука легка́, и перо востро.
„А какъ перву-то голову пиши Самсона сына Колубаева,
„А другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова,
„Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
„Святогора-то пиши да со племянникомъ,
„А Ремянника пиши да со племянникомъ,
„Пересмету ты пиши да со племянникомъ,
„Перемяку пиши да со племянникомъ,
„А да Ро́сшу, Росшу-Росшиби-колпакъ да со племянникомъ,
„А пиши-тка двухъ-то бра́телковъ Петровичевъ,
„А двухъ бра́телковъ пиши-тка ты Сбродо́вичей,
„Пиши-тка-ся Иванушка сына Годенова,
„Пиши-ка-ся Гаврила Долгополаго:
„Онъ силой-то силенъ, только полы́ долги́;
„А пиши-тка-ся По́тыка́ сына Иванова,
„А пиши-тка-ся Олешенька Поповича:
„Онъ хошь силой-то не си́ленъ, дакъ напу́скомъ смѣлъ".
А какъ написали всѣ ярлыки да скорописчаты,
Они скоро-то писали, запечатали.
А какъ го́ворилъ-то тутъ самъ Владимиръ князь:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Игнатьевичъ!
„А да какъ-то есть у тя, Михайлушка, ко́ничекъ мале́шенекъ,
„А мале́шенекъ твой ко́ничекъ Голубанушко, удале́шенекъ;
„Въ трои сутки ты объѣздій по святой Руси,
„Облови-тка ты всѣхъ русскихъ могучихъ бога́тырей,
„А не забывай ты ихъ ни единаго".
А какъ бралъ-то Михайло ярлыки да скорописчаты
А какъ въ сумочку-то, въ котомочку,

А какъ молится онъ Спасу-то Пречистому,
Поклоняется-то Матери-то Божьей Богородицѣ,
А прощается-то съ княземъ со Владиміромъ,
А прощается-то съ княземъ да во рученьку во правую,
Со всѣма́-то русскима бога́тыри.
А онъ скоро пошолъ да на́ свой на широкой дворъ,
Какъ сѣдлалъ-то онъ, уздалъ скоро добра́ коня;
А какъ падалъ родной-то матушкѣ да во рѣзвыі ноги
А просилъ онъ благословленья ѣхать на святую Русь.
А давала-то ему все ро́дна матушка да благословеньице,
А какъ та же Омельфа Тимоѳеевна,
А какъ на́-вѣки давала нерушимое
А какъ съѣздить на святую Русь.
Выходилъ онъ, молился-то Спасу Пречистому,
Поклонялся-то Матери Божьей Богородицѣ,
Что прощался онъ съ своей да ро́дной матушкой,
Выходилъ-то онъ да на широкой дворъ
А онъ скоро, легко скакалъ на добра́ коня,
А да какъ стегалъ-то коня по крутымъ бедра́мъ,
А добру́ коню да приговаривалъ:
— Ты бѣжи-тка, мой конь, скоро, какъ стрѣла каленая,
— А бѣжи-тка скоро по чисту́ полю.—
Какъ не видѣли его поѣздки богатырскія:
Онъ изъ города поѣхалъ не воротами не широкима,
А скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
А да черезъ ту же башню наугольную;
А какъ только видѣли: въ чисто́мъ полѣ да курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да только столбъ столбитъ.
Онъ поѣхалъ скоро къ Самсону Колубаеву подъ окошечко косящато,
А кричалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ужъ ты гой еси, Самсонъ да Колыбаевъ же!
— А какъ билъ челомъ тебѣ да низко кланялся
— А какъ нашъ же Владиміръ князь да стольне-кіевской,

— А какъ звалъ-то онъ тебя да на почéстенъ пиръ.—
А да подавалъ-то онъ изъ сумочки ярлыкъ да скорописчатой;
Принималъ-то изъ окошечка Самсонъ, да Колыбаевъ сынъ,
А онъ скоро все роспечатывалъ, прочитывалъ.
А скочилъ-то онъ да на рѣзвы́ ноги,
Ретивó его да сердце разъярилося,
Лѣпетá [1] въ лицѣ перемѣнилася,
Горя́ча кровь въ немъ да роскипѣлася,
Богатырски плечи шевелилися;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрные!
„А подите ко мнѣ да на широкой дворъ,
„Выводите моегó все добрá коня,
„Надѣвайте-ка на его сѣдельшко черкасское,
„А накладывайте мои приспѣхи богатырскіе“.
А какъ ту слуги да не ослышались [2].
Какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ-то Михайлушко къ Дунаю къ широку́ двору,
А кричалъ онъ ему да громкимъ голосомъ:
— Ужъ ты гой еси, Дунай сынъ Ивановичъ!
— Ты живешь, да ничего не знашь, не вѣдаешь:
— А какъ тѣ бье челомъ да все Владимиръ князь
— А на то же на сильное на Камское побоище,
— А да тебя звалъ-то онъ на почестенъ пиръ,
— На почестенъ пиръ все да пива пить,
— А побить-то силы все невѣрныя.—
Отпиралъ-то онъ окошечка немножечко,
Увидалъ онъ тутъ Михайла сына Игнатьева.
„Ужъ ты здраствуй-ка, мой названой братъ,

[1] Румянецъ.
[2] Т.-е. не ослушались.

„А названой братъ да ты крестовыи!
„Собирайся ты да къ намъ на почестенъ пиръ, на Камское побоище“.
Какъ поѣхалъ тутъ Михайлушко да по святой Руси,
А какъ пóзвалъ тутъ русскихъ всѣхъ могучихъ все богáтырей.
А какъ зáчали богáтыри съѣзжатися,
А къ Самсону съѣзжатись на широкой дворъ;
Какъ зáчали богáтыри съѣзжатися,
Какъ ясны соколы да все слетатися;
Они скоро собрались, да не ослышались.
Какъ поѣхали богáтыри отъ Самсона широкá двора,
А какъ ѣдутъ богáтыри по чистý полю,
Еще мать сыра земля да потрясается,
А въ рѣкахъ, озерахъ вода да колыбается.
А какъ со восточну-ту стороночку
А не темная туча тýчилась,
А какъ темна туча какъ вѣдь грозная,
А какъ туча тучилась, какъ бы громъ гремѣлъ,
Какъ бы громъ гремѣлъ, да частой мелкой дождикъ шолъ:
А какъ вдругъ наѣхали тутъ все богáтыри;
Они въ городъ Кіевъ ѣдутъ не воротами да не широкима,
А скакали черезъ стѣну городóвую;
Какъ стрѣчаетъ князь Владимиръ со княгинею,
А стрѣчаетъ ихъ-то сударь Илья Муромецъ,
Какъ стрѣчаетъ ихъ да середи двора,
А стрѣчаетъ ихъ да низко кланится.
Они скоро скакали со добрыхъ коней;
А какъ бьютъ челомъ да низко кланятся
Князю со княгинею, государю Ильѣ Муромцу.
Говоритъ-то Илья Муромецъ:
„Ужъ вы здраствуйте, русскіе могучіе богáтыри!
„А (къ) намъ милости просимъ хлѣба-соли покушати,
„А вина, пива попити же,

„А (къ) намъ на Камское побоище:
„Съ поганыма татарами побитися“.
А весьма бога́тыри они вѣдь стали ве́селы-радостны;
А пошли они во гридни княженецкія,
А какъ въ тѣ въ полаты бѣлокаменны,
Какъ садились за тѣ столы окольные [1],
А какъ за́чали пить-ѣсть да веселитися;
Они пили, веселились трои суточки.
Какъ не вешня-та вода да разливается,
Не морска волна да колыбается,
А погана сила невѣрная ко Кіеву да подвигается.
Какъ отъ того вѣдь пару лошадинаго
Какъ помолкла луна небесная.
А приходитъ тутъ Владиміръ князь:
„Ужъ вамъ полно, братцы, пить, — пора ѣхать во чисто́ поле;
„А да полно вамъ да поклажатися,
„Надо ѣхать съ невѣрной силой управлятися!“
Какъ скричалъ-то тутъ старая стариньщина Илья Муромецъ:
— Мы безъ тебя-то знаемъ, безъ тебя вѣдаемъ!—
Тутъ Владиміру за бѣду пало, показалося;
Онъ пошелъ-то со честна́ пира, изъ гридни вонъ
Ко своей-то молодой женѣ, къ Опраксеѣ королевичнѣ.
Говорилъ тутъ старая стариньщина да Илья Муромецъ:
— Ужъ ты гой еси, Пересмета сынъ Степановичъ!
Ужъ ты съѣзди-ка со своимъ да со племянникомъ,
Ужъ ты съѣзди-ка въ чисто́ поле, на шо́ломя окатисто [2],
А возьми-тка-ся трубочку подзорную,
А какъ пересчитай-пересмечи эту силу вели́кую,
Великую силу, невѣрную.—
Туто Пересмета не ослышался:

[1] Сосѣдній; м. б., расположенные кругомъ, около княжескаго стола.
[2] Крутой холмъ.

А да шолъ-то онъ да на широкой дворъ
Со своимъ-то онъ да со племянникомъ.
Въ тѣ пóръ-то [1] богáтыри да они спать легли,
Спать легли и отдóхъ имѣть.
А садились они [2] скоро на добры́хъ коней
А поѣхали изъ города не воротами и не широкима,
А скакали черезъ ту стѣну́ да городовую,
Черезъ высокую башню наугольную;
Они скоро выѣзжали на шóломя да на окатисто,
Они брали трубочки подзорныя,
Какъ смотрѣли во всѣ четыре стóроны:
Не могли они узрѣть-усмотрѣть конца, ни краечку
А какъ той-то силушки великія,
Не могли они сосчитать-сосметать силы великія:
А какъ вешняя вода да разливается,
Какъ морска волна да колыбается,
Еще мать сыра земля да потрясается.
Какъ пріѣхалъ Пересмета ко князю на широкой дворъ:
Какъ не спится старыя старинъщинѣ да Ильѣ Муромцу,
А срѣчаетъ ихъ да середи двора,
Говоритъ-тó онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Пересмета сынъ Степановичъ!
„А перéсчитáлъ ли ты силы великія?“
Говоритъ-то Пересмета сынъ Степановичъ да таковы рѣчи:
— А не могъ-то я пересчитать силы великія:
— Все ровно какъ вешня вода разливается,
— А морска волна да колыбается,
— Какъ невѣрная сила ко городу ко Кіеву заподвигается.—
А какъ приходилъ тутъ старая старинъщина Илья Муромецъ,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„А вамъ полно, братцы, спать-то, вамъ пора ставать,
„А пора ставать, надоть намъ вѣдь путь смекать,

[1] Т.-е. въ тѣ поры.
[2] Т.-е. Пересмета съ племянникомъ.

„Намъ побрататься съ Идолищемъ надоть, поздороваться!“
А какъ тутъ богатыри да не ослышались:
Они скоро вѣдь скакали на рѣзвы́ ноги,
Умывалися они свѣжо́й водой ключе́вою,
Утиралися они да полотенцами,
Какъ молились они Спасу Пречистому,
Поклонялися они да Матери Божіей Богородицѣ;
Пошли-то они да на широкой дворъ,
Скоро, легко скакали на добры́хъ коней,
Поѣхали по городу по Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню ту да наугольную,
Отъѣзжали они подалѣ въ чисто́ поле.
Остановили они да добры́хъ коней,
Они сходили со добры́хъ коней,
Становили они бѣлы́ шатры поло́тняны;
А какъ становили они крѣпкихъ сторожевъ да караульщиковъ,
А какъ двухъ-то русскихъ могучихъ-то бога́тырей:
А какъ перву голову—Гаврила Долгополаго,
А другую голову—Олешеньку Поповича.
Говоритъ-то старикъ Илья Муромецъ;
„Ужъ вы гой еси, два бога́тыря!
„А какъ буду я вамъ наказъ наказывать:
„Не побѣжатъ ли эти поганые татаровья,
„А какъ бейте ихъ да до единого,
„Не оставляйте ихъ ни единого на сѣмена“.
А какъ тутъ скакали богатыри да на добры́хъ коней,
А поѣхали бога́тыри въ силы великія,
Доѣзжали до той силы великія,
А да какъ остановили тутъ добры́хъ коней.
Говорилъ-то Илья Муромецъ, государь, да таковы рѣчи:
„А кому, братцы, изъ насъ ѣхать въ середину-матицу
Ко тому же ко поганому Идо́лищу,
А какъ съ имъ поздороваться, побрататься,

А отсе́кти ему буйна го́лова́?“
Говоритъ Самсонъ-то, сынъ Ивановъ, Колыбаевичъ:
— Ужъ ты гой еси, сударь Илья Муромецъ!
— Не кому́ жъ-то ѣхать, какъ тебѣ, въ силу великую
— А отсѣкти Идо́лищу буйну голову:
— А тебѣ-то, Ильѣ Муромцу, во чисто́мъ полѣ смерть не писана.—
Говорилъ тутъ стары́й казакъ да Илья Муромецъ:
„Я когда уѣду какъ въ силу великую,
„Зазвенитъ-то моя сабля вострая,
„Заскрипятъ-то мои плечи богатырскія,
„А тогда вы разъѣзжайте по силушкѣ великія,
„А рубите вѣдь татаръ да до единого“.
Какъ поѣхалъ старо́й-то въ силушку великую,
А онъ мнетъ-то все конемъ силу поганую;
Онъ доѣзжалъ до поганаго Идо́лища.
Говоритъ-то Илья Муромецъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты здраствуй-ка, поганое Идо́лище!
„Я не дамъ тебѣ розорить-то города Кіева,
„Въ полонъ взять князя Владимира,
„А церквей-то Божьихъ подъ конюшни взять,
„И не дамъ-то розорить монастыри спасе́ные“.
Тутъ спроша́етъ поганое Идолище:
— Ужъ ты гой еси, дородный доброй молодецъ!
— Ты скажи-тка, какой есть у васъ да Илья Муромецъ?—
„Я скажу про ста́ра казака про Илью Муромца;
„Сколь я толстъ, великъ, столь Илья великъ, толстъ;
„Еще платье мы носимъ съ одного плеча,
„А какъ кушаемъ да изъ одной чаши“.
Говорилъ тутъ поганое Идолище:
— А кабы былъ-то вашъ сла́венъ Илья Муромецъ,
— На доло́нь [1] бы посадилъ, другой сверху прижалъ:

[1] Ладонь.

— Промежду долонями одно мокрó осталося.
— А да я-то ѣмъ хлѣба по пяти печéй,
— А вина-то пью да сороковками.—
„Ужъ ты гой еси, поганое Идолище!
„У насъ-то на Руси у Ивана священника,
„А была-то у его корова бурая:
„Много пила-ѣла, у ей брюшина лопнула;
„У тебя, Идолища, скоро лопнетъ же!“
А какъ тутъ-то закричалъ поганое Идолище:
— Ужъ вы гой еси, палачи да немилóстливы!
— А схватите мужика да со добра коня,
— Отсѣките-ка ему да буйну голову!—
А какъ то Ильѣ Муромцу за бѣду да показалося:
Его сердце разъярилося да разсердилося;
Лѣпетá въ лицѣ да въ немъ перемѣнилася,
А горя́ча кровь да раскипѣлася,
А какъ плечи его да шевелилися:
Онъ вѣдь скоро хваталъ саблю тяжелую,
А тяжелую, саблю вострую,
Стягалъ-то онъ добрá коня по крутымъ бедрамъ;
Онъ поскóчилъ его доброй конь въ силушку великую;
А махнулъ-то онъ да саблей вострою
А какъ сáму-то Идолищу да въ буйну голову
А во всю-то свою силу богатырскую,
А разсѣкъ онъ буйну голову вплоть до сáмого сѣдельышка [1];
Развалился тутъ Идóлище все нáдвое.
Началъ-то въ силѣ поѣзживать, помахивать:
А впередъ махнетъ—сдѣлатъ улицей,
А назадъ махнетъ—да дѣлатъ переулками;
А зазвенѣла его да сабля вострая,
Заскрипѣли его плечи богатырскія;
Услыхала тутъ дружина-то хоробрая,

[1] Поясница.

А какъ начали ѣздить, рубить по силушкѣ великія:
А впередъ махнутъ—тутъ вѣдь улицей,
А назадъ махнутъ—тутъ да переулками.
Они ко́е бьютъ, ко́е конями топчутъ же;
Они били-рубили немножко, немало—шестеры суточки,
Не пиваючи добры молодцы, не ѣдаючи,
Со добры́хъ коней да не сходяючись;
Что они прибили эту силушку да до единого.
Утомились ихъ все добры́ кони,
А у нихъ да пріустали все бѣлы́ руки:
Они чуть сидятъ-то на добры́хъ коняхъ съѣзжаючись;
Ихни добры кони и́дутъ ступью все бродо́вою [1].
Какъ доѣхали они да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Сходили они да со добры́хъ коней,
Насыпа́ли имъ пшеницы бѣлояровоii,
А спускали ко́ней во чисто́ поле
А щипать-то-ѣсть травы мура́выя.
А да какъ во ту пору, во то время
Караульщиковъ у шатровъ не случилося:
Угонилися они да за татарами поганыма,
За тѣма́ же за ихнима бога́тыри.
Тутъ-то бога́тыри въ шатры спать легли;
Они крѣпко спали ше́стеры суточки;
А не спитъ-то 'суда́рь Илья Муромецъ,
Жалѣтъ-то двухъ бога́тырей.
А какъ ѣдутъ богатыри да изъ чиста́ поля,
Они ѣдутъ да сами хвастаютъ,
Какъ хвастаютъ, таковы рѣчи говори́ли:
„А кабы была на небеса да лѣстница,
„А прибили бы силу небесную“.
А не спитъ въ тѣ поръ 'сударь Илья Муромецъ,
Не спитъ онъ, такъ лежитъ, все дѣло слушаетъ.

---

[1] Тихимъ шагомъ.

Выходилъ-то онъ да изъ бѣла́ шатра,
Говорилъ-то имъ да таковы рѣчи:
— Вы нема́лу себѣ, ребята, шуточку нашу́тили;
— Еще какъ намъ эта шутка съ рукъ сойдетъ?—
А какъ спятъ-то бога́тыри, ничего не вѣдаютъ.
А прошли тутъ ше́стеры суточки;
А отъ сна старой казакъ да пробужается;
А выходитъ онъ да изъ бѣла́ шатра,
А какъ смотритъ онъ пода́лече въ чисто́ поле;
А какъ возстала́ тутъ вся сила поганая.
Говоритъ тутъ старый таковы рѣчи:
— Вамъ, братцы, полно спать, пора ставать!
— Какъ остала-ся сила поганая;
— А какъ надоть намъ съ нима побитися.—
Выходили богатыри да изъ бѣлы́хъ шатровъ,
А какъ мылися они свѣжо́й водой, ключе́вою,
Утирались они да бѣлы полотенцами,
А молилися они Спа́су Пречистому
А какъ Матери-то Божьей Богородицѣ;
Они скоро, легко скакали на добры́хъ коней
А поѣхали къ той силѣ поганыя,
А какъ начали рубить силу великую:
А кого сѣкутъ на́ двое,
Изъ того рожается двое же;
А кого сѣкутъ на́ трое,
Изъ того все трое рожается.
Они первый день билися съ утра до вечера,
А силы все не убавляется.
Говоритъ-то 'сударь нашъ Илья Муромецъ:
— Ужъ намъ полно, братцы, битися, живымъ съ мертвыма дратися!
— Ужъ проститъ насъ Господь а въ такой вины?—
Какъ молилися они Спасу Пречистому;
А тутъ пала вся сила поганая.

А поѣхали въ тѣ по́ръ да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А Олешенька съ Гавриломъ—во чисто́ поле,
На востры́хъ копьяхъ они сколслися.
А пріѣхали бога́тыри да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А да обирали тѣ шатры поло́тняны;
Роспростилися да всѣ бога́тыри,
А поѣхали богатыри да по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, къ отцамъ, къ матерямъ,
А да къ отцамъ, къ матерямъ да къ молодымъ женамъ.
Какъ стары́й казакъ да Добрынюшка Микитичъ младъ,
Они осталися въ чисто́мъ полѣ поляковать.
А какъ спять-то они, по утру ранному,
По восходу-ту солнца краснаго,
Какъ наѣхала баба Латы́нгорка на ту силу великую;
Она ме́четъ на востро́мъ копьѣ ту́лова [1] по-подъ не́беса,
А сама она мечетъ, приговариватъ:
„Еще кто это прибилъ да силушку великую?
„А прибила бы я всѣхъ бога́тырей да до единого“.
А какъ то богатырямъ за бѣду показалося:
Да поѣхалъ Добрынюшка къ бабѣ Латынгоркѣ.
А ударились они да сабли вострыма,—
У нихъ сабельки да поломалися;
Ударились они ко́пьями борзоменскима [2],—
По рукъ [3] копья у нихъ согнулися,
Не дали на себя раны кровавыя.
Они ско́чили со добры́хъ коней
И начали боротися.
Не по Божьей-то было все по милости,
Не по Добрыниной-то было участи:
Порвало́сь-то у ей платье цвѣтное,
А права́ рука у его да скользну́лася,

[1] Тулъ, колчанъ.
[2] Тоже, что „мурзамецкое“, обычный эпитетъ копья.
[3] Т.-е. по рукоятку.

А лѣва́-то ножка у его да подвернулася;
А какъ падалъ Добрынюшка на сыру землю.
А какъ сѣла баба Латынгорка на бѣлы́ груди
А хочетъ спороть да Добрынѣ все бѣлы груди,
Досмотрѣть Добрынина да ретива́ сердца.
Она ѣдетъ своей ж.... по бѣлу лицу,
Она ѣдетъ да приговариватъ:
„А цѣлуй-ко-ся мою ж... бѣлую!"
Какъ во ту пору ѣдетъ стары́й казакъ Илья Муромецъ:
Понужа́лъ скоро добра́ коня,
Доставалъ [1] тутъ, чтобы не спорола грудей бѣлыя,
Не досмотрѣла Добрынина ретива́ сердца.
Надъѣхалъ Илья Муромецъ на бабу Латынгорку
Да и спихнулъ ей [2] со добра́ коня право́й ногой;
Пала баба на сыру землю,
Тутъ сѣлъ-то Добрыня на бѣлы́ груди.
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
— Не знаешь ты бабьей ухватки:
— Хватай бабу за пе́льки [3], пинай по́дъ г....,—
— Тутъ будетъ бабѣ рана кровавая.—
Тутъ-то Добрыня сталъ съ сырой земли
А садился Добрыня на добра́ коня,
Отъѣзжалъ-то Добрыня во чисто́ поле,
Со того-то со стыду да со великаго
А втыкалъ онъ востро́ копье да во сыру землю,
Еще падалъ Добрыня на копье ретивы́мъ сердцемъ.
Тутъ-то Добрынюшкѣ и смерть пришла.

---

[1] Торопился.
[2] Т.-е. ее.
[3] Груди.

22.

2. ИЛЬЯ И МАМАЙ.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ-за тѣхъ же горъ изъ-за высокихъ,
Изъ-за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соряжается
На тотъ же на крашенъ [1] Кіевъ градъ
И хочетъ крашенъ Кіевъ градъ въ полонъ взять.
И бралъ онъ себѣ силы много множество:
Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей;
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей;
Да бралъ своего зятя любимаго,
Своего Василія прекраснаго,
И бралъ за нимъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счета не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топищѣ [2] краснаго солнца не видать было,
А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару коннаго померкнулъ весь,—
Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.

---

[1] Красный въ см. красивый.
[2] Вѣроятно: отъ пыли, подымаемой топотомъ коней.

Дошла до Мамая славушка немалая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто всѣ сильные богатыри
Во чисто поле разъѣхались.
И подходила сила Мамаева
Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.
Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ верстахъ
Развернули шатры бѣлополотняные,
Разостлали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую.
И говоритъ тутъ Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, любимый зять, Василій прекрасный!
„Ты сидись-ка, Василій, наременчатъ стулъ,
„И пиши-тка, дитятко, ты ярлыки скорописные,
„Не на бумагѣ пиши, не перомъ, не чернилами,
„А пиши-тка ты на красномъ бархатѣ,
„Ты печатай-ка заголовья краснымъ золотомъ,
„А по самой середкѣ чистымъ серебромъ,
„А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жемчугомъ,
„А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
„Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было.
„А пиши ты на бархатѣ неласково,
„Со угрозами пиши со великими,
„Пиши, не давай сроку ни на время ни на малое“.
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять,
И говорилъ тутъ любимый зять таково слово:
— Ужъ ты гой еси, батюшка Мамай, строгій царь!
— Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ?—
Говорилъ Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, любимый зять!
„Тебѣ-ка ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
„А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ

„Со своимъ войскомъ съ любимымъ“.
Садился тутъ Василій на добра коня,
Поѣхалъ Василій во Кіевъ градъ,
Не дорогой ѣхалъ, не воротами,
Черезъ стѣны скакалъ городовыя
Мимо башенки тѣ наугольныя;
Подъѣзжаетъ ко двору ко княжескому
И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню,
И подходилъ онъ къ столамъ дубовымъ
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владимиръ стольнокіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколъ да подымается:
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ.
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню.
А Владимиръ стольнокіевскій
Горючьми слезами уливается;
Не подымаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у него очи ясныя,
Говоритъ же онъ тутъ таково слово:
„Ты бери-тка-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
„Ты читай-ка ихъ скоро на скоро,
„И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано,
„И что на бархатѣ напечатано“.
И началъ старый читать скоро на скоро,
Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покатилися,
И вслухъ читалъ, всѣ слышали.
А что же въ ярлыкахъ написано?
И сроку въ ярлыкахъ не дано:

— „Не спущу изъ Кіева ни стараго, ни малаго,
— „У самого Владиміра буду тянуть очи косицами,
— „А языкъ-то—теменемъ, съ живого кожу драть буду,
— „А княгинюшку Апраксію возьму за Василія прекраснаго“.—
Тогда говорилъ старъ казакъ таково слово:
„Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
„Ужъ ты дай-ка-ся мнѣ сроку на три года“.
— А не дамъ я вамъ сроку на три года.—
„А дай-ка ты намъ хошь на два года“.
— А не дамъ я вамъ сроку на два года.—
„Дайте сроку хошь на полгода,
А безсрочныхъ и на землѣ нѣту“.
Даваетъ Василій сроку на полгода.
И угощать стали Василія прекраснаго
Зеленымъ пивомъ, виномъ пьяныимъ,
Пивомъ пьяныимъ, медомъ сладкіимъ,
И начали дарить золотой казной:
Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошіихъ,
Дарили еще соболями сибирскіими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
До еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили красныимъ.
Принималъ Василій подарки великіе
И везъ къ Мамаю въ бѣлополотняный шатеръ.
Во ту пору, во то времечко
Пошолъ старый по Кіеву граду,
Нашолъ дружинушку хоробрую,
Того ли Потанюшку Хроменькаго;
Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьицамъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колыванову,

Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василію Казимирову,
Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ,
Во пятыхъ-то къ Потоку Ивановичу,
Во шестыхъ-то къ Добрынюшкѣ Никитичу,
Во седьмыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Во восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потанюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
А славны добры молодцы соѣзжалися,
Ко тому ли Владиміру собиралися
И почали думу думати, совѣтъ совѣтовать.
И началъ старый у нихъ спрашивати:
„Ужъ вы удалы добры молодцы!
„Постоимъ-ка-ся мы за вѣру христіянскую,
„И за тѣ же за храмы за Божіе,
„И за тѣ же за честные монастыри
„И своею мы кровью горячею,
„И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
„На рать силу великую,
„Поѣдемъ мы всѣ, покаемся.
„А и ты, Владиміръ стольнокіевскій!
„Ты пошли-ка намъ да во чисто поле
„Сорокъ возовъ хлѣба бѣлаго,
„Да сорокъ возовъ хлѣба чернаго,
„Да сорокъ сороковъ зелена вина.
„Ужъ какъ мы живы пріѣдемъ изъ рать-силы великія,
„Тогда вздумаемъ позабавиться,
„И тогда не дошедши моимъ ребятамъ низко кланяйся;
„А не пріѣдемъ изъ того побоища Мамаева,—

„Похорони наши тѣла мертвыя
„И помяни русскихъ богатырей,
„И пройдетъ славушка про насъ немалая“.
Садились добры молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали добры молодцы во чисто поле,
И разставили они шатры бѣлополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертыя сутки протрезвилися
И начали они думу думати, совѣтъ совѣтовати.
И сталъ старый у нихъ спрашивати:
„Ужъ вы гой еси, сильные русскіе богатыри!
„Кому же изъ васъ съѣздить въ рать великую,
„Ко тому же Мамаю богатому,
„Посмотрѣть войско изрядное:
„Со которой стороны начинать намъ будетъ?“
— На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать-силу великую.—
Ино то старому слово понравилось:
„Еще Самсона послать, силой силенъ, да неповоротливый:
„Потеряетъ онъ у Мамая буйну голову;
„А если Дуная послать, Дунай онъ задорливый:
„Позадорится заѣхать въ рать-силу великую;
„Есть во рати три переката глубокіихъ,
„А поставлены въ перекатахъ копья вострыя:
„Во-первыхъ, онъ потеряетъ добра коня,
„А во-вторыхъ, потеряетъ буйну голову;
„Не пріѣхать ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.
„Если Добрыню послать, Добрыня все не высмотритъ,
„И не узнать Добрынѣ силы Мамаевой;
„Если Василія послать, не сосчитаетъ онъ силу
„И не пересмотритъ ее со краю на край,
„Потеряетъ Василій буйну голову долой;
„Больше мнѣ послать и некого;
„Будетъ мнѣ-ка старому самому идти.

„Вы гуляйте-ка суточки теперь первыя
„И гуляйте вы други сутки,
„На третьи сутки соряжайтеся
„И къ ратному дѣлу поѣзжайте.
„Какъ зазвенитъ палица боевая,
„И зачивкаетъ моя сабля вострая,
„И затрублю я во турій рогъ,
„И во середку въ силу не ѣздите,
„А рубите силу со краю на край
„И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,
„И никого не оставляйте Мамаю на сѣмя".
И всѣ стали удалы добры молодцы на рѣзвы ноги
И поклонилися всѣ низко старому.
И поѣхалъ старъ во рать-силу великую
И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,
Соскакивалъ тутъ старый со добра коня
И заходилъ старый во шатеръ бѣлополотняный;
Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.
Увидалъ тутъ Мамай во шатрѣ человѣка страннаго,
Говорилъ же Мамай таково слово:
— Ужъ ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!
— И зачѣмъ ты ходишь, и что тебѣ надобно,
— И откуль ты идешь и откуль путь держишь,
— Изъ Кіева идешь, али изъ Чернигова?—
„Иду же я изъ города изъ Кіева".
— А и что же нонѣ во Кіевѣ-то дѣется,
— Не знаешь ли то, добрый молодецъ,
— И не слыхалъ ли ты да про стараго?
— Разскажи-ка ты мнѣ, какой онъ ростомъ,
— И сколь широкъ онъ плечьми?—
Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:
„Ужъ ты гой еси, Мамай, богатый царь!
„Довольно видѣлъ я Илью Муромца.
„Ты гляди на него все равно, какъ на меня же:

„Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
„Лицо у него постное, пиво пьетъ онъ по стаканчику,
„А вино-то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ,
„А закусываетъ да по калачику.
„У стараго-то бородушка сивая,
„Сивая бородушка да красивая“.
А и тутъ Мамай да прирасхонулся[1]:
— Напрасно же шла славушка великая про стараго,
— Отъ востоку шла и до запада,
— До той орды до великой,
— До меня ли Мамая грознаго:
— Лучше меньше гонить бы силы-войска.
— Еще есть-ко при мнѣ Рославней Рославнеевичъ:
— Приготовь-ка для него говядины быка заразъ,
— А зелена вина пивной котелъ,
— А промежъ глазъ у него калена стрѣла,
— А промежъ плечами двѣ сажени печатныхъ.—
Отвѣтъ держитъ тутъ старый казакъ:
„Ты безумный богатый царь!
„Какъ у насъ-то во городѣ во Кіевѣ,
„Собирался у князя Владимира почестенъ пиръ;
„А была у Владимира собака обжорлива,
„По подстолью собака водилася,
„Костьемъ та собака подавилася;
„Тутъ собакѣ и смерть пришла:
„Не уѣхать тебѣ, Мамай, отъ города отъ Кіева,
„Срубитъ у тебя старъ казакъ буйну голову“.
Тутъ Мамаю за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
И хватилъ-то Мамай чинжалище-вострый ножъ,
И шибъ[2] стараго вострымъ ножомъ.

[1] Разсмѣялся.
[2] Шибанулъ, ударилъ.

А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки,
И обратилъ старый острый ножъ,
И закололъ старый Мамая и срубилъ ему буйну голову,
И разбилъ палачей множество,
И добрался до своего добра коня.
Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ;
И сомутилися у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,
Не узналъ старый ночи темныя;
И расходились у него плечи могучія,
И размахались руки бѣлыя,
И засвистѣла у него палица боевая,
И зачивкала его сабелька вострая.
И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленые,
Тѣ же сильные могучіе богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни стараго, ни малаго.
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единаго на сѣмена.
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья до облака.
Оставалися только во лагеряхъ у стараго
Два брата, два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей кому было.
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца,
Поѣхали во ту рать-силу великую:
А и пріѣхалъ тутъ старъ казакъ со другомъ,
А стрѣтить-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать-силы великія
Тѣ два брата, два Суздальца,

И сами они похваляются:
„Кабы была теперь сила небесная,
„И всю бы мы побили ею по полю“.
Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое:
Возстала сила Мамаева,
И стало силы больше впятеро.
И пріѣхали они ко старому
И ко тѣмъ дружинушкамъ хоробрыимъ,
И начали они разсказывать,
Что мы ѣхали дорогой, похвалялися,
И возстало силы впятеро;
И сами имъ во всемъ повинилися.
Тутъ поѣхала дружинушка хоробрая
Во ту рать-силу великую,
И начали бить съ краю въ край.
И рубили они сутки шестеро,
А вставаетъ силы больше прежняго.
Узналъ старый предъ собой вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
„Ты прости насъ въ первой винѣ,
„За тѣ же слова глупыя,
„За тѣхъ же братовъ Суздальцей“.
И повалилась тутъ сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
Во тѣ же пещеры во кіевски.
Тамъ всѣ они преставилися.
Тутъ старому славу поютъ.

3. ГИБЕЛЬ БОГАТЫРЕЙ.

Выѣзжали на Сафатъ рѣку
На закатѣ краснаго солнышка
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ на̀званныхъ:
Выѣзжалъ Годенко Блудовичъ,
Да Василій Казимировичъ,
Да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня мо̀лодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога къ Новугороду,
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
А что третія дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому:
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.

Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держа́тъ.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студено́й водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чу́дну образу.
Видитъ Добрыня за Сафатъ рѣкой
Бѣлъ полотнянъ шатеръ:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченокъ,
Злой татаринъ, бусурманченокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него по́тнички,
На потнички ко́врички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейце урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное
И садился на добра коня.
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрно́й верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ка, татарченокъ,
„Злой татаринъ, бусурманченокъ!

„Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.
Въ тá поры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи на небѣ сходилися:
Слеталися, сходилися два удалые витязя,
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хваталися въ рукопашный бой.
Правая ножка Добрыни ускóльзнула,
Правая ручка Добрыни удрóгнула,
И валился онъ на сыру землю.
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной вóдой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чýдну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не веселъ,
Потупилъ очи во сыру землю:
Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрнòй верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:

Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ голосомъ:
„Вылѣзай-ка ты, татаринъ злой,
„На честной бой, на побраночку“.
Отвѣчаетъ ему татарченокъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ.
— Ваши роды не уклончивы,
— Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
— Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
Возговоритъ на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались на пиръ идучи,
„А хвались съ пиру идучи!“
Въ тѣ́ поры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи на небѣ сходилися:
Сходилися, слеталися два удалые витязя;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой;
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,

Вынимать сердце съ печенью.
Отколь туть ни взялся черный воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Ты послушай меня, черна ворона:
„Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей;
„А слетаю я на сине́ море,
„Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
„Вспрыснешь Добрыню мертво́й водой,—
„Срастется его тѣло бѣлое;
„Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
„Тутъ и очнется добрый молодецъ“.
Въ та́ поры Алеша ворона послушался.
И леталъ воронъ на сине́ море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертво́й водой,—
Срасталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой,—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они татарина.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ: черезъ Сафатъ рѣку
Переправляется сила басурманская;
И той силы добру молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облѐтѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,

„Удалые братья названые?“
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупилися мечи наши булатные“.
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу нездѣшнюю:
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать!
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,

Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ,
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахались ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

24

ИСТОЧНИКИ.

Напечатанныя въ этомъ томѣ пѣсни взяты изъ слѣдующихъ ихъ изданій:

I. ДОБРЫНЯ.

Пѣсни: первая, пятая и шестая взяты изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга „Онежскія былины" (изд. 2, Спб. 1894), т. I, № 5; записаны онѣ въ 1871 г. отъ крестьянина Петра Лукича Калинина изъ деревни Горка, Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго у.), 43 лѣтъ; въ пѣніи былина — сводная изъ четырехъ: Добрыня и Марина (см. у насъ третью пѣсню), Добрыня и змѣй, Добрыня и Настасья, Добрыня и Алеша; въ настоящемъ изданіи онѣ раздѣлены, а былина о Добрынѣ и Маринѣ взята по лучшему варіанту изъ того же сборника, т. III, № 227, по записи отъ Петра Андреевича Воинова, крестьянина дер. Рыжковой на Свиномъ озерѣ (у Кенозера), 59 лѣтъ, ученика Захара Андреева и Павла Сивцева, изъ той же мѣстности старинныхъ пѣвцовъ.

Пѣсня вторая—также изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга, т. I, № 94, по записи отъ Кузьмы Ивановича Романова, слѣпого крестьянина 80 лѣтъ, дер. Лонгасы, Сѣнногубской волости (Кижи), ученика старика Ильи Елустафьева (отъ котораго учился и извѣстный Т. Г. Рябининъ).

Пѣсня четвертая взята изъ сборника „Русскія былины старой и новой записи" (М. 1894, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера), № 37, записана въ 1871 г. С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ, Томской губ., отъ крестьянина Тупицына, слѣпца.

Пѣсня седьмая — изъ сборника А. В. Маркова „Бѣломорскія былины" (М. 1891), № 108; записана въ 1898 г. на Зимнемъ берегу (Арханг. губ.) отъ Ивана Прокопьевича Прыгунова, неграмотнаго крестьянина 57 лѣтъ.

Пѣсня восьмая—изъ сборника А. Д. Григорьева „Архангельскія былины и историческія пѣсни", т. III (Мезень), Спб. 1910, № 17 (321), по записи отъ крестьянина Артемія Григорьевича Петрова дер. Дорогая Гора, Дорогорской волости, 35 лѣтъ.

II. АЛЕША.

Былина объ Алешѣ и Тугаринѣ печатается по сборнику Кирши Данилова „Древнероссійскія стихотворенія“ (изд. 1818 г., или 1878 г., Москва), № 19, стало быть, по записи половины XVIII вѣка; здѣсь соединены два варьянта одной и той же пѣсни.

Пѣсня объ Алешѣ и сестрѣ Петровичей взята изъ сборника А. Д. Григорьева „Архангельскія былины“, т. I, (М. 1904), № 137 (173); записана отъ старухи 68 л., крестьянки д. Ваймуши (Пинежскаго у.) Агаѳьи Павловой.

III. ИЛЬЯ.

Первая пѣсня взята изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга „Онежскія былины“ (изд. 2, Спб. 1894), т. II, № 120; записана отъ одного изъ лучшихъ пѣвцовъ, Василія Петровича Щеголенка, крестьянина дер. Боярщины, Кижской волости, 65 лѣтъ, по занятіямъ земледѣльца и сапожника; былинамъ онъ научился у своего дяди.

Пѣсня вторая взята оттуда же (II, № 74), записана отъ Трофима Григорьевича Рябинина (отъ котораго записалъ ее и П. Н. Рыбниковъ; см. т. I, изд. 2, М. 1909. № 4); Т. Г. Рябининъ, крестьянинъ дер. Середки, Кижской же волости, 78 лѣтъ, ученикъ Ильи Елустафьева (умершаго въ началѣ 30-хъ г. г. XIX ст. девяностолѣтнимъ старцемъ; ср. выше), а также и другихъ, б. ч. стариковъ. Т. о. онъ представитель старой традиціи; сынъ его И. Т. Рябининъ также пѣлъ былины своего отца.

Пѣсня третья заимствована изъ сборника П. Н. Рыбникова „Пѣсни, собр. П. Н. Р—ымъ“ (изд. 2, М. 1910), т. I, № 199; записана она отъ Латышова, крестьянина дер. Кузнецовой, Бережно-Дубровской волости, на Онегѣ (Каргопольскаго у.); по профессіи онъ — калика, поющій преимущественно духовные стихи, рѣже былины; и былины выучилъ онъ отъ каликъ же.

Пѣсня четвертая — изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга, т. II, № 75, записана отъ того же Т. Г. Рябинина, что̀ и вторая.

Пѣсня пятая—оттуда же, т. I, № 48, записана отъ Никифора Прохорова (отъ него же ее получилъ и П. Н. Рыбниковъ, II, № 118), крестьянина дер. Буракова, Купецкой волости (Пудожск. у.), 51 года; пѣснямъ выучился онъ у отца, умершаго 80 лѣтъ, который еще мальчикомъ перенялъ ихъ, въ свою очередь, отъ старика, пѣвшаго былины въ помѣщичьемъ домѣ.

Пѣсня шестая взята по тексту сборника П. Н. Рыбникова (т. II, № 119), записана отъ того же Никифора Прохорова, отъ котораго записана Гильфердингомъ предыдущая пѣсня.

Послѣдняя—седьмая пѣсня—изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга, III, № 266, по записи отъ Игнатія Григорьевича Третьякова, крестьянина дер. Росляковой на Кенозерѣ, 58 лѣтъ; пѣвецъ грамотный, былины перенялъ отъ отца, но многія изъ нихъ уже забылъ; въ правдивость описываемаго въ былинахъ вѣритъ онъ мало.

IV. СУХМАНЪ.

Былина о Сухманѣ взята изъ сборника П. Н. Рыбникова (изд. 2, М. 1910), II, № 148; записана была имъ въ 1860 г. отъ шестидесятилѣтняго лодочника на рѣкѣ Шалѣ (иначе Водлѣ), Пудожск. у., Потапа Трофимовича Антонова изъ дер. Гогарки; выучился онъ былинамъ отъ своего дѣда, умершаго 97 лѣтъ, а этотъ въ свою очередь отъ слѣпого калики, умершаго въ началѣ XIX столѣтія. Черезъ десять лѣтъ эту же былину, уже съ замѣной Добрыни Ильей и вставкой изъ былины объ Идолищѣ, записалъ отъ него А. Ѳ. Гильфердингъ (ср. „Онежскія былины", I, № 63).

V. САУРЪ.

Первая пѣсня—по старой записи въ „Древнероссійскихъ стихотвореніяхъ" Кирши Данилова (М. 1818), № 25.

Вторая—изъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ" (М. 1878, изд. 2), III, стр. 41; идетъ изъ Онеги, записана со словъ крестьянина Нименгской вол. Ивана Пахомова.

VI. ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА.

Пѣсня заимствована изъ сборника А. Д. Григорьева „Архангельскія былины и историческія пѣсни", т. III (Спб. 1910), № 15(319), записана въ 1899 — 1901 г. въ дер. Дорогая Гора, на рѣкѣ Мезени, Дорогорской вол., отъ крестьянина этой деревни Артемія Егоровича Петрова, 35 лѣтъ, горькаго пьяницы (ср. восьмую пѣсню о Добрынѣ); назвалъ пѣвецъ былину: „Васька пьяница и Кудреванко царь".

VII. ГЛѢБЪ ВОЛОДЬЕВИЧЪ.

Былина взята изъ сборника А. В. Маркова „Бѣломорскія былины" (М. 1901), № 80; записана въ 1893 г. въ с. Нижняя Золотица (на восточномъ берегу Бѣлаго моря) отъ А. М. Крюковой, 45 лѣтъ.

VIII. ДУНАЙ.

Первая пѣсня—изъ сборника П. В. Кирѣевскаго „Пѣсни, собр. П. В. К-имъ", вып. III (М. 1878 г., изд. 2), стр. 58, записана г. Крещагинымъ въ Онегѣ; въ пѣніи она соединена была съ пѣсней о Дунаѣ и Настасьѣ (см. выше, стр. 67 и сл.).

Вторая пѣсня берется изъ „Онежскихъ былинъ" А. Ѳ. Гильфердинга (изд. 2, Спб. 1894), т. II, № 50, записана имъ (какъ раньше П. Н. Рыбниковымъ; см. т. II, № 121) отъ Никифора Прохорова (ср. выше, пятую пѣсню объ Ильѣ).

IX. ДЮКЪ.

Текстъ взятъ изъ „Онежскихъ былинъ" А. Ѳ. Гильфердинга (Спб. 1900), III, № 225 по записи отъ одного изъ лучшихъ сказителей Ивана Па-

вловича Сивцева, по прозванію Поромскаго (изъ дер. Поромска на Кенозерѣ), старика 65 лѣтъ, унаслѣдовавшаго традицію отъ отца, одного изъ лучшихъ „пѣтарей“ данной мѣстности (ср. пѣсни о Добрынѣ 1, 5 и 6).

X. ПОТЫКЪ.

Былина приводится по тексту „Онежскихъ былинъ“ А. Ѳ. Гильфердинга (изд. 2, Спб. 1894), I, № 52, записана отъ Никифора Прохорова, изъ дер. Буракова Купецкой вол. Пудожск. у. (ср. выше, вторую пѣсню о Дунаѣ).

XI. МИХАЙЛО КАЗАРИНЪ.

Пѣсня взята въ старинной записи по „Древнероссійскимъ стихотвореніямъ“ Кирши Данилова (М. 1818 или 1878), № 21.

XII. ЧУРИЛО.

Первая пѣсня заимствована изъ сборника Кирши Данилова „Древнероссійскія стихотворенія“ (М. 1818 или 1878), № 17.

Вторая пѣсня записана отъ крестьянина деревни Поромска Ивана Павловича Сивцева (см. выше, пѣсню о Дюкѣ), напечатана у А. Ѳ. Гильфердинга, въ „Онежскихъ былинахъ“, III, № 224.

XIII. КНЯЗЬ РОМАНЪ.

Первая пѣсня дается по записи П. Н. Рыбникова (изд. 2, т. II, № 152) отъ старика крестьянина Ивана Фепонова изъ деревни Мелентьевской (Купецкой вол., Пудожскаго у.), ученика Петра Степановича Мѣщанинова (изъ Каргопольскаго у.). Отъ него же записывалъ эту пѣсню позднѣе А. Ѳ. Гильфердингъ (Онежск. был., № 61), при чемъ пѣвецъ уже кое-что пѣлъ иначе; главнѣйшія измѣненія второй записи приводятся подъ строкой.

Вторая пѣсня взята изъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ (вып. V, стр. 92—96), по записи С. Максимова въ Архангельской губ.

Третья—въ старинной записи Кирши Данилова (№ 48).

XIV. ГИБЕЛЬ БОГАТЫРЕЙ.

Первая былина—изъ сборника А. В. Маркова „Бѣломорскія былины“ (М. 1901), № 81 (стр. 434 и сл.); записана она отъ неграмотнаго старика 77 лѣтъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря крестьянина Г. Л. Крюкова изъ дер. Нижняя Золотица.

Вторая — изъ сборника „Русскія былины старой и новой записи“ (М. 1894), № 8 (стр. 22 и сл.); записана А. М. Никольскимъ въ 50-хъ гг. прошлаго вѣка въ г. Мезени, Арханг. губ.

Третья — изъ сборника П. В. Кирѣевскаго (вып. IV, стр. 108 и сл.); записана въ 1840 г. отъ стараго сибирскаго казака Ивана Андреева.

БЫЛИННАЯ РѢЧЬ.

Ста́рины, какъ и большинство русскихъ пѣсенъ, сохраняющихся въ устахъ современныхъ народныхъ пѣвцовъ по памяти и старинной традиціи, несомнѣнно, испытали и въ своей внѣшней формѣ, прежде всего въ своемъ языкѣ, рядъ измѣненій въ связи съ измѣненіями въ жизни языка самихъ ихъ носителей, въ связи съ тѣми перемѣщеніями, которыя переживала старая первоначальная пѣсня, распространяясь внѣ предѣловъ своей первоначальной родины, переносимая изъ одного культурнаго слоя общества въ иной, отличающійся отъ предъидущаго и степенью развитія, а, слѣдовательно, и самымъ языкомъ въ частностяхъ стилистики и даже фонетики и словообразованія; достаточно напомнить, что большинство нашихъ былинъ дошло до насъ лишь въ оболочкѣ великорусскаго говора, и притомъ говора сѣверно-великорусскаго, рѣже южно-великорусскаго, сохранившись на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, рѣже въ среднемъ и южномъ Поволжьѣ и Предкавказьѣ, тогда какъ слагались былины не только въ этихъ мѣстахъ, но и въ центрѣ великорусскаго говора, а, можетъ быть, и въ предѣлахъ старыхъ южныхъ и западныхъ русскихъ говоровъ; достояніемъ же крестьянской массы, теперешней ихъ хранительницы, стали былины лишь со временемъ, когда интересъ къ нимъ исчезъ среди другихъ болѣе культурныхъ слоевъ русскаго общества; наконецъ, и сами прежніе слагатели и исполнители былинъ представляются по своему уровню развитія отличающимися отъ массъ, стоявшихъ и въ прошломъ ниже ихъ въ этомъ отношеніи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и источники многихъ былинъ, и самая ихъ композиція со стороны формы. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ намъ понять, что и по своему стилю и языку теперешняя, намъ извѣстная былина должна отличаться отъ нашей современной не только литературной, но и живой рѣчи; съ другой стороны, она должна быть ближе къ нашей простонародной рѣчи, притомъ того или иного народнаго говора, смотря по тому, въ предѣлахъ какого говора она нами записана. Но если мы говоримъ объ относительной близости стиля и вообще формальныхъ особенностей рѣчи былины къ современному народному говору, въ то же время говорить о тождествѣ языка современной записи былины съ этимъ говоромъ мы не можемъ: въ немъ есть

цѣлый рядъ своеобразныхъ чертъ, въ современной живой народной рѣчи не находимыхъ, хотя и понятныхъ; въ словарѣ былинной рѣчи встрѣтимъ также не только слова мѣстныя, но и такія, которыя въ живомъ обиходѣ народной рѣчи не употребляются. Причина этого лежитъ, несомнѣнно, въ исторіи самой былины и въ ея особенностяхъ, какъ стариннаго произведенія поэтическаго, обусловленнаго опредѣленной формой. Форма былины, несомнѣнно, также старинная: во всякомъ случаѣ, она едва ли моложе XVI вѣка, какъ о томъ можно судить хотя бы по старѣйшимъ записямъ эпическихъ произведеній начала XVII в. (напр., пѣсни Р. Джемса), а время сложенія отдѣльныхъ пѣсенъ въ большинствѣ случаевъ также не моложе того же времени: сохраняя въ значительной степени и до сихъ поръ ту же форму, ста́рины, какъ скованныя ею въ строеніи своего стиха, равно какъ и въ своемъ музыкальномъ ритмѣ напѣвомъ, естественно, должны были сохранять и въ отношеніи языка въ нѣкоторой степени архаизмы своей поэтической рѣчи: иначе ясно нарушался бы существенно ея музыкально-ритмическій строй (что̀ мы и видимъ въ плохихъ по сохранности текстахъ, гдѣ съ подновленіемъ языка разлагается въ прозу и былинный стихъ); ясно, что архаичная форма былины вмѣстѣ съ архаичной же ея музыкальной структурой, отъ этой формы неотдѣлимой, можетъ счесться причиной сохраненія въ значительной степени и архаичности ея словесной формы, поскольку она касается грамматическихъ формъ (фонетики, морфологіи, синтаксиса, а также и словаря); этому же до извѣстной степени способствовало, повидимому, и то обстоятельство, что значительная часть дошедшихъ до насъ былинъ сохранена въ предѣлахъ сѣверно-великорусскаго говора: говоры эти, какъ извѣстно, какъ разъ отличаются среди другихъ своей архаичностью во многихъ случаяхъ. Весьма вѣроятно и то, что именно по требованію музыкально-ритмической рѣчи былины въ ней происходили и такія приспособленія отдѣльныхъ словесныхъ формъ, которыя не были обычными въ живой, даже старинной рѣчи, а созидались по аналогіи съ этими формами, представляя, такимъ образомъ, своеобразныя, м. б. условныя, отклоненія отъ употребительныхъ въ рѣчи обычной. Все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ намъ ту своеобразность былинной рѣчи, которая, вмѣстѣ съ поэтикой ея, такъ отличаетъ ее отъ современнаго простонароднаго говора, а тѣмъ болѣе отъ нашей живой и литературной рѣчи, какъ это можно видѣть особенно ясно изъ тѣхъ записей старинъ, которыя дѣлаются теперь по возможности фонетически. Это въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, затрудняетъ чтеніе былины для читателя, не привыкшаго къ подобнымъ записямъ и смотрящаго на былинный текстъ прежде всего, какъ на произведеніе поэтическое, художественное по формѣ и содержанію, а потому мало или вовсе не интересующагося былиной, какъ памятникомъ стариннаго или мѣстнаго говора. Въ силу такихъ воззрѣній на былину (вполнѣ законныхъ въ данномъ случаѣ) прежніе собиратели, даже такіе, какъ П. Н. Рыбниковъ или А. Ѳ. Гильфердингъ, считали для себя возможнымъ,

издавая свои записи для читателей прежде всего именно такого рода, приближать былинную своеобразную рѣчь къ уровню живой рѣчи современнаго имъ общества, при чемъ одни дѣлали это съ большей, другіе съ меньшей осторожностью, боясь стереть тотъ оригинальный „букетъ" пѣсни, ими издаваемой. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются по своимъ достоинствамъ записи А. Ѳ. Гильфердинга. Пріемы приспособленія записаннаго фонетически текста въ указанномъ направленіи, установленные А. Ѳ—чемъ, и послужили образцомъ для обработки въ настоящемъ изданіи тѣхъ діалектически и фонетически записанныхъ текстовъ, которые пришлось включить въ сборникъ изъ различныхъ записей. Одна только особенность текстовъ, обработанныхъ Гильфердингомъ, не нашла себѣ полнаго воспроизведенія въ настоящемъ изданіи: именно діалектическія особенности записи, поскольку онѣ не нарушаютъ метрическаго строя стиха. Сохранять ихъ во всей строгости значило бы увеличивать безъ надобности пестроту и безъ того необычнаго для читателя текста; а, кромѣ того, и съ исторической точки зрѣнія и цѣли издаваемыхъ текстовъ діалектическія особенности записи не представляются существенными для оцѣнки былины, какъ памятника литературно-художественнаго: особенности эти—особенности данной записи, а не самой былины, какъ произведенія прежде всего литературнаго и отчасти музыкальнаго; одна и та же былина въ записяхъ изъ различныхъ мѣстностей, напр., изъ Олонецкаго края и изъ Поволжья, будетъ нести на себѣ различныя діалектическія черты въ своемъ языкѣ, а въ своемъ содержаніи, композиціи можетъ оставаться неизмѣнной. Другое дѣло—особенности былинной рѣчи, отличающія ее отъ рѣчи нашей книжной и литературной, живой: въ этихъ особенностяхъ заключена часть исторіи самого былиннаго текста болѣе существенная: онѣ показываютъ, что былина, опустившаяся въ слои населенія простонародные, такъ сказать, „обнародиѣла", отразила въ своемъ текстѣ ту новую для нея среду, въ которой ей суждено доживать свой долгій подчасъ вѣкъ; одѣтая въ простонародную форму рѣчи, она до нѣкоторой степени измѣнила и свой прежній и первоначальный характеръ, ставши выраженіемъ художественныхъ интересовъ опредѣленнаго въ культурномъ отношеніи круга, теперь иного, нежели въ эпоху своего созданія и прошлой жизни. Такія черты ея облика вмѣстѣ съ архаизмами даютъ ей опредѣленную окраску, колоритъ, а потому должны быть сохранены въ интересахъ правильнаго представленія о былинѣ и въ ея современномъ обликѣ. Кромѣ того, сохраненіе такихъ чертъ сохранитъ для читателя и то, что мы назвали „букетомъ" произведенія. Для того, чтобы получить болѣе или менѣе отчетливое представленіе объ этихъ особенностяхъ былинной рѣчи съ ея формальной стороны, достаточно ограничиться указаніемъ на наиболѣе часто встрѣчающіяся категоріи случаевъ отклоненій ея отъ нашей литературной и живой рѣчи. Такого рода случаи, какъ можно было видѣть изъ вышесказаннаго, будутъ или архаизмами, или формами, образованными по аналогіи съ ними, или же чертами на-

родной (нелитературной) рѣчи, рѣже чертами мѣстными, но органически сросшимися съ былиннымъ стихомъ, или же, наконецъ, такими, которыя, не подходя подъ указанныя категоріи, объясняться могутъ исключительно потребностями ритмическаго строя музыкально-стихотворной строки. Изъ всѣхъ этихъ чертъ, выбирая наиболѣе характерныя и частыя, отмѣтимъ слѣдующія.

А) Особенно частое употребленіе т. н. члена (именно т. н. постпозиціоннаго), почти исчезнувшаго въ литературной, живой нашей рѣчи: „отъ", (часто: „то") „то", „та" и даже „тотъ" въ различныхъ падежахъ, напр.: „шатеръ-то", „день-то", „конь-то", „курева-та", „мясна-та гора", „чарочку-ту", „березу-ту", „доску-ту", „тому-ту", „слова-та" (род. пад.), „глазища-та" (именител. множ. ч.), „мамокъ-тыхъ", „носище-то", „ярлыки-ти", „якори-ти", „торока-ты", „мети-ты", „подкопы-ты", „большъ-отъ", „хвостъ-отъ", „старый-отъ", „русской-отъ", „мужикъ-отъ", „король-отъ" и т. п.; „Добрынюшка-тотъ", „Никитичъ-тотъ". Весьма возможно, что такое употребленіе члена поддерживается въ значительной степени музыкально-ритмическими потребностями стиха и должно быть оцѣниваемо такъ же, какъ употребленіе тѣхъ многочисленныхъ частицъ, которыя должны помогать выдерживать въ стихѣ нужное для его строя количество слоговъ, каковы: „то", часто присоединяемое къ тому или иному слову безъ видимой въ томъ необходимости, осложненное „тко" (или „тка"), „ко" („ка") въ видѣ „тка-ва", „ка-ва": „мнѣ-ка-ва", „туда-ка-ва"; или же: „ай", „ан", „что", „же", „какъ", „да" и др., чаще помѣщаемыя въ началѣ стиха, но также и въ срединѣ его. Словомъ, и архаическій для русской рѣчи членъ играетъ, вѣроятно, въ данныхъ случаяхъ служебную роль по отношенію къ ритму.

Б) Къ числу такихъ же ритмическо-музыкальныхъ средствъ слѣдуетъ относить, повидимому, также случаи замѣны „краткаго" „й" соотвѣтствующими „полными" гласными, равно какъ и обратный случай—„сокращенія", пропуска обычной гласной; сюда относятся такіе примѣры: а) „старыи", „старые", „старыя" (казакъ), „пречестные" (монастырь), „крикъ богатырское", „топотъ лошадиное", „родитель рожденыя", вм. „старый", „пречестный", „богатырской", „лошадиной", „рожденый" и т. п., „есте" вм. „есть" и т. д.; б) „мня", „зъ", „ни" вм. „меня", „изъ", „они"; „видли", „ще", „рукми", „мойму", „твойму" вм. — „видѣли", „еще", „руками", „моему", „твоему".

В) Довольно часто встрѣчаемъ мы въ текстахъ старинъ формы, напоминающія древнія и, быть можетъ, дѣйствительно восходящія къ нимъ иногда, въ большинствѣ же случаевъ, вѣроятно, образованныя лишь по аналогіи, и то едва ли всегда правильной, съ ними, хотя въ числѣ ихъ могутъ быть и дѣйствительные архаизмы, свойственные, какъ мы видѣли, народному говору, преимущественно сѣверному, и поддержанные въ данномъ случаѣ опять-таки потребностями былинной формы: такъ, здѣсь находимъ, напр., „ти", „тя", „ся", „ю", при обычныхъ: „тебѣ", „тебя",

себя“, „ее“, „государыни“—„государыня“, „съ князи и бояры“, „поклоны“ (творит. множ.), но вмѣстѣ съ тѣмъ также: „съ няньки-мамками“; особенно обильны также формы съ двойной гласной вмѣсто обычной одной въ склоненіи прилагательныхъ, частью аналогичныя стариннымъ, каковы: „добрыихъ“, „шелковыихъ“, „булатніимъ“; но тутъ же находимъ: „въ погребѣ холодноемъ“, „туромъ златорогіемъ“, „голосомъ робячьіемъ“, „изъ палатки полотняноей“, „ко силушкѣ татарскоей“, „гласомъ громкіемъ“ (также — громкіимъ), „стольнеемъ“, а также: „шубу собольюю“, „церкву божьюю“, „третьеей“ и т. п.—формы, показывающія, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою не архаизмы, а образованія иного характера, можетъ быть, вызванныя причинами опять-таки ритмическаго свойства; объ этомъ заставляетъ думать такая форма, какъ „зычнымъ“ (а не „зычныимъ“, какъ бы мы ожидали), и такія „удлиненія“, какъ: „долгополыий“, „любимыий“, „платья каличьіи“ и др. Вѣроятно, въ связи съ тѣми же причинами надо объяснять употребленіе и другихъ формъ, отчасти совпадающихъ со старорусскими, каковы: „браги прѣсныя“, „конюшенки стоялыя“, „силы невѣрныя“, „купцы торговыи“, и рядомъ съ ними: „пещеры змѣиноя“, „сабли вострыи“, „уста сахарніи“ (изъ—„сахарны“), „платья скоморовскіи (вм. „скоморовски“), а также: „ко грязи черныи“, „ко третія заводи“, „въ землѣ сарацынскіи“, „у лѣвыи стремены“, „на бесѣдѣ на почестныя“, „ко стѣнкѣ кирпичныя“, „каликѣ перехожіи“ и т. д.

Г) Къ числу такихъ же, если не архаичныхъ, то „архаизирующихъ“ формъ надо отнести своеобразныя образованія, напоминающія по облику формы, давно уже отсутствующія въ русскомъ языкѣ, двойственнаго числа; ихъ мы находимъ почти исключительно въ творит. пад. прилагательныхъ: „правильныма крыламп“, „сабельками вострыма“, „войсками великима“, „русыма кудрями“, „съ има“ („съ ними“), рѣдко: „тѣма нетляма“.

Д) Но несомнѣнно къ числу архаизмовъ былинной рѣчи, раздѣляемыхъ, впрочемъ, и народной, особенно сѣверной, слѣдуетъ отнести весьма часто встрѣчающіяся прилагательныя въ краткой (именной) формѣ въ качествѣ т. н. опредѣленія: „ретиво сердце“, „Владимиру кіевску“, „сѣра гуся“, „причаленку серебряну“, „бѣлы руки“ и т. п. Сюда же относятся отдѣльныя старинныя формы и иного рода, каковы: „скоряе“, „скоря“, „видняе“, не чуждыя и литературной нашей рѣчи XVIII столѣтія, а также—окончанія прилагательныхъ на „ой“, „ого“ (вм. литературнаго—„ый“, „аго“), также употребительныя еще въ началѣ XIX столѣтія въ литературной рѣчи.

Е) Есть въ былинной рѣчи, кромѣ того, много своеобразныхъ чертъ, представляющихъ или типичныя черты „обнародившейся“ былины, или же черты народнаго сѣвернаго говора, среди котораго былина прожила долгое время, и гдѣ она до сихъ поръ уцѣлѣла. Къ числу такихъ относимъ: а) многочисленные случаи смѣшенія формъ склоненія разныхъ типовъ, формы въ родѣ: „гвоздовъ“ или „гвоздевъ“, „богатыревъ“, „отцей“,

„купцей“, „дѣвицей“, „небесей“, „году“ (при правильной ф.—года), „смету“ (вмѣсто „сметы“), обычное въ народной рѣчи „церква“; б) смѣшеніе основъ именъ на твердую и на мягкую: „дородный“ и „дородной“—и „дороднiй“, „дородней“, „булатная“ и „булатняя“, „заутреня“ и „заутрена“, „стольно-кіевской“ и „стольне-кіевской“; в) переходъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ именъ изъ одного рода въ другой, въ связи съ тѣмъ и измѣненіе типа склоненія ихъ: „пламень“ — женск. р., также: „чудушка“, „холма“, „времечка“, „стремена“ (имен. ед.), „кипарисъ“ (древа), „головище“ и под.; но это не исключаетъ употребленія тѣхъ же словъ и въ ихъ обычной формѣ; иныя слова, чаще имена собственныя, идутъ по двумъ склоненіямъ, имѣя формы: „Чурила“ и „Чурило“, „Михайла“ и „Михайло“, „батюшка“ и „батюшко“ и т. д. Ко второй категоріи — къ чертамъ мѣстнонароднымъ — отнесемъ: а) обычное для сѣверныхъ говоровъ стяженіе глагольныхъ формъ настоящаго времени: „казыватъ“ („казываетъ“), „похвасташь“ (аешь), „поиграмъ“ (аемъ), „знамъ“, „знамы“ (аемъ) и т. д.; б) частое (и не только въ сѣверныхъ говорахъ) опущеніе глагольнаго окончанія третьяго лица ед. и множ. числа: „е“ („есть“, и даже: „есмь“), „ѣде“, „сиди“, „летае“, „ходя“, „говоря“...

Ж) Изъ синтактическихъ особенностей былиннаго текста заслуживаютъ упоминанія: а) старинное употребленіе именительнаго падежа отъ существительныхъ женскаго рода вмѣсто винительнаго при глаголахъ дѣйствительныхъ: „класть стрѣлочка каленая“, „побить моя сила великая“, „голова срубить“; б) старинный же оборотъ т. н. „безличнаго“ предложенія при страдат. формѣ глагола:

Да конями съ Чуриломъ помѣняносе,
Да цвѣтнымъ-то платьемъ побратанося,

Или же:

Да на всѣхъ городахъ много бывано,
Да князя Владимира не видано,

—оборотъ, до сихъ поръ употребительный въ живой малорусской рѣчи; в) также старинное употребленіе союза „а“ не только въ смыслѣ противительнаго, но и соединительнаго, подобно союзу „и“; образцы этого можно найти чуть не на каждой страницѣ книги. Наконецъ, отмѣтимъ отдѣльныхъ нѣсколько синтактическихъ особенностей, не употребительныхъ въ нашей литературной рѣчи: вино пахнетъ „на затохоль“, калачи „на хвою сосновую“; сабли „выщербѣли на латы“, „подлѣ сине море“, „мимо церковь“, „со ременчатъ стулъ“, „на могучіе богатыри“; „народъ пріуслухались“ (согласованіе по смыслу).

Такимъ образомъ, если мы объединимъ, хотя бы перечисленныя, особенности былинной рѣчи съ ея формальной стороны, присоединимъ сюда своеобразную поэтику пѣсни и оригинальныя, чисто лексическія, черты текста, то все это, взятое вмѣстѣ, приведетъ насъ къ несомнѣнно правильному представленію о былинѣ, какъ о такомъ и съ точки зрѣнія формы

индивидуальномъ видѣ творчества, который совмѣстилъ въ себѣ разнородныя по времени и мѣстностямъ особенности стиля, сохранилъ многое въ немъ изъ старшинаго, частью измѣнилъ примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ пришлось долгіе годы прожить и самой былинѣ, пока она стала опять достояніемъ культурныхъ слоевъ русскаго общества. Этимъ объясняются ея индивидуальныя черты сравнительно съ нашей литературной рѣчью, шедшей въ своемъ развитіи въ значительной степени инымъ путемъ, нежели устно-народное творчество.

ИСТОЧНИКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Русскія былины сопровождаются образцами старой русской миніатюры. Т. о. въ настоящемъ томѣ „Памятниковъ Міровой Литературы“ сохраняется принципъ иллюстраціи, примѣнявшійся уже въ предыдущихъ томахъ: литературные памятники освѣщаются подлиннымъ искусствомъ той среды, въ которой они возникли и бытовали.

Ясно, что иллюстраціи къ русскимъ былинамъ могли быть заимствованы только изъ русской миніатюры,—единственной отрасли стараго русскаго искусства, въ коей ясно отразилась не только національная церковность, но также бытъ и исторія.

Эпосъ русскій лежитъ предъ нами въ одной плоскости,—такимъ, какимъ онъ дошелъ до насъ послѣ многовѣковыхъ измѣненій; разныя эпохи, разныя области отзываются въ немъ. Эпосъ подобенъ вѣковой пущѣ, спящей подъ лучами полдня, гдѣ созерцаніе лѣсныхъ глубинъ сочетается съ шелестомъ живой природы, гдѣ вѣтви сомкнулись надъ нами и шумятъ древнимъ преданіемъ, а изъ далекой дали несется стукъ топора и звонъ живаго дерева. Миніатюра подобна тѣмъ живописнымъ облакамъ, которыя громоздятся вверху.

Миніатюра русская образуетъ нѣсколько пластовъ различной глубины и различной окраски. Религіозно-созерцательная миніатюра древней эпохи, строгая и прекрасная въ своихъ отвлеченныхъ формахъ, византійская по существу и малочисленная. Обильная миніатюра послѣднихъ двухъ вѣковъ, почти сплошь старо-

обрядческая и народная, простая, часто грубая въ своихъ формахъ,—продуктъ не столько созерцанія, сколько возбужденнаго чувства и напряженной воли, со всѣми рѣжущими диссонансами „варварскихъ“ стилей и „новыхъ“ манеръ. Между этими полюсами — миніатюра 16 — 17-го вѣковъ, новгородская, потомъ московская, вызванная къ жизни потребностями высшихъ классовъ—дворовъ царскаго, митрополичьяго и патріаршаго, боярскихъ домовъ и большихъ монастырей. Этотъ средній слой отразилъ на себѣ постепенно наростающія вліянія западнаго мастерства, но претворилъ ихъ въ свой собственный русскій стиль, часто уже бытовой и историческій по содержанію, миніатюрный, не иконный, но все еще съ сильнымъ налетомъ созерцательности и символики.

Ясно, что только этотъ средній пластъ русской миніатюры могъ дать благодарный матеріалъ для иллюстраціи нашего эпоса, какъ самъ этотъ эпосъ въ 16—17 вѣкахъ давалъ пищу умственнымъ вкусамъ верховъ русскаго общества.

Однако и этотъ средній слой русской миніатюры обнаруживаетъ внутреннее дѣленіе: 16-ый вѣкъ отмѣченъ большей роскошью,—богатствомъ и красокъ, и формъ; 17-ый вѣкъ проще, однообразнѣе и, чѣмъ далѣе къ концу, тѣмъ болѣе выражаетъ народность.

Надлежало озаботиться, чтобы издаваемый эпическій матеріалъ, единый внутренно, но обширный по объему, былъ освѣщенъ миніатюрою единаго стиля и единой по тону, т.-е. — чтобы довольно многочисленныя иллюстраціи 1-го тома былинъ были заимствованы изъ одной школы, по возможности изъ одного памятника, такого однако, который давалъ бы просторъ самому широкому выбору. Столь обширные памятники миніатюры рѣдки и въ богатыхъ искусствахъ.

Но въ русскомъ искусствѣ мы знаемъ прямо классическій памятникъ этого рода, и до сихъ поръ для цѣлей литературы не использованный. Это — такъ называемый „Лицевой Лѣтописный Сводъ“, — колоссальное произведеніе придворной школы Гроз-

наго. Это—всемірная исторія, отъ созданія свѣта и русская, кончая дѣяніями Грознаго, изложенная не сжато (какъ иноземная — въ Хронографахъ того времени и позднѣе русская—въ Синопсисѣ), а устами подлинныхъ памятниковъ — Библіи, византійскихъ временниковъ и русскихъ лѣтописей. Всего 12 большихъ томовъ, которые почти всѣ дошли до насъ, хоть и развѣянные Смутнымъ Временемъ изъ царскихъ палатъ во всѣ концы русской земли: отдѣльные томы этого труда хранятся теперь въ различныхъ собраніяхъ—общественныхъ и частныхъ. Заслуга осознанія и освѣщенія этого памятника принадлежитъ проф. Лихачеву; до него изслѣдователи видѣли только отдѣльныя лицевыя рукописи неизвѣстнаго происхожденія, а не разрозненные томы единаго громаднаго Свода.

Всѣ иллюстраціи настоящей книгѣ далъ первый и потому лучшій томъ Лицевого Свода, хранимый въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ,—огромный фоліантъ, въ немъ болѣе тысячи большихъ листовъ, на нихъ — болѣе 1600 прекрасныхъ миніатюръ среди текста, писаннаго красивыми почерками русскаго 16-го вѣка. Содержаніе тома составляютъ первыя семь книгъ Библіи (особенно обильно украшены Бытіе, Исходъ, Іисусъ Навинъ и Судьи) и два сказанія о Троянской войнѣ.—Въ изложеніи Хронографа этотъ міровой эпизодъ помѣщался тоже послѣ книги Судей. Библейская часть содержитъ около 600 листовъ, Троянская— болѣе 430: послѣдніе 30 листовъ заняты краткой повѣстью о Троѣ, такъ называемой „Притчей о краляхъ“, которая перешла въ русскую литературу изъ болгарской. Но предыдущіе 400 листовъ содержатъ иную, обширную повѣсть о Троѣ,—написанную въ концѣ 13-го вѣка по латыни Гвидономъ де Колумна, судьею мессинскимъ, т.-е. италіанцемъ той эпохи, когда только-что закончились Крестовые походы. Гвидонъ начинаетъ разсказъ съ похода аргонавтовъ въ Колхиду, повѣствуетъ о разореніи аргонавтами древней Трои при царѣ Лаомедонтѣ, о возстановленіи города сыномъ Лаомедонта Пріамомъ и только послѣ этого переходитъ къ похищенію Елены и очень подробному описанію клас-

сической Троянской войны. Гомеромъ Гвидонъ не пользуется, хотя и упоминаетъ его. Основу Гвидонова разсказа составляетъ романтика средновѣкового рыцарства, занимающая середину между эпосомъ и чудесной сказкой. Но повѣсть Гвидона содержитъ также культурный, историческій и поучительный элементъ, въ ней звучитъ опытъ западнаго 13-го вѣка: взятіе Царьграда крестоносцами, возстановленіе греческой имперіи и конецъ самихъ крестовыхъ походовъ. Троянская война понята Гвидономъ, какъ грандіозный эпизодъ великой неоконченной борьбы Запада съ Востокомъ. Въ 14—15 вѣкѣ повѣсть Гвидона была переведена на большинство западныхъ языковъ. Русскій переводъ сдѣланъ непосредственно съ латинскаго изданія к. 15 в.—повидимому тогда же, вѣроятно въ Новгородѣ, въ окруженіи архіепископа Геннадія.

Несомнѣнно, что миніатюры Лицевого Свода писались не однимъ мастеромъ, а многими: миніатюры 1-го тома въ рисункѣ и раскраскѣ ясно выдаютъ нѣсколько различныхъ рукъ, но одну общую школу,—„школу Грознаго“ или работу „мастерской палаты“ самого царя (т.-е. дружины придворныхъ рисовальщиковъ). Эта школа извѣстна намъ ещё изъ немногихъ иконъ вѣка Грознаго, изъ богатой фресковой росписи въ крытой паперти Благовѣщенскаго собора; она-же при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ создала роскошную роспись Смоленскаго собора въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Всѣ эти памятники церковнаго искусства близко напоминаютъ миніатюру Лицевого Свода. Но только въ миніатюрѣ мастера Грознаго могли выразить все свое умѣнье—всю свою красочность и все свое разнообразіе. Въ основѣ царской школы лежитъ болѣе строгій иконный стиль 16-го вѣка, т. н. новгородскій, съ своей особой символикой красокъ, композиціи и рисунка. Но мастера Грознаго имѣли предъ глазами также образцы западной гравюры. Не только въ своей свѣтской миніатюрѣ, но и въ своей религіозной живописи они многое заимствовали изъ этого иноземнаго источника—въ реальномъ рисункѣ, въ перспективѣ, движеніи, жестѣ, всего болѣе въ компо-

зиціяхъ. Т. о. царская миніатюра 16-го вѣка возникла изъ сліянія эпико-религіознаго стиля иконописи съ роскошно-жанровой, порою реалистической манерой западной гравюры, нѣмецкой особенно. Въ результатѣ получился роскошный сказочный стиль русской придворной миніатюры, какъ нельзя болѣе подходящій къ сказочнымъ сюжетамъ,—богаче, красочнѣе, многошумнѣе эпоса, безъ его мраморнаго покоя и свѣтотѣни, безъ глубинъ религіознаго или героическаго созерцанія, но съ мечтой о чудесныхъ дальнихъ странахъ, о синемъ морѣ, горахъ каменныхъ, играющихъ всѣми красками, о дивьихъ звѣряхъ въ удоліяхъ, о великихъ городахъ съ ихъ славными царями, о добрыхъ витязяхъ и красныхъ дѣвахъ, о чудныхъ палатахъ и всякомъ узорочьи, словомъ — о сложномъ шумѣ чужой, нетихой и напряженной жизни.

Говорить-ли, что инстинктомъ художника русскій мастеръ искалъ хоть отголоска этого сказочнаго міра въ своемъ собственномъ реальномъ окруженіи и отчасти находилъ его — въ Московскомъ Кремлѣ первой эпохи Грознаго — въ сказочномъ соборѣ Василія Блаженнаго у самыхъ вратъ Кремля, въ роскошныхъ росписяхъ Благовѣщенскаго собора и царскихъ палатъ, въ золотомъ церковномъ тронѣ Грознаго, украсившемъ Успенскій соборъ, во всей той роскоши и блескѣ красокъ, какими Грозный и его совѣтники старались окружить недавно утвержденное величіе царскаго титула.

Этотъ сказочный стиль Лицеваго Свода чувствуется даже въ его библейской части, въ бытовыхъ и историческихъ частяхъ Свода онъ бьетъ гремучимъ ключомъ. Можно думать, что стиль этотъ при началѣ предпріятія и выросъ главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ: изъ рыцарской повѣсти Гвидо-де-Колумны и Московской помпы 50-хъ годовъ 16-го вѣка.

Что роднитъ, однако, эту сверкающую мозаику формъ и красокъ съ мраморной глыбою эпоса? Культъ событій значительныхъ и подвиговъ славныхъ, тѣхъ подвиговъ, кои разрушаютъ земное величіе и оставляютъ долгіе отголоски славы; тѣхъ событій, кои

велики своей всеобщностью, своимъ неизмѣннымъ возвратомъ,— рожденіе и смерть, труды державства и труды пахаря, брачный пиръ и злая сѣча, т.-е. то же, что роднитъ эпосъ со сказкой: вѣра въ значительность человѣческой участи и общія мѣста ея, не тѣ избитыя, которыя отмѣчаются учеными въ ремеслѣ заурядного пѣвца былинъ, а тѣ человѣчныя, которыя нѣкогда заставили залюбоваться и задуматься жизнью и изъ жизни создали и эпосъ и сказку. Этими общими картинами жизни и эпоса иллюстрированъ 1-ый томъ былинъ. Понятно, что большую часть этихъ картинъ дала Троянская исторія.

Но любопытно отмѣтить, что огромный матеріалъ Свода даетъ больше этого; въ сущности онъ даетъ все: чуть не каждый эпизодъ отдѣльной былины, иногда даже самый исключительный, можетъ быть открытъ въ миніатюрахъ Лицевого Свода,— до того велико ихъ число и разнородно содержаніе. Мало того, порою кажется, что предъ нами прямо обратное явленіе: словно не современный иллюстраторъ эпоса ищетъ свой матеріалъ въ картинахъ „Лицевого Свода“, а наоборотъ, мастера, расписавшіе этотъ „Сводъ“, видѣли предъ собою образы роднаго эпоса, словно голоса родныхъ „старинъ“ звучали надъ мастеромъ во время его труда.

Подробный, можно сказать исчерпывающій анализъ всей массы миніатюръ и выборъ какъ моментовъ литературныхъ, такъ и иллюстрацій къ нимъ былъ произведенъ помощницей хранителя рукописей Историческаго музея — Н. Д. Рудницкою. Пишущему эти строки принадлежалъ первичный проектъ иллюстраціи и общее наблюденіе за его разработкой.

Вячеславъ Щепкинъ.

КЪ ТАБЛИЦАМЪ РИСУНКОВЪ.

Рис. I (стр. LXX—LXXI) *). Стольный городъ. Образецъ монументальнаго стиля и символики стараго искусства. Царь на престолѣ; за нимъ полукругомъ—отроки и мужи царскіе, все на фонѣ царскихъ палатъ. Вокругъ раскинулся городъ. На заднемъ планѣ—ремесленники и горожане. Центральная группа, въ которой доминируетъ царь, символически выдвинута зеленымъ вѣнцомъ крышъ и зданій. „Городовое строеніе", или укрѣпленныя стѣны составляютъ второй вѣнецъ царства,—розовый, подобно реальному кремлю Ростова Великаго и другимъ монументально-художественнымъ сооруженіямъ стараго русскаго стиля.

Въ подлинникѣ (л. 628 об.) рисунокъ изображаетъ царя Пріама среди возстановленной Трои.

Рис. 1—2 (стр. LXXII—1). Княженецкій дворъ. Въ центрѣ—снова символически выдвинутая (размѣрами, высотою престола, строгою симметріей) фигура царя или князя. Она архитектурно возвышается между двумя группами богатырей. А эти группы заняли весь первый планъ картины и своей силой совершенно непосредственно вызываютъ (теперь значительно поблѣднѣвшія, но въ ту эпоху вполнѣ свѣжія) метафорическія представленія о „столпахъ престола" и „оплотѣ царства". Въ сравненіи съ этой массивной композиціей передняго плана и центра дворецъ въ глубинѣ картины получаетъ большую легкость: показаны высокія, просторныя сѣни, или гридня съ молодыми фигурами музыкантовъ, которыя незамѣтно вызываютъ представленіе о почетныхъ тѣлохранителяхъ,—юныхъ „рындахъ" московскаго двора. Въ глубинѣ гридни—массивный порталъ, еще усиливающій, подобно вѣнцу или куполу, центральную фигуру царя. По сторонамъ двѣ стрѣльчатыя башни вызываютъ чувство легкости и высоты. Вся миніатюра даетъ отличное представленіе о „психической символикѣ" русскаго иконописнаго стиля.

Въ подлинникѣ (л. 673) рисунокъ относится къ главѣ „О образѣ и возрастѣ троянъ" и изображаетъ царя Пріама и его сыновей: налѣво отъ зрителя—Гекторъ, за нимъ Деифобъ и Геленъ, направо—Троилъ, за нимъ — Парисъ. Большинство сыновей Пріама въ качествѣ богатырей изображается не въ цвѣтѣ юности, а въ зрѣломъ или пожиломъ возрастѣ.

*) Всѣ репродукціи, помѣщенныя въ этомъ томѣ, какъ трехцвѣтныя, такъ и меццотинто, исполнены Т-вомъ скоропечатни А. А. Левенсонъ, въ Москвѣ.

Даемъ здѣсь изъ подлинника замѣчательную характеристику Пріама. Авторъ латинской повѣсти надѣлилъ троянскаго царя чертами западнаго феодала эпохи Крестовыхъ походовъ, Москвѣ XVI-го вѣка этотъ образъ многимъ напоминалъ русскаго боярина: Написа бо царя Пріама высока возрастомъ, любезна и лѣпа; гласъ имѣвша низокъ, человѣка многія храбрости, и ѣствы зѣло заутра желаема; мужа нетерпѣна и безбоязнена и льсти человѣческія ненавидяща. Бѣ же во словесехъ своихъ отнюдъ истинноглаголивъ; правду почиташе, гласы музычные и пѣсни любовныя любезнѣ слушаше; ниже бѣ инъ царь иже большею честію своихъ воинъ любилъ и большихъ дарованій изобильствомъ обогатилъ. Отъ сыновъ царя Пріама ниединъ бѣ, иже толикимъ смѣльствомъ цвѣтяше.

На оборотѣ таблицы: Гусляръ въ ратномъ станѣ—на пиру и въ опочивальнѣ витязей.

Въ оригиналѣ (л. 1022): Пріамъ подъ видомъ гусляра играетъ въ палаткѣ Ахилла, а ночью, во время общаго сна, открывается ему и проситъ отдать ему мертваго Гектора (почетно лежащаго на одрѣ рядомъ съ Ахилломъ).

Рис. II (стр. 14—15). Богатырь и Змѣй.—Въ подлинникѣ (л. 590 об.) рисунокъ изображаетъ Язона въ Колхидѣ, въ борьбѣ съ огнедышащимъ дракономъ. На второмъ планѣ слѣва—Медея изъ дворца наблюдаетъ за борьбой, справа—въ пустынной мѣстности близь логова змѣя мѣдный кумиръ. Внизу направо—златорунный колхидскій баранъ подъ охраной дракона. Язонъ изображенъ дважды, согласно эпическому пріему иконописи—изображать главное лицо на одной и той же картинѣ въ смежныхъ моментахъ дѣйствія—дважды, иногда трижды.

Рис. III (стр. 26—27). Встрѣча царской невѣсты.

Въ оригиналѣ (л. 663): Въѣздъ Елены въ Трою. Ликующая толпа троянцевъ слѣдуетъ за ней съ музыкантами. Царь Пріамъ, выйдя Еленѣ навстрѣчу, ведетъ ея коня и вводитъ ее во дворецъ. Пріамъ и Елена изображены дважды, въ смежныхъ моментахъ дѣйствія. Согласно монументальному пріему иконописи толпа изображена въ видѣ непрерывной поверхности головъ. Среди толпы Парисъ и Геленъ могутъ быть узнаны по вѣнцамъ (ср. тѣхъ же царевичей на предыдущей миніатюрѣ).

Рис. 3—4 (стр. 36—37). Разореніе города, уводъ плѣнной царевны женихомъ-побѣдителемъ.

Въ оригиналѣ (л. 612 об.): Послѣ перваго разоренія Трои Геркулесъ отдаетъ Гесіону (сестру погибшаго троянскаго царя Лаомедонта) какъ добычу царю Теламону. Геркулесъ и далѣе изображается въ кругломъ крытомъ вѣнцѣ, согласно эпическому пріему „постояннаго признака“, принятому въ иконописи.

Оборотъ таблицы: Проводы невѣсты.

Въ оригиналѣ (л. 586 об.) изображенъ библейскій эпизодъ: сыны Израилевы даютъ женъ сынамъ Веніаминовымъ (Книга Судей XXI. 14). Монументальная, строго симметричная композиція въ духѣ иконописи.

Рис. 5—6 (стр. 70—71). Единоборство богатыря съ поленицею.

Въ подлинникѣ царица амазонокъ Пантезилея съ полкомъ отроковицъ обращаетъ грековъ въ бѣгство отъ стѣнъ Трои. Вождь грековъ изображенъ въ трехъ послѣдовательныхъ моментахъ: направо на второмъ планѣ—ведущій грековъ въ бой, направо внизу—въ конномъ единоборствѣ съ Пантезилеей и тамъ же—спѣшенный сю.

На оборотѣ: Ликующій городъ, витязь и царевна.

Въ подлинникѣ (л. 654 об.) изображенъ эпизодъ, предшествующій похищенію Елены: въ Спартѣ, на шумномъ празднествѣ въ храмѣ Афродиты, Парисъ и Елена, охваченные взаимнымъ влеченіемъ, въ сторонѣ отъ ликующей толпы, ведутъ тихія рѣчи. На первомъ планѣ условное изображеніе органа съ трубами и мѣхами.

Рис. 7—8 (стр. 92—93). Единоборство богатырей, два рисунка.

Въ подлинникѣ: 1. Подъ Троей Полидамъ нападаетъ на Мерея и поражаетъ его (л. 763). Направо Мерей изображенъ на конѣ принимающимъ ударъ и на землѣ сраженный. 2. Въ окрестностяхъ первой Трои царь Лаомендонтъ и Несторъ сшибаются. Лаомедонтъ ломаетъ копье о броню Нестора, Несторъ сбиваетъ Лаомедонта съ коня (л. 605). Лаомедонтъ (налѣво) изображенъ дважды. Подъ ногами коней окровавленныя тѣла убитыхъ изображены съ красной штриховкой.

Рис. IV (стр. 112—113). Почестенъ пиръ.

Въ подлинникѣ эпизодъ изъ Библіи: израильтяне роднятся съ хананеянами и прочими народами (Книга Судей, гл. III).

Рис. 9—10 (стр. 152—153). Совѣтъ въ станѣ вражескомъ.

Въ подлинникѣ (л. 703) рисунокъ изображаетъ ночной совѣтъ въ шатрѣ Агамемнона: обсуждается вопросъ, какъ уничтожить главную грозу грековъ—Гектора. Греческіе вожди, собранные въ шатрѣ, изображены съ озабоченными ликами; ночь темнымъ свиткомъ лежитъ на небѣ; пѣтухъ (направо вверху) и свѣтлый небосклонъ изображаютъ разсвѣтъ.

На оборотѣ таблицы. Сила вражеская обступила стольный градъ.

Въ подлинникѣ (л. 894 об.): Агамемнонъ придвигаетъ лагерь къ Троѣ и дѣлаетъ осаду болѣе тѣсной. Направо на престолѣ Агамемнонъ отдаетъ распоряженія: старческая фигура, но выраженіе и жестъ говорятъ объ упорной волѣ. Налѣво воины спѣшно разбиваютъ шатеръ. На заднемъ

планѣ все поле покрыто шатрами вплоть до скалистыхъ горъ. Жители города въ доспѣхахъ высыпали на стѣны.

Рис. 11—12 (стр. 172—173). Богатырь предъ царемъ. Вверху молодая фигура съ клюкой.

Въ подлинникѣ (л. 704): На островѣ Тенедосѣ Агамемнонъ чрезъ глашатаевъ созываетъ греческихъ вождей къ общему совѣту и доказываетъ въ обширной рѣчи, что успѣхъ Троянскаго похода зависитъ отъ правильнаго и обильнаго снабженія греческой рати припасами. Для устройства этого дѣла Агамемнонъ обѣщается немедленно отрядить особыхъ пословъ,—мужей храбрыхъ и вѣрныхъ.

На оборотѣ: Иноземецъ въ царской палатѣ на бесѣдѣ (л. 29).

Въ подлинникѣ (л. 29 верхъ) библейскій эпизодъ: фараонъ узнаетъ, что Сарра, изъ страха выдаваемая Авраамомъ за сестру, на самомъ дѣлѣ—жена Авраамова. Фараонъ возвращаетъ ее мужу и повелѣваетъ своимъ людямъ проводить Авраама, Сарру и Лота (фигура съ приподнятой шапкой) въ пустыню (Книга Бытія, гл. XII).

Рис. 13—14 (стр. 222—223). Послы съ угрозами.

Въ подлинникѣ (л. 700)—то же содержаніе: Пріамъ отказываетъ греческимъ посламъ въ выдачѣ Елены. Одиссей и Діомедъ уѣзжаютъ изъ Трои съ угрозами.

На оборотѣ таблицы: Князь посылаетъ богатырей.

Въ подлинникѣ (л. 739): Гекторъ послѣ смотра войскъ на Троянской площади раздѣляетъ полки и даетъ имъ порученія.

Рис. 15—16 (стр. 242—243). Корабли пристаютъ къ городу. Богатырь ѣдетъ черезъ стѣну городовую.

Въ подлинникѣ (л. 721) изображено появленіе греческаго флота подъ Троей. Въ городѣ—тревога; общее вооруженіе.

Оборотъ таблицы: Приморскій городъ, правители встрѣчаютъ прибывшихъ пловцовъ.

Въ подлинникѣ (л. 947): Агамемнонъ и Менелай вступаютъ на корабль, остальные герои провожаютъ ихъ.

Рис. V (стр. 260—261). Славное царство.

Въ подлинникѣ(л. 263 об.): Въ возстановленной Троѣ царь Пріамъ держитъ совѣтъ съ сыновьями и народомъ, какъ отомстить за разореніе славнаго царства и за плѣненіе царевны Гесіоны.

Рис. 17—18 (стр. 338—339). Охота богатырская.

Въ подлинникѣ (л. 987 об.): Подъ Троей Неоптолемъ сталкивается въ лѣсу на охотѣ съ Полистеномъ и Меланиппомъ и обоихъ убиваетъ.

Оборотъ таблицы: Богатырь въ терему.

Въ подлинникѣ (л. 564) эпизодъ изъ похода Аргонавтовъ: въ Колхидѣ Язонъ входитъ въ ложницу Медеи и получаетъ отъ нея наставленія для предстоящихъ ему состязаній.

Рис. VI (стр. 332—333). Рать богатырская.

Въ подлинникѣ (л. 605): Подъ старой Троей Поллуксъ со всѣмъ своимъ полкомъ скачетъ на помощь Кастору, тѣснимому царемъ Лаомедонтомъ. Подъ ногами коней окровавленныя тѣла павшихъ.

Рис. 19—20 (стр. 388—389). Невзгода на святой Руси.

Въ подлинникѣ (л. 632): Греки отказались возвратить сестру Пріама Гесіону, плѣненную въ первой Троянской войнѣ. Пріамъ, въ гнѣвѣ и скорби, совѣщается съ сыновьями и вельможами.

На оборотѣ таблицы: Грамоты посольскія.

Въ подлинникѣ (л. 545) библейскій эпизодъ: Гевулъ, князь Сихемскій, посылаетъ Авимелеху увѣдомленіе, что Галъ, сынъ Еведовъ, съ братомъ своимъ возмущаетъ городъ Сихемъ противъ Авимелеха (Книга Судей, гл. IX).

Рис. 21—22 (стр. 402—403). Выѣздъ богатырскій.

Въ подлинникѣ (л. 747 об.): Троянскіе полки подъ общимъ руководствомъ Гектора выступаютъ изъ Трои различными воротами.

На оборотѣ таблицы: Приступъ и оборона.

Въ подлинникѣ (л. 615): Во время перваго разгрома Трои Пріамъ отсутствуетъ; онъ посланъ отцомъ своимъ, троянскимъ царемъ Лаомедонтомъ, для покоренія какого-то ослушнаго города. Въ этомъ походѣ Пріаму сопутствуютъ жена и дѣти (шатеръ вверху направо).

Рис. 23—24 (стр. 420—421). Оба рисунка этой таблицы изображаютъ какъ бы апоѳеозъ богатырской старины. Рисунокъ 23. Въ монументальной, почти строго архитектурной композиціи представляетъ полный разгромъ врага богатырскою ратью.

Въ подлинникѣ (л. 611) это Геркулесъ, рѣшающій судьбу первой Троянской войны: ворвавшись въ ряды троянцевъ, онъ убиваетъ царя Лаомедонта и обращаетъ въ бѣгство его рать (обезглавленный трупъ Лаомедонта—подъ ногами коня Геркулесова).

На оборотѣ—какъ бы галлерея статуй внизу и галлерея портретовъ вверху; декоративная рама—легкая, но торжественная, усиливаетъ значительное впечатлѣніе заключенныхъ въ ней богатырскихъ ликовъ,—молодыхъ и старыхъ; среди нихъ — одинъ женскій ликъ, царскій, не богатырскій.

Въ подлинникѣ (л. 671) это апоѳеозъ героевъ гомеровскаго цикла: внизу сѣдые вожди—Агамемнонъ и Менелай, юный Ахиллъ и Танталъ. Вверху Елена и оба Аякса. Картинка носитъ въ подлинникѣ заглавіе „О образѣ греческихъ человѣкъ". За нею въ подлинникѣ слѣдуетъ вторая, подобная, дающая лики остальныхъ греческихъ героевъ.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХЪ И МѢСТНЫХЪ СЛОВЪ.

А ж н о — между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ.

Б а г р е ц о́ в ы й—червленый, красный.

б а с а́—то же, что краса, красота.

б а с к і й—красивый, привѣтливый (слово).

б е з н а п р а с н ы й — безвременный, напрасный.

б е р е м я́, -чко—обхватъ, объятія.

б е р з о м е н с к і й — то же, что „мурзамецкій“: восточный, татарскій.

б е с ѣ д а́—скамья, лавка.

б о л ѣ с н и́ ц а—болѣзнь.

б о р ж а м е ц к і й—то же, что „мурзамецкій“: восточный, татарскій.

б р а т е л к о—братецъ.

б р о д о в а я п о с т у п ь — тихій шагъ (коня).

б р о с а т ь с я (въ окно) — стремительно высовываться.

б р у с ъ п о л а т н ы й — крайнее бревно; въ печи — крайній рядъ кирпичей на шесткѣ.

б у́ е в к а—кладбище.

б у р з а м е ц к і й — то же, что „мурзамецкій“: восточный, татарскій.

б ѣ л о х р у щ а т а я к а м к а́—восточная плотная бѣлая шелковая матерія, шумящая, хрустящая при движеніи одѣтаго въ нее.

б ѣ л о я р о в о е п ш е н о — собственно, кукуруза; обычно — эпитетъ пшеницы.

В а л ь я в о ч к а (пуговица) — рѣзная; ср. „вальящатый“.

в а л ь я щ а т ы й — рѣзной, также: прочный, крѣпкій.

в е л и к о д е н н ы й — пасхальный (Великъ день—пасха).

в и д н ѣ е—лучше.

в о в с ю г о л о в у (кричать) — во все горло.

в о д к о м ъ — въ поводу (вести коня).

в о д о н о с ъ — посуда для воды, ведро.

в ы ж л ы к ъ—охотничья собака, въ частности борзая.

в ы к о п а т ь г л а з а—выколоть.

в ы с к о к ъ — скачокъ коня въ вышину.

в ы т ь — обѣдъ, ужинъ, всякая закуска.

в ы х о д ы — балконъ, идущій вокругъ дома (наружная галлерея).

в ы х о д ъ — скачокъ коня въ длину.

в ѣ щ и ц а—собственно, вѣдьма, оборотившаяся сорокою (Даль); обыч-

нѣс—эпитетъ сороки (за ея „болтливость“).

Гладкое слово—то же, что ласковое.
голзануть — скользнуть, поскользнуться.
голь кабацкая—пропоицы, оборванцы, кабацкіе „завсегдатели“.
гольяшный — м. б., то же, что „вальящатый“, „вальяшный“: рѣзной, украшенный рѣзьбою.
горючій камень—твердый камень (кремень), дающій искры при высѣканіи огня (источникъ горѣнія).
гридня—комната, покой.
гроза — не только угроза, но и самое наказаніе.
грѣшникъ—преступникъ.

Давень—давеча, тогда.
давѣ—то же, что „давень“.
даровья́—подарки.
добрѐ—очень.
дойти (кому) — прійтись, случиться.
долонь—ладонь.
до́-люби — достаточно, сколько нужно, угодно.
доставать—торопиться.
дружья́—дружина.
дѣдина—родъ по дѣду, происхожденіе; ср. отчина.

Жало (у копья)—острее.
жаро́вчатый—высокоствольный (дерево).
жарыкать—ударить на разстояніи копья.
животъ милъ — милый другъ, любовникъ.
жительство—осѣдлость; на жительство—постоянно.

Завести—начать.
за́водь—заливъ, плесъ на рѣкѣ, обычно заросшій тростникомъ.
завѣсистый — опускающійся низко на лобъ.
загануть, загонуть—загадать.
за́зорко—обидно, досадно.
зазыбаться—заколыхаться.
займище — мѣсто, занимаемое подъ пашню въ лѣсу, подлежащее расчисткѣ.
заселыщина — поселенецъ, поселянинъ; собственно, первый, поселившійся въ данномъ мѣстѣ (Даль).
засоваться—засуетиться.
засѣять—зачать.
за́очью—заглазно.
зарко—то же, что „зазорко“, зазорно.
за́тохоль—запахъ затхлымъ.
за́трессье—трясина въ болотѣ.
захамкать—зазѣвать.
захѣрить — зачеркнуть (ср. похѣрить).
зватое — сборъ за позывъ, приглашеніе.
здравствовать — желать здоровья.
здымать, здынуть — подымать, вынимать, вскинуть.
зубъ рыбій—моржевая кость.

Изнести сердце — потѣшить, удовлетворить желаніе.
изотчина—отчина (изъ отчины), отчество.
изрядный—выходящій изъ ряду вонъ, огромный (войско).
изученье — образованіе, воспитанность.
ископыть—слѣдъ на землѣ отъ копыта.

Калика — странникъ ко святымъ мѣстамъ, паломникъ.

камка́—шелковая ткань.

камчатный — изъ ткани шелковой съ разводами, обычно китайской.

клюша́—посохъ дорожный, то же, что клюка.

козаковать — ѣздить казакомъ въ полѣ ради боевыхъ подвиговъ; ср. поляковать.

колода — гробъ, также гробница.

коме́ль — конецъ дерева у корня.

копьемъ мять—бить копытомъ землю (о конѣ).

корба́—трущоба въ лѣсу.

корзни—корни дерева (?).

коро́лиха—королева.

косивчатый—то же, что „косящатый".

косицы—виски.

косящатое окно — окно, сдѣланное изъ дощатыхъ косяковъ съ колодами, въ отличіе отъ окна „волоковаго".

красоваться — хвастать, гордиться.

красовитый—красивый.

крашенъ—красивъ.

крестовая улица — перекрестокъ.

крестовый братъ — обмѣнявшійся съ кѣмъ крестомъ въ знакъ братства.

крестьянскій—то же, что „христіянскій".

кружало — питейное заведеніе, кабакъ.

крутешенько, круто — быстро, спѣшно.

кряковистый дубъ — кряжистый, коренастый, крѣпкій.

кувыль—то же, что ковыль.

купавый—красивый.

курева́, куревко́—пыль.

кустъ лѣса—группа деревьевъ, растущая гнѣздомъ.

куя́къ—чешуйчатыя латы.

Ла́стинье—дранки, щепки.

ликоваться — ласкать другъ друга, нѣжничать.

личико (у лаптей)—передокъ.

ложинушка—лужица.

ложня—спальня.

лозиночка—прутъ, щепка.

лохалище—лохань.

лѣпета́—румянецъ.

лѣсинка—вѣтка дерева.

Матерой—старый.

матица—балка, идущая поперекъ всей комнаты по потолку; въ общемъ—середина.

межённый—лѣтній.

меть—скачокъ, конская побѣжка, курцгалопъ.

миловать—ласкать.

могутный—могучій.

молитвиться—молиться.

мостово, -ва—пошлина за пользованіе мостомъ.

мостъ—полъ, также: мостовая.

муравленка печка—поливная, изразчатая, расписанная травами.

мурзамецкій — восточный, татарскій.

мурманка—то же, что „мурмолка" (шапка).

мѣрная верста—полная, цѣльная.

Наволеваться—пожить на волѣ, на свободѣ.

на́добье—снадобье; надобье здравое—цѣлительное.

на́долба—столбъ, свая.

назёмъ—навозъ.

накинуть службу — возложить, поручить.

накопъ—разъ.

налучище — футляръ для лука; въ немъ помѣщаются и стрѣлы.

на́полы—пополамъ.

напрасный — неожиданный, преждевременный; ср. выше — безнапрасный.

нарядъ—сбруя.

насадка—рукоятка.

настольная книга—то же, что грамота, которую посолъ подаетъ, кладя ее на столъ.

наугольная башня—угловая въ стѣнѣ города.

нонечу—ныньче.

нуньчу, нунечку—ныньче.

нынь—ныньче, теперь.

Обладиться—снарядиться,

облочкать — обтрепать, измочалить.

обневолить—осилить.

обнемъ—обхватъ, объемъ.

ободверина—притолока.

одёръ—кровать.

однорядка — верхняя, долгополая одежда.

одноконечная (въ о-ую)—безъ перерыва.

окарачь—скрючившись (о человѣкѣ), сѣвши на заднія ноги (о конѣ).

окатистый — крутой, обрывистый.

оконенка—оконная рама, переплетъ въ окнѣ.

окольные столы—стоящіе поблизости около главнаго стола на пиру.

оконничка — рама оконная со стеклами.

опальное платье — надѣваемое опальнымъ, потому—худое, плохое.

опочивъ держать—отдыхать.

опришно — то же, что „опричь“, кромѣ.

оставѐшъ—товарищъ, оставленный въ дорогѣ.

оставляться—отставать.

осдедь—слега, толстая жердь.

ослышаться—ослушаться.

отслабить – отпустить, перестать давить.

отчина—отчество, родъ, происхожденіе; ср. дѣдина.

охаживать (кулакомъ, дубиной)—колотить.

охвочій—охочій, любитель.

очувствовать — прійти въ себя, опамятоваться.

Па́робокъ—слуга, малый.

пельки — то же, что „перьки“.

перебродище—бродъ.

перепасться—испугаться.

пересмѣтина—результатъ счета, общій итогъ.

перить—оперять (стрѣлу), огородить перилами (крыльцо).

перьки—груди женскія.

пестрядиновый—изъ ткани (б. ч. пеньковой) пестрыми полосами.

печатная сажень—провѣренная, на концахъ которой оттиснуты орлы.

печь—горѣть, ярко свѣтиться.

пинать—толкать.

плаши—верхъ шапки или пластинки, изъ коихъ сдѣлана шапка.

плотъ—пристань.

плотный бой — борьба въ обхватъ.

пнуть—толкнуть (пхнуть).

побрататься—заключить братскій союзъ, обмѣнявшись съ побратимомъ, названнымъ братомъ, крестами.

повыздынуть, привыздынуть—поднять кверху, вытянуть.

поганый — не только нечистый, но также и некрещеный.
подвыстать—взлѣзть.
подлегчиться — подкрѣпиться пищею, также: стать легкимъ.
подрѣзывать — вырѣзывать (надпись).
подстолье — мѣсто подъ столомъ.
подсолнечникъ—зонтикъ.
пожня—не только лугъ, но и земля не паханная, цѣлина, обрабатываемая подъ пашню.
позваться — согласиться на просьбу, предложеніе.
позобать—ѣсть, клевать (о птицѣ).
пóиграть—обыграть.
показаться—понравиться.
покляпый—опустившійся внизъ обвисшій (береза).
поленица—богатырь, богатырка.
положить ни во что—не придать значенія, простить.
полонянка—плѣнница.
полтретья—два съ половиною.
полутридцать—двадцать пять.
поляковать — ѣздить по полю ради подвиговъ, богатырствовать.
пó-люби — по нраву, сколько угодно, любо.
помолкнуть — вмѣсто померкнуть.
по-нáдобью — сколько понадобится.
поправиться—справиться.
попротивиться — сражаться, биться.
порóспластать—разсѣчь.
портомойница—прачка.
порядный — удобный, подходящій.
поспѣхи—доспѣхи.
посыльный дворъ — посольскій, куда прибываютъ послы.
потнíкъ — часть сѣдла, подкладывается подъ сѣделку.
потóрчина—колъ.
похабный — юродивый, глупый, отсюда — скверный, позорный, срамной.
пощапка—щегольство.
правíльное перо — крайнее въ птичьемъ крылѣ.
прибыточный—удачный.
придерзанный — оборванный, истрепанный.
призáступить — подступить, сдѣлать ходъ (въ шахматной игрѣ).
призахвастаться — расхвастаться выше мѣры.
прирасхонуться — расхохотаться.
приспѣхи—то же, что доспѣхи.
прицѣлинка—то же, что „причаленка“: оконная рама, подоконникъ.
прищавиться—присниться.
прожиточный—зажиточный.
промыселъ — снасти, орудія промысла.
пропустить кровь—пролить.
просѣсть—провалиться.
протаможить—прописать свидѣтельство въ уплатѣ пошлины.
прощеніе—позволеніе, благословеніе.
прыскучій—то же, что рыскучій (звѣрь).
пѣть-жупѣть—пѣть тихо.
пѣхотою—пѣшкомъ.
пята — на пяту отворить дверь—настежь.
пятисотная верста—полная, въ пятьсотъ сажень.

Равно—справедливо.
разговаривать —уговаривать, усовѣщевать.

разрывчатый—упругій, крѣпкій (лукъ), м. б., раздвижной (подзорная труба).

разстанки, ро́зстани — мѣсто, гдѣ дороги расходятся въ разныя стороны; поэтому иногда — съ эпитетомъ „крестовскія".

раскорякой — раздвинувши ноги.

раскря́таться — разсыпаться, развалиться.

ременчатый стулъ—сидѣнье коего сплетено изъ ремней.

ровнакій — одинаковый, равный.

рога — концы у лука.

родина—родъ, происхожденіе.

ронить—опускать (паруса).

рудожелтый—желтокрасный.

ружье—оружіе.

рука—ручка, рукоятка.

рукавочки — рукавицы, перчатки.

рушить—рѣзать, разнимать (жареную птицу).

рында—стража, тѣлохранители.

рѣшиться—кончиться.

рядо́бный — по порядку, рядовой.

Семисотный—въ семьсотъ саженъ.

семья любимая—жена.

середа — полъ.

сиромъ — силой, насильно.

скатный жемчугъ — круглый по формѣ, ровный.

скорописчатый — быстро написанный.

скурлатъ — сукно (ср. скарлатъ).

слагаться—соглашаться.

сло́на сохатная—лось.

слука—лука сѣдельная.

снарядъ—нарядъ, снаряженіе.

сокрутиться — одѣться, собраться въ дорогу.

сорочинскій—сарацинскій, восточный вообще.

сосметать — то же, что сосчитать.

станичники—разбойники.

стопка, стопочка — деревянный гвоздь въ стѣнѣ для вѣшанія платья и проч.

стоялая конюшня—гдѣ стоятъ лошади.

страсть—ужасъ, испугъ.

стулъ—чурбанъ, колода.

су́земокъ—лѣсная глушь.

супротивный — подходящій, соотвѣтствующій (ср. противень).

сустичь—догнать, настичь.

сцапина—царапина.

счастки—счастье.

сыть—кормъ, ѣда.

сѣделышко—поясница.

Та́волга — кустъ изъ породы „Spirea".

творки—поступки.

темь—темя.

терять—губить.

тиронъ — камень драгоцѣнный (яхонтъ).

тисовый—изъ дерева тиса; смѣшивается съ „тесовый".

тожно—тогда, потомъ.

томный—усталый.

топище — пыль отъ топочущихъ коней.

торока́ — дорожныя сумки, пристегиваемыя къ сѣдлу.

трою́—трижды.

тулъ—колчанъ.

тунъ-трава — значеніе неизвѣстно.

тура — корзина съ землей: часть укрѣпленія.

туръ—дикій быкъ (зубръ).

тяги — борьба на тягахъ: вѣроятно, борьба, гдѣ борющіеся берутъ другъ друга за пояса; иначе: скоба у двери, крюкъ.

Убоище—битва, бой.
увѣтливый—привѣтливый.
угожество—умѣніе угодить.
угона—погоня.
укидаться—наброситься на что-либо, увлечься.
украйна—вообще: край, страна, область.
уланъ — татарскій всадникъ, татарскій чиновникъ.
улица—мѣсто внѣ дома; поэтому: на улицу—вонъ, изъ дому, изъ шатра.
уловное мѣсто — мѣсто встрѣчи (условленное), бойкое, проходное.
упалый—питающійся падалью.
урзамецкій—то же, что „мурзамецкій".
утаить себя—не говорить, быть скрытнымъ.
утопить глаза—потупить.

Хаймище—ротъ, пасть.
хоботы метать—плутать.
хоробрый—то же, что храбрый.
хру́щатый—шуршащій, хрустящій при движеніи (напр., шелковая упругая ткань).
хрящъ — крупный песокъ, щебень.

Чеботы́—башмаки и сапоги.
чепомбитіе — то же, что челобитіе (просьба, поклонъ).
чембуръ—ремень.
чере́вóстая—беременная.
черень—черенокъ ножа, ручка.
черкальскій—то же, что черкасскій.
черленый—то же, что червленный (красный).
чесануть—ударить.
чингалище—кинжалъ.
чумакъ — въ кабакѣ то же, что цѣловальникъ, подаетъ вино.

Шалыга—плеть, кнутъ.
шамахинскій (шемахинскій) шелкъ — хорошій сортъ шелка (изъ Шемахи).
шеенка—якорный канатъ.
шелепуга—плеть, кнутъ.
шеломя—холмъ.
ширинка—полотенце, ручникъ.
шишига—чортъ, сволочь.

Щапить, басить — щеголять, красоваться.
ща́пливый — щегольской, изящный.
щапъ—щеголь.
щепленье, -ньице (щапленье)—изящество, изящная походка, манеры, щегольство.
щетка, щеточка у коня—часть ноги, гдѣ подъ сгибомъ копыта пучокъ шерсти.

Языкъ—народъ.
яловица—телка.
яндома́ (-ва) — оловянная чашка для пива, браги.
яровчатыя гусли—изъ явора (яворчатыя), чинары.

УКАЗАТЕЛИ.

ИМЕНА МѢСТНЫЯ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ *).

*) Въ указатель не внесено имя Кіева, какъ обычное „общее" мѣсто былинъ.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ *).

*) Въ указатель не введены: 1) имена главныхъ богатырей въ былинѣ, помѣщаемыя вверху страницъ соотвѣтствующей былины, и 2) имя князя Владиміра, какъ общее для большинства былинъ, подобно названію Кіева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Всѣ репродукціи, помѣщенныя въ этомъ томѣ, какъ трехцвѣтныя, такъ и меццотинто, исполнены Т-вомъ скоропечатни А. А. Левенсонъ, въ Москвѣ.